

И. В. АРУТЮНЯН

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ  
И  
СКОТОВОДСТВО  
УРАРТУ









АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ



Н. В. АРУТЮНЯН

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ  
И  
СКОТОВОДСТВО  
УРАРТУ

Р III  
16621



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР  
ЕРЕВАН 1964

Ն. Վ. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ

ԵՐԿՐԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆԸ  
ԵՎ  
ԱՆԱՍՆԱՊԱՀՈՒԹՅՈՒՆԸ  
ՈՒՐԱՐՏՈՒՈՒՄ

1743

Работа посвящена изучению уровня развития ирригации, земледелия, садоводства-виноградарства и скотоводства древневосточного государства Урарту.

Вопросы сельского хозяйства рассмотрены по отдельным областям и районам. Работа выполнена на основании данных урартских и ассирийских клинописных источников, а также археологического материала.

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение вопросов земледелия и скотоводства государства Урарту и сопредельных территорий представляет интерес не только для истории экономики древней Армении, но и для интерпретации различных сторон хозяйства племен, населявших Закавказье, и древних цивилизаций Востока.

Давно уже назрела необходимость в специальных, обобщающих работах по земледелию и скотоводству Урарту. Однако, несмотря на имеющиеся специальные главы в работах, посвященных общей проблематике истории Урарту (Б. Б. Пиотровский, Г. А. Меликишвили, Г. А. Кананцян), или же на отдельные исследования, касающиеся ограниченного круга вопросов (Леман-Гаупт, В. Бельк, С. Тер-Аветисян, И. М. Дьяконов, А. А. Мартиросян, Н. Б. Янковская, Н. В. Арутюнян и др.), до сих пор нет ни одной монографической работы по затронутому нами вопросу. Тем не менее настоящая работа в известной мере опирается на исследования указанных авторов. Значение и характер этих исследований наглядно видны в процессе изложения соответствующих разделов нашей темы.

В предлагаемой работе специально изучаются вопросы развития ирригации, земледелия, садоводства-виноградарства и скотоводства. Источниками изучения темы являются: урартские и ассирийские клинообразные надписи, археологический материал из раскопок Тейшебани (Кармир-блур), Русахинили (Топрах-кале), Эребуни (Арин-берд) и т. д., а также остатки материальной культуры, сохранившиеся в виде ирригационных каналов, искусственных озер и т. п.

Указанные материалы далеко не одинаково освещают вопросы земледелия и скотоводства отдельных районов Армянского нагорья, что обуславливает неравномерную степень их изученности.

Более конкретные сведения в письменных источниках мы находим об урартской ирригации. Имеются многочисленные надписи, посвященные специально проведению ирригационных каналов, созданию искусственных озер и т. п. В некоторых случаях это подтверждается также остатками материальной культуры.

Несколько сложнее изучение вопросов, связанных с земледелием. Это объясняется тем, что урартские письменные источники почти не полагают специальными текстами, повествующими о посевах и видах зерновых культур, о способах обработки почвы и т. д. Лишь изредка,

в связи с созданием ирригационной сети, попутно, в общих чертах констатируется факт разбивки полей с посевами на тех или иных территориях, причем о видах посевов и занимаемой площади надписи умалчивают.

Известно, что урартские надписи повествуют лишь о тех ирригационных сооружениях, которые создавались в трудных условиях, с затратой большого времени и упорного труда. Несомненно, наряду с ними существовали также оросительные каналы, проведенные урартийцами без особых усилий, или же туземным (неурартским) населением, в связи с чем могли быть разбиты огромные посевные площади. Об этом в силу специфического характера урартских письменных источников мы ничего не знаем. Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что в ряде горных районов, очевидно, имелась посевы, основанные не на искусственном орошении, а на атмосферных осадках.

Если к сказанному добавить, что урартские победные тексты, как правило, умалчивают о захвате зерновых и других сельскохозяйственных продуктов во вражеских странах (ср. данные ассирийских источников), то станет вполне понятным, что наши знания по целому ряду вопросов урартского земледелия все еще остаются весьма ограниченными.

Тем не менее имеются специальные урартские надписи, свидетельствующие о сооружении громадных зернохранилищ в разных районах Ванского царства—в центре и на периферии. До сих пор обнаружено всего шесть таких надписей, которые хотя не дают достаточного представления о сельскохозяйственных областях и районах на обширной территории Урарту, однако могут явиться весьма надежными источниками для суждения об уровне развития урартского земледелия. Этому в известной степени способствует обнаружение самих зернохранилищ или же зерновых остатков, сельскохозяйственных орудий и т. д. в урартских крепостях Тейшебани, Эребуни и Русахинили.

Сведения несколько иного характера об урартском земледелии приводятся в ассирийских клинописных источниках. В них, в отличие от урартских надписей, в победных текстах, вслед за упоминанием о покорении урартских областей и поселений, говорится о получении (в качестве дани) или же о захвате богатых запасов пшеницы и ячменя, о прокорме ассирийских войск «ячменем без счета», о вывозе этих богатств в Ассирию на конях, мулах, верблюдах и т. д. Правда, в ассирийских источниках, за исключением одного-двух случаев, также не упоминается о площадях, занятых под посевы, или же о количестве захваченных запасов зерновых культур, однако уже то обстоятельство, что эти сведения сопутствуют покорению многочисленных стран и областей, создает определенные предпосылки для выявления немалого количества сельскохозяйственных территорий государства Урарту и подвластных ему других политических единиц.

Таким образом, сведения урартских и ассирийских письменных источников, с одной стороны, и археологический материал, обнаруженный в урартских крепостях, с другой—выгодно дополняют друг друга и соз-

дают определенные перспективы для установления целого ряда земледельческих районов, расположенных то рядом, то в разных концах обширной территории государства Урарту, а также для определения видов и количества зерновых культур, высевавшихся и регулярно накапливавшихся в громадных зернохранилищах. Кроме того, имеются некоторые данные о способах обработки почвы, сбора урожая и т. д.

Несколько лучше обстоит дело с изучением вопросов урартского садоводства и виноградарства, основными источниками для которого являются клинообразные надписи и археологический материал. Известно, что данные отрасли хозяйства на территории Армянского нагорья в эпоху Урарту (равным образом и в настоящее время) в силу специфических климатических условий невозможно было интенсивно развивать без искусственного орошения. Вот почему письменные источники, упоминая о сооружении искусственных озер, ирригационных каналов и т. п., одновременно повествуют о разбивке фруктовых садов и виноградников, в связи с чем создавались многочисленные кладовые в урартских крепостях для хранения громадных запасов вина. Урартский археологический материал, кроме кладовых для вина с карасами, на которых клинописью обозначены меры их емкости, представлен в виде косточек разнообразных сортов винограда, фруктов и огородно-бахчевых культур. Что касается ассирийских письменных источников, то в них содержатся некоторые сведения косвенного порядка о получении в качестве дани вина, а также о предании огню фруктовых садов и виноградников во время завоевания урартских областей.

Гораздо труднее дается изучение вопросов скотоводства, так как археологический материал, относящийся к урартскому скотоводству, представлен довольно скудно; к тому же он относится в основном к крупному рогатому скоту. Что касается письменных источников, то они большей частью носят общий характер и поэтому не содержат конкретных сведений о состоянии скотоводства в тех или иных урартских областях. Представление об этом мы составляем, как правило, косвенным путем из победных надписей. Следует сказать, что имеется существенная разница между урартскими и ассирийскими письменными источниками. Хотя урартские надписи содержат довольно конкретные данные о количестве унганного скота из завоеванных территорий, однако все это в основном приводится в суммарном виде, в конце описания походов данного года. Стало быть, эти сведения относятся к различным странам и племенным объединениям. Это создает значительные препятствия при разграничении данных о скотоводстве отдельных географических единиц.

Несколько иной характер имеют ассирийские письменные источники. Хотя они не так редко повествуют об угоне скота из той или иной страны, однако, за отдельными исключениями, в них, как правило, нет указания на количество унганного скота. По этой причине из ассирийских источников мы получаем общее представление не об уровне развития скотоводства в различных областях, а лишь о видах выращивавшегося там скота (коней, верблюдов, мулов и т. д.), не говоря уже о том, что часто

даже невозможно установить и такие данные, так как во многих надписях довольно абстрактно повествуется о получении «дани» и «подати» или же о захвате «богатства» и «имущества». Что же подразумевается под этими общими словами—очень часто трудно объяснить.

Однако при комплексном изучении урартских и ассирийских письменных источников мы старались воссоздать общую картину состояния скотоводства в отдельных крупных областях или же в группе стран и поселений, хотя этим интересующая нас проблема не вполне исчерпывается.

Характерно, что сведения об ирригации, садоводстве-виноградарстве, отчасти также земледелии, как правило, содержатся в одних и тех же урартских письменных источниках. Это свидетельствует о том, что на большей территории Армянского нагорья невозможно было интенсивно заниматься разбивкой фруктовых садов и виноградников, а также полей с посевами без надлежащего искусственного орошения. С другой стороны, сведения о тех или иных отраслях животноводства выступают в одних и тех же текстах, в неразрывной связи друг с другом. При этом урартские летописные тексты, отчасти и ассирийские письменные источники, как правило, приводят суммарные сведения, указывая лишь общее количество скота, угнанного с территории сразу целого ряда стран и областей. Поэтому при рассмотрении вопросов ирригации, садоводства-виноградарства и земледелия, с одной стороны, и разграничении данных о скотоводстве в отдельных странах и областях, с другой—приходится неоднократно обращаться к одним и тем же источникам, в связи с чем некоторые повторения становятся неизбежными. Именно по этой причине мы вынуждены были в основном тексте отказаться от выделения отдельных разделов для разных отраслей животноводства (в частности коневодства), считая целесообразным рассмотреть эти отрасли в заключительной части нашей работы.

Для воссоздания более или менее четкой картины различных отраслей сельского хозяйства в отдельных урартских областях и странах за основу взят территориальный признак. В то же время при изучении уровня развития земледелия, скотоводства и т. д. в разные периоды истории Урарту в процессе изложения материала соблюден, по мере возможности, хронологический порядок.

Естественно, что выполнение настоящей работы было бы невозможно без необходимого представления о локализации стран и областей, упоминаемых в текстах. Поэтому в комментариях автор широко использовал мнения других специалистов и отчасти свои собственные соображения по данному вопросу.

Внимание автора было сосредоточено главным образом на выяснении ареалов земледелия и скотоводства, а также уровня их развития. Он убежден в том, что при современном состоянии изученности вопросов сельского хозяйства Урарту и сопредельных территорий это одна из первоочередных задач. Что касается вопросов социально-экономической истории, то они затронуты в работе постольку, поскольку это позволяют

весьма скудные письменные источники и археологический материал, разработанные советскими специалистами (Г. А. Меликишвили, Н. М. Дьяконов, Б. Б. Пиотровский, А. А. Мартиросян). Сюда отчасти включены также наши собственные соображения.

Автор старался проявлять осторожность в интерпретации источников и воздержаться от «обильных» выводов при отсутствии полноценных доказательств.

Некоторую схематичность отдельных частей и разделов работы следует объяснить односторонностью сведений, содержащихся в клинописных источниках. Это больше всего сказывается в изложении вопросов скотоводства, потребовавших громадных усилий, особенно при анализе сложных и трудоемких источников.

Скудость и трафаретность письменных источников и археологического материала часто ставят исследователя в затруднительное положение при разрешении интересующих его вопросов. Можно надеяться, что новые материалы, обнаруживаемые при раскопках, все больше уяснят нам многие спорные вопросы урартского земледелия и скотоводства. Понятно, что автор не претендует на исчерпывающую полноту изученной им темы. Напротив, если его попытка в состоянии создать хотя бы некоторые предпосылки на пути всестороннего изучения вопросов сельского хозяйства, особенно скотоводства Армянского нагорья в эпоху Урарту, то время и энергию, затраченные им при выполнении этой важной темы, автор с благодарностью будет считать достойным вознаграждением своих усилий.



## ГЛАВА I

# И Р Р И Г А Ц И Я

### Природные условия

Армянское нагорье занимает высокий горный массив в северо-западной части Передней Азии, между Малоазиатской и Иранской возвышенностями. Средняя высота нагорья составляет примерно 1500—1800 м над уровнем моря.

Рельеф, растительность и климат разных районов и областей Армянского нагорья отличаются друг от друга довольно большим разнообразием. Наряду с высокогорными районами, Армянское нагорье имеет ряд низменных территорий и долин, которые обладают весьма благоприятными природными условиями и плодородием почвы, способствующими интенсивному развитию земледелия. Среди них особенно отличаются Мушская, Маназкертская, Эрзерумская, Ширакская равнины, Араратская низменность и т. д. И хотя на Армянском нагорье выпадает несколько больше осадков, чем, например, в соседней центральной Анатолии (в среднем 400—500 мм в год)<sup>1</sup>, тем не менее на большей части его территории невозможно интенсивно развивать земледелие без надлежащего искусственного орошения. Следовательно, водные ресурсы нагорья как в древности, так и в настоящее время имеют первостепенное значение для развития земледелия, садоводства и других отраслей сельского хозяйства. Так что «не существует никаких причин,—как заметил Линч,—которые могли бы препятствовать этой стране покрыться полями, зелеными пастбищами и лесами, при условии более обильных дождей и более щедрого орошения»<sup>2</sup>.

С вышеуказанной точки зрения важно отметить, что территория Армянского нагорья обладает довольно большими водными ресурсами для проведения ирригационных сооружений и, следовательно, для развития земледелия. Этому способствует также климат страны.

На территории Армянского нагорья берут начало самые большие реки Передней Азии—Евфрат и Тигр.

<sup>1</sup> Е. Ф. Лудшувейт. Турция, М., 1955, стр. 31.

<sup>2</sup> Х. Ф. Б. Линч. Армения, II, Тифлис, 1910, стр. 522

Западный Евфрат (Кара-су) стекает со склонов Дюмлю-дага. Несколько северо-западнее истоков западной ветви Евфрата берет свое начало река Чорох, впадающая в Черное море у его юго-восточного угла. Бассейн Чороха отличается умеренным климатом; чрезвычайно богат лесами. Население занимается виноградарством и садоводством, отчасти и земледелием<sup>3</sup>.

Восточный Евфрат (Арацани, совр. Мурад) берет начало в окрестностях Днадина, близ основания системы Арарата, и протекает через Маназкертскую и Мушскую плодородные низменности, принимая в себя следующие главные притоки: Бингель, Гунек, Кегн (ранее Гайл) и Музур. Несмотря на то, что Мушская равнина имеет благоприятные условия для разведения виноградников и хлебных злаков, тем не менее большая часть ее (у берегов Арацани) покрыта болотами. Следовательно, постройка сложной сети ирригационных сооружений способствовала бы интенсивному развитию земледелия и садоводства на этой территории.

Что касается реки Тигр, то она в верхнем своем течении лениво разливается по обширным низменностям Днярбекира, в то время как около сел. Хасан-Кейф, когда принимает приток Бохтан, становится полноводной и быстроходной. Затем, несколько ниже Джебзире, кратковременная кипучая ее деятельность снова стихает, и она спокойно прокладывает себе путь вплоть до Персидского залива.

В центральной части Армянского нагорья, наряду с Арацани, надо отметить реку Аракс, которая течет в противоположную Арацани сторону, т. е. с запада на восток, и впадает в реку Куру.

Аракс (в древности Ерасх), одна из больших рек Армянского нагорья, длиною 914 км, берет свое начало на северных склонах горного массива Бюракан. В верхнем своем течении, где она протекает по глубокому Кагызванскому ущелью, называвшемуся в древности Ерасхадзором («Ерасхское ущелье»)<sup>4</sup>, Аракс имеет характерный облик горной реки. Принимая в себя слева реку Ахурян, она прокладывает себе путь далее по обширной и плодородной Араратской равнине, высота которой над уровнем моря составляет в среднем около 800 м. Здесь в нее впадают Касах, Раздан и Азат. В долине Аракса, между Сардарабадом (нынешним Октемберяном) и Джульфой, по левобережной стороне реки, расположены обширные виноградники и фруктовые сады. Плодородие этой местности, как и всей Араратской низменности, обеспечивается искусственным орошением, что обуславливается в основном регулярным и интенсивным использованием богатых ресурсов главной водной артерии низменности—Аракса. «Эта долина, (долина, расположенная между Октемберяном и Джульфой.—Н. А.),—пишет Линч,—вероятно, самая сухая во всем Закавказье. Даже в Александрополе (нынешнем Ленинкане.—Н. А.) ежегодно выпадает почти в три раза больше дождя, чем в окрестности Арарата»<sup>5</sup>. Особым плодородием (хлебные злаки) отли-

<sup>3</sup> *История Армении*, т. I, стр. 22—23.

<sup>4</sup> «История армянского народа». I, Ереван, 1951, стр. 4.

<sup>5</sup> Х. Ф. Б. Линч. Армения. I, Тифлис, 1910, стр. 566.

чается местность, где была расположена древнеармянская провинция Ширак, по которой пробивает себе путь к Араксу Ахурян. Эта территория еще с исторических времен постоянно являлась одной из житниц Армении.

На Армянском нагорье отличается также река Раздан, берущая свое начало из высокогорного озера Севан, у его северо-западного угла, и впадающая в реку Аракс. Раздан известен еще с урартского времени под названием Илдаруинна (по клинописным источникам) и как в ту отдаленную эпоху, так и в настоящее время служит полноценным источником для ирригационных целей.

Армянское нагорье имеет три больших озера, расположенных в виде треугольника. Среди них озеро Ван, находящееся на высоте 1720 м над уровнем моря, занимает площадь в 3764,5 кв. км<sup>6</sup>. Вода озера насыщена содой и непригодна для питья и орошения. Особо отличаются его восточный и северо-восточный берега своим мягким климатом и плодородной почвой. Развитию здесь земледелия и скотоводства способствует использование в целях орошения вод горных речек, стекающих к озеру. В озеро Ван впадает более 30 рек<sup>7</sup>. Главные из них—Эришат, Бендимахи, Мармед и Хошаб впадают в восточную часть бассейна. Несколько небольших рек вливаются в дельту ниже старого Ахлата, а близ соседней деревни Кармуч в озеро впадает каскадами довольно полноводная река, служащая, вероятно, стоком части вод равнины между Нимрудом и озером Назик. И если вода Ванского озера соленая и непригодна для орошения, то впадающие в него многочисленные реки служат полноценными источниками для обеспечения ирригационных нужд районов и областей, лежащих в бассейне озера. Б. Б. Пиотровский указывает на то существенное обстоятельство, что возникновение столицы урартского государства Тушпы именно на этой территории, т. е. на восточном побережье озера Ван, не является случайным<sup>8</sup>.

Второе крупное озеро Армянского нагорья—Урмия лежит на высоте 1250 м над уровнем моря. Вода озера, в отличие от озера Ван, насыщена солью и также непригодна для питья и орошения. Низменные берега озера благоприятствуют развитию земледелия и садоводства. Этому способствуют водные ресурсы впадающих в него рек. С этой точки зрения привлекает внимание территория, лежащая к северу от озера Урмия, которая издревле, начиная еще со времен господства урартийцев, отличалась великолепными ирригационными сооружениями и чрезвычайно плодородной почвой.

Третьим большим озером Армянского нагорья является высокогорный Севан, расположенный на высоте 1916 м над уровнем моря. Он отличается от предыдущих двух озер как по величине (сравнительно меньшей), так и по качеству воды. Вода озера пресная, пригодная для питья и орошения. Берущая свое начало из озера река Раздан еще

<sup>6</sup> Е. Ф. Лудшувейт. Турция. 1955, стр. 33.

<sup>7</sup> Ук. соч., стр. 363.

<sup>8</sup> Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 190.

с древнейших времен широко использовалась в целях орошения; от нее и был проведен, как увидим ниже, урартский канал Умешини, о котором упоминает Звартноцкая надпись Руса, сына Аргинти—основателя урартской крепости Тейшебани (Кармир-блур), и по руслу которого в настоящее время текут воды Эчмиадзинского канала.

Климат Армянского нагорья отличается довольно большой разнообразностью, что обуславливает разнообразие его растительности. Суровый климат имеет особенно северо-западная часть нагорья, в частности Эрзерумское плато, которое, хотя и отличается продолжительными суровыми зимами (иногда 7—8 месяцев), однако имеет чрезвычайно плодородную почву и богатые водные ресурсы. Поэтому сплошь и рядом на равнинах Алашкерта и Басена, в долинах Тортума, Байбурта и Ерзика едят всевозможные хлебные злаки и разводят обширные фруктовые сады<sup>9</sup>.

В отличие от северо-западной, юго-восточная часть Армянского нагорья, в частности районы, лежащие к востоку и юго-востоку от озера Ван, отличается кратковременными зимами, довольно мягким климатом и плодородной почвой. Особым плодородием выделяются город Ван и лежащие к востоку от него районы: с юго-востока—долина реки Хошаб в Айюц-дзоре и т. д. Здесь растут хлебные злаки, виноградники и фруктовые сады.

Низменные районы Армянского нагорья отличаются сухим климатом и довольно жарким и знойным летом, следовательно, искусственное орошение является весьма необходимым условием для развития там земледелия.

Вот как, образно и правдиво, характеризовал Линч особенности природных условий Армянского нагорья еще в первом десятилетии XX века:

«Не притягиваемые ничем облака не спускаются на землю, и небо хмурится, не давая ни капли дождя. Страна облита ярким светом и, вымощенная вездесущей лавой, раскаляется, как печь, под неумолчными лучами солнца. Зимой свет ослепителен, благодаря снежному покрову, который, впрочем, обыкновенно не очень глубок. Но все это не такие недостатки, с которыми невозможно было бы бороться, и если бы только животное человек было бы... Армения превратилась бы в почти идеальную житницу для своего народа. Крепительный горный воздух, суровые, но здоровые зимы и всегда прохладные летние ночи; южное солнце, большие реки, огромные пространства хлебной земли, обилие минералов—такие благодетельные и утонченные достоинства страны должны бы развивать силу в человеке, питать материальным достатком рост окрыленного его духа и заставить его расцвести под щедрым светом, подобно цветку»<sup>10</sup>.

Вышеприведенный фрагментарный обзор природных условий Армянского нагорья наглядно показывает, что разные районы и территории нагорья отличаются довольно большой разнообразностью, что в

<sup>9</sup> П. Го. Վանի, Բիթլիսի և Երզրումի գիւղերը, Երևան, 1912, էջ 4, 158—152:

<sup>10</sup> Х. Ф. Б. Линч. Армения. II. Тифлис, 1910, стр. 523.

известной мере обуславливает и разнообразие форм хозяйства. Исходя из этого, Б. Б. Пиотровский приходит к весьма убедительному выводу о том, что «...низменные плодородные области способствовали развитию земледелия, в то время как высокогорные луга—скотоводства. Это повлекло за собою и естественное разделение труда между низменными и горными районами, преобладание земледелия в долинах и низменностях и скотоводства— в горах»<sup>11</sup>.

Как археологический материал, так и клинописные памятники свидетельствуют о том, что природное разнообразие Армянского нагорья сыграло весьма существенную роль в определении основной формы хозяйства—земледелия или скотоводства в различных его районах. Следовательно, при рассмотрении вопроса о развитии той или иной отрасли хозяйства речь может идти лишь о преобладании одной из них в каждом данном районе, так как на территории Армянского нагорья почти нет таких районов, где население могло заниматься либо только земледелием, либо скотоводством<sup>12</sup>.

Таким образом, ирригация на территории древнего Востока, в том числе на всей территории Армянского нагорья, имела первостепенное значение для интенсивного развития земледелия, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства. Вот почему Фр. Энгельс в письме, адресованном К. Марксу, затрагивая вопросы восточного земледелия, заключал: «Земледелие здесь построено главным образом на искусственном орошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти»<sup>13</sup>.

На важность ирригации для восточного земледелия указывал также К. Маркс в статье «Британское владычество в Индии». Он обратил внимание на то весьма существенное обстоятельство, что в Азии с незапамятных времен «условия климата и почвы, особенно огромные пространства пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия. Подобно тому как в Египте и Индии пользуются наводнениями для орошения полей, точно так же в Месопотамии, Персии и других странах пользуются высоким уровнем воды для того, чтобы наполнять водой оросительные каналы<sup>14</sup>. При этом «...элементарная необходимость экономного и совместного использования воды... на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелеительно требовала вмешательства централизу-

<sup>11</sup> Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 191; он же, Ванское царство (Урарту). М., 1959, стр. 133.

<sup>12</sup> Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 191—192; он же, Ванское царство (Урарту). М., 1959, стр. 133.

<sup>13</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Том XXI, М., 1932, стр. 494.

<sup>14</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Том IX, М., 1933, стр. 347—348.

щей силы правительства, а именно функцию организации публичных работ»<sup>15</sup>.

В. И. Ленин подчеркивал особое значение ирригации для советского Закавказья. В письме, адресованном коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики, Ленин писал: «Всеми силами развить... производительные силы богатого края, белый уголь, орошение. Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало... Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»<sup>16</sup>.

В свете этих указаний понятна та неустанная забота, которую проявили издревле урартийцы и их наследники об ирригационных нуждах разных районов и областей Армянского нагорья. Каналы и другие виды ирригационных сооружений были построены ими как в центральных областях нагорья, так и на периферии.

Насколько грандиозны и мощны были эти ирригационные объекты, видно хотя бы из того факта, что некоторые из них полностью или частично сохранились вплоть до наших дней, а следы и остатки многих других сплошь и рядом прослеживаются в районах обнаружения клинообразных надписей, повествующих о создании искусственных озер, проведении каналов и т. д. Вот почему к выдающимся памятникам древности, которые урартийцы успели оставить, знаменитый советский историк Б. А. Тураев причисляет также ирригационные сооружения<sup>17</sup>.

Приведенные сведения о природных условиях Армянского нагорья показывают в общих чертах неопределимое значение ирригации и возможности сооружения здесь различных оросительных каналов для интенсивного развития земледелия, садоводства, виноградарства и некоторых других отраслей хозяйства.

Завершая фрагментарный обзор природных условий Армянского нагорья<sup>18</sup>, остановимся прежде всего на ирригационных сооружениях, созданных урартийцами в центральных областях Ванского царства.

## 1. КАНАЛЫ ДЛЯ ГОРОДОВ ТУШПА-РУСАХИНИЛИ И УЛХУ

Среди ирригационных сооружений, созданных урартийцами в центральных областях древневосточного государства Бианнили-Урарту, особое место занимает канал царя Менуа, подводивший питьевую и оро-

<sup>15</sup> Там же, стр. 348.

<sup>16</sup> В. И. Ленин. Соч. Изд. IV, том 32, стр. 296—297.

<sup>17</sup> Б. А. Тураев, История древнего Востока. Т. II, Л., 1935, стр. 36.

<sup>18</sup> Подробные сведения о природных условиях Армянского нагорья см.: Х. Ф. Б. Липич, Армения. I (Тифлис, 1910), стр. 536—567; II (Тифлис, 1910), стр. 55—57, 494—525.

ительную воду к столице государства—Тушше. Согласно письменным источникам, Менуа был первым урартским правителем, уделявшим неустанный внимание ирригационным нуждам государства, причем подобные мероприятия осуществлялись им в центральных областях. И хотя о времени проведения Тушшинского канала в настоящее время мы не располагаем точными сведениями<sup>19</sup>, тем не менее почти несомненно, что это относится к самому начальному периоду правления Менуа, т. е. к концу IX в. до н. э. Это можно объяснить тем обстоятельством, что Менуа, естественно, первым делом должен был позаботиться об обеспечении ирригационных и других потребностей столицы своего государства и окружающих ее районов.

До нас дошли два десятка клинообразных надписей царя Менуа, сообщающих о сооруженных им ирригационных каналах, которые обеспечивали развитие земледелия, садоводства и виноградарства в разных районах и странах Ванского царства. Весьма характерно, что из общего числа упомянутых надписей четырнадцать повествуют лишь о сооружении знаменитого Тушшинского канала.

Канал Менуа является выдающимся памятником Ванского царства и изумляет не только своей сохранностью, но и величиной и техникой проволки.

Отец армянской историографии Мовсес Хоренаци (V век н. э.) построение города Вапа и высеченные там на скалах клинописные надписи, как и проведение канала Менуа, почему-то приписывает легендарной ассирийской царице Шамирам. Отсюда и исходит современное название канала. По этому поводу в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци сказано:

«Осмотрев многие места и дошел с восточной стороны до берега соленого озера<sup>20</sup>, Шамирам увидела близ берега озера продолговатый холм с легким скатом с северной стороны, тянувшийся в протяжении своем к закату; на юге же находилась пещера, прямо и отвесно обращенная к небу. Поодаль от нее, на полуденной стороне, долина раскинулась поляной на востоке от горы и спускалась к берегу озера в виде красивой и широкой долины. По этим местам текли студеные воды, которые, низвергаясь с горы, сочась и струясь из лощин, долин и расселин, находящихся у оснований гор, и, стекаясь в одно, разливались, как пышные реки. И немало было в этой небольшой долине селений, построенных направо и налево от вод. На востоке от холма, приглянувшегося (царице), была небольшая гора.

Здесь-то сладострастная, с мужавым духом Шамирам остановила свой взор и дала приказание привести немедленно на желанное (это) место из Ассирии и других подвластных (ей стран) двенадцать тысяч простых работников и шесть тысяч из ее мастеров искусных резчиков на дереве, камне, на меди и железе, знающих в совершенстве свое искус-

<sup>19</sup> В случае обнаружения летописи на имя этого царя возможно было, по-видимому, восполнить этот пробел.

<sup>20</sup> Мовсес Хоренаци имел в виду озеро Ван.



ство. Повеление царицы с точностью было исполнено: немедленно приведена разнородная толпа работников и много искусных совершенных художников.

Прежде всего Шамирам приказывает строить речную плотину из огромных диких камней, вместе сплоченных посредством извести и песку — на безмерную ширину и высоту, что, как говорят, твердо стоит до настоящего времени. В расселинах этой плотины теперь, как слышно, скрываются беглецы и разбойники той страны, живущие в них, как в пещерах высоких гор.

Напрасны были бы усилия того, кто пытался бы вынуть из этой постройки камешек, годный для пращи. Глядя на искусную спайку камней, кажется, видишь перед собой разлитое (растопленное) сало. Так провела Шамирам эту плотину на протяжении многих стадий до места, назначенного для города».

Затем описывается постройка самого города, который Мовсес Хоренаци называет «дивным», с «крепчайшими стенами и медными воротами». Внутри города строится множество дворцов — двухэтажных и трехэтажных. Часть канала проводится по городу для разных нужд — орошения садов и цветников, а другая часть — по берегам озера, для орошения города и всех его окрестностей. Восточная, северная и южная стороны города украшаются вилами, ветвистыми деревьями, отличающимися друг от друга плодами и листвой; сажается также множество виноградных лоз, плодоносных, обильно обещающих вино<sup>21</sup>.

Несмотря на плодородную почву, все же, как указывает М. Хоренаци, искусственное орошение имело чрезвычайно большое значение для интенсивного развития земледелия и садоводства на восточном побережье озера Ван. И канал Менуа способствовал разведению здесь полей с посевами, виноградников и фруктовых садов.

Русло этого знаменитого канала и окружающие его местности впервые исследовал В. Бельк еще в конце XIX столетия<sup>22</sup>. Источником канала служили многочисленные родники в скалах, у сел. Верхний Мжикерт, к югу от реки Хошаб, впадающей в озеро Ван у его юго-восточного угла. Эти родники бьют из нескольких трещин скалы на протяжении 30—40 м, притом, по подсчетам Белька, в октябре они дают примерно 1500 литров воды в секунду, а весной это количество увеличивается почти вдвое. Река Хошаб находится в 5 км от истоков канала «Шамирам», причем сохранившиеся следы довольно ясно указывают на то, что воды родников до проведения канала стекались прямо в реку Хошаб. Расстояние между городом Ваном и истоками канала по прямой линии составляет 70 км, но если учесть, что канал на своем протяжении проходит по весьма неровным местностям, особенно начиная с сел. Нижний Мжикерт, в связи с чем часто приходилось менять направление канала для облегчения его проводки, то выходит, что общая длина канала должна была составлять

<sup>21</sup> Моисей Хоренский. История Армении (перевод Н. О. Эмина). М., 1893, кн. I, глава 16.

<sup>22</sup> W. Belck, S. F. Lehmann. ZE, XXIV, II Heft, Berlin, 1892, стр. 137 сл. См. также Lehmann-Haupt, Armenien, II, I, стр. 95—109.

несколько больше, чем прямое расстояние от истоков канала до города Вана, куда окончательно поступают его воды. И, естественно, общая длина этого грандиозного канала составляет около 80 км.

Известно, что, кроме города Вана, канал Менуа обеспечивал и до сих пор обеспечивает орошение многих посевных площадей, виноградных и плодовых садов древней армянской провинции Айоц дзор («Армянское ущелье»), а если иметь в виду, что русло протекающей по этой территории реки Хошаб настолько ниже уровня поверхности земли, что водами ее в целях орошения могут пользоваться не более 6—7 расположенных вдоль нее селений<sup>23</sup>, то станет ясно, какое большое значение могло иметь сооружение канала для орошения посевных площадей данной территории. Между тем канал Менуа, берущий свое начало у подножья так называемой горы «Сары пулак» горной цепи Артос, расположенной на юге Айоц дзора, берет направление с юга на север и обеспечивает ирригационные потребности населения около 25 селений одной лишь указанной территории. Все приведенное говорит о том, что трудно переоценить значение этого грандиозного сооружения, предназначенного для удовлетворения ирригационных нужд города Тушпы и районов, расположенных к востоку и юго-востоку от озера Ван.

Неподалеку от устьев канала имеется небольшое озеро площадью около 18—20 кв метров, довольно глубокое и окруженное громадными камнями разнообразной формы, причем заметно, как из дна озера бьют родники. Воды, стекающие из устьев канала, впадают в этот резервуар и затем продолжают движение в направлении селения Верхний Мжикерт. Было высказано предположение, что по существовавшей в то время традиции правитель Менуа, проводивший канал, должен был оставить у его устьев клинообразную надпись как свидетельство о проведении канала. И в самом деле, английский консул в Турции Девей еще в 1891 году сообщил В. Бельку, что у устьев канала, на скале, он видел большую, но поврежденную надпись. Однако поиски в этом направлении, предпринятые В. Бельком, как и Леман-Гауптом, не увенчались успехом.

Расстояние между вышеупомянутым озерком и селением Верхний Мжикерт составляет всего 0,5 км, однако у этого селения канал становится настолько полноводным, что мог привести в действие мельницы, так называемые Чыл-аш (по курдски «сорок мельниц»). Эти водяные мельницы были построены на северной стороне сел. Верхний Мжикерт и расположены на противоположных бережьях канала, по 20 мельниц на каждой стороне. По свидетельству С. Тер-Аветисяна, исследовавшего русло канала, до первой мировой войны из этих мельниц действовало лишь 17<sup>24</sup>. В настоящее время мы не располагаем достоверными сведениями о том, существовали ли в ту древнюю эпоху подобные водя-

23 *Մ. Տեղ-Ա. Գեղամյան, Արարատիան Սարգսիոր Մեծուան 1-րդ հանուցած Շամիրտ-ձի չրտնցրր, «Տեղեկագիր» ՍՍՍՄ ԳԱ Տաղիտեան Փիլիալի, 1941, № 3—4 (8—9), էջ 38:*

24 Там же, стр. 38.

ные мельницы как у берегов канала, так и на других богатых водными ресурсами территориях Урартского государства. Известно лишь, что в Историческом музее Грузии хранится древний каменный жернов, происходящий с горы Вараг. По предположению Г. В. Церетели<sup>25</sup>, возможно, он относится к урартской эпохе. В связи с этим Б. Б. Пиотровский полагает, что если указанный жернов относится к урартскому времени, то он может быть лучшим свидетельством существования в Ванском царстве водяных мельниц<sup>26</sup>.

Воды Тушинского канала, разветвляясь у Верхнего Мжикерта и приводя в движение мельницы, снова смешиваются и продолжают движение по основному руслу канала. На этом месте находится армянское селение Харнурд («мешанина»). Несомненно это селение получило свое название от того, что именно возле него смешиваются разветвленные воды для приведения в действие мельницы.

После селения Харнурд воды канала Менуа устремляются с юга на север, к реке Хошаб, которая на этом месте течет с востока на запад, к озеру Ван. Доходя до упомянутой реки, канал проходит по бревенчатому мосту через реку и несколько погодя меняет направление на запад, в сторону города Вана. Местные жители этот мост называют «Крестным» по той простой причине, что через него канал «Шамирам» перпендикулярно пересекает реку Хошаб. Мост имеет высоту около 3 м при длине 14—15 м и ширине 3 м. На правом побережье канала расположено селение Нижний Мжикерт, на окраине которого, на расстоянии 15 м от канала, встречается высеченная на скале первая клинообразная надпись царя Менуа, повествующая о проводке канала. Хотя надпись довольно сильно пострадала, тем не менее поддается восстановлению<sup>27</sup>. Надпись Мжикерта, состоящая из четырнадцати строк, повествует: «Могуществом бога Халди Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел. «Канал Менуа»—имя (его). Величием бога Халди Менуа—царь могущественный, царь великий, царь страны Бианнили, правитель Тушпа-города». Затем следует формула проклятия: «Менуа говорит: кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто кого-нибудь заставит совершить эти (дела), кто другой скажет: «я этот канал провел»,—пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его под солнцем...»<sup>28</sup>.

Исследователи согласны в том, что если надпись, повествующие о проводке канала, появляются лишь начиная с сел. Мжикерт, то это обстоятельство объясняется тем, что как раз с этого места прокладка канала представляла большие трудности. И в самом деле, местность, по которой проходил канал, начиная с устьев канала вплоть до Мжикерта, несравненно ровнее, и прокладка его по этой местности не вызывала особых затруднений, если не считать акведука на реке Хошаб. Зато после Мжикерта канал почти постоянно проходит по весьма неровным мест-

<sup>25</sup> Г. В. Церетели, УПМГ, стр. 63.

<sup>26</sup> Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 195.

<sup>27</sup> Эта надпись по содержанию совпадает с надписью УКН, 43, происходящей из Катанаш и повествующей опять-таки о постройке этого канала.

<sup>28</sup> УКН, 45, стр. 1—14

ностям. С этой точки зрения участок канала у сел. Артамед представляет исключительный интерес, поскольку здесь он проходит через ущелья и вокруг гор, что в сильной мере затрудняло его строительство. При проводке канала через ущелья приходилось возводить громадные подпорные стены циклопической кладки, высотой 10—15 м, а иногда до 20 м, поверх которых проходило русло канала<sup>29</sup>. Было высказано предположение о том, что Мовсес Хоренаци при описании постройки канала, по-видимому, особо имел в виду тот участок его, который проходит через Мжикерт и Катепанц<sup>30</sup> (рис. 1).

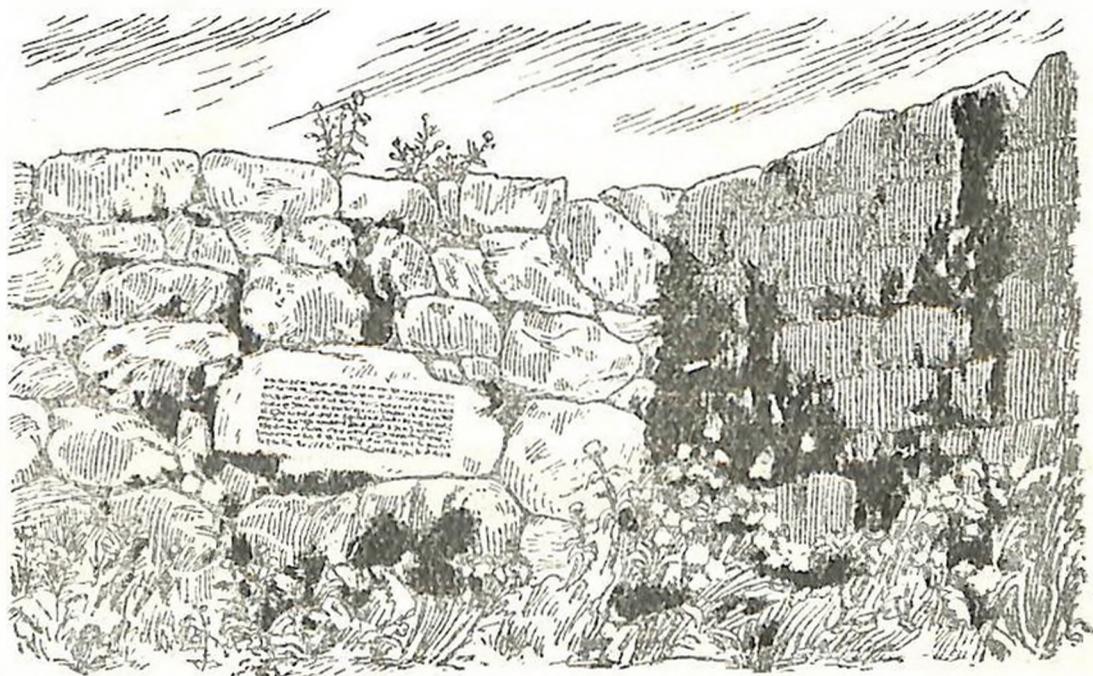


Рис. 1. Стены Тушинского канала царя Менуа. Клинопись у северо-западного угла оврага около сел. Катепанц.

Объем надписей, повествующих о проводке канала Менуа, разнообразен. Среди них имеются четырнадцатистрочные (УКН, 43—46)<sup>31</sup>, девятистрочная (УКН, 47), четырехстрочные (УКН, 48—51) и трехстрочные (УКН, 52—56) надписи, причем значительная их часть происходит из Артамеда и Катепанца<sup>32</sup> (четыре из Артамеда, пять из Катепанца). Затем известны надписями о постройке канала Менуа Ишханигом (три надписи), Маштак и Мжикерт (по одной надписи).

В связи с приведенными надписями следует отметить, что у них совершенно одинаковое трафаретное содержание. Все они сообщают о том, что «халдовым могуществом Менуа, сын Ишпуяни, этот канал провел. «Канал Менуа»—имя (его)». В четырнадцатистрочных и девяти-

<sup>29</sup> «Հանդիս ամսորեայ», Գրեկեա, 1893, стр. 85; Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 195.

<sup>30</sup> И. Шер-У. Պեղումը յան, ук. соч., стр. 39.

<sup>31</sup> Из надписи УКН, 46, происходящей из сел. Ишханигом (в Айюц дзоре), остались лишь начальные три строки; остальные сильно повреждены.

<sup>32</sup> Катепанц находится на расстоянии около 2 км к юго-западу от сел. Артамед и примерно 0,5 км от юго-восточного угла озера Ван.

строчной надписях, кроме этого основного содержания, имеется также формула проклятия разрушителям надписей; между тем в четырнадцатистрочных надписях, в отличие от девятистрочной, есть также трафаретная титулатура царя, повествующая о том, что «величием бога Халди Менуа—царь могущественный, царь великий, царь страны Бианниле, правитель Тушна-города».

Приведенные выше факты достаточно четко говорят о том существенном моменте, что канал, подводящий питьевую и оросительную воду к городу Вану, был построен урартским правителем Менуа, сыном Инципуни, по-видимому, в конце IX (а может быть, в начале VIII) столетия до н. э. и, следовательно, ассирийская легендарная царица Шамирам, по имени которой впоследствии (да и до настоящего времени) был известен канал, ничего общего не имеет с его проведением. И если до сего времени, даже в работах урартоведов, для этого канала Менуа систематически употребляется название «Шамирам», то это имеет лишь традиционный характер и исходит из рассказа Моисея Хоренаци. Урартский правитель, по-видимому, предвидел такую возможность и, во избежание этого, увековечил свою грандиозную и неценную постройку сразу четырнадцатью надписями, свидетельствующими о том, что этот великолепный канал был построен именно царем Менуа. Более того, он проклинал всех тех лиц, кто мог бы уничтожить, повредить или же стереть имя составителя надписи, поставив вместо него свое<sup>33</sup>.

Надписи о сооружении канала были обнаружены на стенах канала или у его русла—на скалах. У сел. Цвастан, предпоследнего населенного пункта (не доходя до Вана), поля и сады которого орошались водами канала, на невысокой скале В. Бельк обнаружил дверцеобразную нишу, наподобие дверей Мхера и Ашрут Дарга, по-видимому, для высечения надписи о проводке канала. Однако по неизвестным причинам ниша не была использована для этой цели<sup>34</sup>.

Б. Б. Пиотровский высказал предположение о том, что «такое грандиозное сооружение, как канал Менуа, несомненно охранялось в древности. Следы урартских укреплений этого назначения, по-видимому, сохранились на полуострове у сел. Хуркум. Эта большая крепость господствовала над всей низменностью юго-восточного берега оз. Ван, над устьем Хошаба и каналом»<sup>35</sup>.

Следует также отметить, что изучение урартских крепостей Закавказья привело В. В. Шлееву к той мысли, что большая урартская крепость, известная в настоящее время под армянским названием Հոյհորհրդ Հայկաբերդ и расположенная на скалистом массиве Бол-дага на расстоянии 25 км к югу от урартской столицы Тушны, также «защищала непосредственные подступы к столице, а также долину реки Хошаб и канал, подводивший воду к городу»<sup>36</sup>.

<sup>33</sup> Обратим внимание на выражение—«кто другой скажет: «этот канал я провел...». УКН 43, стк. 9—10; 44, стк. 9—11; 45, стк. 9—11 и т. д.

<sup>34</sup> «Հոյհորհրդ աճառքայ», Վրեհնո 1893, стр. 85.

<sup>35</sup> Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 196.

<sup>36</sup> В. В. Шлеев. Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения (автореферат диссертации). М., 1954, стр. 6.

Канал «Шамирам» имел удивительно чистую, прозрачную воду и довольно быстрое течение, что всегда поражало путешественников<sup>37</sup>. Чрезмерно сильным течением отличается тот отрезок канала, где воды его из небольшого озера, расположенного непосредственно у устьев канала, устремляются к реке Хошаб и проходят перекинутый через нее бревенчатый мост.

Трудно переоценить значение грандиозного Тушинского канала Менуа. По своей величине, мощи и полноводности он занимает особое место среди аналогичных сооружений, проведенных урартскими правителями. Не случайно Мовсес Хоренаци называет его рекою<sup>38</sup>. С ним может сравниться лишь канал, сооруженный позже царем Руса I в городе Улху—недалеко от северного побережья Урмийского озера. Имея в виду изобилие вод, ассирийский царь Саргон II сравнивает этот канал с Евфратом<sup>39</sup>.

Тушинский канал не только обеспечил столицу Урартского государства питьевой водой и создал полноценные возможности для разведения здесь многочисленных виноградников и фруктовых садов, но и удовлетворил на своем 80-километровом протяжении ирригационные нужды населения обширных районов, лежащих к югу и юго-востоку от города Вана, обеспечил интенсивное развитие на этой территории земледелия, садоводства, виноградарства и т. д. С этой точки зрения представляет интерес виноградник, заложенный царем Менуа на искусственной террасе у сел. Катепанц (недалеко от юго-восточного угла Ванского озера), поблизости от русла канала, для своей дочери Тарирна и названный по ее имени Тарирахинили<sup>40</sup>. Нет сомнения в том, что после сооружения Тушинского канала подобные мероприятия проводились в широких масштабах. Засеивались обширные поля зерном, разбивались многочисленные виноградники и фруктовые сады, которые обеспечивали нужды этого могущественного для своего времени государства.

Со времени сооружения великоленного Тушинского канала прошли десятки веков. Несмотря на это, он и до сих пор продолжает безотказно действовать, приводя в движение на своем огромном пути многочисленные водяные мельницы и обеспечивая оросительные нужды обширных полей с посевами, фруктовых садов и виноградников.

Другой участок столицы Урартского государства—Русахинили (Топрах-кале) и некоторые территории, лежащие к востоку от него, с точки зрения ирригации несравненно позже привлекли внимание его правителей, чем, скажем, бассейн южного и северного побережий этого озера. Однако, чтобы до конца остаться верным территориальному принципу, мы считаем целесообразным непосредственно после Тушинского канала рассмотреть те ирригационные мероприятия, о которых так много

37 Б. Б. Piotrowski, История и культура Урарту, стр. 195.

38 *Մովսէս Խորենացի Պատմութիւն Հայոց, Տփղիս, 1913, էջ 53 (դր. 42).*

39 О канале города Улху подробнее см. ниже, стр. 28—31 настоящего исследования.

40 Об этом подробнее см. главу «Садоводство и виноградарство» настоящей работы, стр. 101.

и неустанно заботился здесь царь Руса. Такой подход, как нам кажется, может выявить определенные предпосылки для воссоздания общей картины ирригационных мероприятий, предпринятых урартскими правителями на восточном побережье озера Ван и вообще на территориях, расположенных к востоку от него.

Известно, что Русахинили (Топрах-кале) расположен на северо-восточной окраине столицы Урартского государства Тушпы (совр. Ван) и является одним из ее кварталов. Почему же урартские власти длительное время не уделяли надлежащего внимания ирригационным нуждам этой местности. Ведь она представляла неотъемлемую часть урартской столицы. Давно было высказано мнение, что благоустройство Русахинили и связанные с ним ирригационные мероприятия были вызваны провозглашением его новой столицей Урартского государства. Этим и объясняется тот большой промежуток времени, который разделяет Тушпу и Русахинили в смысле озабоченности урартских правителей об ирригационных нуждах этих «городов» и их окрестностей.

Что касается создания сложной ирригационной сети для города Улху и окружающих его районов, то здесь, как нам кажется, вопрос этот обстоит еще сложнее. Дело в том, что территории, лежащие к северу от Урмийского озера, разделяли от столицы Урартского государства несколько большие расстояния, и при этом могучие соперники Урарту—Ассирия и Мана—в то время, очевидно, крепко держали в своих руках область Сангибуту и некоторые другие территории приурмийского района. Следовательно, если южное и северное побережья озера Ван, верхнее течение реки Арацани, и даже бассейн среднего течения реки Аракс, находились в пределах Урартского государства, то этого, по-видимому, нельзя сказать о некоторых районах бассейна Урмийского озера, в том числе об области Сангибуту с городом Улху.

Всем вышесказанным и следует объяснить то обстоятельство, что государство Урарту гораздо позже уделяет внимание ирригационным нуждам «городов» Русахинили и Улху.

Итак, в районах Русахинили (Топрах-кале) и Улху (к северу от Урмийского озера) в VIII веке до н. э. усилиями урартийцев созданы были искусственное озеро, ирригационные каналы и т. д. для интенсивного развития земледелия, садоводства и виноградарства. Об этом свидетельствуют урартская надпись царя Руса, найденная в районе искусственного озера Кешиш-гель (к востоку от Ванского озера) и знаменитая «Луврская табличка» ассирийского царя Саргона II.

Кешиш-гельская надпись<sup>41</sup>, повествующая об ирригационной деятельности Руса восточнее современного селения Тони (восточнее города Вана), не содержит, к сожалению, отчества царя. Следовательно, эту надпись пока что трудно с уверенностью отнести к тому или иному царю по

<sup>41</sup> УКН, 268. Надпись высечена на скале, в 24,5 км к востоку от Вана. См. «*Ziherin inophran*», 1893, стр. 86. Кешиш-гель—позднее турецкое название, означающее «священническое озеро».

имени Руса. По мнению некоторых исследователей (Бельк, Леман-Гаупт, Г. В. Церетели)<sup>42</sup>, она могла быть продолжением известной надписи Руса I<sup>43</sup>, происходящей из города Вана. Однако Г. А. Меликишвили возражает против подобной точки зрения, указывая на тот весьма существенный факт, что клинописные знаки в упомянутых надписях имеют отличную друг от друга форму. Г. А. Меликишвили одновременно обращает внимание на то обстоятельство, что эти надписи не имеют между собой ничего общего и по содержанию<sup>44</sup>. Хотя мы вовсе не склонны считать указанные надписи отдельными частями одного и того же памятника, тем не менее, исходя из некоторых соображений, полагаем, что Кешинш-гельская надпись также принадлежала Руса I, сыну Сардури II. Дело в том, что Руса I являлся тем последним царем, при котором могущественное урартское государство так или иначе могло продолжать свой расцвет в военном и экономическом отношениях. Скорее он, чем Руса II, мог считать обеспеченным свое государство от нападения такого мощного южного соседа, каким в то время являлась Ассирия и, следовательно, заниматься мирной ирригационной деятельностью на территориях, лежащих к востоку от Вана. Если ирригационные сооружения, проведенные этим урартским царем на указанной территории, представляют вполне закономерное явление, то, как мы увидим ниже, Руса II, по сведениям его надписей, в этих районах вовсе не занимался подобной и вообще какой-либо деятельностью. Это наше мнение подкрепляется также данными ассирийских клинописных источников, которые категорично свидетельствуют о проведении Руса I широкой сети ирригационных каналов и других подобных сооружений к северу от озера Урмия. Это обстоятельство как будто предопределяет направление ирригационной деятельности Руса I от столицы Урартского государства Тушпы до территорий, прилегающих к северным берегам Урмийского озера. Известно, что уже в конце царствования Руса I Ассирия смогла окончательно вытеснить Урарту из ряда областей и районов древнего Востока, в том числе из районов к северу от озера Урмия, о чем свидетельствует «Луврская табличка» Саргона II<sup>45</sup>. Впрочем, хотя Г. А. Меликишвили считает спорной принадлежность Кешинш-гельской надписи царю Руса I, тем не менее в своем издании корпуса урартских надписей он все же приводит ее в числе памятников Руса I. Подобное мнение он высказывает и в другой своей работе<sup>46</sup>.

Итак, Кешинш-гельская надпись Руса сообщает о создании урартским царем искусственного озера в районе ее обнаружения. Надпись указывает, что озеро было названо именем самого царя (*terubi tini<sup>1</sup> Rusai šue*) и что для использования вод озера из него был проведен

<sup>42</sup> VBG, 1899, стр. 613, 1901, стр. 305–306; Armenia, II, стр. 193; УПМГ, стр. 60.

<sup>43</sup> УКН, 267.

<sup>44</sup> ВДН, 1953, № 4, стр. 219.

<sup>45</sup> Fr. Thureau-Dangin, HCS, Paris, 1912.

<sup>46</sup> ВДН, 1951, № 4, стр. 31.

ряд каналов и арыков (uratarbi A<sup>MEŠ</sup> ištini pīlanc e'i išinaue)<sup>47</sup>. Далее в надписи отмечено, что „отсюда (т. е. от озера) проведен канал к (городу) Русахинили“ (agubi RA, ištini<sup>1</sup> Rusahinadi). Не может быть сомнения в том, что озеро Руса (<sup>1</sup>Rusai šue) в то время являлось более или менее мощным водным источником и было предназначено не только для проведения канала к Русахинили. На это указывают как сведения надписи о проведении „каналов и арыков“ (pīlanc e'i išinaue)<sup>47</sup>, так и упоминание в ней о „пустынных землях“ (KI<sup>TIM</sup> ali quldini māni), которые, очевидно, после создания озера и проведения широкой сети каналов и арыков попали в сферу этой мощной оросительной системы.

Надпись содержит также интересные сведения о деятельности Руса на этих территориях, где он создает „виноградники“ (G<sup>IS</sup>GEŠ-TIN), „леса“ (G<sup>IS</sup>TIR) и „поля с посевами“ (GĀN ŠAMŠE), которые урартский царь считает „могучими и достойными мужа делами“ (DAN.NI<sup>MEŠ</sup> agniušinili). Далее в надписи речь идет об использовании вод, вытекающих из созданного искусственного озера (A<sup>MEŠ</sup> šuinini šedue) и реки Алани (A<sup>MEŠ</sup> IDAlainini šedue), очевидно, для нужд Русахинили и Тушны.

Сведения Кешниш-гельской надписей подкрепляются также остатками материальной культуры, обнаруженными в районе искусственного озера. В. Бельк еще в конце XIX века при обследовании местности наблюдал следы этой оросительной системы, ведущие из озера к окружающим полям, в районах селений Кохнанц, Схга и Шушанц<sup>48</sup>. Это искусственное озеро, как увидим ниже, представляло из себя большой резервуар, собирающий дождевые и снеговые воды и создающий тем самым возможность для орошения близлежащих территорий, в том числе садов и виноградников Русахинили.

Указанные в надписи грандиозные ирригационные сооружения полностью или частично сохранились вплоть до наших дней, являясь живыми свидетелями тех повсеместных забот, которые проявлял урартский царь Руса на территории между упомянутым искусственным озером (Rusai šue) и столицей государства Урарту Тушна-Русахинили.

Обследование данной местности показало, что сооруженный Руса I в районе Кешниш-геля мощный резервуар поныне все еще существует и отчасти даже функционирует. Западный сток этого искусственного озера, усиленный естественными водами, и сейчас продолжает орошать насаждения непосредственно у подножья скалы Топрах-кале.

Было также выяснено, что «сток Кешниш-геля делится, еще не достигая скалы Топрах-кале, на несколько рукавов. Это происходит примерно на полтора часа выше (восточнее) Топрах-кале, после того как

<sup>47</sup> Перевод Н. М. Дьяконова. ЭВ. IV, 1951, стр. 113.

<sup>48</sup> «Записки иркутских ученых», Иркутск, 1893, стр. 87.

этот сток на протяжении от Кешини-гелья до этого самого места усиливается благодаря 5 притокам справа и 2—слева. В названном месте большая часть воды проводится посредством подземных каналов (подпочвенные воды) к нынешнему «сад-городу», расположенному на юго-западе и западе от Топрах-кале»<sup>49</sup>.

Разведочные работы в районе Кешини-гелья одновременно выявили, что «одни рукав стока Кешини-гелья проводится и сегодня в открытом, неподземном русле к Топрах-кале, а затем к Ванской скале. Этот рукав соединяется с руслом Енгуенерчая, периодической речкой, которая тянется до восточной стороны скалы Топрах-кале, речкой, из которой отведется в скалистом русле канал, предназначенный специально для Топрах-кале»<sup>50</sup>.

Название реки Алани, встречающееся на Кешини-гельской стеле царя Руса, по мнению Леман-Гаупта, относится, вероятно, к вышеупомянутой речке Енгуенерчай или же к ручью, стекающему с плоскогорья, по которому теперь проведен Кешини-гель<sup>51</sup>.

В. Бельком и Леман-Гауптом было зафиксировано еще одно важное наблюдение: «Населенный преимущественно армянами «сад-город» Ван занимает у подножья скалы Топрах-кале почти точно то же место, как и прежний «сад-город» Руса I, и орошается и поныне так же, как и древний город, стокм озера царя Руса, которое теперь превратилось в простонародном наречии в «священническое озеро», в то время как город у подножья Ванской скалы, обитаемый почти исключительно турецким населением, пользуется водой отчасти из питаемых Кешини-гёдем, отчасти же подпочвенным водоснабжением, существующим также со времен древних халдов (урартийцев.— Н. А.)»<sup>52</sup>.

Наблюдения В. Белька и Леман-Гаупта, как это видно из вышеприведенного, наглядно показывают, что некоторые участки сложной ирригационной сети, проведенной от искусственного озера Руса (Rusaî şue) до города Тушна-Русакхинли, были проложены через подземные трубы. Здесь мы сталкиваемся с весьма интересным фактом высокой техники прокладки урартских оросительных каналов. Такой уровень техники существовал и при создании ирригационной системы города Уаху, что подтверждается уже не остатками материальной культуры, а сведениями письменных источников. Между тем о такой технике прокладки урартских каналов можно составить представление лишь в связи с оросительной системой, созданной царем Руса I<sup>53</sup>.

Если составителем Кешини-гельской надписи действительно являлся урартский царь Руса I, а не какой-либо другой царь, тоже по имени Руса (скажем, Руса II, который, как известно, также отличался ирригационной деятельностью) и, следовательно, если создание озера Руса

<sup>49</sup> К. Ф. Леман-Гаупт. Вступительная лекция по истории и культуре халдов. «Труды Тбилисского гос. университета», VI, 1938, стр. 255.

<sup>50</sup> Там же, стр. 256.

<sup>51</sup> Там же.

<sup>52</sup> Там же.

<sup>53</sup> В. В. Шлеев полагает, что перевод урартской столицы в Русакхинли следует отнести ко времени правления Руса II. ВДН, 1958, № 1, стр. 32—34.

(Rusai šue) действительно принадлежит ему, то мы склонны думать, что ирригационная деятельность Руса I развивалась в основном на территориях, лежащих к востоку от столицы Урартского государства Тушина-Русахинили вплоть до местностей, расположенных к северу от Урмийского озера.



Другим местом ирригационной деятельности Руса I является район города Улху области Саигибуту (к северу от Урмийского озера). Об этом весьма интересные сведения содержит «Луврская табличка» ассирийского царя Саргона II—современника урартского царя Руса I. Хотя эти сведения в данном историческом документе выступают в косвенном порядке, т. е. при описании знаменитого VIII похода Саргона II против Урарту, предпринятого им в 714 г. до н. э., тем не менее здесь это красочное описание представлено настолько подробно и наглядно, что мы имеем полную возможность извлечь из него весьма ценные сведения об ирригационной деятельности Руса I на территориях, лежащих к северу от озера Урмия. Один из отрывков «Луврской таблички» гласит:

«Я отправился из Тармакисы<sup>54</sup>, прибыл в [ . . . ] Улху<sup>55</sup>, укрепленный город, расположенный у подножья горы . . . , а люди, как рыбы на суше, жаждут, не пьют и не насыщаются—Урса, царь, правитель их, по желанию сердца своего [ . . . ] указал выход вод. Он вырыл канал, несущий проточную воду, и [ . . . ] воду(?) изобилия, как Евфрат, он заставил течь. Он вывел бесчисленные арыки от его русла и [ . . . ] воистину оросил нивы. Его<sup>56</sup> пустынные земли, которые издревле [ . . . ], он . . . ] и как дождь, пролил (на них) плоды и виноград. Платанам, высоким(?) деревьям, украшению дворца его, [ . . . ] как над его окрестностью он дал простереть тень, а на невозделанной земле его [ . . . ] и, как бег, дал его людям возглашать радостное «алалу»<sup>57</sup>. 300 нмеров<sup>58</sup> посева, [ . . . ] хлеба при урожае он дал течь, и при продаже зерна(?) они увеличивали доход(?). Его пустынные земли он превратил в дуга, и

<sup>54</sup> Тармакиса (Тармакису)—город-крепость в стране далайцев. См. ИСС, анализы, стк. 113. «Луврская табличка», стк. 184, 189, 199; ARAB. II, § 20, 158, 159; АВИНУ § 46 (109); 49 (167, 188) и т. д.

<sup>55</sup> Улху исследователи, как правило, локализуют в районе совр. Маранда, расположенного к северу (несколько к северо-востоку) от оз. Урмия. См. Б. Б. Piotровский. История и культура Урарту, стр. 118; И. М. Дьяконов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 335, прим. 50 (ср. с картой, составленной им, там же между страницами 264—265); Г. А. Меликишивили. Наирн—Урарту, стр. 30.

<sup>56</sup> По-видимому, «города Улху и окружающих местностей».

<sup>57</sup> Жатвенные песни—см. И. М. Дьяконов, АВИНУ, ВДИ, 1951, № 2, стр. 335, прим. 51.

<sup>58</sup> По подсчетам И. М. Дьяконова—около 12 тонн. Один нмер был равен примерно 40 л. Нмер может быть также мерой площади, точный размер его не установлен (0,73 га?)—там же, прим. 52.

зеленели они весьма сильно в начале года, трава и пастбище не прекращались ни зимой, ни летом. Он превратил их в загон для коней и стад, сделал всей своей темной(?) стране известными верблюдов, и они работали при насынке плотины. Он построил для своего удовольствия на берегу канала дворец, царственное жилище, перекрыл его кипарисовыми стволами и сделал приятным его аромат. Крепость Сардурихурда он заложил для охраны его на горе Кишнал(?) и поставил там [ . . . ] гинейцев<sup>59</sup>, опору его страны»<sup>60</sup>

Затем текст «Дуврской таблички» повествует о зверствах и разрушениях, совершенных ассирийским царем Саргоном II в городе Улху и окружающих его районах. Ассирийские войска победоносно входят «в Улху, город запасов(?) Урею»<sup>61</sup>. Крепкую стену города-крепости Улху, сделанную из острых горных камней, он заставляет разбить железными кирками и мечами, как глиняный горшок, и сравнить с землей. Длинные кипарисовые стволы, кровлю дворца его по велению ассирийского царя войны срывают, обрабатывают топорами и забирают в Ассирию. Далее текст гласит: «... Я (т. е. Саргон II) открыл его полные амбары, его обильными запасами, без числа, накормил мое войско. Я вступил в его сокрытые винные подвалы, и многочисленные воинства Ашшура<sup>62</sup> черпали из больших(?) и малых(?) мехов душистое вино, как речную воду. Каналу,—потоку, питающему его,—я заткнул выход и свежую воду его превратил я в болото; арыки, отведенные от его русла, я [ . . . ] их подземные трубы(?) показал я солнцу. В его прекрасные сады, украшение его города, полные плодовых деревьев и лоз, и как небесный ливень [ . . . ], ворвались мои сильные войны и дали греметь железным топорам, как Ададу<sup>63</sup>. Многочисленные их плодовые деревья они порубили, чтобы в битве никогда (жители) не оставляли сердечного страха, вовеки веков чтоб томилась (неисполнимым) желаньем. Его большие стволы, украшение дворца его, я рассыпал, как полову(?). Город славы его я предал позору, испроверг его область. Эти стволы и деревья, сколько я нарубил, я собрал, насыпал кучей и сжег огнем. Их обильный уржай, как тростник, не имеющий счета<sup>64</sup>, я вырвал с корнем, ни колоса не оставил для восстановления (после) разрухи. Его прекрасную землю, имевшую цветом вид лазурного камня, (ибо) в окрестностях были насажены цветы и растения, я затопил, как Адад, повозками, конницей, поступью воинов, и луг, надежду коней его, превратил я в пустырь. Сардурихурду, их великую крепость, вместе с 57 ее окрестными

<sup>59</sup> Очевидно, окончание названия какого-то племени.

<sup>60</sup> Перевод И. М. Дьяконова. АВНИУ, 49 (199); ср. ARAB. II, § 160--161.

<sup>61</sup> Руса I, сын Сардури II, правил в 735--713 гг. до н. э. — N. Adontz, *Histoire d'Arménie*, Paris, 1946, стр. 193.

<sup>62</sup> Верховный бог ассирийцев.

<sup>63</sup> Бог грома, молнии и войны. Соответствует урартскому божеству Тейшеба.

<sup>64</sup> Образ взят из вавилонской литературы, ассирийский царь хочет сказать, что хлеба в районе Улху было так много, как тростника в низовьях Тигра и Евфрата. См. И. М. Дьяконов. АВНИУ, ВДН, 1951, № 2, стр. 335, прим. 56.

поселениями в области Сангибуту—их все я разрушил, сравнял с землей, балки кровель их спалил огнем, обратил их в пламя»<sup>65</sup>.

Все вышеприведенное с достаточной полнотой и наглядностью показывает, что урартский царь Руса I, хотя до сих пор известные его собственные надписи абсолютно ничего не говорят об этом, уделял довольно большое внимание на районы, лежащие к северу от озера Урмия. Указанные земли, входившие в территориальные границы области Сангибуту, из пустынных, необработанных территорий превращены были в цветущие районы и поселения с громадными посевными площадями, фруктовыми садами и виноградниками, а «трава и пастбище в них,—как гласит текст «Луврской таблички»,—не прекращались ни зимой, ни летом».

Достоинна великого удивления высокая техника проводки канала. Хотя о технике проведения других урартских каналов ни в урартских, ни в ассирийских клинописных источниках больше не встречаются какие-либо конкретные указания, тем не менее остатки материальной культуры наглядно показывают, что эти каналы, как правило, сооружались путем возведения по обеим сторонам русла громадных подпорных стен циклопической кладки. Изредка русло каналов проходило через высеченный в скалах тоннель. Во всяком случае, знаменитый Тушпинский канал царя Менуа с достаточной определенностью говорит об этом. В отличие от обыкновенной формы проводки, канал Руса I, сооруженный к северу от Урмийского озера, в районе города Улху, как отмечает текст «Луврской таблички», проходил через подземные трубы, которые ассирийский царь окончательно разрушил и «показал солнцу». Выше мы видели, что такая же техника применялась при сооружении ирригационной сети между озером Руса (Rusai sue) и городом Тушна-Русахинили<sup>66</sup>.

Обширные посевные площади («300 имеров посева»), богатые зернохранилища и обильные запасы ячменя, которыми ассирийский царь накормил свое войско, а также «сокрытые винные подвалы», т. е. кладовые для вина, в которых «многочисленные воинства Ашшура черпали из больших(?) и малых(?) мехов душистое вино, как речную воду»,—все это показывает, что благодаря сооружению канала урартскому царю Руса I удалось обширные, ранее пустынные территории, лежащие к северу от Урмийского озера, превратить в высокоразвитые земледельческие и садоводческие районы. В этой связи нам также думается, что упомянутый канал, по всей вероятности, был проведен на довольно большой протяженности с расчетом орошения и обеспечения плодородия земель не только «города» Улху, но вообще значительной части древнейшей области Сангибуту.

Внимание исследователя привлекает еще одно важное обстоятельство: на какой основе был сооружен канал, какая река или водная артерия могла в ту древнюю эпоху служить водоснабжающим источником для этого, казалось бы, мощного и грандиозного сооружения? К сожа-

<sup>65</sup> Н. М. Дьяконов, АВИНУ, 49 (213). Ср. ARAB, II, § 161; HCS, стк. 213—232.

<sup>66</sup> См. стр. 27 настоящей работы.



нить двумя обстоятельствами. Во-первых, указанные территории, начиная еще со времени образования государства, постоянно входили в состав Урарту, и его правители могли регулярно заниматься здесь мирным строительством, в частности сооружением ирригационных каналов. Во-вторых, названные территории отличались чрезвычайно большим плодородием и обилием водных ресурсов. Неудивительно поэтому, что благодаря постоянной заботе вскоре они становятся богатыми земледельческими, садоводческими и виноградарскими районами центральных областей Ванского царства.

Следует отметить и тот факт, что с интересующей нас точки зрения между южным и северным побережьями Ванского озера имеется существенное различие. Не случайно, что южное побережье озера в ирригационном отношении представлено лишь одним единственным письменным документом царя Менуа, в то время как северное побережье—надписями не только Менуа, но и Аргишти II.

Прежде всего о южном побережье озера Ван. Здесь, как уже было сказано, развернул широкую деятельность урартский правитель Менуа. В этой связи привлекает особое внимание надпись, обнаруженная на острове Ахтамар<sup>68</sup> и повествующая об ирригационной деятельности упомянутого царя. Уже давно привлекали внимание В. Белька и Леман-Гаупта обстоятельства находки надписи, в связи с чем высказывалось мнение о том, что камень с надписью, возможно, был перевезен на остров с противоположного, южного, берега озера и что, по-видимому, он происходит из Хуркума, так как в надписи речь идет о проведении канала, для чего вряд ли нашлось бы место на небольшом острове Ахтамар, окруженном со всех сторон озером Ван, вода которого непригодна для питья и орошения<sup>69</sup>.

Следует сказать, что это предположение впоследствии подтвердилось и другим фактом, связанным с содержанием надписи. В этой связи привлекает особое внимание текст оборотной стороны Ахтамарской надписи, в которой говорится: «...Перед городом Ахнуни... К стране Эрину, к (городу) Менуахишили; довел(?) до реки(?)<sup>70</sup>. Всей(?) территории страны Аиду(ни) канал я-провел; всей(?) территории города Уиши(ни) канал я-провел»<sup>71</sup>. По поводу данного текста весьма интересны мнения Н. М. Дьяконова и Г. А. Меликишвили о том, что «страна Аиду(ни)» Ахтамарской надписи не что иное, как «страна Айаду» ассирийских источников, локализуемая на южном побережье озера Ван<sup>72</sup>. Приведенное сопоставление названий Аиду(ни) и Айаду лишней раз указывает на то существенное обстоятельство, что Ахтамарская надпись,

<sup>68</sup> Остров Ахтамар расположен в озере Ван, близ его южного берега.

<sup>69</sup> ВВГА. 1892, стр. 477 сл.; ССЧ, 1935, стр. 78, № 52.

<sup>70</sup> Так переведено слово шипа. УКН, 62, оборот. стор., стк. 4.

<sup>71</sup> УКН. 62, оборот. стор., стк. 1—9.

<sup>72</sup> Н. М. Дьяконов. Заметки по урартской эпиграфике. ЭВ, IV, 1951, стр. 107. Г. А. Меликишвили. ВДН, 1951, № 3, стр. 178.

очевидно, происходит с южного побережья Ванского озера и, следовательно, все ирригационные предприятия, упомянутые в надписи, относятся к территории, лежащей к югу от озера Ван.

Следует также отметить, что эта надпись небезынтересна и в другом отношении. Дело в том, что выступающее в ней слово типа «река» (?) встречается также в одной Армавирской надписи и в Хорхорской летописи Аргишти I<sup>73</sup>. Не может быть сомнения в том, что указанные памятники в данном случае говорят об ирригационной деятельности Аргишти, сына Менуа, в районе урартского административно-хозяйственного центра Аргиштихинили (совр. Армавир—на левом берегу реки Аракс). Между тем нет никакого основания думать, что Ахтамарская надпись, в которой также упоминается о проведении канала от типа, была перевезена на остров Ахтамар из района Аргиштихинили или же наоборот. Следовательно, прав Г. А. Меликишвили, когда слово (1<sup>D</sup>)mna(ni) воспринимает в нарицательном смысле, с возможным для него значением «река (?)»<sup>74</sup>. Исходя из сказанного, Г. А. Меликишвили приходит к выводу, что указанные надписи повествуют о проведении каналов от разных рек—в одном случае от реки (очевидно, Аракса), протекающей через район Аргиштихинили-Армавир (близ города Октемберяна АрмССР), а в другом—от одной из рек, протекающих к югу от озера Ван.

Итак, Ахтамарская надпись свидетельствует о том, что Менуа проводил значительные ирригационные работы на южном побережье Ванского озера. В надписи сообщается, что канал от какой-то реки был доведен до страны Эрину и города Менуахинили, в силу чего вся страна Андунни и город Унни(ни) попали в сферу этой, по-видимому мощной, оросительной системы. Этим именно следует объяснить тот факт, что прибрежная с юга к озеру Ван область Андунни=Айаду, по сведениям ассирийских письменных источников, отличалась высокой степенью развития зерновых культур, садоводства и виноградарства<sup>75</sup>.

Однако, если южное побережье озера Ван известно в основном своим скалистым покровом, вследствие чего сооружение ирригационных объектов, как и развитие здесь земледелия и садоводства было связано с определенными трудностями, то северный его берег выгодно отличается своими благоприятными природными условиями. Вот почему царь Менуа переводит свои ирригационные предприятия с южного берега озера на северное побережье. Последующие урартские правители также успешно продолжают здесь ирригационные работы.

Известно, например, что с севера в озеро Ван впадает ряд рек и речек. Очевидно, на базе этих водных ресурсов урартскими правителями сооружены были ирригационные каналы на северном побережье озера. В этой связи привлекает внимание надпись царя Менуа, происходящая

<sup>73</sup> УКН, 137, стк. 8; 127, IV, 73; 128 В 2, стк. 42.

<sup>74</sup> Г. А. Меликишвили. Урартоведческие заметки. ВДИ, 1951, № 3, стр. 174—176.

<sup>75</sup> Thureau-Dangin, HCS, стк. 281—296.

из Беркри<sup>76</sup> и повествующая о проведении канала. К сожалению, начало надписи не дошло до нас и поэтому нам неизвестны подробности, связанные с источником и местом сооруженного канала. Сохранились лишь трафаретная титулатура царя и формула проклятия разрушителям надписи. Из последней мы в состоянии почерпнуть некоторые отрывочные сведения о том, что урартский царь проводил канал, по-видимому, в районе местонахождения надписи. Уже факт наличия титулатуры и формулы проклятия говорит о том большом значении, которое придавал Менуа этому ирригационному сооружению. Следует иметь в виду, что далеко не все урартские надписи снабжены такими трафаретными формулами.

Давно уже была исследована местность и высказано предположение о том, что надпись Менуа из Беркри относится, возможно, к донныне еще существующему каналу, отходящему от реки Бендимахи, при выходе ее в долину. Канал этот, отводящий воду в сторону, выше уровня реки, имеет русло, укрепленное мощной циклопической кладкой<sup>77</sup>.

Урартские клинообразные надписи наглядно свидетельствуют о том, что мирная строительная деятельность урартских правителей, как и сооружение ирригационных объектов на северном побережье Ванского озера, хронологически проходили с востока на запад, т. е. в начале недалеко от северо-восточного угла (Беркри), а затем в районе Арчеша. И если району Беркри, как это мы видели выше, уделял должное внимание царь Менуа, то район Арчеша являлся объектом заботы Аргишти II<sup>78</sup>.

Таким образом, территории северного побережья Ванского озера являлись объектом внимания не только при царе Менуа, но и в период постепенного упадка государства Урарту. В этом отношении примечательны ирригационные объекты, построенные Аргишти II в районе Арчеша (северное побережье северо-восточного залива Ванского озера). Усилия упомянутого урартского царя, согласно известным его надписям, ограничивались лишь этими мероприятиями строительного характера. О них говорят две клинообразные надписи, обнаруженные у сел. Челеби-баги и в сел. Хаги, находящихся неподалеку от Арчеша. К сожалению, фотоснимок, автография, транскрипция или перевод надписи, найденной у Челеби-баги, еще нигде не опубликованы и в распоряжении исследователя имеется лишь информационный материал. Но даже этот

---

<sup>76</sup> Беркри находится на расстоянии около 10 км от северо-восточного угла Ванского озера.

<sup>77</sup> W. Beck. Die Bewässerung der Ebene von Bergri und der Bendimahi Tschai, ZE, XXXII, 1899, стр. 244 и сл. СICh. № 47 (стр. 72). Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Е., 1944, стр. 196.

<sup>78</sup> Из района Арчеша происходит также другая надпись царя Менуа (СICh. № 48), однако содержащиеся в ней весьма интересные сведения об ирригации мы будем рассматривать несколько позже в связи с ирригационными предприятиями, проведенными урартийцами в бассейне верхнего течения реки Арацани.

материал совершенно определенно показывает, что Аргишти II в районе Арчеша построил город Тактумниа(?) (лиц. стор., стк. 26), создал какое-то искусственное озеро (šue asuaḥina—лиц. стор., стк. 33) и, используя, очевидно, в целях орошения воды этого озера, разводил на этом месте поля с посевами (GÁN ŠAMŠE—лиц. стор., стк. 29) виноградники и фруктовые сады (uldi šari—лиц. стор., стк. 29)<sup>79</sup>.

По сравнению с надписью из Челеби-баги более подробные сведения можно почерпнуть из надписи Аргишти II, происходящей из Хаги. Эта надпись, на лицевой стороне которой сохранились полностью или частично 46, а на оборотной—39 строк, содержит весьма интересные сведения о городе Тактумниа(?) и стране (или горе?) Куриака (лиц. стор., стк. 36—37). Здесь земля была пустынной (KI<sup>MEŠ</sup> qulđini maḥi—лиц. стор., стк. 38) и, следовательно, не было ни полей с посевами (GÁN GIŠ·ŠAMŠE—лиц. стор., стк. 40), ни виноградника, ни фруктового сада (GIŠGEŠTIN šari—лиц. стор., стк. 40), а также не был проведен канал (PA<sub>5</sub> ištini agaḥi—лиц. стор., стк. 41—42). Далее надпись повествует о том, что урартский царь создал какое-то искусственное озеро (šue asuaḥina—лиц. стор., стк. 45), вероятно на базе водных ресурсов реки Калиала (лиц. стор., стк. 46)<sup>80</sup>. Обратная сторона надписи содержит ценные сведения о построении Аргишти II других городов (стк. 2) и, по-видимому, о назначении там наместников(?)<sup>81</sup> (стк. 3). Среди этих городов, очевидно, особое положение занимал нововоздвигнутый город Аргиштехишли, расположенный перед страной Артараша (стк. 4—5). Надпись, как-будто, далее сообщает, что упомянутые выше новые города и их поля снабжались водой через проведенный от искусственного озера канал, источником для которого служила река Калиала (стк. 4—19).

В заключительной части надписи из Хаги, по-видимому, выражается надежда на то, что сооруженные Аргишти II искусственное озеро и канал станут оросительными источниками для нововоздвигнутых городов и долины. Кроме того, в ней содержатся, возможно, сведения о порядке пользования упомянутыми ирригационными сооружениями<sup>82</sup>.

В связи с упомянутыми выше надписями привлекают внимание встречающиеся в них некоторые общности, как: GIŠGEŠTIN = GIŠuldi, šari, šue asuaḥina, URU<sup>U</sup>Taktumnia(?) и т. д. Все это, быть может,

<sup>79</sup> С. Ф. Лейманн-Наурт), Bericht, 130. Г. А. Меликишвили, УКН, 275.

<sup>80</sup> М. Церетели здесь и ниже читает <sup>1D</sup>Kali-lama (КА, 1958, LI, № 1, стр. 29—35, лиц. стор., стк. 46, обор. стор., стк. 19). Вместо последнего знака ти мы предлагаем его идеографическое значение ŠUM, следовательно, читаем <sup>1D</sup>Kaliala ŠUM = <sup>1D</sup>Kaliala tini (ср. <sup>1D</sup>Divala tini), т. е. „река по имени Калиала“ или „Калиала именем река“.

<sup>81</sup> Пожалуй, так следует воспринимать здесь слово <sup>LU</sup>udigini.

<sup>82</sup> Новая публикация надписи Аргишти II из Хаги см. в РА, LI, № 1, стр. 29—35. Ср. УКН, 276. Эта надпись по своему содержанию имеет много общего с надписью Руца, обнаруженной около искусственного озера Кешши-гель (восточнее гор. Вана) (УКН, 268).

указывает на то, что обе надписи повествуют об одних и тех же мероприятиях урартского царя, проведенных с целью, как об этом сообщает надпись из Хаги, создания на данных «пустынных землях» «полей с посевами», «виноградников», «фруктовых садов» и т. д. Такой вывод до некоторой степени подтверждается и тем обстоятельством, что надписи были обнаружены в близлежащих друг от друга местностях. Поэтому, нам кажется, прав Г. А. Меликишвили, когда полагает, что «...возможно, оба памятника происходят из развалин древнего города близ Эрджиша»<sup>83</sup>.

Таковы в основном данные письменных источников об ирригационной деятельности урартских царей Менуа и Аргишти II на южном и северном побережьях Ванского озера.

### 3. ИРРИГАЦИЯ В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ АРАЦАНИ

По мере усиления государства урартийцы постепенно покоряют все новые и новые территории, расположенные к северу от Ванского озера. В результате первых стремительных походов, направленных на север, некоторые районы и области, лежащие у верхнего течения реки Арацани, вдоль ее левого и правого берегов, оказываются в их руках и на долгие времена включаются в состав государства Урарту. Такая возможность создается уже при царствовании Менуа, и затем результаты этих победоносных походов окончательно подкрепляются при его преемнике—царе Аргишти I. Мало того, эти территории и в дальнейшем постоянно выступают в числе центральных областей государства. Этим именно следует объяснить тот неоспоримый факт, что еще с периода правления Менуа урартийцы получают полноценную возможность регулярно заниматься здесь мирной строительной деятельностью, в том числе ирригационными сооружениями.

Что касается природных условий, то бассейн верхнего течения реки Арацани обладает весьма плодородной почвой и неиссякаемыми водными ресурсами для развития земледелия, садоводства, виноградарства и т. д. Ряд надписей царя Менуа и знаменитая Хорхорская летопись Аргишти I повествуют как раз о подобных мероприятиях, успешно проведенных урартийцами на этой территории.

В связи с ирригационными работами, развернутыми урартскими правителями в указанном районе, привлекают внимание прежде всего надписи, сообщающие о проведении каналов из реки Даниала(тини) или Даниали(тини). Об этом содержат соответствующие сведения Арцавабердская надпись Менуа и Хорхорская летопись Аргишти I.

В специальной литературе было высказано предположение о том, что в термине (11D) Dainala/i-tini следует усмотреть «общее урартское название какой-нибудь... категории рек»<sup>84</sup>. Позже этому вопросу нами было посвящено специальное исследование, в котором мы попытались видеть в этом термине название определенной реки<sup>85</sup>.

<sup>83</sup> УКН, стр. 336.

<sup>84</sup> Г. А. Меликишвили. Урартоведческие заметки. ВДН, 1951, № 3, стр. 176.

<sup>85</sup> Н. В. Арутюнян. Даниала-тини (из истории ирригации в Урарту). «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1957, № 4, стр. 97—106.

Г. А. Меликишвили ссылается на тот факт, что упомянутое название, наподобие (<sup>1D</sup>)*tiina*, в урартских надписях выступает то с детерминативом «река», то без него. Но это обстоятельство, по нашему мнению, не может служить убедительным аргументом для подобного вывода. Конечно, в урартских надписях имена собственные, как правило, снабжены соответствующими детерминативами, однако в ряде случаев встречается написание и без детерминативов<sup>86</sup>.

Наш вывод о рассмотрении (<sup>1D</sup>)*Dainala-tini* в его собственном значении, то есть в значении «река Дайнала-тини», имеет и другое основание. Дело в том, что это название, как правило, выступает с частицей *tini*. И если *tini* рассматривать как урартское самостоятельное слово со значением «имя», «название», а не как окончание к *Dainala* и имеющее лишь случайное созвучие со словом *tini*, то (<sup>1D</sup>)*Dainala-tini*<sup>87</sup> буквально должно означать «река по имени Дайнала» или «Дайнала именем река»<sup>88</sup> (ср. <sup>1D</sup>*Kaliala-šum* = <sup>1D</sup>*Kaliala-tini*)<sup>89</sup>. Это обстоятельство, разумеется,шний раз указывает на тот существенный для рассматриваемого вопроса момент, что Дайнала — название не категории рек, а определенной реки.

Возможность локализации (<sup>1D</sup>)*Dainala-tini* также показывает, по-видимому, что здесь мы имеем дело с конкретной рекой.

Название Дайнала-тини, как уже сказано, упоминается в двух урартских источниках — в надписях Менуа и его преемника Аргишти I. Надпись царя Менуа о проведении канала к какой-то неизвестной стра-

<sup>86</sup> В одной надписи царя Менуа (УКН, стк. 6—7), найденной в сел. Схга (восточнее города Вана), имя коня Менуа выступает без детерминатива, в то время как здесь, несомненно, мы имеем дело с собственным именем — именем коня Аршибини (*Aršibini tini*). То же самое можно сказать о надписи (УКН, 279, стк. 3), обнаруженной в Кала, близ Мазгерда (к западу от Ванского озера), в которой упоминается без соответствующего детерминатива имя правителя или страны *Lubarhi* в направительном падеже. Следует отметить и строку 17 II столбца Хорхорской летописи, в которой выступает, очевидно, река *Meliani* (Н. В. Арутюнян, ХЛА, ЭВ, VII, стр. 92—93. По мнению Г. А. Меликишвили, она имеет какую-то связь с городом Мелунани — УКН, 127, II, стк. 17 и прим. 7) опять-таки без детерминатива, в то время как после этого названия в тексте налицо идеограмма «река». Не снабжено также каким-либо детерминативом название канала *Umešini* (УКН, 281, стк. 15) Звартноцской надписи.

<sup>87</sup> Ср. *Menuahinili tini* (УКН, 70, стк. 5—6); <sup>SAL</sup>*Tariciahinili tini* (УКН, 111, стк. 3—6); <sup>1</sup>*Argistihinili tini* (УКН, 137, стк. 5); <sup>1D</sup>*Sardurini tini* (УКН, 167, стк. 6—7); *Aršibini tini* (УКН, 110, лиц. стор., стк. 7); <sup>1</sup>*Uedipri tini* (УКН, 267, стк. 5); *Umešini tini* (УКН, 281, стк. 15) и т. д.

<sup>88</sup> Подобного мнения мы придерживались еще в нашей публикации Хорхорской летописи — Н. В. Арутюнян. ЭВ, VII, 1953, стр. 110—111 (V, 17).

<sup>89</sup> М. Церетели расшифровывает <sup>1D</sup>*Ka-a-li-i-al-a-mi*. РА, 1958, LI, № 1, стр. 29—35, лиц. стор., стк. 46, обор. стор., стк. 19. Вместо конечного знака *mi*, как видно, мы предлагаем его идеографическое значение *šum* «имя», урартским эквивалентом которого является слово *tini*.

не, со стороны города Адна, со стороны tagamanili<sup>90</sup> (города) Куеранилли<sup>91</sup> до Данинала-тини»<sup>92</sup>—была обнаружена в Арцваберде, в 9—11 км к северо-востоку от Арчеша (на северном побережье северо-восточного залива Ванского озера).

Река Данинала-тини и отведенный от нее канал проходили, по-видимому, в районе обнаружения надписи или, быть может, несколько севернее его.

Данинала-тини, притом на сей раз с детерминативом «река», выступает в Хорхорской летописи Аргишти I<sup>93</sup>. Здесь привлекают внимание сведения XII(?) года правления Аргишти, сына Менуа. В заглавной декларации этого года урартский царь от имени бога Халди сообщает о покорении страны Туарацийской долины вплоть до горы(?) (страны?) Гурку, а также страны Мана и склонении (подчинении) их воинов перед Аргишти (<sup>D</sup>Hal-di-ni uš-ta-bi ma-si-ni-e <sup>GIŠ</sup>sú-r.-i-e ka-gu-ni <sup>KUR</sup>Tu-a-ra-a-ši-ni-e-i hu-[bi] ra-gi <sup>SADU</sup>Gur-qu-ú-e ka-gu-ni <sup>KUR</sup>Ma-na-a-ni <sup>LÚ</sup>A.SI<sup>MES</sup>.i-e te-qu-a-li <sup>1</sup>Ar-giš-ti-ka-i)<sup>95</sup>. После заглавной декларации, царь, уже от своего имени, продолжает повествование о том, что бог Халди ему даровал и huḫutuḫi и битву, и что он от реки Данинала-тини провел канал (<sup>1</sup>Ar-gi-iš-ti-i-še a-li-e <sup>D</sup>Hal-di-iš-me uš-[ú-ú]-ni e-'i hu-tu-tú-ḫi e-'i gu-nu-še [...] <sup>1D</sup>Da-i-na-la ti-ni-ni PA<sub>5</sub> a-gu-bi)<sup>96</sup>. Затем описывается поход на страну Мана.

Таким образом, в описательной части текста отсутствует поход на упомянутую в заглавной декларации страну (область) Туарацийской долины (до Гурку), и вместо него выступает сообщение о дарении богом Халди царю Аргишти битвы и о проведении последним канала от реки Данинала-тини.

Изучение заглавных деклараций урартских надписей показывает, что в подобных случаях сведения, содержащиеся в повествовательной части, следует рассматривать как дополнение (и уточнение—в смысле локализации стран) к сведениям, содержащимся в соответствующей части заглавной декларации<sup>97</sup>. Иными словами, из данного текста можно

<sup>90</sup> По мнению Г. А. Меликишвили, название какого-то сооружения, УКН, 58, прим. 1.

<sup>91</sup> Название какого-то населенного пункта, носящего имя урартского божества Куера—УКН, 58, прим. 2. Имя этого божества упоминается в следующих урартских надписях. УКН, 11А, стк. 4; 27, стк. 8, 42; 106, стк. 2, 13; 171, стк. 1.

<sup>92</sup> В тексте Данинала-тини выступает без детерминатива «река».

<sup>93</sup> Н. В. Арутюнян. ХЛА. ЭВ, VII, 1953, стр. 110 (V, 17).

<sup>94</sup> Возможно также чтение <sup>KUR</sup>(MĀTU) «страна». См. Н. В. Арутюнян. Ук. соч., стр. 110 и прим. 4.

<sup>95</sup> Н. В. Арутюнян, Ук. соч., стр. 108—111 (V, 11—14); ср. Г. А. Меликишвили. УКН, 127, V, 11—14.

<sup>96</sup> Н. В. Арутюнян. ЭВ, VII, стр. 110—111 (V, 15—17); ср. Г. А. Меликишвили. УКН, 127, V, 15—17.

<sup>97</sup> По этому вопросу подробнее см. Н. В. Арутюнян. Заглавные декларации урартских надписей и их значение при изучении вопросов топонимики. «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», Ереван, 1954, № 3, стр. 81—93.

сделать вывод, что Аргишти I завоевал страну Туарацийской долины (до Гурку) и провел там канал от реки Дайнала-тини. KUR<sup>T</sup>Tuarasīniei ħibi, как известно, отождествляется со средневековой армянской областью *Տուարածախի* Tuaratsataph<sup>98</sup>, расположенной северо-западнее Ванского озера, севернее верхнего течения реки Арацани, между средневековыми областями Харк и Багреванд. Следовательно, реку Дайнала-тини и проведенный от нее канал нужно искать где-то в этом районе.

Более точной локализации Дайнала-тини помогает отмеченная выше Арцвабердская надпись Менау. Район, где найдена эта надпись, расположен к юго-востоку от Туарацийской долины (арм. *Տուարածախի*) и отделен от нее верхним течением реки Арацани. Упоминание реки Дайнала-тини в связи с местностью, расположенной справа от Арацани (Хорхорская летопись) и слева от нее (Арцвабердская надпись), приводит к выводу, что река Дайнала-тини—это и есть, возможно, Арацани в ее верхнем течении. При подобном выводе следует также думать, что один из упомянутых каналов был проведен с левого берега (или левобережных притоков) реки Арацани и способствовал орошению земель, лежащих к северу от Ванского озера, а другой—с правого берега той же реки и был предназначен для орошения земель страны или области *Tuarasīniei ħibi*.

Что касается термина (ID)типа, прекрасную характеристику которого дал Г. А. Меликишвили<sup>99</sup>, то он выступает в надписях, повествующих о проведении от него каналов на совершенно отдаленных друг от друга территориях. В одном случае типа упоминается в Ахтамарской надписи<sup>100</sup>, рассказывающей о сооружении канала на территории страны Андунни (resp. ассир. *Aiadu*)<sup>101</sup>, расположенной к югу от озера Ван, а в другом—в Хорхорской<sup>102</sup> и в одной Армавирской<sup>103</sup> надписях, повествующих о проведении канала в районе Аргиштихинили—административного центра урартских правителей в Восточной Армении (Октемберянский район Армянской ССР). И если не признать наличия двух одноименных рек к югу от озера Ван и в районе Аргиштихинили-Армавира, что крайне мало вероятно, то, разумеется, прав Г. А. Меликишвили, рас-

<sup>98</sup> J. Sandaljian, ICU, стр. 428; Г. А. Капанцян, ИЛТДА, стр. 43—45. Что касается *ŠADŪ (MĀTU) Gurqu*, то это гора или страна, смежная, очевидно, с Туарацийской долиной или же относящаяся к ней. Следовательно, вряд ли можно согласиться с А. Сэйсом, рассматривающим Гурку как соседнюю с Мана территорию. См. JRAS, vol. XIV, part 3, стр. 696. Г. А. Капанцян считает возможным, что имя *Gurqu* есть арм. *Գորգե* Kharakhē, название горы в области *Հաշտանք* Hašteankh, близ города *Աճիճատ* Aštisat. ИЛТДА, стр. 44. Г. А. Меликишвили местонахождение *Gurqu* считает неизвестным. ВДИ, 1954, № 1, стр. 236.

<sup>99</sup> Г. А. Меликишвили. Урартоведческие заметки. ВДИ, 1951, № 3, стр. 174—176.

<sup>100</sup> Г. А. Меликишвили, УКН, 62, обор. стор., стк. 4.

<sup>101</sup> И. М. Дьяконов. Заметки по урартской эпиграфике. ЭВ, IV, 1951, стр. 107; Г. А. Меликишвили. Урартоведческие заметки, стр. 176—177.

<sup>102</sup> Г. А. Меликишвили. УКН, 127, IV, стк. 73; 128 В2, стк. 42. Ср. Н. В. Арутюнян, ХЛА, ЭВ, VII, 1953, стр. 106—107 и прим. 14.

<sup>103</sup> Г. А. Меликишвили. УКН, 137, стк. 8.

сма­три­ва­ю­щий (I<sup>D</sup>) ти­па в его нари­ца­тель­ном значе­нии — „ре­ка“ или „на­зва­ние ка­кой-ли­бо ка­те­го­рии рек“<sup>104</sup>.

Из ска­зан­но­го сле­ду­ет, что урар­тские на­д­пи­си при­уро­чи­ва­ют (I<sup>D</sup>) ти­па к раз­лич­ным рай­о­нам ис­то­ри­че­ской Ар­ме­нии (у сред­не­го те­че­ния ре­ки А­ра­кс и к ю­гу от о­зе­ра Ван), что сви­де­тель­ствует о нари­ца­тель­ном значе­нии это­го сло­ва, в то вре­мя как (I<sup>D</sup>)Dainala при­уро­чи­ва­ется к оп­ре­де­лен­но­му рай­о­ну (к се­ве­ру от о­зе­ра Ван), в значе­нии и­мен­и соб­ствен­но­го.

Сле­ду­ет так­же от­ме­тить, что на­д­пи­си, по­ве­ст­ву­ю­щие об ирри­га­ци­он­ных со­ору­же­ни­ях урар­тских ца­рей в рай­о­не, ле­жа­щем к се­ве­ру от о­зе­ра Ван, со­дер­жат и дру­гие ин­те­рес­ные све­де­ния, до­пол­ня­ю­щие на­ши зна­ния о важ­ном ирри­га­ци­он­ном значе­нии ре­ки Да­ин­на­ла. Хор­хор­ская ле­то­пись, на­при­мер, го­во­ря о про­ве­де­нии ка­на­ла от ре­ки Да­ин­на­ла, од­но­вре­мен­но ука­зы­ва­ет, что эти пред­при­я­тия «со­вер­ша­ю­тся (для) пло­до­ро­дия (?)<sup>105</sup> все­лен­ной<sup>106</sup>» (zadubi kulmeie KURšugane). С дру­гой сто­ро­ны, факт вклю­че­ния в Хор­хор­скую ле­то­пись по­ве­ст­во­ва­ния об ирри­га­ци­он­ном ка­на­ле, про­ве­ден­ном на ба­зе вод­ных ре­сур­сов ре­ки Да­ин­на­ла, сам по се­бе ука­зы­ва­ет на важ­ное значе­ние, ко­то­рое при­да­вал урар­тский ца­рь это­му ме­ро­при­я­тию<sup>107</sup>. Ука­зан­ное об­сто­я­тель­ство да­ет воз­мож­ность да­ти­ро­вать дан­ное пред­при­я­тие имен­но XII(?) го­дом прав­ле­ния Ар­ги­шти, т. е. 775 г.(?) до н. э.

Все это го­во­рит в поль­зу то­го, что про­ве­де­ние ка­на­ла от ре­ки Да­ин­на­ла урар­тский правитель считал важ­ным ме­ро­при­я­тием, обес­печива­ю­щим пло­до­ро­дие, изобил­ие и бла­го­со­сто­я­ние стра­ны Урарту и ее на­се­ле­ния. В са­мом де­ле, не мож­ет быть сом­не­ния в том, что ка­на­лы и дру­гие со­ору­же­ния ирри­га­ци­он­но­го значе­ния в древ­ности (как и в на­сто­я­щее вре­мя) пред­на­зна­ча­лись для раз­ви­тия зем­ле­де­ль­че­ских и са­до­вод­че­ских куль­тур. До­ли­на же ре­ки Да­ин­на­ла (? gesp. А­ра­ца­ни) имела весь­ма бла­го­при­ят­ные при­род­ные ус­ло­вия для раз­ве­де­ния по­се­вов, ви­но­град­ни­ков, фрук­то­вых са­дов и т. д.

Об ин­тен­сив­ном раз­ви­тии ирри­га­ци­он­но­го зем­ле­де­лия на тер­ри­то­рии, ле­жа­щей к се­ве­ру от о­зе­ра Ван, ин­те­рес­ные све­де­ния при­водит так­

<sup>104</sup> Г. А. Ме­ли­ки­ш­ви­ли. Урар­то­вед­че­ские за­мет­ки, стр. 176.

<sup>105</sup> Так пе­ре­во­дим, по кон­тек­сту, сло­во kulmeie. См. Н. В. Ару­тю­ня­н. ХЛА, ЭВ, VII, 1953, стр. 110. М. Церетели при­да­ет ему значе­ние «бо­гат­ство», «изобил­ие». М. Tseretheli, NHJ, стр. 46. Г. А. Ме­ли­ки­ш­ви­ли это сло­во пе­ре­во­дит «бла­го­со­сто­я­ние, бо­гат­ство», ВДН, 1953, № 3, стр. 249; 1954, № 1, стр. 209.

<sup>106</sup> Т. е. «все­го го­су­дар­ства».

<sup>107</sup> С этой точки зрения то же самое мож­но ска­зать так­же о (I<sup>D</sup>) ти­па и от него про­ве­ден­ном ка­на­ле. См. Н. В. Ару­тю­ня­н. ХЛА, ЭВ, VII, 1953, стр. 106—107 и прим. 14 (IV, стк. 73); ср. Г. А. Ме­ли­ки­ш­ви­ли. УКН, 127, IV, стк. 73. Сле­до­ва­тель­но, мы скло­ны сле­д­ва за М. В. Ни­коль­ским и Г. А. Ме­ли­ки­ш­ви­ли ти­па Хор­хор­ской ле­то­писи (а так­же двух закавказских на­д­пи­сей), в от­ли­чие от ти­па Ах­та­мар­ской на­д­пи­си, пред­по­ложитель­но при­уро­чить к ре­ке А­ра­кс. См. М. В. Ни­коль­ский. КНЗ. МАК—V, 1896, стр. 56; Г. А. Ме­ли­ки­ш­ви­ли. Урар­то­вед­че­ские за­мет­ки. ВДН, 1951, № 3, стр. 175.

же Арцвабердская надпись царя Менуа, повествующая опять-таки о проведении канала от реки Даниала. Дело в том, что выступающее в ней имя божества Куера или, скорее, город по имени этого божества, как на это указывают некоторые факты, очевидно, не является случайным. Примечательно, что в древней языческой религии грузинских племен, как на это обратил внимание Н. А. Джавахишвили, фигурирует божество Квириа—божество плодородия и урожая, в первую очередь женского плодородия. Грузинское Квириа, по наблюдениям Н. А. Джавахишвили над этнографическим материалом, скорее мужское божество, как и Куера урартийцев<sup>108</sup>.

С другой стороны, так как урартский правитель посвящает Арцвабердскую надпись о сооружении канала верховному божеству урартийцев—Халди, можно полагать, что царь считал его одним из крупных и важных сооружений ирригационного характера и придавал ему большое значение. Следовательно, *kulmeie* («плодородие», «изобилие» и т. п.) Хорхорской летописи и <sup>D</sup>Quegaina=<sup>D</sup>Quegaini (какой-то населенный пункт по имени божества плодородия и урожая Куера) Арцвабердской надписи указывают, очевидно, на плодородие районов верхнего течения реки Арацани в урартский период, чему, вероятно, в известной степени способствовало проведение каналов от реки Даниала.

Что территории, лежащие в верхнем течении реки Арацани, в урартский период отличались высоким развитием земледелия и садоводства, на это указывает и тот весьма интересный факт, что, по сведениям надписи Менуа из Бостанкайа (к северо-востоку от Маназкерта<sup>109</sup>), где и в настоящее время имеются обширные виноградники, урартский правитель построил крупную кладовую для вина, общей емкостью в 900 акарки<sup>110</sup>. Она уступала (вдвое) лишь кармир-блурской кладовой<sup>111</sup>. Не может быть сомнения в том, что без широкой ирригационной сети, проведенной на базе водных ресурсов реки Даниала и других аналогичных источников, невозможно было бы создать здесь обширные виноградники и накопить громадные запасы вина.

В связи с мнением о возможности отождествления Даниала урартских источников с Арацани следует учесть и то обстоятельство, что последний в ассирийских каннонических надписях выступает в форме Арцаниа (<sup>NĀRU</sup>Aršania). На это указывают надписи Салманасара III<sup>112</sup> на монолите из Тушхана (Karxa) (<sup>NĀRU</sup>Ar-ša-ni-a)<sup>113</sup> и анналы того же царя на „Черном обелиске“ из Калху (Нимруда) (<sup>NĀRU</sup>Ar-ša-ni-a)<sup>114</sup>.

<sup>108</sup> Цитируем по работам Г. А. Меликишвили. ВДН, 1954, № 1, стр. 246; Наир-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 370, прим. 2.

<sup>109</sup> Г. А. Меликишвили. УЖН, 79.

<sup>110</sup> Урартская мера емкости «акарки» равнялась около 240—250 литров. Б. Е. Петровский, Кармир-блур. II, Ереван, 1952, стр. 74.

<sup>111</sup> *ibid.*, стр. 7, 74.

<sup>112</sup> Время правления: 859—824 гг. до н. э.

<sup>113</sup> SABT, I, стр. 138, стк. 141—146; АВНИУ, 27 (II, 45 сл.).

<sup>114</sup> SABT, I, стр. 164, стб. II, стк. 40—47. АВНИУ, 28 (III сл.).

Следует также учесть, что сведения ассирийских источников о реке Арцанна весьма скудны, т. е. ограничиваются лишь упомянутыми примерами, притом они предшествуют периоду царствования Менуа<sup>115</sup> и Аргишти<sup>116</sup>, т. е. тех правителей, в надписях которых упоминаются река Даниала и отведенные от нее каналы. Название этой реки звучало Арцанна не только в ассирийских, но и, с несущественными изменениями, в поздних—античных и средневековых армянских—источниках. Поэтому, на первый взгляд, кажется, что это обстоятельство не дает основания отождествлять Даниала урартских источников с Арцанна ассирийских, Арсанием античных и Арацани средневековых армянских источников.

Приведенный факт как будто бы является серьезной помехой предложенному нами толкованию урартской реки Даниала. Однако вполне возможно, что урартийцы так называли реку Арацани, имея в виду лишь верхнее ее течение. С другой стороны, науке известны общепризнанные факты, когда одни и те же объекты назывались по-разному в ассирийских и урартских письменных источниках. Следует, например, отметить, что в настоящее время уже не подлежит никакому сомнению, что «Бианили» и «Ардини» урартских источников тождественны соответственно «Наири-Урарту» и «Мусасир» ассирийских источников. Поэтому мы склонны Даниала||(?) Арцанна<sup>117</sup> также предположительно отнести к подобным случаям<sup>118</sup>, т. е. не исключено, что Aršana ассирийское (или даже армянское?), а Dainala/i урартское название одной и той же реки. Известен, например, и такой факт: Саргон II при своем знаменитом VIII походе (714 г. до н. э.) «переходит реку Верхний Заб, которую люди Наири и Хабхи называют Эламуша»<sup>119</sup>.

<sup>115</sup> Время правления: 810—786 гг. до н. э.—Г. А. Меликишвили. УКН, стр. 431.

<sup>116</sup> Время правления: 786—764 гг. до н. э.—Г. А. Меликишвили. УКН, стр. 418; ср. мнение Н. М. Дьяконова, согласно которому Аргишти I правил с 780 г. по крайней мере до 759 г. до н. э. ВДИ, 1956, № 2, стр. 70.

<sup>117</sup> Арацани (совр. Мурад-су) или ее верхнее течение у античного историка Ксенофонта упоминается под названием Телебой, Ксенофонт. Анабасис (перевод М. И. Максимова), М.-Л., 1951, IV, (IV, 3).

<sup>118</sup> Если это в самом деле так, то мы склонны допустить, что вполне возможно наличие и других географических названий, выступающих в урартских и ассиро-вавилонских источниках по-разному, но тем не менее являющихся одними и теми же географическими единицами. Установление подобных фактов может облегчить задачу исследователей при установлении их локализации. Нам кажется, что параллельное изучение топонимики Ассирии и Урарту во многих случаях может привести к положительным выводам. И это, на наш взгляд, первым делом может касаться тех географических местностей, которые лежали на границе между Ассирией и Урарту и постоянно являлись яблоком раздора между этими некогда могущественными странами древнего Востока. Переходя из рук в руки, они могли переименовываться той или другой захватывающей страной. Имея в виду и то обстоятельство, что страны и племенные объединения, входившие в состав Урарту, в письменных источниках часто называются по имени тех или иных племен, мы также думаем, что они могли в разное время выступать под разными названиями и в самих урартских источниках, в зависимости от преобладания или усиления кого-либо из них.

<sup>119</sup> Thureau-Dangin, HCS, стк. 323.

Проведение ирригационных каналов от реки Даниала, вероятно, не ограничивается теми фактами, о которых повествуют Хорхорская летопись и Арцвабердская надпись. Нам кажется, что и некоторые другие надписи, обнаруженные на территории к северу от озера Ван, в районе верхнего течения Арацани, и сообщающие о сооружении царем Менуа ирригационных каналов, можно хотя бы частично отнести к числу свидетельств об отведении каналов от реки Даниала. С указанной точки зрения единственное исключение, очевидно, составляет надпись Менуа, обнаруженная в Беркри (северо-восточнее озера Ван)<sup>120</sup>.

Итак, об ирригационных работах царя Менуа, предпринятых к северу от озера Ван, говорит также надпись, происходящая из Ада (юго-западнее Маназкерта) и повествующая о том, что «могуществом бога Хаалди Менуа, сын Ишнуини, этот канал провел. «Канал Менуа»—имя (его). Довел(?) он (этот канал) до долины Менуа, до города Улиш- . . . Ини, до города...»<sup>121</sup>. Ввиду того, что надпись высечена на скале и, следовательно, не могла быть перевезена туда с другого места, очевидно, что упомянутые в ней города и долина Менуа, а также проведенный канал относятся к району обнаружения надписи. Это говорит о том, что канал царя Менуа был проведен к северу от озера Ван, в районе города Маназкерта (к юго-западу от него). Здесь небезынтересно отметить, что уже давно было высказано предположение о происхождении названия города Маназкерт от имени урартского царя Менуа (Менуа(з)-а-керт—Манава(з)-а-керт—Маназкерт, т. е. «построенный Менуа(?)»<sup>122</sup>. Это обстоятельство, быть может, лишний раз намекает на то неустанный заботливый уход, которое уделял урартский правитель этой территории, воздвигнув в ней города и населенные пункты и создав здесь широкую сеть ирригационных сооружений для повышения плодородия земли.

В числе надписей, обнаруженных к северу от Ванского озера, в районе Маназкерта, выделяется также надпись Менуа из Хотанлу<sup>123</sup>, в которой указывается о проведении канала «города Менизанини» (быть может «к городу Менизанини») <sup>124</sup>. Возможно, существует какая-то связь между названием города Менизанини и именем царя Менуа. Имея в виду местонахождение надписи, следует утверждать, что упомянутый канал был проведен в верхнем течении реки Арацани, в районе города Маназкерта, вероятно, в его юго-западном направлении. Надпись упоминает, что «канал облагодетельствовал(?) область(?) города Укуани, (а также области) городов Зугухе, Ириуни, Абасни»<sup>125</sup>.

Имеется еще одна надпись, происходящая из района Маназкерта

<sup>120</sup> Беркри расположено примерно в 10 км от северо-восточного угла Ванского озера. Об этой надписи подробнее см. выше, стр. 34.

<sup>121</sup> УКН, 59, стк. 1—7.

<sup>122</sup> Ср. Аргастовит (с возможным восприятием «долина Аргаста») с именем урартского царя Аргишти. К. П. П а т к а н о в, Армянская география VII века. СПб, 1877, стр. 46, 2. *Հիւրըման, Հին Հայոց անդադ տնտեսները, Վրեմիս*, 1907, стр. 198.

<sup>123</sup> Хотанлу находится юго-западнее Маназкерта.

<sup>124</sup> Г. А. М е л и к и ш в и л и. УКН, 60, стк. 5—7.

<sup>125</sup> УКН, 60, стк. 9—13.

повествующая об ирригационной деятельности Менуа, развернувшейся уже северо-восточнее указанного города. Эта надпись, найденная в селекции Мармос, представляет из себя фрагмент большой стелы, на лицевой и оборотной сторонах которого обнаружен клинообразный текст. Сохранившаяся часть надписи—формула проклятия указывает на то, что урартский правитель соорудил канал в районе обнаружения надписи<sup>126</sup>.

Приведенные факты, несомненно, говорят о широкой ирригационной деятельности Менуа, предпринятой в верхнем течении реки Арацани, у города Маназкерта. Поэтому, нам кажется, имеется достаточное основание думать, что некоторые из упомянутых каналов (см., например, надписи из Ада, Хотанлу и Мармос) были проведены от реки Даниала.

Исходя из сказанного, мы приходим к выводу, что <sup>(1D)</sup>Dainala/i, по-видимому, является именем собственным и под ним следует усмотреть название определенной реки, протекавшей к северу от озера Ван, возможно реки Арацани. По всей вероятности, она являлась одной из наиболее важных артерий этого района, обеспечивала широкую ирригационную сеть и создала необходимые предпосылки для плодородия земли и получения высокого урожая земледельческих и садоводческих культур.

С другой стороны, возможно, что часть каналов, отведенных к северу и северо-западу от озера Ван, питалась от реки Даниала и ее притоков, так как в данном районе нет другого крупного водонесточника, который можно было бы широко использовать в ирригационных целях и к тому же увековечить его в надписях, в частности в знаменитой Хорхорской летописи. И если река Даниала упоминается в связи с проведением от нее каналов лишь дважды—в надписях Менуа и Аргишти I, то это обстоятельство, по нашему мнению, несколько не говорит о том, что на основе ее водных ресурсов были сооружены только два ирригационных канала. Среди каналов, проведенных урартскими правителями к северу и северо-западу от озера Ван, конечно, могли быть и каналы, сооруженные на основе малых рек. Однако следует полагать, что основной базой ирригационных сооружений этого района могла быть такая значительная водная артерия, какой в то время являлась река Даниала (= ? Арацани).

Приведенные выше факты, несомненно, говорят о широкой ирригационной деятельности, предпринятой урартскими царями в верхнем течении реки Арацани, у города Маназкерта, в близлежащих к нему северо-восточных и юго-западных районах. Что эти районы имели весьма благоприятные условия для развития земледелия и садоводства, на это указывает и то обстоятельство, что до сих пор население продолжает здесь интенсивно заниматься упомянутыми отраслями хозяйства<sup>127</sup>. Известно, что почвенные и климатические условия той или другой географической среды являются довольно постоянным и консервативным фактором, следовательно, они в течение многих столетий и даже тысяче-

<sup>126</sup> УКН. 61, обор. стор., стк. 7—10.

<sup>127</sup> *В. Гюль, Чандыр, Эрзурум и Эрзурум провинциялари, Эрзурум, 1912, с. 33—36, 144—151.*

твий подвергаются незначительным изменениям. Вполне естественно поэтому, что существующие ныне во многих районах Армении отрасли сельского хозяйства являлись основным занятием жителей этой территории и в древнейший период, о чем красноречиво свидетельствуют урартские клинообразные надписи и археологический материал. Кстати сказать, о плодородии бассейна верхнего течения реки Арацани соответствующие сведения приводит также античный историк конца V—начала IV вв. до н. э. Ксенофонт<sup>128</sup>.

#### 4. ИРРИГАЦИЯ АРАРАТСКОЙ РАВНИНЫ

Неиссякаемые богатства Араратской равнины довольно рано привлекли внимание урартских властей. Высокое плодородие почвы и наличие водных ресурсов явились теми необходимыми предпосылками, которыми могло обуславливаться интенсивное развитие здесь ряда зерновых и садоводческих культур. Вот почему уже в период возвышения государства Урарту, в годы царствования Менуа, урартийцы оказываются в южных пределах Араратской равнины и окончательно обосновываются непосредственно на правом побережье реки Араке, где воздвигают свой административно-хозяйственный центр Менухинили (совр. Ташбурун). Усилия преемника Менуа—царя Аргишти I в дальнейшем приносят еще больше успехов урартийцам. На сей раз они уже оказываются в самом сердце плодородной Араратской равнины, овладевая все новыми районами страны Аза. Уже в V году правления Аргишти I (782 г. до н. э.) здесь сооружается военно-административный центр Эрбуни, а затем, через 6 лет, т. е. в XI году его правления (776 г. до н. э.)—административно-хозяйственный центр Аргиштихинили<sup>129</sup>. Сооружению Аргиштихинили, как увидим ниже, сопутствует развертывание работ по проведению ирригационных каналов в левобережной части среднего течения реки Араке.

И если успехи урартийцев на юге и юго-востоке оказались не столь прочными и постоянными, в силу того, что на этих территориях они имели таких сильных соперников, какими в то время являлись Ассирия и Мана, то при военной экспансии на север им приходилось иметь дело с менее опасными противниками. Речь идет о странах и племенных объединениях Этиуни, Абилинани, Эрнахи, Аза и т. д., которые в то время находились на сравнительно низкой ступени экономического развития. Поэтому на этих территориях урартийцы могли держаться довольно долго и развертывать мирное строительство, в том числе и сооружение ирригационных каналов. По этому поводу академик В. В. Струве полагает, что во время урартской экспансии на север «общество Закавказья находилось, по-видимому, в последней фазе разложения родовых отно-

<sup>128</sup> Ксенофонт, Анабасис, М.-Л., 1951, IV (IV, 7—9).

<sup>129</sup> О роли и времени основания этих городов-крепостей подробнее см. *Ե. Վ. Շտրուվեի և Կ. Կ. Գրիգորյանի, Երևանի հիմնադրման ժամանակի հարցի շուրջը*, ИФЖ, 1959, № 2—3, стр. 87—92.

повествующая об ирригационной деятельности Менуа, развернувшейся уже северо-восточнее указанного города. Эта надпись, найденная в селении Мармос, представляет из себя фрагмент большой стелы, на лицевой и оборотной сторонах которого обнаружен клинообразный текст. Сохранившаяся часть надписи—формула проклятия указывает на то, что урартский правитель соорудил канал в районе обнаружения надписи<sup>126</sup>.

Приведенные факты, несомненно, говорят о широкой ирригационной деятельности Менуа, предпринятой в верхнем течении реки Арацани, у города Маназкерта. Поэтому, нам кажется, имеется достаточное основание думать, что некоторые из упомянутых каналов (см., например, надписи из Ада, Хотанлу и Мармос) были проведены от реки Данинала.

Исходя из сказанного, мы приходим к выводу, что (1<sup>D</sup>)Dainala/i, по-видимому, является именем собственным и под ним следует усмотреть название определенной реки, протекавшей к северу от озера Ван, возможно реки Арацани. По всей вероятности, она являлась одной из наиболее важных артерий этого района, обеспечивала широкую ирригационную сеть и создала необходимые предпосылки для плодородия земли и получения высокого урожая земледельческих и садоводческих культур.

С другой стороны, возможно, что часть каналов, отведенных к северу и северо-западу от озера Ван, питалась от реки Данинала и ее притоков, так как в данном районе нет другого крупного водоносчика, который можно было бы широко использовать в ирригационных целях и к тому же увековечить его в надписях, в частности в знаменитой Хорхорекской летописи. И если река Данинала упоминается в связи с проведением от нее каналов лишь дважды—в надписях Менуа и Аргишти I, то это обстоятельство, по нашему мнению, несколько не говорит о том, что на основе ее водных ресурсов были сооружены только два ирригационных канала. Среди каналов, проведенных урартскими правителями к северу и северо-западу от озера Ван, конечно, могли быть и каналы, сооруженные на основе малых рек. Однако следует полагать, что основной базой ирригационных сооружений этого района могла быть такая значительная водная артерия, какой в то время являлась река Данинала (= ? Арацани).

Приведенные выше факты, несомненно, говорят о широкой ирригационной деятельности, предпринятой урартскими царями в верхнем течении реки Арацани, у города Маназкерта, в близлежащих к нему северо-восточных и юго-западных районах. Что эти районы имели весьма благоприятные условия для развития земледелия и садоводства, на это указывает и то обстоятельство, что до сих пор население продолжает здесь интенсивно заниматься упомянутыми отраслями хозяйства<sup>127</sup>. Известно, что почвенные и климатические условия той или другой географической среды являются довольно постоянным и консервативным фактором, следовательно, они в течение многих столетий и даже тысячеле-

<sup>126</sup> НКН, 61, обор. стор., стк. 7—10.

<sup>127</sup> В. То, *Վանի, Բիլիսի և Երզրանի իրրիգացիոնները*, Երևան, 1912, էջ 33—36, 114—151.

se), которую урартский царь назвал Аргиштихинили. В ней, как и в вышеупомянутой надписи, указывается, что „земля была пустынной“ (qirani quldini manu) и „ничего здесь не было построено“ (ni gi ištini šidauri). Вслед за сооружением города-крепости Аргиштихинили, на этих „пустынных землях“ царь проводит от реки (очевидно, от Аракса) не один, как в других случаях, а сразу четыре канала, на водных ресурсах которых закладываются виноградники и фруктовые сады (GİŠulde GİŠšare)<sup>132</sup>. Причем все предприятия — крепость Аргиштихинили, каналы, фруктовые сады и виноградники — царь справедливо считает достойными мужа делами (подвигами).

Насколько большое значение придавал Аргишти I ирригационным сооружениям в районе Аргиштихинили видно из того, что он считал необходимым сведения о них включить в текст Хорхорской летописи<sup>133</sup>. Нет нужды доказывать, что далеко не все деяния урартских правителей запечатлены в их анналах. Важно отметить, что в Хорхорской летописи, в отличие от Сардарабадской надписи, одновременно упоминается, что эти ирригационные сооружения были предназначены для страны Аза, в состав которой входил город-крепость Аргиштихинили. С другой стороны, упоминание этих предприятий под XI(?) годом Хорхорской летописи дает возможность датировать их 776 г.(?) до н. э. Говоря об ирригационной деятельности Аргишти I в бассейне среднего течения реки Аракс, в районе Аргиштихинили, следует отметить, что остатки созданных им оросительных сооружений до сих пор еще сохраняются. М. В. Никольский, а затем и Б. Б. Пиотровский при ведении полевых работ лично наблюдали следы древних урартских каналов, берущих свое начало от реки Аракс<sup>134</sup>.

Таковы в основном имеющиеся в нашем распоряжении данные о результатах ирригационных мероприятий, осуществленных в эпоху Урарту в одном из районов Араратской равнины.

Другим участком страны Аза, об ирригационных нуждах которой впоследствии так много заботились урартийцы, является район Тейшебани-Кармир-блур. Здесь развернул свои ирригационные работы Руса II, о чем повествует подробно клинообразная надпись, обнаруженная при раскопках Звартноцкого храма (неподалеку от Эчмнадзина) и хранящаяся в настоящее время в музее при этом храме<sup>135</sup>. Имея в виду содержание Звартноцкой надписи, остатки урартского городища Тейшебани и отведенный с противоположного, правого, берега реки Раздан канал, Б. Б. Пиотровский полагает, что стела, обнаруженная в Звартноце, первоначально могла быть установлена на равнине против

<sup>132</sup> УКН, 137, стк. 3—10; ср. КНЗ, IX.

<sup>133</sup> Н. В. Арутюнян. ХЛА, ЭВ, VII, стр. 106—107 (IV, 73); Г. А. Меликшивили. УКН, 127, IV, стк. 73. Ср. УКН. 128 В 2, стк. 41—42 (дубликат Хорхорской летописи).

<sup>134</sup> М. В. Никольский. КНЗ, объяснение к надписи XXIV; Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, стр. 30.

<sup>135</sup> В. С. Голенищев, ЗВО, XIII, вып. 4, 1901, стр. 686—692. Г. А. Меликшивили. УКН, 281.

Кармир-блур, а клинописный текст надписи мог повествовать о строительных работах, проведенных урартийцами в районе установления данной надписи<sup>136</sup>. В самом деле, известно, что надписи, посвященные тем или иным ирригационным сооружениям урартских правителей, устанавливались, как правило, у истоков каналов или же на тех его участках, сооружение которых связано было с определенными трудностями (примером могут служить надписи, относящиеся к Тушинскому каналу Мелуа)<sup>137</sup>. Таким именно участком на всем своем протяжении был правый берег реки Раздан. Беря свое начало в этом месте, канал проходит через тоннель, пробитый в толще андезитово-базальтовых скал, выходит за шоссе-сёйную дорогу и направляется вдоль нее к Эчмиадзину.

Звартноцкая надпись повествует о проведении от реки Илдарунна (<sup>1D</sup>Илдарунни — стк. 14) ирригационного канала под названием „Умешини“ (Umešini tini — стк. 15), об орошении ранее необрабатываемых земель (qirani šule manu ni giei ištini manigi — стк. 7—8) в долине Куарлини (<sup>KUR</sup>Quarlini hubi<sup>138</sup> — стк. 6). После сооружения канала урартский царь, по приказу бога Халди, разбивает здесь виноградники и фруктовые сады (Gis ulde Gis šare — стк. 10—11), а также создает поля с посевами (GĀN GIS-ŠAMŠE — стк. 11). Одновременно Руса II приступает к строительству нового города (URU šinhe ištini šatuli — стк. 13). Далее надпись сообщает об установлении порядка жертвоприношений верховной триаде урартских богов — Халди, Тейшеба и Шизини при орошении каналом земель „долины Руса“ (<sup>1</sup>Rusaini hubi<sup>139</sup> — стк. 16—17). В качестве жертвенных животных, как указывает надпись, мог служить мелкий рогатый скот, в частности овец и козлята.

Звартноцкая надпись привлекала внимание исследователей, начиная еще с первых десятилетий XX века, причем было высказано весьма вероятное предположение о том, что река Илдарунна этой надписи не что иное, как современный Раздан, а канал «Умешини», отведенный от ее правого берега, это тот самый канал, который ныне существует в этом месте<sup>140</sup>. Водными ресурсами канала «Умешини» и в настоящее время орошаются поля и сады вдоль шоссе-сёйной дороги, между Кармир-блуром и Эчмиадзином.

По всей вероятности, «Умешини» был одним из основных водных источников в долине Куарлини, где на его базе в пределах значительной территории созданы были многочисленные виноградники, фруктовые са-

<sup>136</sup> Б. Б. Piotrovskii. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 133.

<sup>137</sup> См. стр. 19—21 настоящего исследования.

<sup>138</sup> Чтение Qublini (И. М. Дьяконов, ЭВ, IV, 1951, стр. 106, прим. 8; ВДИ, 1956, № 2, стр. 74), исходя из некоторых соображений, в настоящее время мы считаем менее вероятным. См. Н. В. Арутюнян. К датировке основания города Еревана. ИФЖ, 1959, № 2—3, стр. 90, прим. 3.

<sup>139</sup> Очевидно то же самое, что и <sup>KUR</sup>Quarlini hubi выше.

<sup>140</sup> И. Керимов. Серб-Илиризи, Ezerbadin qazari taqqadir. «Akropolis», 1912. Члмқрлшқшл, ғшрл (№ 3), стр. 233—239.

ды и т. д. Развитие виноградарства создавало предпосылки для интенсивного развития виноделия в административно-хозяйственном центре Тейшебани. Об этом свидетельствуют громадные кладовые указанной крепости с неиссякаемыми запасами вина<sup>141</sup>.

Урарткий канал «Умешини» в дальнейшем, несомненно, подвергался неоднократным переделкам. Это обстоятельство, по-видимому, послужило причиной того, что местные жители приписывали сооружение канала персидскому Юссин-хану, который, возможно, в 1815 году его восстановил. Согласно распространенному среди армян преданию, Юссин-хан, услышав от местных жителей-стариков рассказы о том, что когда-то эти земли орошались и здесь зеленели сады, приказал очистить местность и найти русло канала. Воля хана была исполнена и древний канал, после долгих и упорных стараний, вновь был приведен в действие<sup>142</sup>.

Вот в основном сведения урартских письменных источников и более поздних устных повествований местных жителей об урартском канале «Умешини», сооруженном еще в VII в. до н. э. царем Руса II.

Вышеприведенным пока что ограничиваются наши сведения об ирригационной деятельности урартских правителей в разных районах Араратской равнины—в бассейнах среднего течения реки Аракс и нижнего течения реки Раздан.

Особый интерес представляет также горная ирригация, о которой много и неустанно заботилось туземное население. Она характеризуется созданием искусственных озер и сложной сети каналов на склонах гор и у их подножий на самой Араратской равнине для развития земледелия и садоводства, а также скотоводства (водоной для скота). С этой целью были использованы снеговые и дождевые воды, стекавшие весной с горных вершин. И если существование урартской ирригации на тех или иных территориях подтверждается остатками сооружений и письменными источниками, то горная ирригация засвидетельствована остатками материальной культуры (искусственные озера, ирригационные каналы) и памятниками, олицетворявшими культ древней ирригации, занимавший одно из основных мест в религиозных верованиях аборигенов. Подобные памятники и следы древней ирригации были обнаружены на склонах Гехамских гор и горы Арагац.

Эти памятники древности, известные в науке под названием «вишаны», представляют громадные каменные стелы, на которых в качестве характерных мотивов выступают изображения птиц, змей, рогатая голова и шкура животного, причем изо рта животного вытекает струя воды. Любопытно, что эти стелы были обнаружены на местах или в районах искусственных озер, каналов и т. д., что указывает на их неразрывную связь с древней ирригацией. Группа таких памятников была найдена в

141 Об этом подробнее см. главу «Садоводство и виноградарство» настоящей работы.

142 *Երվանդ Ե Մեծի և Մանուկի, Հին Երևանը, Երևան, 1931, стр. 12—13.*

верховьях реки Азат (совр. Гарни), в местечке Аждаха-юрт, которое представляло из себя хорошее пастбище, обильное водой, причем между двумя найденными здесь вишапами текла вода из родника. Такие каменные стелы были обнаружены также неподалеку от Аждах-юрта, в местечке Гёл-юрт и возле осушенного ныне Тохмаханского озера (Тохмахан-гёл). Последнее представляло из себя искусственно сооруженный большой бассейн и являлось частью целой ирригационной системы. Воды бассейна поступали в реку Гарни, делая ее более полноводной. Другая группа каменных статуй-вишапов Гехамских гор была обнаружена около кочевья Имирзек. Эта местность также сохранила следы древних ирригационных сооружений<sup>143</sup>.

В связи с рассмотрением вопросов древней ирригации Араратской равнины представляет определенный интерес также оросительная система на южном склоне горы Арагац. Здесь были обнаружены следы сложной сети искусственных озер и каналов, возле которых сохранилось более 20 каменных статуй-вишапов<sup>144</sup>.

Ирригация на склонах Арагаца занимала территории, расположенные между реками Дали-чай, Архашан-Анберд и ущельем Хазнафар, а также некоторые районы, лежащие к западу от указанных рек. Горная ирригационная сеть здесь состояла из 8 главных водоемов или искусственных озер и 11 магистральных каналов. Все остальные, второстепенные водоемы, каналы, арыки и т. д. являлись составной частью этой сложной оросительной системы<sup>145</sup>.

Вполне понятно, что создание ирригационной сети на склонах Гехамских гор и горы Арагац было предназначено прежде всего для развития земледелия и садоводства, отчасти и скотоводства. Ведь технические возможности того времени были совершенно недостаточны для того, чтобы использовать в горных условиях реки, протекавшие через ущелья. С другой стороны, водные ресурсы этой территории не могли удовлетворить естественные потребности земледельческого и садоводческого населения даже самой Араратской равнины. Поэтому горная ирригация была, пожалуй, единственным условием для развития земледелия и садоводства на склонах Гехамских гор и Арагаца.

Мало того, недостаток водных ресурсов Араратской равнины, по-видимому, можно было частично компенсировать путем направления горных снеговых и дождевых вод в реки, протекавшие в то время через эту равнину. Не случайно поэтому ирригационные каналы, спускавшиеся с гор, иногда были прямо соединены с реками, протекавшими через Араратскую равнину. Следовательно, горная ирригационная система была предназначена, по-видимому, для развития земледелия и садоводства не только на склонах гор, но и отчасти в низменных районах и областях путем регулирования режима горных речек.

<sup>143</sup> Н. Я. Марр и Я. Н. Смирнов. Вишапы. «Труды» ГАНМК, т. I, 1931.

<sup>144</sup> Ա. շ խ. Ք ա լ ա ն թ ա թ, Մի Հնագույն ջրարարչական սխեմի նորճրդային շախմատահատի «Տեղեկագիր» Պատմության և գրականության ինստիտուտի, գիրք II, Երևան, 1937:

<sup>145</sup> Ук. соч., стр. 179.

Исследователи в основном согласны в том, что сооружение горной ирригации предшествовало, по всей вероятности, урартской экспансии на Араратскую равнину<sup>146</sup>. Возможно, что при стремительных набегах урартских завоевателей горная ирригация несколько пострадала и частично вышла из строя. Однако весьма вероятно, что она создавала некоторые предпосылки для развития земледелия и садоводства Араратской равнины и в период урартского владычества.

Таковы в основном некоторые данные о мероприятиях ирригационного характера, осуществленных на склонах Гехамских гор и горы Арагац туземным населением<sup>147</sup>. Не подлежит сомнению, что эти мероприятия отчасти способствовали также интенсивному развитию ирригационного земледелия и садоводства в некоторых районах Араратской низменности.

\* \* \*

Подытоживая все вышесказанное об ирригационных сооружениях на территории Армянского нагорья в эпоху Урарту, можно сделать следующие основные выводы.

На территории Армянского нагорья почти невозможно было интенсивно развивать разные виды сельскохозяйственных культур без надлежащего искусственного орошения. Этим следует объяснить тот весьма примечательный факт, что в урартских письменных источниках, в связи с созданием искусственных озер, оросительных каналов и т. д., сплошь и рядом отмечается (конечно, иногда с явным преувеличением), что на указанной территории «земля была пустынной, ничего не было здесь построено» (qi(u)rani quldini manu ui gi(ei) ištini šidauri), «земля была необитаемой, никто здесь не находился» (qi(u)rani širabae manu ui aini ištini aiuri), «земля была необработанной, ничего здесь не было» (qi(u)rani šulie manu ui giei ištini manuri), «земля была пустынной, ничего не было здесь раньше (?), (ни) посева, (ни) виноградника, (ни) сада, (и) канал (тоже) не был здесь проведен» (KI<sup>MEŠ</sup> quldini manu ui giei absiei GĀN GIŠ.ŠAMŠE GIŠGEŠTIN šari ištini manuri ul PA<sub>5</sub> ištini agauri)<sup>148</sup> и т. д. и т. п. Поэтому с самого начала образования госу-

<sup>146</sup> Прекрасным подтверждением этого явилось обнаружение в 1963 г. в Гарни новой клинообразной надписи Аргишти I, высеченной на каменной статуе-вишапе. Надпись, согласно нашей расшифровке, повествует о завоевании Гиарниани(?) и уводе, в качестве пленных, мужчины и женщины с территории этой горной, вражеской страны.

<sup>147</sup> Кроме вышеуказанных работ, см. также Б. Б. П и о т р о в с к и й, Вишапы (каменные статуи в горах Армении). Л., 1939; *Մ. Արեղյան, «Վիշապներ» կոշիած քարակիրքները իրեն Առաջին-Գերկեսո գրգուհու արձաններ, Երևան*, 1941; Гр. К а н а н ц я н, О каменных стелах на горах Армении. Ереван, 1952; *Ա. Մ Ն ա ղ ա ղ ա ն յ ա ն, «Վիշապ» քարակիրքների և վիշապամորթի գրգարանու թյան մասին, «Տեղեկագիր» ՀՍՍՐ ԳԱ (Տառ. գրա.), 1952, № 5, Ա տր ո ղ ե տ, ճ ուր ո ի տ վ ա գ ա ն ը, Վրեննա, 1929*. Следы горной ирригации с каменными статуями были обнаружены также на северо-восточном побережье озера Севан около Арганвицкого залива, в селениях Мурджахети и Гандза Грузинской ССР, в бассейне реки Чорох и т. д.

<sup>148</sup> Г. А. М е л и к и ш в и л и. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наирн-Урарту. ВДН, 1951, № 4, стр. 29.

дарства Урарту его правители, наряду с военной экспансией, успешно занимаются сооружением новых или расширением и улучшением ранее существовавших ирригационных объектов для удовлетворения растущих нужд государства в сельскохозяйственных, садоводческих и виноградарских продуктах.

Взоры урартских властей, как показывает разбор приведенного выше материала, естественно, первым делом сосредотачиваются на столице государства и прилегающих к ней районах. С этой целью сооружается Тушинский канал царя Менуа. Дальнейшими усилиями Менуа и других урартских царей, путем создания искусственных озер, оросительных каналов и т. п., ранее пустынные территории превращаются здесь, как и в других центральных областях государства, в цветущие сельскохозяйственные и садоводческие районы. С этой точки зрения особенно примечательны мероприятия Менуа на южном побережье озера Ван, Руса I—в некоторых областях и районах, лежащих к востоку от того же озера, Менуа и Аргишти II—на северном побережье Ванского озера, Менуа и Аргишти I—в бассейне верхнего течения реки Арацани и, наконец, Аргишти I и Руса II—на Араратской равнине: в бассейнах среднего течения реки Аракс и нижнего течения реки Раздан. Ирригационные мероприятия проводятся ими, как это мы видели, на базе богатых водных ресурсов Армянского нагорья, с использованием при этом изобилующих водных запасов таких значительных артерий, как Арацани, Аракс и Раздан.

Таким образом, в климатических условиях Армянского нагорья, как показывает разбор клинописных источников, искусственное орошение было тем чрезвычайно необходимым и первоочередным мероприятием, которое могло обусловить интенсивное развитие земледелия, садоводства и виноградарства.

## ГЛАВА II

### ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

В главе I, при рассмотрении вопросов ирригации Армянского нагорья в эпоху Урарту, мы неоднократно подчеркивали значение искусственного орошения для интенсивного развития земледелия. Именно этим следует объяснить то обстоятельство, что развитие земледельческих культур выступает в неотрывной связи с ирригационными возможностями страны. Вот почему богатыми земледельческими центрами Армянского нагорья в урартское время становятся те районы и области, которые отличались неиссякаемыми запасами водных ресурсов и где урартийцы сплошь и рядом создавали искусственные озера, ирригационные каналы и т. п. По следам ирригационных сооружений на различных территориях Урарту, в центре и на периферии, постепенно появляются все новые и новые земледельческие районы, прежде всего в бассейнах крупных озер и значительных водных артерий.

#### 1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВАН

Весьма плодородная почва, богатые водные ресурсы и благоприятные климатические условия бассейна Ванского озера с начала же образования государства Урарту привлекали внимание его правителей. Несомненно, население занималось здесь земледелием с незапамятных времен, однако образование рабовладельческого деспотического государства создало необходимые предпосылки для «вмешательства централизующей силы правительства» в ирригационные и земледельческие работы с применением функции организации публичных работ<sup>1</sup>. Вот почему в бассейне Ванского озера, начиная еще со времени правления Менуа (конец IX—начало VIII вв. до н. э.), урартийцы предпринимали сооружение грандиозных ирригационных каналов и искусственных озер для интенсивного развития земледелия в некоторых центральных областях и районах государства.

Благодаря неустанным усилиям урартийцев богатыми земледельческими центрами становятся: на восточном побережье Ванского озера —

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, М., 1933, стр. 348.

районы столицы Тушпа-Русахинили и каналов Менуа и Руса, подводивших к ней оросительную воду, на южном—страна Анду(ни) = Айаду, на северном и северо-восточном побережьях—бассейны каналов и искусственных озер в районах Беркри и Арчеша.

Забота о развитии земледелия в районе Тушпа-Русахинили занимала основное место среди занятий урартских правителей внутри государства. Известно, что после долгих усилий Менуа завершается грандиозный Тушпинский канал, протяженностью около 80 км. В сфере этой мощной оросительной системы оказываются не только столица Урарту, но и ряд районов и территорий, расположенных в долине реки Хошаб и на восточном побережье Ванского озера<sup>2</sup>.

Несмотря на то, что о сооружении Тушпинского канала царь Менуа оставил большое количество надписей, тем не менее все они имеют трафаретное содержание и не приводят интересующих нас сведений ни о территориях, попавших после сооружения канала в сферу этой оросительной системы (за исключением виноградника Тарирнахинили), ни о посевах тех или иных зерновых культур. Однако, если надписи, относящиеся к Тушпинскому каналу, а также другие письменные источники периода правления Менуа почти ничего не говорят о земледельческом занятии населения района Тушпы и вообще восточного и юго-восточного побережий озера Ван, зато некоторые надписи преемников Менуа—царей Аргишти I и Сардури II свидетельствуют, что указанный центральный район стал одним из наиболее развитых земледельческих центров Ванского царства с обширными площадями посевов и громадными запасами зерна. На это указывают надписи Аргишти I из Вана и Сардури II из Аствацашена (близ Вана).

Надпись, проеходящая из Вана, например, повествует о том, что Аргишти I в столице Урартского государства или, быть может, в ее районе построил крупное зернохранилище ('arī)<sup>3</sup> вместимостью 10 тысяч карі<sup>4</sup> зерна<sup>5</sup>. Что касается надписи, обнаруженной в Аствацашене, то она еще больше расширяет наши представления о зерновых богатствах восточного бассейна Ванского озера. Указанная надпись повествует, что Сардури II, очевидно в районе ее местонахождения, соорудил еще более мощное зернохранилище вместимостью свыше 15 тысяч триста<sup>6</sup> «капи» зерна<sup>7</sup>.

К сожалению, нам не известно, что именно из себя представляла урартская мера сыпучих тел карі<sup>8</sup>, чтобы выяснить объем урартских зернохранилищ, в том числе тех, которые упоминаются в Ванской и

<sup>2</sup> Подробности о Тушпинском канале царя Менуа см. на стр. 16—23 настоящей работы.

<sup>3</sup> Об интерпретации термина 'arī см. Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наирн-Урарту. ВДИ. 1951, № 4, стр. 25—26.

<sup>4</sup> Мера сыпучих тел.

<sup>5</sup> Г. А. Меликишвили. УЖН. 135, стк. 3—6.

<sup>6</sup> Цифры, указывающие на десятки (единицы?), не сохранились.

<sup>7</sup> Г. А. Меликишвили. УЖН. 163, стк. 2—7.

<sup>8</sup> Ср. армянск. կարճ — кардс — скирда сеца и пшеницы. Ստամբուլի Գեղարքունիք, 1912, стр. 91.

Аствацашенской надписях Аргишти I и Сардури II. Однако не только приведенные внушительные цифры, но и сопоставление зерновых запасов урартских зернохранилищ, сооруженных в разных областях и районах (в центральных и периферийных) обширной территории государства Урарту, приводят к выводу, что интересующие нас зернохранилища восточного бассейна Ванского озера были, очевидно, одними из наиболее крупных на всей территории государства. Как увидим ниже, они несколько уступают лишь зернохранилищам, сооруженным Сардури II в районе Патноца (северо-восточнее Маназкерта, на северном склоне Сипан-дага<sup>9</sup>) и на территории страны Эриахи (район Ленинакана<sup>10</sup>). Что касается подобных зернохранилищ, построенных урартийцами на северо-восточной периферии Ванского царства (районы Аргиштихинили, Эребуни), то они (кроме одного) по своим размерам значительно уступают зернохранилищам восточного побережья Ванского озера.

Таким образом, на базе богатых водных ресурсов Тушинского и второстепенных оросительных каналов и источников ряд районов, лежащих к востоку и юго-востоку от озера Ван, превращается в развитые сельскохозяйственные центры государства Урарту. Следует сказать, что зерновые запасы ванского и аствацашенского зернохранилищ шли отнюдь не с тех земель, которые попали в сферу орошения искусственного озера и проведенного от него к «городу» Русахинили (Топрах-кале) канала, так как эти последние в период правления Аргишти I и Сардури II вообще не существовали и являются сооружениями лишь более позднего времени.

Район Тушпы, в смысле развития здесь земледелия, привлекал к себе внимание урартских властей и в дальнейшем, в период правления царя Руса I. Как известно, это было связано с перенесением урартской столицы в Русахинили-Топрах-кале (северо-восточная окраина Тушпы-Вана). И если при сооружении Тушинского канала взоры урартских правителей были прикованы к территориям, лежащим к югу и юго-востоку от города Вана, то при сооружении искусственного озера Rusai şue (Кешиш-гель) и отведенных от него каналов объектом внимания урартийцев явились уже ранее необработанные земли, расположенные к востоку от того же города. Обо всем этом приводятся интересующие нас сведения в надписи царя Руса, обнаруженной в районе искусственного озера Кешиш-гель (восточнее Ванского озера). Эта надпись, как известно, нами подробно была рассмотрена в соответствующем разделе предыдущей главы настоящего исследования при рассмотрении вопросов ирригации данного района. Поэтому здесь следует лишь коснуться некоторых вопросов, связанных с развитием земледелия, для чего «озеро Руса», как и отведенная от него сложная сеть ирригационных каналов, создавали весьма широкие возможности.

Правда, канал «города» Русахинили, по сравнению с Тушинским

<sup>9</sup> Г. А. Меликшвили, УЖН, 162, стк. 3—7.

<sup>10</sup> М. Tsereteli, NH, стр. 10 (С, стк. 25—31) и объяснение к стк. 27 на стр. 45.

каналом Менуа, уже не выглядел столь грандиозным и, следовательно, уступал ему и в смысле охвата орошаемых земельных площадей. Однако, если иметь в виду, что источник этой ирригационной сети—«озеро Руса» (Кешиш-гель) был отдален от Русахинили (Топрах-кале) почти на 25 км и для оросительных нужд этого района были использованы также водные ресурсы реки Алани (совр. Енгусерчай?), то станет вполне очевидным, что канал для «города» Русахинили являлся одним из наиболее значительных ирригационных сооружений государства Урарту. Следовательно, он занимал отнюдь не второстепенное место среди подобных сооружений, созданных урартскими правителями как в центральных, так и окраинных областях своего обширного царства. Несомненно, упомянутый канал, подводивший оросительную воду к другому участку столицы Ванского царства, на всем своем 25-километровом пути создал определенные предпосылки для развития земледелия на значительных территориях, прилегающих к каналу с севера и юга.

В самом деле, Кешиш-гельская надпись царя Руса красноречиво свидетельствует о том, что на базе водных ресурсов искусственного озера и проведенного канала, а также на базе реки Алани, урартский царь создал на этих ранее пустынных землях (ikukahini KI<sup>ТІМ</sup> ali quldini mapu — стк. 6—7) поля с посевами (GĀN ŠAMŠE — стк. 19), справедливо считая это могучими и достойными мужа делами или подвигами (DAN·NU<sup>MFŠ</sup> aḡnišini — стк. 20)<sup>11</sup>.

Не может быть сомнения в том, что для хранения урожая, собираемого с земель, попавших в сферу новосозданной ирригационной сети, понадобилось построить дополнительные зернохранилища, помимо уже построенных ранее Аргишти I и Сардури II в Ване и Аствадасене. К сожалению, пока что мы не располагаем об этом соответствующими данными. Этот пробел отчасти можно восполнить наличием зерновых остатков, обнаруженных при раскопках Русахинили. Здесь, по всей вероятности, урартскими царями были сооружены крупные зернохранилища, предназначенные для хранения богатых зерновых запасов, поступивших не только с окружающих соседних районов, но и со всех концов обширной территории Ванского царства.

Топрах-кале до сих пор не стал объектом систематических раскопок. Он еще ждет археолога и исследователя вопросов урартского земледелия, равным образом и других вопросов истории и культуры Урарту. Можно надеяться, что раскопки в будущем дадут полноценные археологические и повествовательно-письменные материалы, которые расширят наши представления по всем этим вопросам. Что касается незначительных раскопок, производившихся Леман-Гауптом и В. Бельком на Топрах-кале еще в конце прошлого века (1898 г.), то они дали крайне скудный материал, совершенно недостаточный для глубокого изучения состояния урартского земледелия в районе восточного побережья Ванского озера. С интересующей нас точки зрения эти раскопки дали лишь не-

<sup>11</sup> Г. А. Меликишвили. УАН, 268.

которые виды земледельческого орудия (железные лемехи (сошники) паугов или мотыги, серпы, вилы—рис. 2, 3), остатки зерен (кстати, до сих пор еще не изученные) и обломки крупных сосудов-карасов, предназначенных, очевидно, для хранения зерна и жидкостей, на что указывают нанесенные на них меры емкости иероглифами и клинописью<sup>12</sup>.

Железные орудия труда, найденные при раскопках на Топрах-кале, могли быть применены, несомненно, при обработке полей с посевами и садов как в Тушна-Русахинили, так и на землях, попавших в сферу мощных оросительных сетей Тушпинского и Русахинилневского кана-

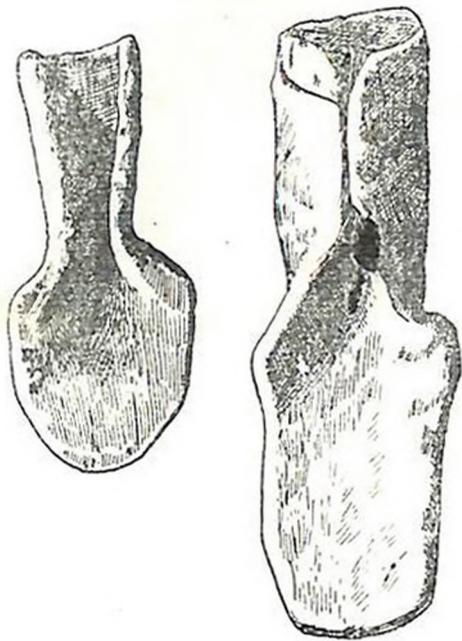


Рис. 2. Железные сошники.  
Топрах-кале.

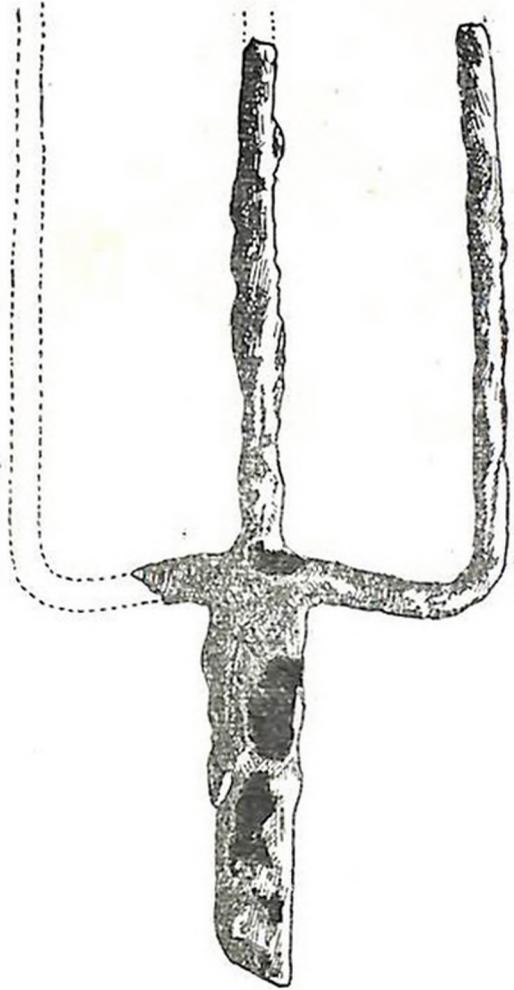


Рис. 3. Железные вилы.  
Топрах-кале.

лов. Однако этого нельзя утверждать в отношении зернохранилищ, сооруженных в Тушна-Русахинили и в его окрестностях, в том числе в отношении зернового материала, обнаруженного при раскопках Топрах-кале, так как эти богатые запасы могли регулярно поступать в столицу Урарту не только с земель восточного бассейна Ванского озера, но и со всех концов этого обширного государства.

В бассейне озера Ван высоким развитием земледелия в урартеский период отличалось также его северное побережье—район Арчеша. С этой точки зрения приводятся весьма интересные сведения в надписях Аргишти II (713—685 гг. (?) до н. э.), происходящих из Челеби-баги и Хаги. Даже из имеющихся в нашем распоряжении отрывочных материалов явствует, что надпись из Челеби-баги повествовала об энергичных действиях царя Аргишти II при создании искусственного озера в районе

<sup>12</sup> С. F. Lehmann-Haupt. Armenien. II, 2, стр. 473—475, 546—547, 560 и т. д.

Арчеша и проведении от него ирригационного канала для обработки земледельческих культур. Надпись указывает, что здесь было сооружено искусственное озеро (*šue asuaḥina* — лиц. стор., стк. 33), водами которого орошались созданные здесь поля с посевами (*GĀN ŠAMŠE* — лиц. стор., стк. 29)<sup>13</sup>.

Надпись из Хаги содержит более полноценные сведения по интересующему нас вопросу. Здесь уже говорится не только о создании искусственного озера (*šue asuaḥina*), но и о проведении канала, причем в целях орошения новосозданных полей с посевами (*GĀN GIŠ-ŠAMŠE* — лиц. стор., стк. 40) были использованы воды как озера и оросительного канала, так и какой-то реки Калнала (лиц. стор., стк. 46)<sup>14</sup>. Надпись Аргшти II из Хаги имеет поразительное сходство с надписью царя Руса, происходящей из района искусственного озера Кешин-гель (восточнее Вана). В обоих случаях речь идет о создании искусственных озер (*šue asuaḥina*), о проведении оросительных каналов и использовании в ирригационных целях водных ресурсов каких-то рек (Алани и Калнала).

Пространная надпись из Хаги содержит, вероятно, и другого рода интересные сведения о проводке ирригационной сети, обработке земельных площадей, попавших в сферу этой оросительной сети, и т. д. Однако многие слова и выражения этой надписи пока что не поддаются убедительному толкованию и переводу, поэтому наши знания о некоторых подробностях земледельческих работ, предпринятых урартийцами на северном побережье Ванского озера, остаются весьма ограниченными. Новый издатель этой надписи М. Церетели, например, пытается уловить значение некоторых таких слов, как *absiei*, *ḥurīšḥi* и т. д.<sup>15</sup> Первое из них он склонен воспринять в смысле «ирригация, орошение», а второе — «орудие труда»<sup>16</sup>.

У нас нет достоверных данных о площади, занятой под посевы на базе водных ресурсов искусственного озера, оросительного канала и реки Калнала, однако надпись из Хаги приводит некоторые сведения косвенного порядка, указывающие на то, что немало территорий попало в сферу этой оросительной сети. В надписи в связи с ирригационными работами царя упоминается, например, о пустынных землях города Тактумни(?) и, вероятно, страны (горы?) Куриака (лиц. стор., стк. 36—38), а также о создании городов (*URU<sup>mes</sup> ištini šatuli* — обор. стор. стк. 2), в том числе города Аргштихинили<sup>17</sup>, который, по-видимому, был основан «перед страной Артаранша» (оборот. стор., стк. 4—5). Видно, что в надписи упоминаются как старые, так и новые области и города,

<sup>13</sup> С. F. Lehmann-Haupt, Bericht, 130; Г. А. Меликишвили, УКИ, 275.

<sup>14</sup> M. de Tsereteli, L'inscription de la stèle de Haği, RA, III vol., № 1, стр. 29—35. Ср. Г. А. Меликишвили, УКИ, 276.

<sup>15</sup> RA, III vol., № 2, 1958, стр. 63—73.

<sup>16</sup> Там же, стр. 68, 70. Ср. Н. М. Дьяконов, МПД, стр. 88.

<sup>17</sup> Этот Аргштихинили, разумеется, не имеет отношения к одновременному административно-хозяйственному центру, основанному ранее Аргшти I на левом берегу реки Араке, т. е. на Армавирском холме.

причем все они выступают в неразрывной связи с новосозданной оросительной сетью и с посеваемыми площадями. Следовательно, весьма вероятно, что многие посева в пределах этих городов и областей попали в сферу данной оросительной сети.

Таким образом, как бы то ни было, район Арчеша в период правления Аргишти II (конец VIII—начало VII вв. до н. э.) стал, по всей вероятности, одним из наиболее развитых земледельческих центров в бассейне озера Ван. Надо полагать, что упомянутые выше мероприятия мирно-строительного характера были значительными. Следует при этом учесть хотя бы тот факт, что Аргишти II не предпринимал военных экспансий (во всяком случае, известные до сих пор его надписи ничего не говорят об этом) и, следовательно, обладал весьма большими возможностями для того, чтобы заниматься внутренними делами страны, в том числе земледелием. Мало того, по-видимому, и в этой области его долголетнее пребывание на урартском престоле, согласно надписям, ничего не принесло государству Урарту, кроме как ирригационные сооружения и обширные поля с посевами на северном побережье Ванского озера.

Территории же, лежащие у северо-восточного побережья озера Ван, с точки зрения развития земледелия привлекали внимание царя Менуа (надписи из Беркри и Гюзака)<sup>18</sup>. Однако эти надписи дают отрывочные сведения лишь о проведении каналов, создании новых городов и объектов, разведении садов и виноградников и т. д. Ни слова в них не говорится о разбивке полей с посевами.

Дело в том, что надпись из Беркри до нас дошла лишь в фрагментарном виде, поэтому можно полагать, что она содержала некоторые сведения также о земледельческих работах. К тому же известно, что земледельческие работы, как правило, сопутствуют ирригационным сооружениям. И если в некоторых надписях, в том числе в надписях из Беркри и Гюзака, упоминается либо только о проведении канала (надпись из Беркри, часть которой отсутствует), либо о проведении канала и разведении садов и виноградников (надпись из Гюзака), то это вовсе не означает, что Менуа в районах Беркри и Гюзака занимался лишь ирригационными и садоводческими работами. Во всяком случае совершенно ясно, что в районе Гюзака основное внимание царя Менуа было обращено на садоводческие и виноградарские работы. Что касается земледелия, то оно могло занимать здесь лишь второстепенное место.

Несколько иной подход должен быть к толкованию надписи, проходящей из Беркри. Так как из нее осталась лишь формула проклятия, поэтому не ясно, какие именно работы были предприняты царем на базе водных ресурсов проведенного им канала: разбивка садов и виноградников или полей с посевами, или же и то и другое, как это прослеживается в некоторых урартских надписях подобного содержания.

Таким образом, некоторые районы северного и северо-восточного побережий Ванского озера благодаря постоянной заботе царей Менуа и Аргишти II стали развитыми земледельческими центрами государства

<sup>18</sup> Г. А. Меликишвили, УКИ, 57, 65.

Урарту. Основное место среди них занимал район Арчеша, где развернул энергичную деятельность Аргишти II.

Среди территорий бассейна Ванского озера в отношении развития земледелия отличалось также южное его побережье. И если о восточном и северном побережьях озера приводят соответствующие сведения лишь урартские письменные источники, то о южном побережье они содержатся как в урартских, так и в ассирийских клинообразных надписях.

С указанной точки зрения привлекает внимание прежде всего надпись царя Менуа, обнаруженная на острове Ахтамар (близ южного побережья оз. Ван) и повествующая о его ирригационной деятельности. Давно было высказано предположение, что Ахтамарский камень с надписью, возможно, был перевезен на остров с южного берега озера, из Хуркума, так как для проведения канала вряд ли нашлось бы место на этом небольшом острове, окруженном непригодной для орошения водой Ванского озера<sup>19</sup>. К тому же на острове, естественно, не нашлось бы места ни для реки, ни для тех стран и населенных пунктов, о которых упоминает надпись. С другой стороны, сопоставление названий Андунни (ни) Ахтамарской надписи и Айаду «Луврской таблички» Саргона II<sup>20</sup> окончательно подтвердило, что упомянутая урартская надпись происходит именно с южного берега Ванского озера.

К сожалению, текст Ахтамарской надписи дошел до нас неполностью: сохранились лишь отрывки, повествующие о проведении ирригационной сети. Однако грандиозные работы царя Менуа, проводившего каналы по всей стране Андунни (ни) и территории города Уинни (ни)<sup>21</sup>, могут служить прекрасным свидетельством того, что эти его усилия не являлись самцелью. Созданию ирригационной сети последовала, несомненно, разбивка полей с посевами, фруктовых садов и виноградников. Если сохранившийся стривок Ахтамарской урартской надписи умалчивает обо всем этом, зато «Луврская табличка» ассирийского царя Саргона II красноречиво свидетельствует о том, что и впоследствии, например, в период правления урартского царя Руса I, страна Андунни (ни) = Айаду была одной из развитых земледельческих районов в центральных областях государства Урарту. Саргон II во время своего VIII похода «открывает полные амбары» обширной страны Айаду (с 29 укрепленными городами<sup>22</sup>, 87 их окрестными поселениями) и «кормит свое войско ячменем без счета»<sup>23</sup>.

Таким образом, южное побережье Ванского озера, как на это указывают урартские и ассирийские письменные источники, начиная еще со

<sup>19</sup> VBGD, 1892, стр. 477 сл.; СИС, II, 1935, стр. 78, № 52.

<sup>20</sup> Н. М. Дьяконов. ЭВ, IV, 1951, стр. 107; Г. А. Меликишвили. ВДН, 1951, № 3, стр. 178.

<sup>21</sup> Г. А. Меликишвили. УКН, 62.

<sup>22</sup> Текст упоминает 30 укрепленных городов страны Аиаду, однако в перечислении их названий почему-то приводится всего 29.

<sup>23</sup> T h i r a u - D a n g i n, HCS, стк. 281—296. Текст упоминает также о фруктовых садах и виноградниках, о чем см. соответствующее место главы «Садоводство и виноградарство».

времен правления Менуа (IX—VIII вв. до н. э.), стало одним из развитых сельскохозяйственных районов древневосточного государства Урарту с богатыми зерновыми посевами, виноградниками и фруктовыми садами. Нет сомнения в том, что все они были созданы на базе водных ресурсов оросительных каналов, проведенных царем Менуа по «всей территории страны Анду(ни) и города Уиши(ни)». Это тем более верно, что последующие урартские цари, в том числе Руса I, при котором эти районы также отличались высоким развитием земледелия, насколько нам известно, не занимались здесь работами ирригационного характера.

Известно, например, что урартские письменные источники, как правило, не приводят сведений о видах зерновых культур, которые в то время выращивались на обширной территории Ванского царства. Об этом мы имеем представление лишь по материалам из раскопок Топрак-кале (Русахинили) и особенно Кармир-блур (Тейшебани). Даже надписи, посвященные сооружению громадных зернохранилищ в разных районах Урарту, ни слова не говорят о видах хранившегося в них зерна. В этом отношении единственный, притом весьма интересный факт приводит лишь знаменитая Сардуровская летопись об одном из видов зерновых культур, выращивавшихся в ту отдаленную эпоху на территории Урарту. Собственно говоря, само значение урартского слова 'agi «зернохранилище» также было установлено на основании соответствующего отрывка Сардуровской летописи, так как слово kari, выражающее здесь количество ячменя, определяет одновременно вместимость сооружения 'agi других надписей<sup>24</sup>.

Дело в том, что указанный отрывок Сардуровской летописи, в силу весьма скудных данных, не позволяет сделать полноценных выводов об областях и районах, на базе богатых земель которых возможно было накопить громадные запасы зерна. Однако нам кажется, что эти запасы были собраны если не полностью, то, во всяком случае, в значительной их части, в центральных областях Ванского царства. Поэтому мы считаем целесообразным рассмотреть этот вопрос в настоящем разделе нашей работы.

В указанном не совсем ясном отрывке летописи Сардури II, относящемся, по-видимому, к событиям начального периода его правления, наряду с людьми, военным снаряжением, разными видами скота и продуктами земледелия и скотоводства, упоминается ячмень, притом в количестве 1 миллиона 22 тысяч 133 «капи»<sup>25</sup>. Имея в виду, что из сооруженных на территории Урарту зернохранилищ самые большие своей вместимостью не достигали даже 20 тысяч «капи», можно представить себе, о каких громадных запасах ячменя упоминает Сардуровская летопись. Приведенные цифры красноречиво свидетельствуют о том, что для хранения этих запасов ячменя понадобилось бы свыше 50 крупных зернохранилищ. Для чего эти запасы были предназначены, с территорией

<sup>24</sup> Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наир-Урарту. ВДИ, 1951, № 4, стр. 25—26.

<sup>25</sup> М. Tseretheli, NH, стр. 24—25 (С., 1—10) Г. А. Меликишвили. МЖН, 155 С., стр. 1—10.

каких областей и стран было собрано зерно (или предполагалось собрать?), зернохранилища каких областей предназначались для его хранения,— вот в основном круг вопросов, на которые не дает ответа интересующий нас отрывок Сардуровской летописи.

В указанном месте летописи упоминается какая-то категория людей—«урурда(ни)», в которых академик И. И. Мещанинов склонен видеть «урартийцев»<sup>26</sup>. Так или иначе, но одно ясно, что в данном случае речь идет не о военном походе (или походах), а скорее всего о каких-то событиях, разразившихся в то время внутри страны. По-видимому, в летописи говорится о каких-то неурядицах или мятеже «урурдайцев» против государства, во время которых Сардури II, подавив мятеж и отбросив натиск 92 боевых колесниц, 3600 всадников и 352 011 воннов, захватил в качестве пленных и трофея (или наложил на них в качестве дани?): 121 человека (быть может, военачальники или областеначальники?), 10 408 коней, 132 мула, 12 321 корову, 9 036 быков, 35 467 голов мелкого рогатого скота, 2 114 боевых оружий, 1 332 лука, 47 970 стрел, 1 022 133 «капи» ячменя, 111 «акарки» вина, 86 «акарки» 7 «тирусен» tankali масла, 7079 мин меди, 336 рабов<sup>27</sup>.

Приведенные цифры (почти везде фигурируют даже единицы) указывают на то, что речь идет о конкретных людях, снаряжении, сельскохозяйственных продуктах и т. д., причем громадные запасы ячменя, относятся ли они к центральным областям, или же вообще к государству, составляют, несомненно, основной фонд зерновых богатств Ванского царства.

Подводя итог сказанному о некоторых центральных областях и районах государства Урарту (сведения приведенного отрывка Сардуровской летописи включены сюда условно), следует заключить, что ряд территорий восточного (районы Тушпа-Русахинили и его каналов), северного (район Арчеша и т. д.) и южного (территория страны Анду(ни)—Айаду и т. д.) побережий Ванского озера, еще в IX—VII вв. до н. э. благодаря постоянной заботе царей Менуа, Аргишти I, Сардури II, Руса I и Аргишти II стал важнейшей земледельческой базой древневосточного государства Урарту. Упомянутыми правителями здесь проводятся ирригационные каналы, создаются искусственные озера, разбиваются поля с посевами для превращения ранее пустынных территорий в обрабатываемые площади с разнообразными зерновыми культурами.

---

<sup>26</sup> И. И. Мещанинов. Шураа и урурдан в клинописных памятниках Ванского бассейна. ДАН—В, 1924, стр. 19—22.

<sup>27</sup> Приведенный выше документ Г. А. Меликишвили склонен считать царским декретом, освобождающим определенные категории населения Урартской державы от некоторых государственных обязательств (главным образом в отношении комплектования и снабжения войска?). По его же мнению, надпись, быть может, передает уступки, на которые вынужден был пойти Сардури II под давлением определенных кругов населения своего царства—УКН, стр. 289, прим. 9, Ср. мнение И. М. Дьяконова—УПД, стр. 83, прим. 137.

## 2. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В БАССЕЙНАХ ОЗЕРА УРМИЯ И ВЕРХНЕГО ТИГРА

В эпоху Урарту земледелие нашло высокое развитие также в бассейне озера Урмия и у верховьев реки Тигра. И если в бассейне озера Ван, как это мы видели выше, оно представлено в основном урартскими письменными источниками и археологическим материалом и лишь отчасти ассирийскими источниками (южное побережье озера), то земледелие бассейна Урмийского озера и верхнего течения Тигра находит свое отражение исключительно в ассирийских клинописных надписях. Этот пробел урартских источников следует объяснить их характерными особенностями: они, как правило, не упоминают о занятии населения покоренных областей или же не указывают количество земледельческих продуктов, захваченных ими в разных странах и областях.

Известно, что бассейны Урмийского озера и верхнего Тигра, особенно в IX—VIII вв. до н. э., находились под надзором Урартской и Ассирийской держав. Для захвата земледельческих и других богатств этих областей предпринимаются все новые и новые военные походы, в результате которых те или другие территории оказываются в составе то одной, то другой державы. Вполне понятно, что при такой политической ситуации ни урартцы, ни ассирийцы не могли оставаться длительное время на завоеванных территориях и заниматься мирным строительством, в частности земледелием. Вот почему наиболее северные земледельческие центры (Сангибуту и т. д.), прилегавшие к основной территории Урарту, так или иначе постоянно оказывались под надзором Урартского государства, в то время как южные земледельческие центры (район гор Кашийари и др.)—под контролем Ассирийского государства.

Все это и объясняется то обстоятельство, что если сведения письменных источников о земледельческих районах восточного и южного побережий Урмийского озера ограничиваются лишь упоминанием о дани, полученной, скажем, ассирийским царем Саргоном II с населения этих территорий, то в отношении его северного побережья в них указывается не только о захватах ассирийцами в качестве дани разнообразных и громадных зерновых запасов, но и подробно описываются грандиозные мероприятия урартского царя Руса I, направленные на превращение этих ранее «пустынных» территорий в богатые земледельческие районы своего государства.

Итак, знаменитая «Луврская табличка» Саргона II показывает, что северное побережье Урмийского озера, благодаря неустанной заботе урартцев, в период правления Руса I стало одним из наиболее развитых земледельческих центров государства Урарту. По словам Саргона, на этой территории, где люди, как рыбы на суше, жаждут и не насыщаются, урартский царь Урса<sup>28</sup>, по желанию сердца своего, вырыл канал, несущий проточную воду, и воду изобилия, как Евфрат, он заставил течь. Затем от русла этого канала урартский правитель вывел бесчет-

<sup>28</sup> В ассирийских источниках Руса I упоминается по-разному: Руса и Урса.

ные арыки и всенстину оросил нивы. Пустынные земли города Улху, которые издревле не орошались и, значит, не обрабатывались, Урса на них пролил, как дождь, плоды и виноград<sup>29</sup>. Далее текст приводит весьма ценные сведения о земледелии района города Улху и вообще области Сангибуту. Этими своими деяниями урартский правитель,—говорится далее в тексте,—с одной стороны, платанам, высоким деревьям, украшению дворца своего, дал простереть тень, а с другой—на невозделанной земле, как бог, дал своим людям возглашать радостное «алалау», т. е. жатвенные песни<sup>30</sup>. Текст содержит также интересующие нас данные о площади посева и собранном урожае: 300 имеров<sup>31</sup> посева, [ . . . . . ]<sup>32</sup> хлеба при урожае царь Урса дал течь, и при продаже зерна жители города Улху увеличивали доход(?). На базе водных ресурсов проведенного канала «пустынные земли» города Улху «превращались в луга», которые «зеленели весьма сильно в начале года»; трава и пастбище не прекращались ни зимой, ни летом<sup>33</sup>.

«Луврская табличка» содержит и другого рода весьма интересные сведения о зерновых богатствах обширной области Сангибуту с 21 укрепленным городом и 146 окрестными их поселениями. В частности, в городе Улху Саргон II открывает полные амбары и несметные их запасы пускает на прокормление своего войска<sup>34</sup>. Обильный урожай города Улху и вообще области Сангибуту, который Саргон II вырвал с корнем и ни колоса не оставил для восстановления хозяйства после принесенной им разрухи, сопоставляются с тростником, не имеющим счета<sup>35</sup>.

И если выше Саргон II приводит сведения о площади посева, о высоких урожаях зерна и амбарах с обильными запасами, не вымолвив при этом ни слова о видах зерновых культур, выращиваемых в области Сангибуту, то несколько ниже он вполне определенно указывает на то, что ее зерновые богатства составляли пшеница и ячмень, «большие запасы» которых урартский царь «долгое время насыпал в амбары для поддержания жизни страны и людей». Эти запасы зерна ассирийский царь заставил свое войско возить на конях, мулах, верблюдах, ослах и из них в его лагере образовались целые холмы. Саргон II далее рассказывает.

<sup>29</sup> С садоводстве и виноградарстве города Улху и вообще области Сангибуту подробнее см. ниже—стр. 109—110 настоящей работы.

<sup>30</sup> И. М. Дьяконов, АВНИУ, §49(199) и прим. 51.

<sup>31</sup> По И. М. Дьяконову, имер был равен, по-видимому, приблизительно 40 л., следовательно, 300 имеров—около 12 т. Имер может быть и мерой площади; точный размер ее не установлен (0,73 га?)—АВНИУ, § 49, прим. 52, Ср. ARAB. II, стр. 500, где имер=84,2 л.

<sup>32</sup> Цифры, указывающие на количество хлеба (=зерна) повреждены полностью.

<sup>33</sup> АВНИУ. § 49 (190 сл.) Ср. HCS, стк. 199—209; ARAB, II, § 160.

<sup>34</sup> В других отрывках «Луврской таблички» это трафаретное выражение заменяет: «...полные амбары я открыл и ячменем без счета накормил мое войско» и т. п.

<sup>35</sup> АВНИУ, § 49 (215 сл.); ARAB, II, § 161. Приведенный образ, как указывает И. М. Дьяконов, взят из вавилонской литературы; ассирийский царь намекает на то, что хлеба в районе города Улху было так много, как тростника в низовьях Тигра и Евфрата—АВНИУ, § 49, прим. 56.

что здесь сам «накормил своих людей богатой и сытной пищей и на радостях они устроили пир(?) ради возвращения в Ассирию»<sup>36</sup>.

Таким образом, приведенные выше факты свидетельствуют о том, что некоторые территории, расположенные вдоль северного побережья Урмийского озера, ко времени уже знаменитого VIII похода Саргона II<sup>37</sup> являлись высокоразвитыми земледельческими районами государства Урарту с обильными запасами пшеницы, ячменя и т. д. Область Сангибуту была, очевидно, одной из житниц Урарту в числе его центральных областей. Вызывает однако удивление, почему в самих урартских источниках (особенно в надписях Руса I) ничего не говорится об этом.

По данным ассирийских клинописных источников, земледелием интенсивно занималось также население области Армарилли, расположенной по соседству с Сангибуту (с юго-запада)<sup>38</sup>. Во время своего VIII похода Саргон II открывает полные амбары семи крепостей и 30 окрестных поселений этой области и «обильным ячменем их, без счета, кормит свое войско». Богатый урожай Армарилли ассирийский царь считает «надеждой людей» урартского царя Урса (=Руса)<sup>39</sup>.

Текст «Луврской таблички» одновременно указывает на то, что на территории Армарилли<sup>40</sup> население занималось также садоводством и скотоводством. Однако уже тот факт, что ячмень, которым Саргон II накормил свое войско, считается «обильным» и без счета<sup>41</sup>, может служить, как нам кажется, прекрасным доказательством того, что основным занятием населения области являлось земледелие, особенно обработка культуры ячменя.

По сведениям той же «Луврской таблички», земледелие достигло высокого уровня развития не только к западу и юго-западу, но и к юго-востоку от области Сангибуту. В этом отношении выгодно отличались некоторые страны и области, территории которых в то время простирались вдоль восточного побережья Урмийского озера.

<sup>36</sup> АВИИУ, § 49 (233 сл.); HCS, стк. 262—264; ARAB, II, § 164.

<sup>37</sup> Наличие в Сангибуту крепости «Сардурихурда», дважды упоминаемой в «Луврской табличке» (АВИИУ, § 49 (199 сл., 213 сл.)), указывает, быть может, на то, что эта земледельческая область являлась объектом постоянной заботы еще Сардури II (отец Руса I).

<sup>38</sup> Территория обширной области Армарилли (Армарийали), в общей сложности с 9 укрепленными городами и 37 окрестными их поселениями, простиралась, по-видимому, вплоть до юго-восточного побережья Ванского озера. Так что вопросы, связанные с земледелием этой области, рассматриваются нами в связи с бассейном озера Урмия весьма условно. Армарилли по сути дела трудно отнести к бассейну того или другого озера; он являлся как бы мостом соединяющим эти территории.

<sup>39</sup> HCS, стк. 269—275; ARAB, II, § 165; АВИИУ, § 49 (269 сл.).

<sup>40</sup> Здесь, как и выше в Сангибуту, упоминается одно из поселений Сардури под названием Рийар, которое, быть может, косвенным образом указывает на то, что обработкой в Армарилли зерновых культур занимались урартийцы и раньше, при отце Руса I, т. е. в период правления Сардури II.

<sup>41</sup> HCS, стк. 274.

Мысленно продвигаясь с севера на юг по восточному побережью озера Урмия, навстречу маршруту VIII похода Саргона II, мы встретим некоторые подвластные в то время Манейскому царству области, население которых интенсивно занималось обработкой зерновых культур. Самая северная область этой цепи—«страна Барн», граничащая с северо-запада с Сангибуту и в рассматриваемый период даже входившая в его состав<sup>42</sup>, встречает Саргона II с обильными запасами зерна, в частности ячменя. Эту область Саргон называет «домом многочисленного ячменя» Руса I, очевидно житницей Урарту<sup>43</sup>. В окрестностях ее, в какой-то «стране далайцев», были заложены сильные укрепления Тарун и Тармакиса, возможно, для охраны области Барн и зерновых ее богатств. Обильный урожай этой области ассирийский царь ежет и «ячменем, без счета, накормил свое войско»<sup>44</sup>.

Другим богатым земледельческим центром восточного побережья Урмийского озера, по сведениям ассирийских источников, являлась область Суби с пограничной крепостью Ушкайа (Aškaiaia ħubi урартских источников)<sup>45</sup>, которая была расположена южнее Барн и считалась «началом пределов Урарту». Здесь так же Саргон II сжигает урожай, открывает полные амбары и ячменем без счета кормит свое многочисленное войско. Суби, по-видимому, являлась одним из наиболее развитых земледельческих территорий в бассейне озера Урмия. Не случайно же Саргон II считал ее «надеждой страны» Руса I<sup>46</sup>.

Некоторые другие земледельческие области, лежащие к югу от пограничной крепости Ушкайа, Саргон II считал уже исконными территориями Манейского царства, хотя он одновременно признавал, что, например, Уишдиш, ранее находившийся в пределах этого царства, к 714 г. до н. э. вновь оказался в составе государства Урарту, так как Руса I его «отнял и взял себе». На самом же деле, захват этой земледельческой области являлся, по-видимому, результатом стараний не Руса I, а прежних урартских царей. Саргон II, видимо, несколько путает факты, так как о завоевании Уишдиша (урартск. Угишти)<sup>47</sup> упоминается еще под X (?) годом (777 г. до н. э.) Хорхорской летописи Аргишти I<sup>48</sup>. Ясно, что в условиях все увеличивавшейся мощи Урартской державы (особенно при Аргишти I и Сардуре II) урартийцы никому не могли уступить высоко развитую область Уишдиш, тем более Манейскому царству. Следует иметь в виду, что и в данном случае эта территория была отнята у Урар-

<sup>42</sup> Привлекает внимание выражение: «...прибыл в страну Барн, упование скота его (Руса I.—Н. А.), называемую Сангибуту» (АВНУ, § 49 (188 сл.).

<sup>43</sup> И. М. Дьяконов. АВНУ, § 49, прим. 49.

<sup>44</sup> HCS, стк. 188—197; АВНУ, § 49 (188 сл.); ARAB, II, § 159.

<sup>45</sup> Н. В. Арутюнян. ЭВ, VII (IV, 54); Г. А. Меликишвили. УКН, 128 В2, стк. 25. См. также Н. В. Арутюнян. Хорхорская летопись Аргишти I, царя Урарту (автореферат диссертации). Л., 1951. стр. 17.

<sup>46</sup> HCS, стк. 186—187; ARAB, II, § 158; АВНУ, § 49 (167).

<sup>47</sup> Н. В. Арутюнян. Хорхорская летопись Аргишти I, царя Урарту (автореферат диссертации), стр. 17.

<sup>48</sup> Н. В. Арутюнян. ЭВ, VII, стр. 106 (IV, 55); Г. А. Меликишвили. УКН, 127, IV, 55.

лишь в конце правления Руса I, причем именно ассирийским царем Иргоном, а не, скажем, Уладусуну, царем манеев. Следовательно, земельные богатства, обильные зерновые запасы области Унидши, да и уже привлекали к себе взоры урартийцев и ко времени VIII похода Иргона II против Урарту эти богатства, очевидно, находились в руках урартских правителей более полувека—60 с лишним лет. Собственно говоря, регулярные военные столкновения Ассирии и Урарту на разных территориях бассейна Урмийского озера, в том числе на территории области Унидши, были обусловлены захватом ее богатых сельскохозяйственных и скотоводческих, о чем ниже) районов. Не случайно же зерновые амбары Унидшица в «Луврской табличке» оцениваются в огромных масштабах<sup>49</sup>.

«Луврская табличка» свидетельствует, что высоким развитием зерновых культур отличались также некоторые другие области и районы обширного Манейского царства. В одной из его больших крепостей—Иапани, заложенных для охраны против Зикерту и Андна, Саргон II по собственному приказанию должен был получить ячмень, а также асфо и вино<sup>50</sup>.

Последнее сведение о манейском земледелии относится к области Мессе, расположенной, вероятно, на южной (юго-восточной) окраине того обширного царства, к югу (юго-востоку) от Урмийского озера (отправляясь из Парсуаша (урартск. Баршуа) Саргон II оказывается уже за пределами области Мессе). Здесь, в крепости Сирдакка, манейский царь устраивает склады муки и вина для прокорма ассирийского войска<sup>51</sup>.

Таким образом, северное, восточное и южное побережья Урмийского озера, а также некоторые другие сопредельные территории в конце VIII в. до н. э. характеризуются как сельскохозяйственные центры, имевшие высоко развитые зерновые и другие хозяйства. С этой точки зрения бассейн Урмийского озера довольно похож на бассейн озера Ван, где земледелие также нашло широкое развитие именно на его северном, восточном и южном побережьях.

Другие сельскохозяйственные центры были расположены к югу и юго-востоку от Ванского озера, у верховьев реки Тигр и ее притоков. Самым южным центром среди этих стран выступает Нирбу<sup>52</sup> (Niribai hubi урартских источников)<sup>53</sup>, расположенный, по-видимому, в горах Кашийа-

<sup>49</sup> HCS, стк. 162—166; АВНИУ, § 49 (156 сл.); ARAB II, § 157.

<sup>50</sup> HCS, стк. 74—78; АВНИУ, § 49 (74 сл.); ARAB, II, § 150.

<sup>51</sup> HCS, стк. 51—53; ARAB, II, § 148; АВНИУ, § 49 (51 сл.).

<sup>52</sup> Обратим внимание, например, на выражение **MĀTU** Ni-ir-bu sā libbi **SADU** Kaš-ia-gi... „страна Нирбу, что среди гор Кашьяри“ в анналах Ашшурнасирапала (АКА, I, стр. 300, стк. 15). **MĀTU** ni(r)bu в ассирийских источниках неоднократно выступает в нарицательном значении „перевал“, следовательно, нередко соответствует разным, друг от друга отдаленным территориям. Один из них, например, Э. Форрер, отождествляет с совр. Нераб, в 5 км к юго-востоку от Алеппо — PAR, стр. 56. См. также Г. А. К а н а н ц я н. Хайаса — колыбель армян, Ереван, 1948, стр. 194—195; Н. М. Дьяконов. АВНИУ, § 3, прим. 31, § 23, прим. 40, § 26, прим. 50.

<sup>53</sup> ЭВ. VII, стр. 92 (II, 13); УКН, 127, II, 13.

ри. В анналах Ашшурнасирапала II (884—859 гг. до н. э.), например, повествуется, что ассирийцы насыпали в городе Тушхе<sup>54</sup> «ячмень и солому»<sup>55</sup> страны Нирбу<sup>56</sup>.

К северо-востоку от гор Кашииари, по ту сторону Тигра, вероятно южнее верховьев реки Бохтан, высоким развитием земледелия в то время отличалась область Хабху. Сведения о земледельческом занятии населения Хабху по сравнению с Нирбу, относятся к более раннему периоду. Об этом приводятся интересные нас данные еще в анналах Ададнерари II (911—890 гг. до н. э.). Собственно говоря, здесь мы имеем самое раннее и конкретное сведение об урартском земледелии вообще и земледелии у верховьев Тигра, в частности. И если в других ранних источниках лишь в общей сложности, весьма трафаретно и неопределенно упоминается о получении ассирийскими царями «дани» и «подати» в разных странах и областях, то в данном случае вполне определенно указывается, что ассирийцы предприняли поход против Хабху в 15-й день месяца симану (май-июнь)<sup>57</sup>, в эпонимат Ина-илла-аллак, т. е. в 895 г. до н. э.<sup>58</sup>, и успели собрать готовый урожай этой страны<sup>59</sup>.

Несколько поздние сведения об определенном районе упомянутой выше области Хабху—о стране Арбакку<sup>60</sup>, встречаются в надписи Ашшурнасирапала II (884—859 г. до н. э.) на каменном монолите, пронесшемся из Тушхана (совр. Карх). Ассирийский царь покорил Ийайа и Саланибу—укрепленные города страны Арбакку, разрушил 250 поселений с крепкими стенами страны Напри и затем пожал жатву страны этих городов, ссыпал ячмень и солому в Тушхе<sup>61</sup>.

Упомянутая выше надпись Ашшурнасирапала II приводит также другие подобного рода интересные сведения, касающиеся опять-таки бассейна верхнего Тигра. В них в качестве одного из наиболее развитых земледельческих центров выступает страна Бит-Замани, территория которой была расположена, по-видимому, к западу (северо-западу) от Хабху, по правобережной полосе Тигра. Подавив мятеж, организованный вельможами страны Бит-Замани против ее правителя Аммабали (или Аммипа'ли), во время которого последний был убит, ассирийский царь назначил нового правителя страны—Илану, наложив на него дань, в числе которой упоминается значительное количество зерна—2000 име-

<sup>54</sup> Tušha(n) — совр. Карх на правом берегу верхнего Тигра. E. Foggel. PAR, стр. 21.

<sup>55</sup> И. М. Дьяконов указывает на то, что выражение «ячмень и солома (šē'u tib-ni) не следует понимать буквально; это название двух видов натурального налога или побора на содержание войска,— „Развитие земельных отношений в Ассирии“, Л., 1949, стр. 127; АВНИУ, § 23, прим. 36; ВДИ, 1956, № 2, стр. 68.

<sup>56</sup> АВНИУ, § 23 (II, 2 сл.).

<sup>57</sup> ARAB, II, стр. 499.

<sup>58</sup> RLA, II, стр. 418.

<sup>59</sup> ARAB, I, § 371; АВНИУ, § 21. Лукенбиаль и некоторые другие авторы вместо Хабху (Хабхи) читают Кирхи.

<sup>60</sup> Совр. Арвах (Аврах) в долине реки Бохтан (приток Тигра). Город и местность в стране Хабхи (Кирхи?). PAR, стр. 27; RLA, I, стр. 142.

<sup>61</sup> АКА, I, стр. 236—237, стк. 34—36; ARAB, I, § 465; АВНИУ, § 26 (об., 30 сл.).

з ячменя<sup>62</sup>—около 80 тонн<sup>63</sup>. Кроме того, в продолжении этого текста одновременно повествуется, что ассирийцы пожали жатву страны Наирн (идет, по-видимому, о той же Наирской территории Бит-Замани) и спали зерно в поселениях Туша, Дамдаммуса, Синабу и Тиду<sup>64</sup> на пользу стране Ассирии<sup>65</sup>.

Ассирийские источники содержат также некоторые сведения о земледелии в области Шуприа, территория которой простиралась от истоков реки Субнат (притока Тигра) по направлению к Ванскому озеру. Основное занятие населения этой горной области с царским городом Ушну- (Пуму)<sup>66</sup>, несомненно, было скотоводство и добыча руд<sup>67</sup>, однако письменные источники приводят также ряд данных, свидетельствующих о том, что в хозяйстве Шуприа земледелие все же занимало место. Правитель Шуприа, например, предоставлял в своей стране беглым ассирийцам, вместе с домами, поля и сады<sup>68</sup>. Далее, покорив горную область Шуприа, Асархаддон, наряду с колесничими и конниками личной охраны, командирами, ремесленниками и т. д., прибавил в большом числе обширным войскам бога Ашшура земледельцев и виноградарей<sup>69</sup>. Все это является доказательством того, что в экономике области Шуприа не менее место было отведено также земледелию и садоводству.

В связи с земледелием области Шуприа следует отметить, что территории юго-западного и южного побережий Ванского озера вообще имели некоторые возможности для обработки зерновых культур. Выше мы уже остановились на земледельческой области Андун(ни)—Айаду. Здесь следует лишь констатировать тот факт, что к числу подобных областей Урарту следует отнести, до некоторой степени, также Уайансэси, граничащий с юга (юго-запада) с Айаду. Правда, «Луврская табличка» Саргона II упоминает лишь о садоводстве и виноградарстве этой области<sup>70</sup>. Однако в настоящей работе мы уже показали, что проведению орошения в разных урартских областях ирригационной сети или разведению фруктовых садов и виноградников, как правило, сопутствовала разбивка по-

<sup>62</sup> АКА, I, стр. 237—239, стк. 36—43; ARAB, I, § 501; АВНИУ, § 25 (об., 36 сл.).

<sup>63</sup> По подсчетам И. М. Дьяконова. АВНИУ, § 26, прим. 44. Согласно Д. Д. Лукенбилю — в двоекратном размере (160 с лишним тонн), ибо если измер, по И. М. Дьяконову, равен 40 л., то по Лукенбилю — 84,2 л. ARAB, II, стр. 500.

<sup>64</sup> Дамдаммуса находился, вероятно, около совр. Гюэль-шехр, восточнее Амиды (ирбекира); Синабу — совр. Дженаб, в 7 км к северу от Карха; Тиду — к востоку Карха — должен быть аналогичным с Ситэе Невгингерской карты, у устьев реки Имани, притока верхнего Тигра. E. Fоггег. PAR, стр. 26—28.

<sup>65</sup> АКА, I, стр. 240, стк. 47—48; ARAB, I, § 502; АВНИУ, § 26 (об., 36 сл.).

<sup>66</sup> Византийск. Arhimon, совр. Фум, в 3 км к югу от Навидже в Сасунских горах — PAR, стр. 87. Cp. N. Adontz, Histoire d'Arménie, Paris, 1946, стр. 134, прим. 2.

<sup>67</sup> В числе дани, полученной ассирийскими царями в области Шуприа, сплошь и рядом упоминается серебро, золото, бронза, свинец, железо, крупный и мелкий рогатый скот и кони. См. хотя бы АКА, I, стр. 241—242, стк. 52—53=ARAB, I, § 502.

<sup>68</sup> Le go u Waгегшап. RCAF, I, № 252, обор. стор., стк. 5—6.

<sup>69</sup> Вагег, стр. 246—247, стк. 16—20; АВНИУ, § 67 (к.).

<sup>70</sup> The Great-Danipn. HCS, стк. 303—305.

лей с посевами. С этой точки зрения, несомненно, права Н. Б. Янковская, которая допускает, что во всех случаях, когда указания на садоводство и виноградарство не сопровождаются свидетельствами о разведении зерновых культур, само собой разумеется, что хлебные поля все же были на этих территориях, так как без них в то время ни один оседлый район немислим<sup>71</sup>. Видимо, так же обстояло и с экономикой области Уайанс. К тому же несколько поздние античные источники также упоминают о предводительных богатствах этой территории. Так, совершив переправу через реку Кентрит (совр. Бохтап, приток Тигра) и следуя по Армении не менее 5 парасагов пути по равнине и невысоким холмам, греческие наемники оказываются в какой-то обширной деревне, где продовольствия было в изобилии<sup>72</sup>.

Резюмируя сказанное, следует заключить, что бассейны Урмийского озера и верхнего Тигра, а также прилегающие к ним некоторые другие территории в эпоху Урарту отличались весьма высоким развитием земледелия, в частности обработкой зерновых культур. С этой точки зрения бесспорно место занимали урартские области Армарили, Сангибуту и Барик к западу, северу и северо-востоку от озера Урмия, манейские области Суби и Уишдиш (урартск. Угшити) — на восточном побережье и Мессий южнее того же озера (все они не раз находились в составе Урарту), а также некоторые области бассейнов верхнего Тигра и его притоков — Нирбу (урартск. Нирибан-хуби), Хабху-Арбакку, Бит-Замани, отчасти Шуприа и Уайанс, являвшиеся долгое время яблоком раздора между Урарту и Ассирией.

### 3. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В БАССЕЙНАХ АРАЦАНИ И АРАКСА

С первого же взгляда бросается в глаза тот факт, что если в восточных, юго-восточных, южных и юго-западных областях Армянского нагорья земледелие в ту древнейшую эпоху представлено лишь ассирийскими письменными источниками, то в северных и северо-восточных областях — в бассейнах Арацани и Аракса, оно документировано исключительно урартскими источниками. Это объясняется тем, что ассирийские завоеватели весьма редко появлялись на некоторых из этих территорий (бассейн Арацани; по их наименованию Aršana), а другие (среднее течение Аракса), очевидно, вовсе не становились объектами их покорения. Мало того, по мере утери ряда областей на юге и юго-востоке, на западе и юго-западе урартийцы стремились прочнее обосноваться на севере и северо-востоке, а также на северо-западе. Упрочение урартского владычества в бассейнах среднего и верхнего течения Арацани и среднего течения Аракса позволяло урартийцам успешно заниматься здесь хозяйственной деятельностью: проведением ирригационных каналов,

<sup>71</sup> Н. Б. Янковская. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы, ВДИ, 1956, № 1, стр. 30.

<sup>72</sup> Ксенофонт. Анабасис (перевод М. И. Максимовой). М.-Л., 1951, стр. 106—107, IV (IV, 1—3).

разбивкой полей с посевами, разведением фруктовых садов и виноградников и т. д. и т. п. Бассейн верхнего течения реки Арацани, например, становится объектом постоянного внимания урартийцев, начиная еще со времени правления царя Менуа (конец IX—начало VIII вв. до н. э.). Последний в районе Маназкерта провел серию ирригационных каналов, о которых повествуют надписи, происходящие из Ада (юго-западнее Маназкерта)<sup>73</sup>, Хотанлу (юго-западнее Маназкерта)<sup>74</sup> и Мармоса (северо-восточнее Маназкерта)<sup>75</sup>.

В главе «Ирригация» мы приводили подробные сведения об этих надписях. Однако, чтобы иметь более полное представление о размерах мероприятий, предпринятых урартеким царем, причем какую именно роль они могли сыграть в интенсивном развитии земледелия, укажем еще некоторые данные общего характера.

Известно, например, что надпись из Ада содержит весьма интересные сведения о том, что оросительный канал был доведен до долины Менуа, до города Улиш . . . и до какого-то еще другого города<sup>76</sup>. Надпись из Хотанлу рассказывает о сооружении канала Менизани, который облагодетельствовал области городов Укуани, Зугухе, Ирнуни и Абасии. Что касается надписи из Мармоса, то из нее, к сожалению, сохранилась лишь формула проклятия разрушителям надписи, которая, однако, содержит сведения о сооружении здесь канала царем Менуа. При этом надписи из Ада и Хотанлу намекают на громадные размеры ирригационных сооружений: в одном случае оросительный канал был доведен до долины Менуа и двух городов, а в другом—до областей четырех городов.

Известны также два других источника, повествующих о сооружении ирригационных каналов в бассейне верхнего течения Арацани: надпись Менуа, происходящая из Арцваберда<sup>77</sup> и Хорхорская летопись Арцишти<sup>78</sup>. Арцвабердская надпись, например, указывает, что оросительный канал со стороны городов Алиа и Куеранили был доведен до реки Даниала (? resp. Арацани). Если иметь в виду, что урартское божество Куера<sup>79</sup>, именем которого был назван один из вышеупомянутых городов, являлось, по-видимому, божеством плодородия и урожая, то станет ясно, какое большое значение могло иметь данное ирригационное сооружение для орошения посевных площадей этой плодородной территории. Что касается Хорхорской летописи, то она также упоминает, что канал был проведен от той же реки Даниала и что он также был предназначен для плодородия (*kulmeie*), вероятно, страны Туарацийской долины. Нет со-

<sup>73</sup> Г. А. Меликишвили УКИ, 59, стк. 1—7.

<sup>74</sup> Там же, 60, стк. 5—7.

<sup>75</sup> Там же, 61, обор. стор., стк. 7—10.

<sup>76</sup> От названия этого города сохранились детерминатив и некоторые другие знаки.

<sup>77</sup> Об этом подробнее сказано выше, на стр. 37—42 настоящей работы.

<sup>78</sup> Н. В. Арутюнян. ХЛА, ЭВ, VII, стр. 108—111 (V, 12—18). Об этом подробнее см. выше, стр. 38—42.

<sup>79</sup> Ср. хеттск. *kuera* „поле“, „нива“ — Johannes Friedrich, *Hethitisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1952, стр. 117 (указание хеттолога В. Хачатряна).

мнения в том, что факт включения в летопись повествования о проведении данного канала сам по себе указывает на громадное значение этого ирригационного сооружения для развития земледелия. Следует иметь в виду, что в летописных текстах урартских царей были зафиксированы лишь те предприятия урартийцев (в основном политические, отчасти и строительные), которые представлялись наиболее значительными по своим размерам и мощи.

Нет надобности доказывать, что все эти ирригационные сооружения являлись для урартских правителей отнюдь не самоцелью. И если упомянутые выше надписи царей Менуа и Аргишти I не содержат интересных нас сведений о разбивке полей с посевами, садов и виноградников, то это вовсе не означает, что этими урартскими царями велел за проведением каналов не были предприняты меры для развития земледелия и садоводства в бассейне верхнего течения Арацани. С этой точки зрения привлекает внимание также надпись Менуа, обнаруженная в Метсофай-ванке (восточнее Патноца, по дороге в Арчеш)<sup>80</sup>, в строках 1—4 и 12—15 которой указывается, что данный письменный документ был посвящен богам Халди и Куера. Упоминание здесь Куера (ср. Куеранилли Арцвабердской надписи того же царя)—божества плодородия и урожая, несомненно, указывает, что эта местность в результате усилий Менуа стала одним из значительных земледельческих и садоводческих центров государства Урарту. И в самом деле, если надписи Менуа и Аргишти I приводят сведения о сооружении ирригационных каналов и о плодородии земли в данном районе, или же сообщают о наличии здесь населенного пункта Куеранилли, о посвящении данной надписи Куера—божеству плодородия и урожая, то некоторые другие урартские надписи красноречиво свидетельствуют о том, что ряд территорий верховьев реки Арацани стал одним из наиболее развитых земледельческих и садоводческих центров Урарту.

Всем вышеприведенным и следует объяснить тот весьма интересный факт, что один из самых крупных урартских кладовых для хранения вина и зерна сооружались именно в бассейне Арацани. Известна, например, громадная кладовая для вина, сооруженная царем Менуа в районе Бостанкайя (к северу от Маназкерта), которая могла вместить 900 «акарки» вина<sup>81</sup>, примерно 220 тысяч литров<sup>82</sup>. Такие громадные запасы вина, несомненно, могли быть скоплены в результате интенсивного использования водных ресурсов каналов, сооруженных тем же царем в районе Маназкерта<sup>83</sup>.

С точки зрения земледелия, в частности разведения зерновых культур в бассейне реки Арацани, содержит неоценимые сведения надпись

<sup>80</sup> Г. А. Меликян в изд. НКН, 106.

<sup>81</sup> Там же, 79, стр. 4—5.

<sup>82</sup> Урартская мера для жидких тел  $ar\ddot{u}t\ddot{u}t = 240—250$  л.

<sup>83</sup> См. упомянутые выше надписи Менуа, происходящие из Ала, Хотанду, Мармоса и Ариваберда.

Сардури II, обнаруженная в Патноце<sup>84</sup>. В ней повествуется о сооружении зернохранилища вместимостью более 18 тысяч 400 «капи»<sup>85</sup>. Несмотря на то, что урартоведению не удалось еще установить величину урартской меры сыпучих тел карі, однако сравнительный материал, относящийся к сооруженным в разных областях и районах урартским зернохранилищам, наглядно свидетельствует о том, что Патноцкое зернохранилище по своим размерам превышает все те аналогичные сооружения, которые построили Сардури II, Аргишти I и Руса III в Ване и его районе (Аствацашене), в Армавире (урартск. Аргиштихивили) и Арин-берде (урартск. Эребуни). Из них с Патноцским может несколько сравниться зернохранилище, сооруженное Сардури II в Аствацашене, хотя и последнее по своей вместимости уступает ему более чем на три тысячи «капи».

Все вышесказанное, как нам кажется, может служить прекрасным доказательством того, что бассейны реки Арацани, особенно Маназкертская и Патноцкая равнины, еще в IX—VIII вв. до н. э. стали одними из наиболее развитых земледельческих центров древневосточного государства Урарту. Это, конечно, было результатом интенсивного использования обильных водных ресурсов оросительных каналов, сооруженных на базе богатых водных запасов Даннала и некоторых других рек (в том числе и притоков Даннала). К тому же для превращения этих территорий в богатые посевные площади особые усилия приложили сразу три правителя эпохи возвышения и расцвета Урарту—Менуа, Аргишти I и Сардури II.

Вполне понятно, что богатый почвенный покров, обильные водные ресурсы и благоприятные климатические условия бассейна Арацани не могли ускользнуть из поля зрения урартских правителей. Эта территория во все периоды истории и вплоть до наших дней была и остается одной из прославленных житниц Армянского нагорья. Античные источники также свидетельствуют о хлебных и других богатствах населенных пунктов, расположенных у реки Арацани. Здесь, у реки Телебоя (resp. Арацани), Ксенофонт и греческие наемные войска побывали в многочисленных деревнях, полных всяких припасов и продовольствия, в числе которых упоминаются хлеб, всевозможные овощи, старые душистые вина и т. д.<sup>86</sup> К тому же Ксенофонт косвенным образом указывает, что население здесь занималось также обработкой культуры кунжута<sup>87</sup>.

Приведенные выше факты с достаточной убедительностью показывают, что в бассейне реки Арацани и в последующий период были развиты те же отрасли хозяйства, что и при урартийцах—обработка зерновых культур и винограда.

<sup>84</sup> Патноц расположен северо-восточнее Маназкерта, на северном склоне Синаидага, на одном из притоков реки Арацани.

<sup>85</sup> Г. А. Мелник и Швили, УКИ, 162, стк. 3—7. Цифры, указывающие на десятки (или на единицы) «капи», повреждены.

<sup>86</sup> Ксенофонт, Анабасис IV (IV, 7—9).

<sup>87</sup> Культура кунжута в Урарту широко представлена кармир-блурским археологическим материалом—см. стр. 93—95.

По мере вооруженной экспансии на север и покорения все новых областей и районов, урартийцы приобретают новые богатые земледельческие территории. После высокоразвитых земледельческих центров на юге, изюры их правителей останавливаются на богатых землях бассейнов реки Аракс и ее притоков. Собственно говоря, эти экономически богатые районы именно побудили урартских завоевателей совершать неоднократные походы с целью их окончательного покорения и удовлетворения растущих потребностей могучего и обширного государства Урарту в земледельческих продуктах. В этом отношении, как свидетельствуют урартские клинообразные надписи, исключительные усилия приложили Аргишти I и его сын Сардури II.

С этой точки зрения привлекает внимание надпись Аргишти I, обнаруженная в верхнем Сарыкамыше (Карская область)<sup>88</sup>. Несмотря на то, что надпись сильно пострадала, все же исследователь в состоянии извлечь из нее весьма ценные сведения о занятиях местного населения в ту древнюю эпоху. Сарыкамышская надпись повествует, что Аргишти I завоевал город Ахуриани страны Аштухнии<sup>89</sup> вместе с зернохранилищем Аштухнии. Как во многих других местах надписи, так и в данном контексте, к сожалению, после слова 'agi—«зернохранилище» имеется повреждение, которое, быть может, указывает на наличие знака MEŠ «много» или -li (показатель множественного числа абсолютного падежа). На это в известной мере указывает также слово žini («все»), относящееся к стране Аштухнии. Следовательно, если Сарыкамышская надпись повествует о захвате зерновых запасов всей страны Аштухнии, то весьма вероятно, что Аргишти I имел дело здесь не с одним лишь, а со многими зернохранилищами. Насколько большое значение придавал урартский царь захвату зерновых запасов страны Аштухнии (исторический Вананд?), видно хотя бы из того, что он считал необходимым для этих фактов выделить особое место в надписи о своих завоеваниях. Известно же, что урартские правители в надписях, повествующих об их завоевательных походах, как правило, не упоминали о каких-либо зернохранилищах, сооруженных или захваченных ими в разных областях и территориях Урарту. В особых случаях этим фактам посвящались специальные надписи. Исключением, наряду с Сарыкамышской надписью,

<sup>88</sup> М. В. Никольский. КНЗ, XXI; Г. А. Меликишвили. УКН, 130.

<sup>89</sup> М. В. Никольский и Г. А. Меликишвили данное место надписи воспринимают: «Я завоевал город Ахуриани, страну города Аштухнии». Нам кажется, что перед Аштухнии следует восстановить детерминатив «страны», а не «города», на что указывает первым долгом идеограмма KUR «страна», последовавшая за этим названием. Затем окончание -e: родительного падежа при названии Аштухнии также, по нашему мнению, указывает на правдоподобность нашего восстановления. И, наконец, при наличии двух объектов (город Ахуриани и страна города Аштухнии) понадобилось, чтобы это было выражено в объектном показателе глагола, т. е. следовало бы форму не haubī, а hauī. Нам кажется менее вероятным, чтобы здесь указывалось два города сразу (Ахуриани и Аштухнии), причем чтобы о первом было извещено через другой город той же страны. Таким образом, для строк 2—3 надписи мы предлагаем следующий перевод: «...Завоевал я город Ахуриани страны (!) Аштухнии». Ахуриани, очевидно, являлся царским городом (столицей) страны Аштухнии, тогда завоевание последней в целом само собой разумеется.

является, пожалуй, Сардуровская летопись, которая упоминает о захвате многочисленных потаенных складов страны Эрнахи (о чем подробнее ниже). Все это приводит нас к той мысли, что в стране Аштухини (с городом Ахурнани), лежавшей, очевидно, в бассейне реки Карс-чай<sup>90</sup> (притока Аракса), Аргишти I захватил разнообразные и изобилующие зерновые запасы, причем они, вероятно, были накоплены не в одном единственном зернохранилище, а в многочисленных складах зерна, иначе урартский царь не считал бы нужным какому-то несущественному факту уделить особое место в надписи, относящейся к одной из своих важных военных экспансий на север с целью покорения обширной территории мощного племенного объединения Этуни<sup>91</sup>.

Карская область и в дальнейшем, в раннеармянское время продолжала оставаться богатой хлебородной территорией Армянского нагорья. Вот почему Мовсес Хоренаци ее характеризует как «... изобилующая водою, ...поля же покрыты густой травой и обильно производят плоды с семенами...»<sup>92</sup>.

Во время вооруженной экспансии на север из поля зрения урартских правителей не могла ускользнуть также одна из богатейших хлебородных провинций Армянского нагорья, которая в урартских надписях выступает под названием Эрнахи, а в ранних армянских источниках—Ширак<sup>93</sup>. Нельзя считать случайным тот факт, что цари периода наибольшего могущества Урарту—Аргишти I и Сардури II совершали неоднократные походы для овладения территорией Эрнахи. В летописи Аргишти I Эрнахи, в связи с ее покорением, упоминается трижды (а также один раз в надписи из Гавлиджа)<sup>94</sup>, а в Сардуровской летописи—семь раз. Богатые водные ресурсы и плодородные земли этой области, очевидно, и были основной причиной того, что, несмотря на ожесточенное сопротивление местных племен, все же урартийцы не отказались от этой территории. Этим именно и объясняется факт стремительных и многолетних повторных набегов урартских правителей против Эрнахи.

С интересующей нас точки зрения привлекает внимание соответствующее место Сардуровской летописи, где говорится о захвате урартийцами на территории страны Эрнахи богатств, сосредоточенных на по-

---

<sup>90</sup> Давно было высказано мнение о том, что название города Ахурнани урартской летописи вполне совпадает с нынешним названием реки Арпачай-Ахурян, причем название Ахурян в древности принадлежало Карс-чаю, а не Арпачаю. А. К л и т ч я н. Древний город Astuhini (Астахана). «Древности Восточные», II, вып. 2, 1901, стр. 102 сл.; Saint-Martin, *Memoires historiques et geographiques sur l'Arménie*, I, Paris, 1818, стр. 39.

<sup>91</sup> См. стк. 2—14 Сарыкамышской надписи.

<sup>92</sup> М о в с е й Х о р е н с к и й. История Армении (перевод Н. О. Эмина). М., 1893, стр. 200 (кн. III, § 59).

<sup>93</sup> Речь идет лишь о возможной локализации страны Эрнахи, но вовсе не о совпадении границ Эрнахи с Шираком.

<sup>94</sup> Надпись из Гавлиджа (район Лениакана) является неопенным источником и исходным пунктом для локализации страны Эрнахи (КНЗ, V, стк. 3).

лутора сотнях «потаенных складов» (*Ē murili*)<sup>95</sup>. Интересно, что же урартский царь подразумевал под этими потаенными складами? Какими богатствами в то время могла обладать страна Эрнахи, территорию которой специалисты урартской эпиграфики справедливо локализируют в районе совр. Лениакана и сопредельных ему местностях. Широко известно, что эта территория (исторический Ширак) издревле славилась обработкой разнообразных зерновых и других сельскохозяйственных культур на базе богатых водных ресурсов, плодородия обширных земель и благоприятных климатических условий. Вот почему она была и в наше время продолжает оставаться одной из житниц Армянского нагорья. Ведь нельзя считать случайным тот факт, что Мовсес Хоренаци «оправдывает поговорку, повторяющуюся между поселянами» относительно «прожорливого» Шарая—одного из представителей предков армян: «Коль у тебя глотка Шарая, у нас не Ширакские амбары». При этом провинцию Ширак Хоренаци считает «доброй и плодоносной поляной, по которой протекают многие воды»<sup>96</sup>.

Относительно упомянутой территории то же самое подтвердил в начале нашего века английский путешественник Линч, который писал: «Это край, удивительно приспособленный к культуре злаков. Равнины, по которым Арпа-чай<sup>97</sup> («ячменная река») пробивает себе путь к Аракеу, были в исторические времена одними из житниц Армении»<sup>98</sup>. А разве эта местность в наши дни сколько-нибудь изменила свой облик в отношении природных условий или плодородия почвы? Отнюдь нет.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного можно прийти к выводу, что под «потаенными складами» урартский царь подразумевал, по всей вероятности, богатые сельскохозяйственные продукты страны Эрнахи, главным образом земледельческие<sup>99</sup>. Эти невероятные богатства (*kułmeie*) области Эрнахи, очевидно, в течение около двадцати лет<sup>100</sup> непрерывно и неотступно привлекали урартских завоевателей; наконец, Сардури II удалось захватить вышеупомянутые многочисленные зерновые и другие хранилища. Этот урартский правитель указывает, что потаенные склады были сооружены еще предками (отцом и дедом) царя Эрнахи, которые и, вероятно, поклялись, что никогда эти владения не попадут в руки царей других стран. Да и последующие эрнахские цари, очевидно, были настроены в таком же духе, если иметь в виду, что в

<sup>95</sup> М. Tsereteli, NII, стр. 10—11 (С, 26—31), 45; Г. А. Меликишивили, УКН, 155С, стк. 26—31. Наличие здесь слово *kułmeie* «богатство» и т. д. также, как будто, указывает на правдоподобность такого перевода *Ē murili*.

<sup>96</sup> Моисей Хоренский, История Армении (перевод Н. О. Эмина), М., 1893, стр. 21. Ср. оригинал: *Մովսէս Խորենացի Պատմութիւն Հայոց, Տգրիւ, 1913, էջ 40.*

<sup>97</sup> Новое турецкое название. В армянских источниках эта река выступает под названием Ахурян.

<sup>98</sup> Х. Ф. Б. Линч, Армения, I, Тифлис, 1910, стр. 562—563.

<sup>99</sup> Страна Эрнахи до некоторой степени отличалась также скотоводством.

<sup>100</sup> Военная экспансия против Эрнахи, как известно, была начата еще со II года правления Аргишти I (785 г. до н. э.), в то время как упомянутые выше потаенные склады были захвачены его преемником Сардури II во время одного из походов совершенных им не раньше 749 и не позже 747 г. до н. э.

союзе, вероятно, с племенными объединениями Абишпанихи, Этиуни и др. им удастся все же противостоять в скором времени такому грозному противнику, каким в то время являлось могучее государство Урарту во главе с царем Сардури. Об этом говорит тот факт, что и в последующие годы Сардури II, лишившись зерновых и других богатств Эрнахи, дважды совершает походы против нее и других соседних стран<sup>101</sup>.

Вполне понятно, что Сардури II придавал большое значение захвату сельскохозяйственных запасов страны Эрнахи, в противном случае он не включил бы об этом в свои знаменитые анналы особые записи. Ведь в летописях и других надписях урартских царей военно-политического характера, если сплошь и рядом упоминается об уgone крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и т. д. из территорий покоренных областей, зато, как правило, ничего не говорится о захвате зерновых богатств. С этой точки зрения единственным исключением является не совсем понятный текст из летописи Сардури II (G, 10—11), где упоминается громадное количество ячменя, вина и т. д., а также Сарыкамышская надпись Аргишти I с упоминанием о захвате зернохранилища (или зернохранилищ?) страны(?) Аштухини с городом Ахурнани<sup>102</sup>.

Что касается надписей стрелительного характера, то среди них встречаются, притом весьма редко, такие, которые специально посвящены сооружению зернохранилищ, винных кладовых и т. д. на разных территориях государства Урарту. II в подобных случаях мы имеем дело с единичными экземплярами, но не сразу со ста пятьюдесятью потаенными складами или хранилищами, как это было в Эрнахи. Следовательно, громадное количество сельскохозяйственных продуктов и других богатств этой страны во всех отношениях занимает вполне обособленное место не только среди подобных богатств покоренных урартийцами областей, но и, возможно, по сравнению с накопленными запасами наиболее развитых центральных земледельческих областей Ванского царства. К тому же, если в других случаях земледельческие богатства приобретаются в результате собственных усилий урартских правителей на необработанных ранее территориях путем создания искусственных озер, сросительных каналов, разбивки полей с посевами и т. п., то в стране Эрнахи урартийцы сталкиваются уже с готовыми зерновыми и другими неисчислимыми запасами, накопленными эрнахскими царями и туземным населением.

Территория урартского Эрнахи, к сожалению, не стала еще по-настоящему объектом археологического изучения. Все же известна бронзовая мотыга, обнаруженная при раскопках древнего поселения около Ленинакана, которую А. А. Мартиросян датирует первыми четвертьями столетиями I тысячелетия до н. э.<sup>103</sup> Здесь были найдены также бронзовые

101 Сардуровская летопись, E., стк. 20; F., стк. 5, 12.

102 Об этих фактах подробнее см. выше, стр. 61—62, 74—75.

103 А. А. Мартиросян. О древнем поселении около Ленинакана. «Известия АН АрмССР (общ. науки)», Ереван, 1952, № 10, стр. 87.

и железные серпы<sup>104</sup>. Дальнейшие раскопки, несомненно, выявят и другие материалы, связанные с земледелием на этой плодородной территории в эпоху Урарту.

Таким образом, бассейн реки Ахурян был одним из наиболее развитых земледельческих территорий в эпоху Урарту, с большими запасами хлебных злаков и других земледельческих культур.

Несколько позже урартийцы переходят реку Араке у ее среднего течения и овладевают плодородной Араратской равниной. Если уже во II году своего правления Аргишти I впервые появляется на территории богатой хлебоборудной страны Эрнахи, то он лишь в описании событий V и XI гг. своей летописи упоминает о сооружении городов-крепостей Эребуни-Ереван и Аргиштихинили-Армавир на территории плодородной области Аза, расположенной на Араратской равнине<sup>105</sup>. К тому же если на территории страны Эрнахи, благодаря более благоприятным климатическим условиям, урартским правителям не приходилось прилагать столь много энергии и труда для развития земледелия, то на Араратской равнине, которая издревле отличалась особой сухостью климата во всем Закавказье<sup>106</sup>, они создали целый ряд оросительных каналов для интенсивного развития здесь хлебных злаков и других земледельческих культур. Этим следует объяснить тот необъяснимый иначе факт, что если нам неизвестно буквально ни одной надписи, повествующей о каких-либо ирригационных мероприятиях урартийцев на территории Эрнахи, то ряд надписей некоторых урартских правителей и даже знаменитая Хорхорская летопись Аргишти I упоминают о проведении оросительных каналов на территориях страны Аза и долины Куарлини для разбивки полей с посевами, виноградников и т. д.

Остановимся, следовательно, на фактах, проливающих свет на уровень развития земледелия страны Аза, т. е. Араратской равнины.

Две надписи Аргишти I, происходящие из района Аргиштихинили-Армавира, как известно, повествуют о сооружении здесь оросительных каналов, причем в них отмечается, что земля здесь была необитаемой (*qirani širabaē manu*) или же пустынной (*qi(u)rani qulđini manu*). К тому же в надписях повествуется о проведении не двух, а сразу пяти каналов от реки (*шана*), очевидно от Аракса.<sup>107</sup> Подобные же сведения содержит Хорхорская летопись того же Аргишти<sup>108</sup>.

---

<sup>104</sup> Эти серпы, согласно любезному сообщению А. А. Мартиросяна, хранятся в Историческом музее Ленинского района.

<sup>105</sup> Территория страны Аза простиралась с левого берега реки Араке (район Аргиштихинили) и далее на северо-восток вплоть до Еревана. На ее территории были расположены урартские центры Аргиштихинили, Эребуни и Тейшебани. Что касается правобережного участка Араратской равнины (напротив Аргиштихинили), то он в урартских надписях выступает под названием страны Эрикуахи с городом Лухуни.

<sup>106</sup> Ливич. Армения. I, Тифлис, 1910, стр. 566.

<sup>107</sup> М. В. Никольский. КНЗ, XXIV, IX; Г. А. Меликишвили. УКН, 136, 137.

<sup>108</sup> Н. В. Арутюнян. ЭВ, VII, стр. 106—107 (IV, 73); Г. А. Меликишвили. УКН, 127, IV, 73.

Нет сомнения в том, что все эти ирригационные сооружения страны Аза, созданные на базе богатых водных ресурсов реки Араке, были предназначены для интенсивного развития земледелия и садоводства. Этим нужно объяснить тот факт, что Аргишти I, а в дальнейшем Сардури II и Руса III, успешно занимаются здесь обработкой зерновых и других земледельческих культур.

В одной из дефектных надписей Аргишти I, обнаруженных в районе Аргиштихинили-Армавира, указывается, например, что Аргиштихинили был воздвигнут на территории вражеской страны Аза, а затем в неясном контексте упоминается „хлеб в поле“ (*ŠAMŠE*)<sup>109</sup>. Об интенсивном развитии земледелия в бассейне среднего течения реки Араке более ясные указания мы находим в надписи Руса III, посвященной специально сооружению зернохранилища вместимостью 1432 «капи»<sup>110</sup>. Правда, по своей величине оно уступает буквально всем до сих пор нам известным зернохранилищам, в том числе зернохранилищам Араратской равнины, сооруженным Аргишти I и Сардури II в Эребуни-Арни-берде. Однако Аргиштихинили-Армавир только что стал объектом систематических раскопок, следовательно, мы пока как следует не осведомлены о всех предприятиях урартских правителей, проведенных ими в районе этого города-крепости. Вместе с тем, наши сведения о зерновых богатствах района Эребуни относятся к эпохе неимоверной мощи государства Урарту, т. е. к периоду правления Аргишти I и Сардури II, в то время как данные о зерновых богатствах района Аргиштихинили к периоду упадка этого государства (Руса III). Наконец, мы не осведомлены также, с каких именно земель были накоплены богатые зерновые запасы, о которых повествуют надписи Аргишти I и Сардури II, обнаруженные в Эребуни. Ведь не исключена возможность, что часть зерновых запасов Эребуни была получена именно в районе Аргиштихинили. До сих пор нет ни одной надписи о сооружении ирригационных каналов в районе Эребуни. А ведь известно, что ни на одном участке Араратской равнины невозможно было заниматься обработкой зерновых и других культур без надлежащего искусственного орошения.

Исходя из сказанного, мы склонны думать, что часть надписей, обнаруженных в районе Аргиштихинили, да и в других областях обширного Банского царства, и повествующих о постройке каких-то «домов» (*É*), быть может, следует отнести к числу надписей, посвященных как раз сооружению зернохранилищ.

Как известно, Эребуни находится по соседству с Тейшебани и на порядочном расстоянии от Аргиштихинили, поэтому создается впечатление, что целесообразнее рассматривать вопросы земледелия района Эребуни в совокупности с теми же вопросами, относящимися к району Тейшебани, а не к Аргиштихинили. Однако известно и то, что Эребуни и Аргиштихинили относятся к одному и тому же периоду истории Урарту (первый был основан в 782, а второй—в 776 г. до н. э.), в то время как

<sup>109</sup> Г. А. Меликишвили. УКН. 112, стк. 1--3.

<sup>110</sup> Там же, 288.

Тейшебани—к несравненно позднему времени (при правлении Руса II: 685—645 гг. до н. э.). По этой причине мы считаем целесообразным рассматривать вопросы земледелия района города Аргиштихинили в неразрывной связи с подобными же вопросами, относящимися к району Эребуни. Всем этим и объясняется тот немаловажный факт, что район Эребуни, с точки зрения обработки зерновых культур и т. п., был в центре внимания тех урартских царей (Аргишти I в Сардури II), что и район Аргиштихинили.

Что касается Руса III, то в период его правления чувствуется заметный упадок не только в былой военной мощи государства Урарту, но и в значительном уменьшении запасов земледельческих продуктов области Аза. Вот почему по сравнению с незначительным зернохранилищем (вместимостью всего 1432 капи), сооруженным Руса III в районе Аргиштихинили, цари эпохи расцвета Урартского государства Аргишти I в Сардури II в районе Эребуни строят более крупные, емкостью примерно четыре (5 100 «капи») или семь (10 100 «капи») раз больше<sup>11</sup>.

Весьма интересно, что сведения Арибердских надписей о сооружении зернохранилищ подтверждаются также археологическим материалом. Так, например, одно из раскопанных помещений, расположенных в северо-восточной части крепости, по мнению Б. Б. Пиотровского, вероятно, служило зернохранилищем, на что намекает своеобразное устройство пола для сохранения зерна от сырости. Более того, в одном большом помещении, расположенном между колонным залом (анадапом) и храмом *susi* были найдены остатки проса и обломки двух крупных карасов, предназначенных, по-видимому, для хранения проса<sup>12</sup>.

Примечательно, что сооруженное Аргишти I в Эребуни зернохранилище, по своей вместимости (10 тысяч сто капи) занимало своеобразное место по сравнению с зернохранилищами Ванского царства, сооруженными как в его центральных областях, так и на периферии. Если оно уступало, скажем, зернохранилищам Сардури II в Патноце (более 18 тысяч 400 капи) и Аствацашене (более 15 тысяч 300 капи), зато превышало все остальные урартские зернохранилища. Мало того, Арибердское зернохранилище Аргишти I, по своим размерам несколько превышало даже зернохранилище того же царя, сооруженное в столице Ванского царства Тушпе (ровно 10 тысяч капи). И если ко всему этому еще добавим тот весьма важный факт, что из всех 6 известных нам урартских зернохранилищ ровно половина была сооружена в периферийной области Аза, причем зерновые запасы последней (16.632 «капи») составляли более четверти известных нам общих урартских запасов (60.332

<sup>11</sup> Г. А. Меликишвили. УЖН, 164, 139.

<sup>12</sup> На высоте 30 см от скалистой почвы пол сложен из камня; на нем лежит ровный слой гравия (5 см), а поверх его толстый слой утрамбованной рубленой соломы (5—7 см.). Такое устройство пола делало его гигроскопичным, что предохраняло зерно от сырости. К. Л. Оганесян. Ариберд (Архитектура Эребуни). Ереван, 1961, стр. 18 и прим. 20. *Ե. Վ. Չարսիբեկյան, Երևանի հիմնադրման ժամանակի հարյուրամյակը*. ИФЖ, 1959, № 2—3, стр. 90 и прим. 2.

«капи»<sup>113</sup>), то станет понятной роль Араратской плодородной равнины для земледелия Урартского государства в целом.

Таким образом, при постоянной заботе урартских царей бассейны рек Арацани и Аракс (наряду с ее притоками Карс-чай и Ахурян-Арпа-чай), т. е. Маназкертская, Патноцкая, Ванандская, Ширакская и Араратская равнины стали развитыми земледельческими областями государства Урарту. Эта забота проявлялась ими при проведении оросительных каналов, обработке зерновых культур, сооружении зернохранилищ и т. п. Во всем этом кипучую деятельность развернули Менуа, Аргишти I и Сардури II—в бассейне Арацани; Аргишти I и Сардури II—в бассейнах Карс-чая и Ахуряна; Аргишти I, Сардури II и Руса III—в бассейне среднего течения Аракса и вообще на Араратской равнине.

#### 4. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ АРАРАТСКОЙ РАВНИНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕЙШЕБАНИИ

В предыдущем разделе уже были рассмотрены некоторые вопросы земледелия, связанные с областью Аза. Сказанное относилось к более раннему периоду владычества Урарту—к VIII в. до н. э. Что касается материалов Тейшебани, то они освещают ряд вопросов земледелия в Араратской равнине уже в период упадка Ванского царства—в VII—VI вв. до н. э. С другой стороны, материал, добытый при раскопках Тейшебани, представлен весьма богато и всесторонне, и он призван уяснить нам целый ряд вопросов, связанных с земледелием не только Араратской равнины, но и, в известной степени, государства Урарту в целом. По указанным выше причинам целесообразно рассмотрению земледельческого материала Тейшебани посвятить самостоятельный раздел.

Известно, например, что в первой четверти VIII в. до н. э., в течение 6 лет (782—776) Эрбуни был единственным городом-крепостью на Араратской равнине. В 776 г. до н. э. был основан Аргиштихинили, а спустя целое столетие появился новый административно-хозяйственный центр Тейшебани (при Руса II). В этой связи надо полагать, что экономикой Араратской равнины, т. е. урартской страны Аза, в течение 782—776 гг. до н. э. управлял Эрбуни (наряду с выполнением своей основной функции военно-стратегического характера). Затем около одного века функция управления экономикой Араратской равнины была возложена на административно-хозяйственный центр Аргиштихинили. В дальнейшем, в последний период Урарту, эта функция в основном перешла в руки наместника Тейшебани. По всей вероятности, в VII—VI вв. до н. э. Тейшебани управлял хозяйственной жизнью не только «долины» Куарлини, но и большей части обширной Араратской равнины<sup>114</sup>. Следовательно, интересующие нас материалы Тейшебани проливают свет на вопросы

<sup>113</sup> Речь идет лишь о сооруженных урартийцами зернохранилищах в Ване, Аствацанене, Патноце, Армавире и Ариш-берде, зерновые запасы которых известны.

<sup>114</sup> Участок Араратской равнины, находящийся в правобережной полосе среднего течения Аракса (напротив Аргиштихинили), не входил в состав страны Аза. Там была расположена страна Эрикуа(хи) с городом Лухну(ни).

земледелия не только Куарлини, но и страны Аза в целом. Мало того, сюда следует отнести также вопросы, касающиеся земледелия некоторых северных и северо-восточных территорий, вплоть до бассейна озера Севан, так как отсюда земледельческие продукты, вероятно, также регулярно поступали в Тейшебани в качестве дани.

Итак, земледельческие продукты и орудия, добытые при раскопках Тейшебани, воссоздают картину урартского земледелия на Араратской равнине и отчасти на некоторых других территориях северо-восточной периферии Ванского царства. Среди этих материалов занимают определенное место остатки зерновых культур—пшеницы, ячменя, проса, кукурузы.

Остатки пшеницы (рис. 4) в Тейшебани встречаются сплошь и рядом. Так, например, при раскопках 1946 г. западная часть одного из помещений, расположенных на северном склоне холма, оказалась засы-



Рис. 4. Остатки зерен пшеницы. Кармир-блур.

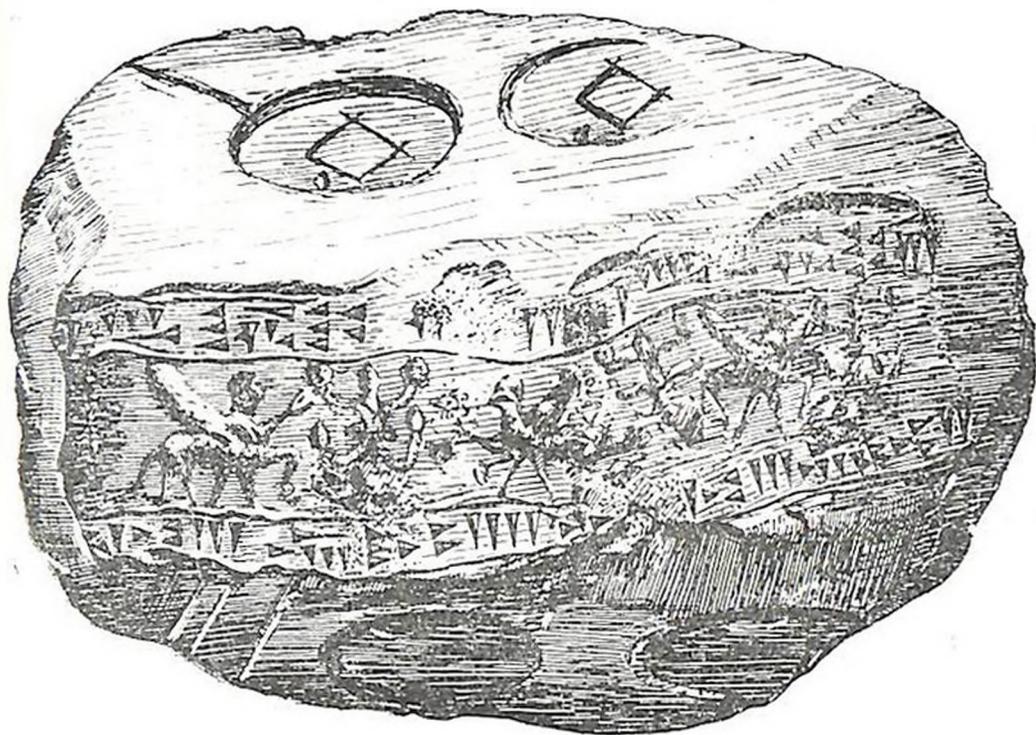
панной пшеницей<sup>115</sup>. В том же году экспедицией была раскопана и другая кладовая, также засыпанная пшеницей, сохранившейся сплошным слоем, толщиной 0,25—0,45 м. Количество хранившейся здесь пшеницы, по подсчетам Б. Б. Пиотровского, составляло около 20 000 литров, а общая емкость кладовых—примерно 750 тонн зерна<sup>116</sup>.

О культуре пшеницы весьма интересные данные обнаружили также раскопки 1951—1953 гг. в южном отсеке центральной части цитадели.

<sup>115</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, Ереван, 1950, стр. 51.

<sup>116</sup> Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 53; он же, Искусство Урарту, Л., 1962, стр. 40—41.

Здесь было раскопано пять небольших кладовых в виде колодцев и две более просторные, прямоугольные. Б. Б. Пиотровский утверждает, что колодцеобразные кладовки были предназначены для зерна, так как в некоторых из них на полу были найдены остатки пшеницы и ячменя. «В кладовых северной части коридора,— пишет Б. Б. Пиотровский,— вход, соответственно уклону пандуса, находился на большой высоте от пола и они, в полном смысле слова, представляли собою колодцеобразные закрома»<sup>117</sup>. Среди прочих находок привлекает внимание глиняная булла, запечатывавшая дверь в кладовую (рис. 5), обнаруженная на полу пу-



*Масштаб 1:1,5*

Рис. 5. Глиняная булла с надписью Руса IV, запечатывавшая дверь зернохранилища. Кармир-блур.

стой кладовой, около юго-восточного угла, недалеко от дверного проема. На булле оттиснуты печати двух лиц. Из этих печатей одна урартского типа—столбчатая с круглым оттиском, а другая—ассирийского типа—цилиндрическая с изображениями и урартской надписью в поясках<sup>118</sup>. Общеизвестно, что в хозяйственных центрах древневосточных рабовладельческих государств всегда проводился строгий учет зерновых запасов и других богатств, собранных в крепости. Поэтому находка глиняной буллы с двумя оттисками печати, как и зерновые остатки, полностью под-

<sup>117</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III, Ереван, 1955, стр. 13—14.

<sup>118</sup> Там же, стр. 14 и рис. 7. Нами было установлено, что в указанной надписи фигурирует новый урартский царь Руса, сын Руса, т. е. Руса IV—современник ликвидации последних остатков урартской независимости—Н. В. А р у т ю н я н. К интерпретации надписи на глиняной булле Кармир-блур. ИФЖ, 1960, № 1, стр. 223—229.

тверждают мнение Б. Б. Пиотровского, рассматривающего вышеупомянутые помещения в качестве кладовых для зерна.

Кармир-блурский археологический материал дает и другие весьма интересные сведения о культуре пшеницы. Дело в том, что пшеница, как и другие зерновые запасы, в момент осады крепости хранилась не только в специальных кладовых, отведенных для зерна, но нередко и в карасах, установленных в разных помещениях, в том числе и винных кладовых. Привлекают, например, внимание кладовые для вина № 25 и 28. Из 82 карасов кладовой № 25 в семи экземплярах вместе с другими зерновыми остатками была обнаружена пшеница. То же самое наблюдалось в кладовой № 28, где в четырех карасах, наряду с зернами ячменя и кунжута, находилась пшеница, а в пятый была засыпана пшеничная мука<sup>119</sup>. Не может быть сомнения, что упомянутые выше кладовые были предназначены, как на это указывает Б. Б. Пиотровский, именно для хранения вина. Однако наличие в некоторых из них зерна объясняется лишь тем, что в момент гибели крепости, ввиду исчерпания винных запасов предыдущего года, большинство карасов оказалось порожними, и поэтому их использовали для хранения зерна и даже металлических предметов (бронзовых чаш и т. д.). Раскопки в Тейшебаини весьма отчетливо показывают, что не только в приведенном случае, но и вообще порожние винные карасы в момент осады крепости использовались для хранения земледельческих продуктов и металлических изделий.

Следует обратить внимание и на тот факт, что если хранение зерновых остатков в карасах для вина объясняется отсутствием в данный момент достаточных винных запасов (это, конечно, было непосредственно перед урожаем данного года), то раскопки в Тейшебаини вообще показывают, что у урартийцев был обычай хранения зерновых запасов в особых карасах и в других подобных сосудах крупного размера. При раскопках было найдено множество удлиненных крупных сосудов, предназначенных специально для хранения пшеницы и других зерновых продуктов (рис. 6). Подобные сосуды с зерном и без него найдены в помещениях № 4<sup>120</sup> и № 13<sup>121</sup>, в одном из помещений, расположенных в южном отсеке центральной части цитадели<sup>122</sup>, а также в помещениях № 38, 39 и 40<sup>123</sup>.

При раскопках Тейшебаини найдены также остатки пшеничной муки крупного помола, размолотой, очевидно, на ручных зерноотерках<sup>124</sup>.

Если археологическим материалом, добытым при раскопках Топраккале (Русахинили) и в особенности Кармир-блур (Тейшебаини), куль-

119 Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, Ереван, 1952, стр. 8.

120 Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, Ереван, 1950, стр. 50.

121 Там же, стр. 53.

122 Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III, Ереван, 1955, стр. 13.

123 Там же, стр. 20—22.

124 Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, стр. 8 и 20, 36. Мука была найдена и в 1957 г. в одном помещении, расположенном на северном склоне. Однако археологический материал начиная с 1954 года еще не опубликован.

тура пшеницы широко засвидетельствована, то в урартских письменных источниках о ней нет никакого упоминания. В них только повествуется о сооружении зернохранилищ в различных областях государства Урарту. Зато ассирийские клинописные источники упоминают о наличии в Урар-

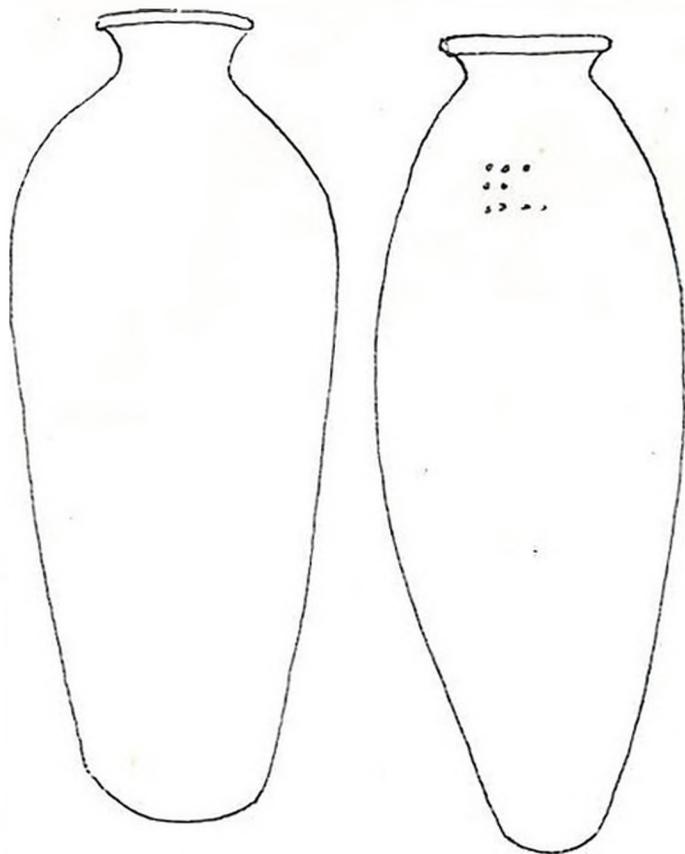


Рис. 6. Сосуды для зерна. Справа с нероглифическим обозначением емкости. Кладовая № 28. Кармир-блур.

ту «больших запасов пшеницы»<sup>125</sup>. Собственно говоря, и в античных источниках, последовавших непосредственно урартскому периоду, нашли место упоминания о том, что в то время на территории Армянского нагорья населению была широко знакома культура пшеницы: из пшеничной муки, как и из ячменной, туземное население пекло хлеб. Об этом имеется свидетельство Ксенофонта, который отмечал, что в разных районах и областях Армянского нагорья ему не раз приходилось видеть в домах запасы «пшеницы», «пшеничной муки», а также «множество хлеба из пшеничной муки»<sup>126</sup>.

Зерновые остатки, добытые при раскопках Тейшебани, в отличие от зерновых материалов, найденных в центре Урарту—в Топрах-кале, подвергались так или иначе детальному изучению. В этом направлении вели значительную работу В. А. Петров, М. Г. Туманян, а впоследствии М. М. Якубцинер и Ф. Х. Бахтеев.

Изучение зерновых остатков Тейшебани привело исследователей к весьма удовлетворительным результатам. Это было обусловлено прежде

<sup>125</sup> АВНИУ, § 49 (223 сл.); ср. АРАВ, II, § 164.

<sup>126</sup> Ксенофонт. Анабасис. III (IV, 31), IV (V, 26, 31).

всего тем, что «благодаря исключительной сухости почвенно-климатических условий района расположения раскопок, растительные остатки в процессе медленного тления и коксования сохранили полностью все характерные особенности своей структуры. Во многих случаях сохранность растений настолько хороша, что даже по отдельным фрагментам, например колоса, легко установить все характерные особенности изучаемого объекта»<sup>127</sup>.

М. Г. Туманян пришел к выводу, что в окружающих Тейшебанин районах, да и на Араратской равнине вообще «...возделывалось несколько сортов высококультурной, голозерной пшеницы, причем ее основная масса принадлежала к виду мягкой пшеницы—*Triticum vulgare Vill.*, которая и в настоящее время широко возделывается в Араратской низменности. При изучении зерен пшеницы было также установлено, что в некоторых образцах они были поражены амбарными вредителями—долгоносиками. Более того, было выделено, в поразительной сохранности, много взрослых жучков и личинок»<sup>128</sup>.

При исследовании кармир-блурского археологического материала М. Г. Туманяну удалось также обнаружить в двух образцах редко встречающийся вид круглозерной пшеницы весьма древнего происхождения. По его мнению, этот давно вымерший вид пшеницы уже в период владычества урартийцев на Араратской равнине являлся, по-видимому, большой редкостью. Между тем не подлежит сомнению, что за две тысячи лет до прихода урартийцев он имел здесь широкое распространение<sup>129</sup>.

Что касается результатов исследования М. М. Якубцинера по поводу пшеницы, происходящей из Тейшебанин, то они вполне совпадают с выводами М. Г. Туманяна. Вместе с тем М. М. Якубцинер полагает, что мягкая пшеница, судя по количеству зерновых остатков, занимала в посевах третье место после проса и ячменя<sup>130</sup>.

Кармир-блурский археологический материал свидетельствует о том, что в древней урартской области Аза, наряду с культурой пшеницы, была широко развита также культура ячменя (рис. 7). Обработка ячменя среди урартских зерновых культур занимала, очевидно, одно из основных мест<sup>131</sup>. С этой точки зрения привлекает наше внимание помещение № 25, раскопанное в 1948—1949 гг. В некоторых карасах этой кладовой, помимо металлических предметов, оказалось зерно, в том чис-

---

<sup>127</sup> М. Г. Туманян. Культурные растения урартского периода в АрмССР. «Известия АН АрмССР (общ. науки)», 1944, 1—2, стр. 73.

<sup>128</sup> Там же, стр. 74, а также М. Г. Туманян. Избранные труды. Ереван, 1957, стр. 164.

<sup>129</sup> Там же, стр. 75. Круглозерная пшеница была обнаружена М. Г. Туманяном во всех образцах при изучении зерновых остатков, добытых в раскопках Шенгавитского поселения (эпоха энеолита). Первоначально она возделывалась в каменном веке и в дальнейшем постепенно исчезла. Эта пшеница отнесена к древнему виду *Triticum vulgare antiquum*. Ук. соч., стр. 75—76.

<sup>130</sup> М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. «Материалы по истории земледелия СССР», II, М.—Л., 1956, стр. 63.

<sup>131</sup> Это подтверждается не только археологическим материалом, но и письменными источниками (см. ниже).

ле ячмень<sup>132</sup>. Подобный же факт обнаружен и в винной кладовой № 28, где карас № 63 содержал ячмень<sup>133</sup>. Интересные материалы дали также раскопки 1951—1952 гг., во время которых были раскрыты колодцеобразные кладовки, предназначенные для хранения зерна. В некоторых из них были обнаружены остатки ячменя<sup>134</sup>. Культура ячменя засвидетельствована также раскопками других помещений. Следует, например, упомянуть помещение № 3, раскопанное в 1951 г., которое, по-видимому,



Рис. 7. Остатки зерен ячменя. Кармир-блур.

также было предназначено для хранения зерна. На это, быть может, указывает то, что обнаруженные здесь карасы, в отличие от карасов винных кладовых, не были вкопаны в земляной пол. На полу этой кладовой вместе с зернами нута были обнаружены и зерна ячменя<sup>135</sup>. Остатки ячменя были найдены также при раскопках 1955 года<sup>136</sup>.

Примечательно, что культура ячменя в Урарту, в отличие от других зерновых культур, засвидетельствована также урартскими письменными источниками. И хотя «ячмень» в клинописи упоминается всего лишь один-единственный раз, тем не менее вполне ясно, что он является одной из излюбленных зерновых культур урартов и что ее обработкой они занимались, по-видимому, почти во всех земледельческих областях и районах государства. Иначе трудно объяснить упоминание в Сардуровской летописи о громадном количестве ячменя—1 миллион 22 тысячи 133 «капи». Кстати отметим, что самые большие из немногочисленных урарт-

---

<sup>132</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, Ереван, 1950, стр. 60; Кармир-блур. II, Ереван, 1952, стр. 8, 20.

<sup>133</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, стр. 8, 35—36.

<sup>134</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III, Ереван, 1955, стр. 13—14.

<sup>135</sup> Там же. стр. 15.

<sup>136</sup> Результаты раскопок указанного года еще не опубликованы.

ских зернохранилищ, засвидетельствованных письменными источниками, своей вместимостью не превышали 19 тысяч «капи»<sup>137</sup>. Нам, конечно, неизвестно, с каких именно территорий был собран такой богатый урожай. Однако ясно, что культура ячменя была в почете в Ванском царстве и обработкой ее занимались, по-видимому, всюду, где благоприятствовали этому почвенные и климатические условия. Здесь следует также заметить, что если о культуре ячменя в Ванском царстве сами урартские письменные источники приводят весьма скудные сведения, то она широко засвидетельствована ассирийскими клинописными памятниками. «Луврская табличка» Саргона II, например, содержит весьма интересные сведения о богатых запасах ячменя в ряде урартских областей<sup>138</sup>.

О культуре ячменя, выращиваемой в древности на территории Армянского нагорья, имеются ценные сведения также в античных источниках. Ксенофонт рассказывает, что здесь он был очевидцем множества продовольствия, в том числе ячменя, хлебов из ячменя и ячменного вина, хранящегося в кратерах. Большие запасы ячменя и ячменного вина (пива) Ксенофонт видел у жителей, населявших верховья реки Тигр, а хлеба из ячменя—у истоков реки Евфрат<sup>139</sup>.

Кармир-блурский археологический материал и письменные сведения, содержащиеся в «Анабасисе», красноречиво свидетельствуют о том, что население Армянского нагорья еще в то время из ячменя приготавливало пиво. При раскопках Кармир-блур в помещении № 15 в 1948 г. был найден глиняный сосуд, в котором оказались зерна ячменя и фильтр из соломы и сучьев в нижней его части. Подобный же сосуд, но с просом<sup>140</sup> был обнаружен в 1940 году в жилище во дворе дворца. Б. Б. Пиотровский справедливо утверждает, что упомянутые сосуды (рис. 8) были предназначены для приготовления пива из ячменя и проса<sup>141</sup>. Заслуживает упоминания и тот факт, что при раскопках помещения № 16 были обнаружены многочисленные обломки глиняных сосудов, разбросанные на полу. Из них удалось собрать ряд высококачественных фрагментов черного сосуда, украшенного росписью и скульптурными головками быков. Б. Б. Пиотровский полагает, что в указанном роскошном сосуде, по-видимому, хранилось пиво, приготовленное в помещении № 15<sup>142</sup>.

Ксенофонт приводит некоторые интересные сведения о хранении и применении пива. Он свидетельствует, что ячменное вино в северных областях исторической Армении хранилось в кратерах, в зарытом виде<sup>143</sup>, причем «в уровень с краями сосудов в вине плавал ячмень и в него воткнул был тростник, больших и малых размеров, но без коленцев; кто хо-

<sup>137</sup> Об этом подробнее см. выше, стр. 73 настоящей работы.

<sup>138</sup> Thiégaud-Dangin, HCS, стк. 78, 166, 186, 197, 262, 274 и др.

<sup>139</sup> Ксенофонт. Анабасис. III (IV, 31), IV (V, 26), IV (V, 31).

<sup>140</sup> Пиво из проса известно также по ассирийским клинописным источникам.

<sup>141</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, Ереван, 1950, стр. 28, 54; Кармир-блур. II, стр. 30.

<sup>142</sup> «Кармир-блур», I, стр. 56.

<sup>143</sup> Ксенофонт. Анабасис. IV (V, 26, 29).

тел пить, должен был взять тростник в рот и тянуть через него вино. Несмешанное с водой вино было очень крепким, но для людей привычных, это был очень приятный напиток»<sup>144</sup>. Или же: «Когда кто-нибудь хотел выпить за здоровье друга, он подводил его к кратеру, откуда надо было пить качнувшись и втягивая в себя вино наподобие пьющего быка»<sup>145</sup>.

Как уже сказано, культура ячменя, наряду с пшеницей и кунжутом, по сведениям Ксенофонта, являлась одной из основных и излюбленных культур населения Армении и в эпоху, последовавшую за урартской. Возделыванием этой культуры занимались и в верхнем течении Тигра, и у истоков реки Евфрат, и в древней области Тахов (урартск. Днаухи) и, по всей вероятности, в бассейне реки Телебой (Арацани?).

Изучение зернового материала, добытого при раскопках Кармир-блур, позволяет также выяснить вопрос о видах ячменя, возделывавшегося на Араратской равнине. Изучением урартского ячменя занимались М. Г. Туманян и Ф. Х. Бахтеев.

Исследования М. Г. Туманяна показали, что культура ячменя, как и пшеницы, относится к глубокой древности. По данным археологических раскопок, Армения является одним из древнейших очагов земледельческой культуры в Передней Азии. Ячмень, как и пшеница, на территории Советской Армении возделывался еще 5—6 тысяч лет назад, на что указывают остатки зернового материала, добытого при раскопках Шенгавитского неолитического поселения<sup>146</sup>.

Одновременно было выяснено, что если в период бронзы ячмень возделывался совместно с круглозерной и голозерной пшеницей и по своим размерам зерна ячменя были значительно крупнее последних, то в эпоху Урарту, вследствие резко отличных друг от друга почвенных условий, произошло разделение культур



Рис. 8. Глиняный сосуд для приготовления пива. Кармир-блур.

<sup>144</sup> Там же. IV (V, 26—27), IV (V, 32).

<sup>145</sup> К с е н о ф о н т. Анабасис. IV (IV, 9).

<sup>146</sup> М. Г. Т у м а н я н. Основные этапы эволюции ячменей в Армении. «Известия АН АрмССР (биол. и сельхоз. науки)», Ереван, 1948, том I, № 1, стр. 73—74.

ячменя от пшеницы. На это указывают чистота и сравнительная однородность кармир-блурского зернового материала<sup>147</sup>.

Имея в виду тот факт, что при раскопках Тейшебани зерновые остатки ячменя встречаются очень часто, притом местами в весьма большом количестве, М. Г. Туманян предполагает, что ячмень являлся одной из важнейших культур, возделываемых на территории Урарту, в частности на Араратской низменности. И это он объясняет тем, что ячмени урартского периода, как голозерные, т. е. не имеющие сросшихся пленок, мало чем отличались от пшениц, были значительно крупнее их и по своей природе в условиях влажного климата являлись наиболее урожайными из хлебных злаков. Поэтому он допускает, что основная масса ячменя возделывалась в горах<sup>148</sup>.

По своим видовым особенностям урартские ячмени многорядные и в основной массе голозерные, хотя, наряду с этим, в виде примеси имеются и пленчатые формы многорядных ячменей (около 15%). Двурядный ячмень не был обнаружен, поэтому можно полагать, что этот вид тогда отсутствовал в культуре<sup>149</sup>.

Круглозерные ячмени эпохи энеолита к урартскому периоду почти исчезли и уступили место новым формам с эллиптическим зерном. Изучение археологического материала показывает, что круглозерные ячмени, хотя и дошли до этого периода, но тогда встречались в виде примеси, притом не во всех посевах. По своей форме они не такие крупные, как ячмени эпохи энеолита из Шенгавита<sup>150</sup>. Вместе с тем «ячмени урартского периода были, по-видимому, безостые или с укороченными, слабо развитыми остями»<sup>151</sup>.

Сравнивая современные виды ячменей, возделываемых на Араратской низменности, с теми, которые выращивались урартами на той же территории, М. Г. Туманян приходит к заключению, что их видовой состав сильно изменился. Вместо прежних урартских здесь в настоящее время возделываются исключительно двурядные ячмени — *ssp. distichum*<sup>152</sup>, причем подобное изменение он объясняет ксерофитизацией условий среды.

Многорядные ячмени, которые нашли весьма широкое распространение на территории Армении в эпоху Урарту, в настоящее время возделываются лишь в более влажных районах Армении, сопредельных с Грузией и Азербайджаном, где они составляют основную форму культивируемых ныне ячменей. С другой стороны, исследования показали, что они все же не полностью совпадают с теми ячменями, которые возделывались в урартский период. В связи с изменениями климата и почв они также подверглись значительным изменениям: стали более грубоколо-

147 Там же, стр. 76–77.

148 Там же, стр. 77; он же, Избранные труды, стр. 209.

149 М. Г. Туманян. Основные этапы эволюции ячменей в Армении, стр. 77.

150 Там же.

151 Там же, стр. 78.

152 Там же.

сыми, с длинными, жесткими остями; зерна с грубым жилкованием, более угловатые, удлинено ромбические или ромбические, несколько крупнее. К ним относятся желтопленчатый ячмень с зазубренными остями—*v. pallidum* и такой же с чернопленчатыми зернами—*v. nigrum*<sup>153</sup>.

Изучением остатков зернового запаса ячменя, обнаруженных при раскопках Тейшебани, занимался также Ф. Х. Бахтеев, который, как и М. Г. Туманян, находит в зерновом материале пленчатые и голозерные формы урартского ячменя и разделяет их по форме зерновок на округло-овальные, овальные, эллиптические и удлиненные<sup>154</sup>. Ф. Х. Бахтеев одновременно возражает против суждений М. Г. Туманяна о единичности первых двух форм (округло-овальных и овальных) голозерного ячменя в зерновом материале Тейшебани. Зерна ячменя с округлой формой, согласно утверждениям Ф. Х. Бахтеева, продолжают составлять довольно значительный процент в общей массе наряду с эллиптической и удлиненной формами. На основании всего этого Ф. Х. Бахтеев находит, что вряд ли можно согласиться с М. Г. Туманяном и отнести урартский ячмень из Тейшебани (*Hordeum urartu*) только к многорядным формам. Одновременно он не упускает из виду то обстоятельство, что «достоверно определить лишь по зерновому материалу наличие двурядных форм среди многорядных—задача очень трудная и требующая специальных, скрупулезных исследований, которыми М. Г. Туманян, судя по опубликованному материалу, едва ли занимался»<sup>155</sup>.

Изучение зерновых остатков Тейшебани, конечно, не может дать полного представления о видовой характеристике ячменей, возделывавшихся на обширной территории Армянского нагорья в эпоху Урарту, так как, судя по разнообразным климатическим и почвенным условиям исторической Армении, ячмени, как и другие зерновые культуры, разумеется, должны были иметь свои видовые разнообразия. Тем не менее эта работа дает возможность получить представление о тех зерновых культурах, в том числе и ячмене, которые возделывались на Араратской низменности, т. е. на территории урартской области Аза.

Среди зерновых культур, возделывавшихся на Араратской низменности, определенное место занимали также культуры проса и кунжута, на что красноречиво указывает тот же археологический материал, добытый при раскопках Тейшебани.

В 1940 г. в жилище во дворе цитадели Тейшебани был обнаружен сосуд с просом, аналогичный сосуду, найденному в 1948 г., в котором оказались зерна ячменя и фильтр из соломы и сучьев в нижней его части. Это указывает на то, что жители Тейшебани из проса, как и из ячменя, приготовляли пиво<sup>156</sup>. Значительный интерес представляет откры-

<sup>153</sup> Там же, стр. 79. В настоящее время в Араратской низменности совершенно отсутствуют голозерные формы многорядных и двурядных ячменей. См. там же, стр. 79—80.

<sup>154</sup> Ф. Х. Бахтеев. История культуры ячменя в СССР. «Материалы по истории земледелия СССР», II, М.—Л., 1956, стр. 223.

<sup>155</sup> Там же, стр. 224.

<sup>156</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, Ереван, 1950, стр. 54.

тие в 1958 г. мастерской для приготовления пива в северо-западной части цитадели. В ней оказалось: каменная ванна (из туфа) с ячменем, свыше 40 сосудов для хранения пива и т. д.<sup>157</sup>.

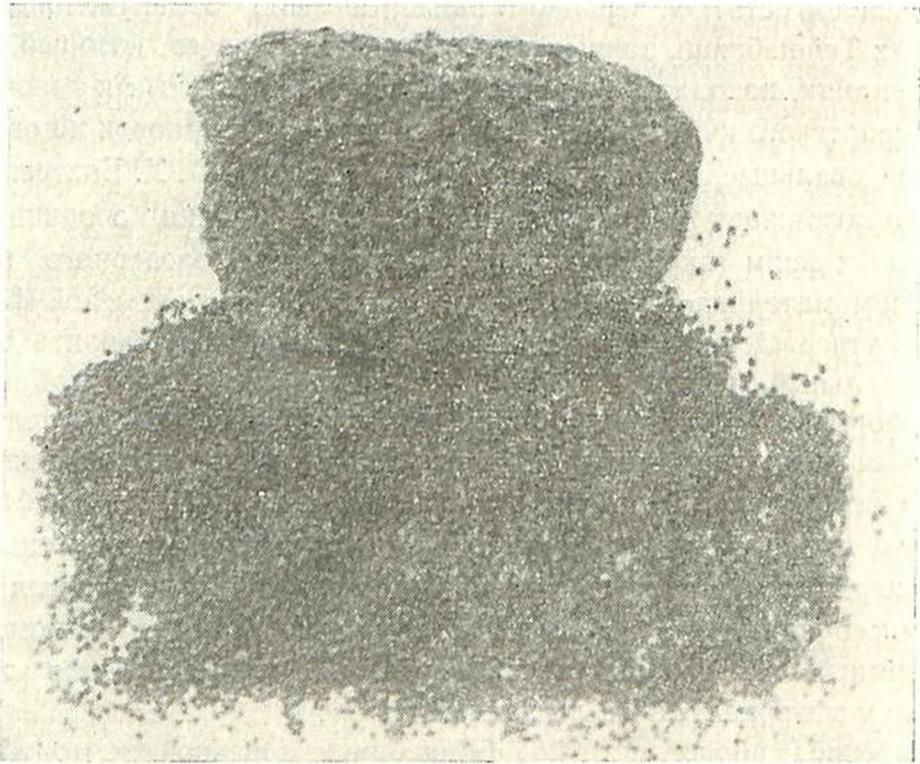


Рис. 9. Остатки проса. Кармир-блур.

Разумеется, просо (рис. 9), как и ячмень, в Урарту использовалось прежде всего в качестве пищи. При раскопках одного из дворцовых помещений северо-западного угла здания в 1948 г. среди большого количества пищевых запасов были найдены остатки хлеба из просяной муки (рис. 10) крупного помола (определение В. О. Гулканяна). Хлеб этот имел овальную форму, с утолщенными краями и отверстием посередине<sup>158</sup>.

Зерновые остатки проса были найдены также при раскопках 1949 г. в винной кладовой № 25, где некоторые из порожних карасов были заняты, наряду с пшеницей, ячменем и кунжутом, под просо<sup>159</sup>. Раскопки в Тейшебани из года в год выявляют новые запасы проса, хранившегося в разных помещениях цитадели. Так, наряду с другими остатками зерновых культур, просо было найдено и при раскопках 1955 г., а в 1956 г. было обнаружено сорго («гигантское просо» — по определению В. О. Гулканяна)<sup>160</sup>.

<sup>157</sup> Об этом подробнее см. *Չ. Մ. Ղառաբյան, Թեյշեբանիի (Կարմիր-բլուրի) և Կրկրաբլուրի մթերքների վերամշակման հարցի շուրջը*: «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1959, № 9, стр. 81—86.

<sup>158</sup> «Кармир-блур», I, стр. 28 и стр. 29, рис. 9.

<sup>159</sup> Там же, стр. 60.

<sup>160</sup> Результаты раскопок 1955—1956 гг. еще не опубликованы. О неопубликованных материалах из Тейшебани мы имеем достоверные сведения по любезному сообщению начальника Кармир-блурской археологической экспедиции Б. Б. Пиотровского, а также по личным наблюдениям при раскопках в качестве члена экспедиции.

Таким образом, обильные зерновые остатки проса, из которого приготавливались хлеб и напитки (наподобие современного пива), свидетельствуют о том, что просо являлось одной из основных зерновых культур урартийцев, наряду с пшеницей, ячменем и кунжутом. При этом население Араратской низменности, судя по материалам Тейшебани, возделывало два вида проса: обыкновенное — *Panicum miliaceum* L. и итальянское, или гоми — *P. italicum* L.<sup>161</sup>.

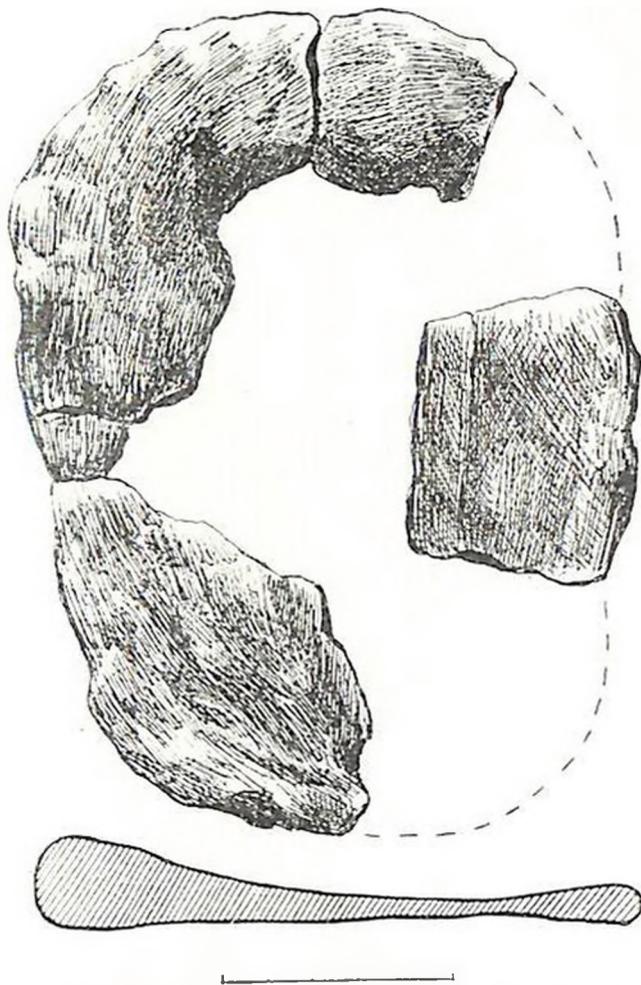


Рис. 10. Остатки хлеба из просяной муки.  
Кармир-блур.

Среди зерновых остатков Тейшебани важное место занимает также кунжут (*Sesamum* L.), который при раскопках встречается очень часто. Судя по материалам раскопок, он был предназначен для приготовления кунжутного масла и, по-видимому, «сахандз»а, имеющего и в настоящее время широкое распространение в Армении, Турции и Иране<sup>162</sup>.

Остатки кунжута были найдены при раскопках помещений № 2 и 3. В большом помещении удлиненной формы № 2 на полу было обна-

<sup>161</sup> М. Г. Туманян, Культурные растения урартского периода в Армянской ССР. «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», Ереван, 1944, № 1—2, стр. 76; он же, Избранные труды, Ереван, 1957, стр. 165. Просо известно также по раскопкам Эребуни — см. выше, стр. 80.

<sup>162</sup> Там же, стр. 77; Избранные труды, стр. 166.

ружено большое количество жмыхов кунжута (рис. 11)—отходов от производства излюбленного на территории древнего Востока растительного масла. В зимнее время, как полагает Б. Б. Пиотровский, кунжутные жмыхи шли на корм скоту или на топливо. В северной части помещения были обнаружены каменные терки и громадная ступка с пестом<sup>163</sup>, предназначенные, вероятно, для обработки кунжута. Раскопки показали, что это помещение имело непосредственную связь с помещением № 3, также предназначенным для изготовления кунжутного масла. В этом последнем, около западной его стенки, была установлена крупная ванна, высеченная из туфа, от которой шел каменный желоб, отводивший отработанную жидкость за пределы крепости (рис. 12); над желобом был устроен слуховой канал. Ванна, по мнению Б. Б. Пиотровского, была предназначена для размачивания кунжутных зерен до их обработки. Количество кунжутных жмыхов и размеры чана-ванны свидетельствуют о большом количестве кунжутного масла, добывавшегося в урартском административно-хозяйственном центре Тейшебани. В этом помещении (а также в помещениях № 1 и 2) было обнаружено много обломков разбитой глиняной посуды<sup>164</sup>, которая, вероятно, использовалась при обработке и хранении кунжутного масла. Интересные результаты дали также раскопки 1946 г., при которых в помещении № 7 было обнаружено шесть обломков нижних частей глиняных карасов с кунжутным зерном<sup>165</sup>. Кунжут был обнаружен также при раскопках 1950 г. в карасе № 56 винной кладовой № 28<sup>166</sup>.

Культура кунжута была известна в древней Армении и позднее, после падения Урартского государства. По свидетельству Ксенофонта, «в этой стране (в Армении.—Н. А.) много мази, которой пользовались вместо оливкового масла. Она готовится из свиного сала, кунжутных семян, горького миндаля и терпентина. Были найдены и благовония, изготовленные из этих же продуктов»<sup>167</sup>. Культура кунжута на территории древнего Востока известна и по другим источникам. Наряду с Арменией, ею занималось, по сведениям античного историка Геродота (V век до н. э.), также население Вавилонии. По свидетельству Геродота, «...просо и сесам вырастают там величиною с дерево... Оливкового масла они вовсе не употребляют, а готовят себе масло из сесама»<sup>168</sup>.

Вышеприведенные факты говорят о том, что культура кунжута была широко известна на территории древнего Востока вообще и государства Урарту в частности. Применялся кунжут главным образом для приготовления масла<sup>169</sup>. Исследуя зерновые остатки Тейшебани, М. Г. Туманян

163 Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, стр. 47.

164 Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I, Ереван, 1950, стр. 47.

165 Там же, стр. 51—52.

166 Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, Ереван, 1952, стр. 36.

167 Ксенофонт. Анабасис, стр. 108 (кн. IV, гл. IV, 13).

168 Геродот. История в девяти книгах (перевод Ф. Г. Мищенко). М., 1885, том I, стр. 100 (I, 193).

169 По этому вопросу подробнее см. З. К а с а б я н. Маслоделение в Урарту (на арм. языке). «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», Ереван, 1957, № 4, стр. 107—116.

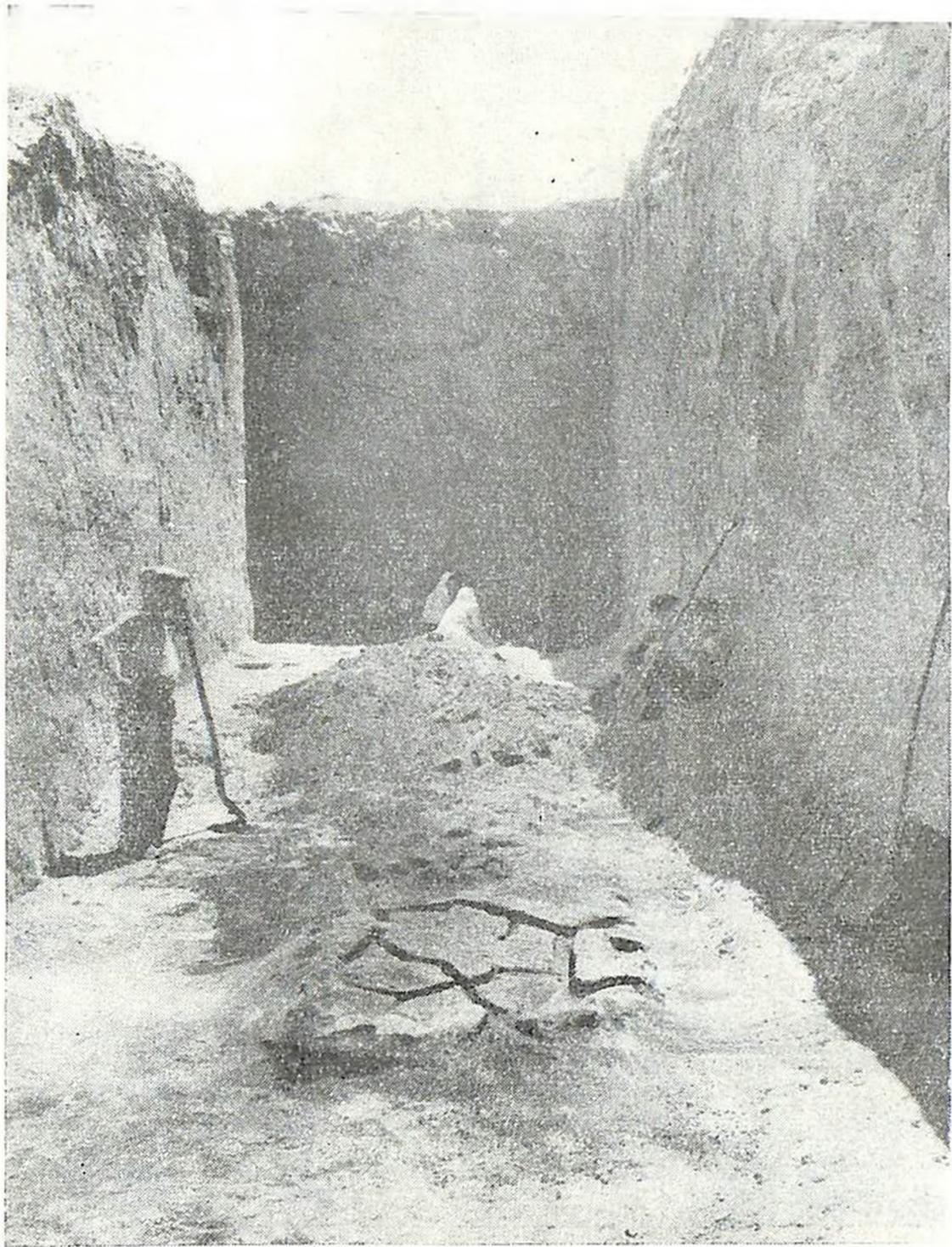


Рис. 11. Мастерская для изготовления кунжутного масла; остатки кунжутных жмыхов (помещение № 2). Кармир-блур.

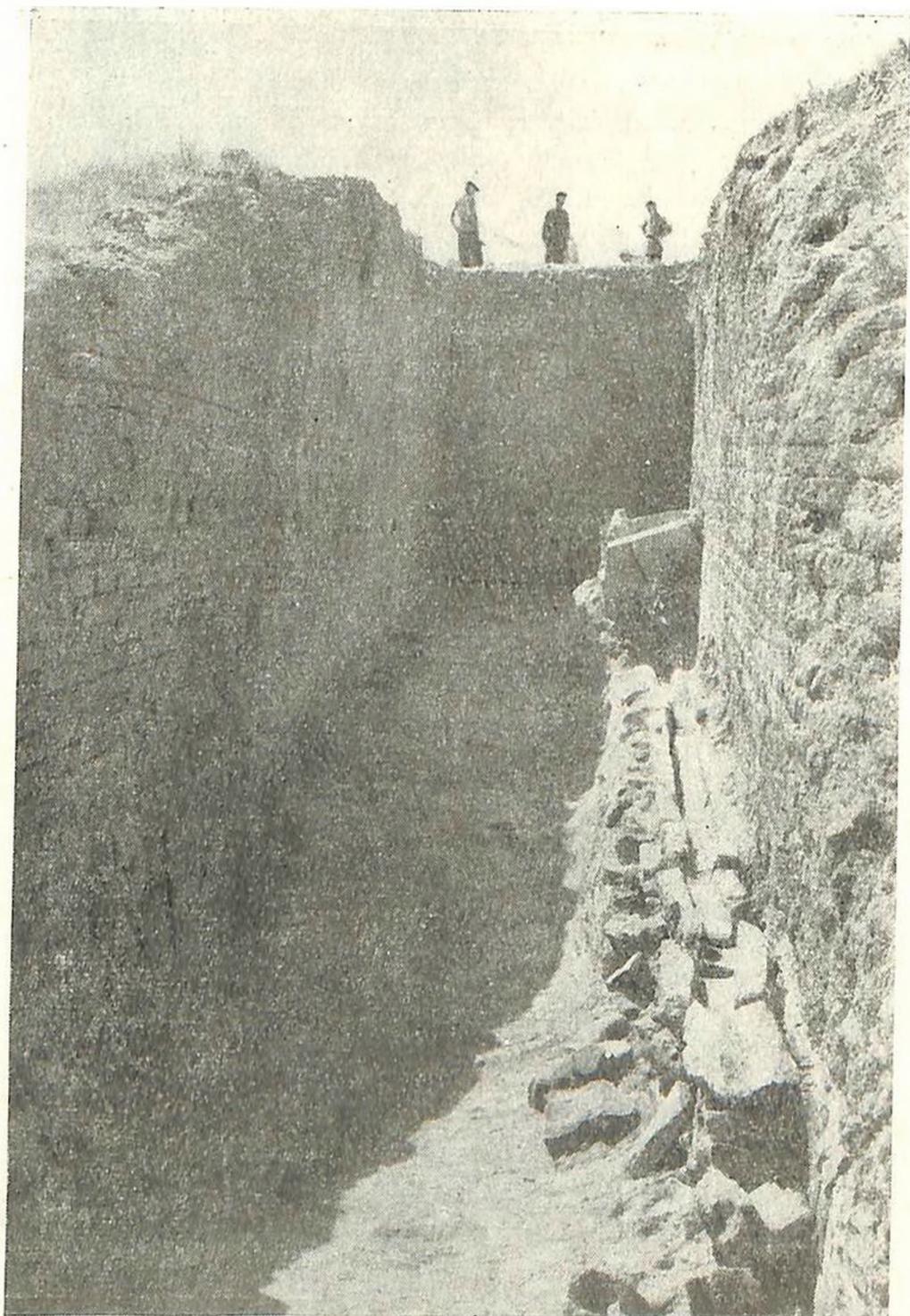


Рис. 12. Мастерская для изготовления кунжутного масла; каменный чан для вымачивания кунжута (помещение № 3). Кармир-блур.

полагает, что население Урарту возделывало в Араратской низменности не миндау, как думает В. А. Петров<sup>170</sup>, а кунжут—*Sesatum L.*, растение, дающее превосходное по вкусовым качествам масло. Миндау же растение сорное, засоряет напаче посеы льна в горах, масло его горькое, неприятное на вкус, употребляется для смазки и осветительных целей<sup>171</sup>.

Кстати, зерновые культуры пшеницы, ячменя и проса в районе Тейшебани и на окружающих территориях возделывались также в доурартскую эпоху, о чем свидетельствует находка остатков этих культур, зерновых ям и орудий земледелия при раскопках древнего поселения Кармир-блур<sup>172</sup>.

Кроме пшеницы, ячменя, проса и кунжута (сесама), на территории Урарту, как показывают раскопки цитадели Тейшебани, возделывались и другие растения. Так, в одном из сосудов оказался запас семян масличного крестоцветного *Samelina microsagra*, сопровождавшихся семенами и стручками двух сорных крестоцветных. Это позволило В. А. Петрову заключить о сборе семян *Samelina microsagra* не из диких зарослей, а из засоренного посева. В другом сосуде были обнаружены какие-то высушенные рубленые листья. В. А. Петрову удалось различить в них листья и молодые травянистые части стеблей одного из видов закавказского чабреца (*Thymus*). Это растение в сушеном виде и до настоящего времени употребляется в Закавказье как пряность и применяется в сыр или кислое молоко; употребляют его также для приготовления настоек<sup>173</sup>. Из дикорастущих злаков М. Г. Туманяном было обнаружено два колоска эгилопе—*Aegilops* типа *cilindrica*<sup>174</sup>.

Раскопки Тейшебани дали и другие ценные материалы, характеризующие уровень урартского земледелия. Среди подобных материалов занимают особое место земледельческие орудия труда, предназначенные для обработки почвы и зерновых продуктов.

При раскопках были найдены лопаты, серпы, вилы, мотыги, тесла (рис. 13) и т. д., изготовленные из железа, а также оселки точильных камней. Так, в 1948 г. в помещении № 4 и в 1951—52 гг. в помещении № 34 были найдены железные вилы—трезубцы<sup>175</sup>. Из земледельческих орудий при раскопках чаще всего встречаются железные лопаты и серпы (рис. 14). Они были найдены в 1948 г. в помещениях № 13, 15, 18<sup>176</sup>, в 1951 г.—в помещении А, в 1952 г.—в помещении № 36<sup>177</sup>, а также в 1955

---

170 Мнение В. А. Петрова см. в кн.: Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 177.

171 М. Г. Туманян. Избранные труды. Ереван, 1957, стр. 166.

172 А. А. Мартirosян. Герод Тейшебани, стр. 13, 16, 17, 20 и т. д. Остатки пшеницы и ячменя были обнаружены в 1959 г. Результаты раскопок еще не опубликованы.

173 Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 178; Кармир-блур. I, стр. 29.

174 М. Г. Туманян. Избранные труды. Ереван, 1957, стр. 167.

175 Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, Ереван, 1950, стр. 50, а также стр. 30 и стр. 40, рис. 20; «Кармир-блур», III, стр. 9, 16 и др.

176 Там же, стр. 54, 55 (рис. 32), 57.

177 «Кармир-блур», III, стр. 9, 14, 16 и др.

и 1957 гг. в помещениях, расположенных на северо-западном и северном склонах холма<sup>179</sup>. Кроме того, раскопки дали несколько экземпляров железных мотыг, тесел, а также большое число осетков точильных камней. Железные мотыги были найдены при раскопках городских кварталов<sup>179</sup> и цитадели<sup>180</sup>, а железные тесла—в 1952—1953 гг. в помещениях № 36 и 37<sup>181</sup>. Что касается точильных камней, то они встречаются весьма часто, порою в очень большом количестве<sup>182</sup>.

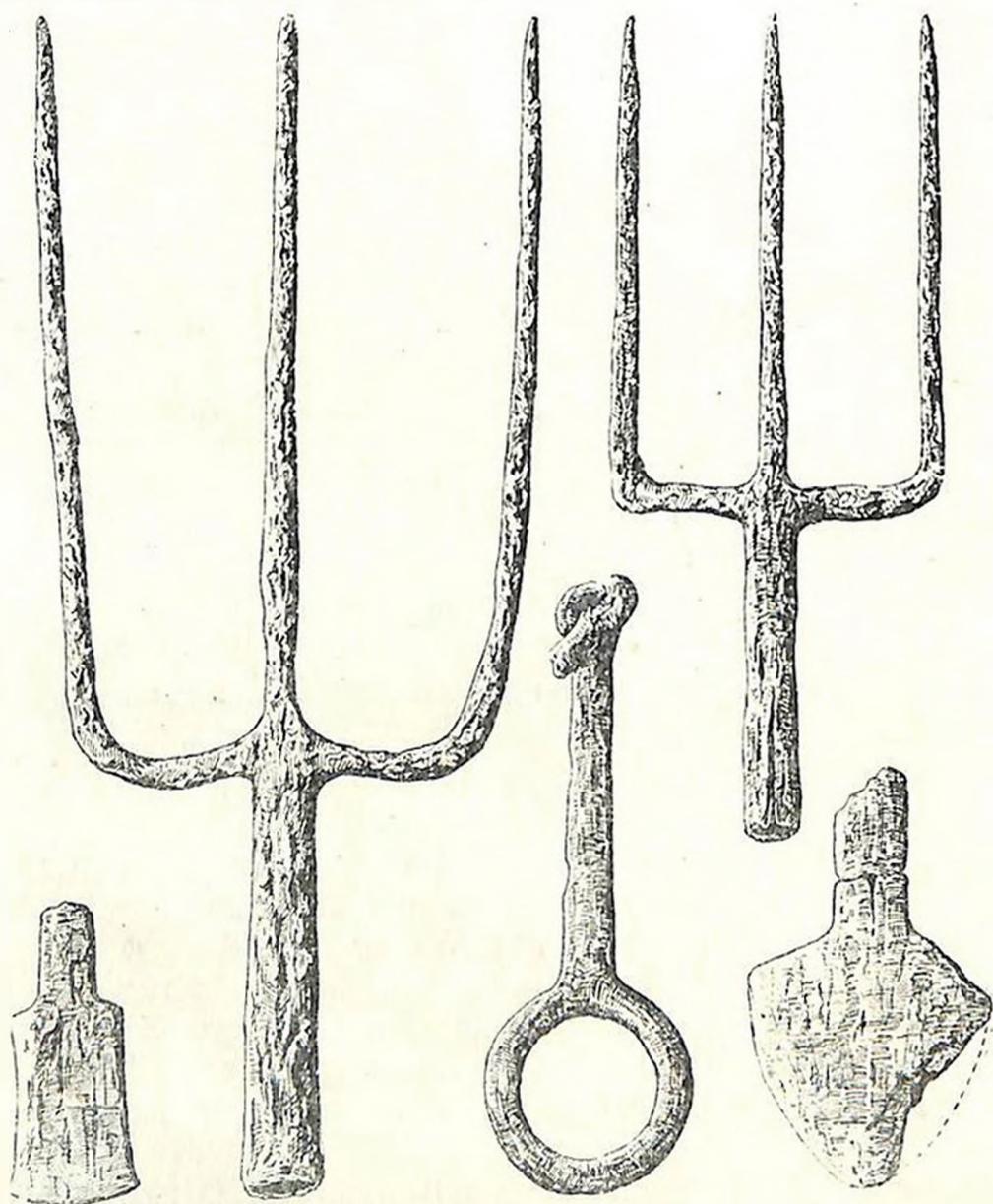


Рис. 13. Железные предметы: вилы, тесло, часть запора, лопата.  
Кармир-блур.

Железные орудия труда, найденные при раскопках Тейшебаган, по форме и технике изготовления полностью совпадают с подобными же из-

178 Результаты раскопок 1955 и 1957 гг. еще не опубликованы.

179 «Кармир-блур», I, стр. 18.

180 Найдено в 1955 г.

181 «Кармир-блур», III, стр. 16, 19.

182 «Кармир-блур», I, стр. 52; III, стр. 14; раскопки 1955 г. и т. д.

делями, происходящими из центра Ванского царства—Русахинили (Топрах-кале).

Раскопки Тейшебани дали также многочисленные каменные несты, ступки, зернотерки (рис. 15—16) и т. д., предназначенные для переработки сельскохозяйственных продуктов.

Характерно, что развитие земледелия в VII в. до н. э. на Араратской равнине засвидетельствовано не только археологическим материалом, происходящим из Тейшебани, но и урартскими письменными источниками. С этой точки зрения имеет первостепенное значение клинообразная надпись Руса II—основателя Тейшебани, обнаруженная при раскопках Звартноцского храма. В ней повествуется, что земля долины Куарлини была необработанной, поэтому царь от реки Илдаруниа провел канал Умешини и приступил к разбивке новых полей с посевами (GĀN GIŠ-SAMŠE) и т. д.<sup>183</sup>. Вполне понятно, что часть зерновых и других сельскохозяйственных продуктов Тейшебани регулярно поступала с

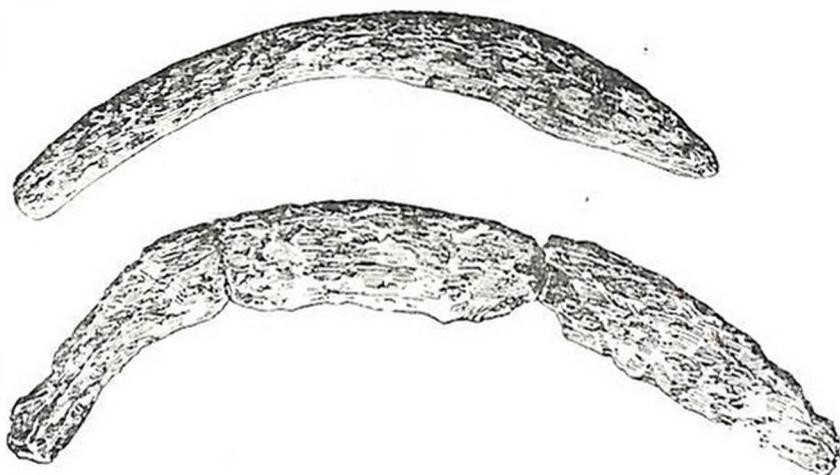


Рис. 14. Железные серпы. Кармир-блур.

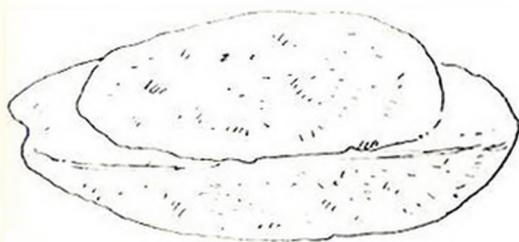


Рис. 15. Каменная зернотерка.  
Кармир-блур.

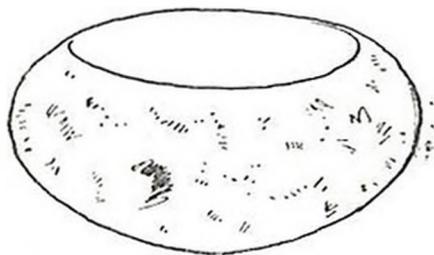


Рис. 16. Каменная ступка.  
Кармир-блур.

земельных насаждений, попавших в сферу оросительной системы канала Умешини. Однако надо иметь в виду, что и до сооружения этого канала плодородная Араратская равнина отличалась высоким развитием земледелия. Известно, например, что урартские правители VIII века до н. э.—Аргишти I и Сардури II провели ряд оросительных каналов, разбили поля с посевами в районе Аргиштихинили и соорудили два круп-

<sup>183</sup> Г. А. Мелликишвили, УКН, 281, стк. 6—11.

ных зернохранилища в Эребуни. А новосозданный канал Умешини в VII в. до н. э. расширял возможности урартского земледелия на Араратской равнине. Поэтому надо полагать, что богатые земледельческие продукты Тейшебанини постоянно поступали в качестве дани не только с земель, попавших в сферу оросительной системы канала Умешини, но и, быть может, со многих земледельческих территории Араратской равнины, в том числе с земель районов Эребуни и Аргиштихинили, так как последние в указанный период уже уступили место вновь созданному административно-хозяйственному центру Тейшебанини.

С другой стороны, известно, что урартские правители при своих победоносных походах на северо-восток доходили до бассейна озера Севан. И хотя основным занятием населения этих районов в то время являлось скотоводство, на что указывают урартские письменные источники<sup>184</sup>, однако весьма вероятно, что оно отчасти занималось также земледелием. Поэтому можно полагать, что отсюда также земледельческие продукты регулярно поступали в Тейшебанини. На южном берегу озера Севан, например у сел. Загалу, Б. Б. Пиотровский при полевых-разведывательных работах наблюдал поля, орошавшиеся древним каналом, возможно урартского времени, причем воды канала протекали по вырубленному в скале руслу. На полях же к западу от Цовинарской крепости им был найден обсидиановый вкладыш серпа, который, по-видимому, выпал во время работы. На основании этих своих наблюдений Б. Б. Пиотровский полагает, что указанные земли обрабатывались и в урартское время<sup>185</sup>.

Раскопки, произведенные в бассейне озера Севан, дали и другие материалы, связанные с земледельческим занятием аборигенов не только в эпоху Урарту, но и задолго до нее. Так, известна деревянная повозка, найденная Е. А. Лалаяном в сел. Нижний Адиаман, Нор-Баязетского района АрмССР (ныне район им. Камо) при раскопках погребения № 17. На повозке лежал мужской скелет с бронзовой вилой в правой руке<sup>186</sup>. Ряд повозок был найден А. О. Мнацакяном у сел. Лчашен, на осушенной территории оз. Севан<sup>187</sup>. Далее, известно несколько бронзовых серпов, вил и точильных камней, найденных в районах Севанского бассейна<sup>188</sup>. Железный вкладыш серпа и оселки точильных камней известны также из раскопок А. А. Мартиросяна и А. О. Мнацакяна в Голо-

---

<sup>184</sup> Об этом подробнее ниже—см. стр. 181—181.

<sup>185</sup> Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 195—197; он же. Археология Закавказья, стр. 72.

<sup>186</sup> *Ե. Ալալյան, Փամբարանների պեղումները Խորհրդային Հայաստանում*, Е., 1931, стр. 109—101, 194—199 и рис. 192—196. Ср. С. Есян. Об одной неправильной реконструкции, „Труды“ Исторического музея АН АрмССР, 5, стр. 95—102.

<sup>187</sup> А. О. Мнацакяни. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. (предварительное сообщение), СА, 1957, 2, стр. 146—153.

<sup>188</sup> Е. Лалаян. Ук. соч., стр. 121—122, 170—171, 119. Исторический музей АН АрмССР, инв. 1923/17, 1924/51, 52 (раскопки А. О. Мнацакяна в сел. Айриванк, Нор-Баязетского района, Астхадзор, Мартунинского района).

енно<sup>189</sup>. Точильный камень был найден и при раскопках погребения № 3 в сел. Атарбекян, Разданского (бывш. Ахтинского) района<sup>190</sup>.

Количество приведенных выше примеров можно умножить. Однако, нам кажется, что и приведенное служит достаточным доказательством того, что в районах, лежащих к северо-востоку от Араратской равнины, земледелие получило некоторое развитие. Часть обнаруженных орудий труда относится к доурартской эпохе, другая—к эпохе Урарту. Таким образом, еще задолго до прихода сюда урартийцев туземное население упомянутых районов, наряду со скотоводством, успешно занималось также земледелием.

Учитывая, что в VII—VI вв. до н. э. Тейшебани был самым крупным административно-хозяйственным центром урартийцев во всем Закавказье, можно допустить, что запасы земледельческих продуктов упомянутых выше районов в качестве дани регулярно поступали в Тейшебани. Следовательно, богатые зерновые и другие запасы этого центра собирались, по-видимому, не только с посевных площадей Араратской равнины, но и с некоторых земледельческих районов пресеванского бассейна.

Итак, Араратская равнина в эпоху Урарту стала одним из наиболее развитых земледельческих центров в северо-восточной части Армянского нагорья. Наряду со скотоводством, в то время земледелием занимались, очевидно, и в некоторых районах, лежащих между Араратской равниной и бассейном озера Севан<sup>191</sup>. Богатые земледельческие запасы упомянутых территорий в качестве дани регулярно поступали в Эрбуни и Аргиштихинили (в VIII в. до н. э.), а позже в Тейшебани (в VII в. до н. э.), обрабатывались и хранились здесь в многочисленных кладовых. Несомненно, что часть земледельческих продуктов предназначалась для удовлетворения нужд местных урартских гарнизонов, а основная масса этих запасов систематически отправлялась в столицу для обеспечения нужд могущественного Урартского государства. Кармир-блурский археологический материал красноречиво свидетельствует о том, что среди земледельческих культур, выращиваемых в то время на Араратской равнине, важное место занимали зерновые культуры пшеницы, ячменя, проса и кунжута.

---

<sup>189</sup> Исторический музей АН АрмССР, инв. 1901/54, 71; 1902/25.

<sup>190</sup> Исторический музей АН АрмССР, инв. 1925/40.

<sup>191</sup> Археологический материал, происходящий из энеолитического поселения Шепавит (на окраине Еревана) и некоторых объектов Севанского бассейна, свидетельствует о том, что земледелие на этих территориях нашло свое развитие еще задолго до появления здесь урартийцев.

## Г Л А В А III

### САДОВОДСТВО И ВИНОГРАДАРСТВО

Садоводство и виноградарство на территории Армянского нагорья в эпоху Урарту широко засвидетельствованы как урартскими и ассирийскими письменными источниками, так и археологическим материалом, происходящим из Тейшебани, Русахили, Эребуни и других урартских крепостей. При этом урартские письменные источники и археологический материал освещают состояние садоводства и виноградарства в центральных областях и на территориях северо-восточной периферии государства Урарту, в то время как ассирийские источники — состояние этих отраслей в бассейнах озера Урмия и верхнего Тигра.

С другой стороны, ассирийские письменные памятники содержат лишь косвенные данные о развитии садоводства и виноградарства в различных областях, при покорении которых ассирийские захватчики либо разрушают, опустошают и предают огню фруктовые сады и виноградники, либо в качестве дани принимают вино. Урартские же источники приводят более полноценные сведения о садоводстве и виноградарстве центральных и периферийных областей.

И если ассирийские источники упоминают лишь о захвате виноделических продуктов, то урартские надписи повествуют о разведении садов и виноградников, о сооружении винных кладовых и т. д., причем все это сопутствует проведению широкой и сложной сети ирригационных каналов и созданию искусственных озер. Вот почему урартские садоводческие и виноградарские центры появляются в бассейнах таких крупных озер, как Ван и Урмия, или же таких значительных водных артерий, как Тигр, Арацани и Аракс. Разумеется, в бассейнах Вана и Урмии для орошения использовались не ресурсы их соленых вод, а громадные водные запасы впадающих в них рек и речек.

#### 1. САДОВОДСТВО И ВИНОГРАДАРСТВО В БАСЕЙНАХ ОЗЕРА ВАН И РЕКИ АРАЦАНИ

В настоящем разделе рассматривается уровень развития садоводства и виноградарства в центральных областях Урарту, которые со времени образования этого государства и вплоть до его гибели постоянно входили в территориальный состав Ванского царства. Поэтому впол-

понятна неустанная забота урартских правителей о превращении этих территорий в богатые садоводческие и виноградарские области. Эта забота, естественно, проявлялась прежде всего в отношении столицы Тушпы и окружающих ее районов.

Еще в период совместного правления царей Ишпуини и Менуа (конец IX в. до н. э.) в районе Тушпы предпринимается разбивка садов и виноградников. Об этом свидетельствует Мхер-капусинская надпись Ишпуини-Менуа на стене ниши, высеченной в скале на юго-западной стороне Зымзым-дага<sup>1</sup>. Несмотря на то, что надпись носит культовый характер (устанавливается приказ о жертвоприношении урартским богам в связи с сооружением ворот, т. е. храма бога Халди), тем не менее в ней содержатся интересующие нас сведения о закладке фруктовых садов и виноградников, в честь которых предусматриваются соответствующие культовые обряды. В строках 27—31 и 85—94 (текст повторяется дважды) Мхер-капусинской надписи повествуется, что «...Ишпуини, сын Сардури (и) Менуа, сын Ишпуини разбили новый виноградник. Богу Халди кие новый (фруктовый) сад разбили-они. Ничего здесь (раньше) не было построено. Ишпуини, сын Сардури (и) Менуа, сын Ишпуини повелели постройку крепости(?) (и) установили приказ: когда деревья *ci aldinie guduli*, пусть будут преподнесены в жертву богу Халди 3 овцы (и) 3 овцы—всем (другим) богам; когда виноградник *tanuli*, пусть будут преподнесены в жертву богу Халди 3 овцы (и) 3 овцы—всем (другим) богам; когда виноградник *mesuli*, богу Халди пусть будут преподнесены в жертву 3 овцы (и) 3 овцы—всем (другим) богам. Вино...»<sup>2</sup>.

Несколько позднее, в период самостоятельного правления Менуа, урартийцы прилагают немало усилий для развития садоводства и виноградарства в столице Тушпе и в районах, лежащих к югу от нее. С этой целью проводится мощный и гигантский Тушпинский оросительный канал.

Не может быть сомнения в том, что Тушпинский канал на своем 80-километровом пути множество ранее пустынных территорий превратил в богатые садоводческие и виноградарские районы государства Урарту. Однако из 14 клинообразных надписей, посвященных сооружению канала, к сожалению, лишь одна, происходящая из сел. Катепанц, повествует о разведении виноградника, который по имени Тарирна, дочери Менуа, был назван Таририахиинили<sup>3</sup>. Камень с надписью лежал на искусственной террасе (площадью немногим более 0,1 га), на месте разведения виноградника<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> СICh, 1, № 18. УКН, 27.

<sup>2</sup> Выражение *mesulini mei esimesi elmuse tanuni*, последовавшее конечной идеограмме GEŠTIN „вино“, „виноградник“, не поддается переводу, хотя оно (кроме слова *mesulini*) встречается и в некоторых других надписях — УКН, 143, стк. 2; 169, стк. 13 и т. д.

<sup>3</sup> СICh, 57, стк. 1—6; УКН, III, стк. 1—6 (текст повторяется дважды). Из сел. Катепанц проходят также четыре другие надписи, повествующие о сооружении Тушпинского канала.

<sup>4</sup> С. F. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 1, стр. 108.

Что касается археологического материала, то мы располагаем некоторыми отрывочными сведениями о развитии виноградарства и виноделия в районе Тушинского канала. Обломки урартских карасов, проходящие из развалин крепости Айкаберд (в долине реки Хошаб, у сел. Аствацашен), например, имеют обозначение их емкости, выраженное в дробной мере *ṭigusi* (24—25 л.)<sup>5</sup>. Это указывает, по-видимому, на то, что в данном районе на базе богатых водных ресурсов Тушинского канала нашло высокое развитие виноградарство, вследствие чего и была сооружена здесь кладовая для хранения накопившихся винодельческих продуктов.

Канал Менуа, несомненно, создал необходимые предпосылки для развития садоводства и виноградарства и в самой Туше. Хотя урартские письменные источники умалчивают об этом, тем не менее поздние армянские народные сказания устами Мовсеса Хоренаци (V век н. э.) передают, что после сооружения Тушинского канала «восточная, северная и южная стороны города (Туша-Вана—Н. А.) украшаются вилами, ветвистыми деревьями, отличающимися (одни от других) плодами и листвой, сажается также множество виноградных лоз, плодоносных, обильно обещающих вино»<sup>6</sup>.

Урартские письменные источники и археологический материал свидетельствуют, что в дальнейшем после переноса столицы Урартского государства из Туши в Русахинили, все новые и новые ранее пустынные районы восточного побережья Ванского озера превращаются в богатые садоводческие и виноградарские центры. С этой точки зрения привлекает внимание надпись царя Руса<sup>7</sup>, обнаруженная в районе искусственного озера Кешин-гель (восточнее гор. Вана). Надпись повествует, что в связи с сооружением искусственного озера Руса (*Rusaī sue*) и отведением от него и от реки Алаини каналов, на этой территории закладываются виноградники (*GIŠGEŠTIN*). Надо полагать, что канал, отведенный для «города» Русахинили, на своем 25-километровом пути должен был создать необходимые предпосылки для интенсивного развития садоводства и виноградарства. И действительно, не только Кешин-гельская надпись, но и археологический материал, добытый при раскопках Русахинили (Топрах-кале), красноречиво свидетельствует о развитии виноградарства и виноделия в указанном районе. Так, при раскопках были обнаружены многочисленные обломки винных карасов с клинописными и иероглифическими обозначениями емкости в мерах *aqaḡi* и *ṭigusi*<sup>8</sup>. Кро-

<sup>5</sup> Мера *aqaḡi* (240—250 л.) на этих обломках отсутствует. См. Н. Я. Марр. ЗВО, 1917, XXIV, стр. 120—121, табл. IV, № 4—6. И. Н. Мещанинов. Халдоведение, Баку, 1927, стр. 265, табл. XXIV. Г. А. Меликишвили. УЖН, 342—344.

<sup>6</sup> Мовсес Хоренский. История Армении, М., 1893 (перевод Н. О. Эмина), кн. I, гл. 16.

<sup>7</sup> В надписи отсутствует отчество царя, поэтому принадлежность ее к тому или другому царю по имени Руса считается спорной. См. Г. А. Меликишвили. УЖН, 268. Ср. В. В. Шлеев. ВДИ, 1958, № 1, стр. 32 сл. Она, по всей вероятности, принадлежала Руса I. Об этом подробнее см. выше, стр. 24—25.

<sup>8</sup> С. Р. Lehmann-Haupt, Armenien, II, 2, стр. 474—475, 586.

ме того, эти раскопки дали немало глиняных кувшинов<sup>9</sup>, наподобие кармир-блурских, для использования, вероятно, в винных кладовых.

О развитии садоводства в столице Урартского государства приводит некоторые сведения косвенного порядка надпись, обнаруженная в Ване, в квартале города, именуемом Айкаванк. В ней повествуется, что урартский царь «...выпустил стрелу с этого места, перед лесом Гилурани, до сада Ишпилини, сына Бату, (на расстоянии) 950 локтей», т. е. примерно 476 м<sup>10</sup>.

В нашем распоряжении имеются некоторые материалы, указывающие на то, что виноградарство было развито не только в Тушпе-Русахинили, но и в районах, лежащих к востоку от урартской столицы. Выше уже говорилось о подобных фактах, содержащихся в Мхер-капусинской культовой надписи царей Ишпунни и Менуа. Здесь следует иметь в виду также обломок большого винного караса с сохранившейся на нем надписью «I aqaqī», обнаруженный в сел. Шушанц (у подножья горы Варат)<sup>11</sup>. Эта находка намекает, быть может, на существование в то время винной кладовой в районе обнаружения надписи. С этой точки зрения представляет определенный интерес урартская дефектная надпись, происходящая из сел. Схга, расположенного между скалами Топрах-кале и Варатскими горами. В ней в числе других фактов упоминается также о какой-то кладовой для вина (É gi)<sup>12</sup>, сооруженной, быть может, для хранения винодельческих запасов, накопленных с тех земель, которые оказались в сфере орошения канала, проведенного для города Русахинили на базе водных ресурсов Русаевского озера (Rusai şle) и реки Алани<sup>13</sup>.

Высоким развитием садоводства и виноградарства в то время отличалось также южное побережье озера Ван. Уже в IX веке до н. э. Менуа создает здесь широкую сеть оросительных каналов, о чем свидетельствует Ахтамарекая надпись. Правда, надпись дефектна и в ней не сохранились сведения о разбивке садов, виноградников и т. д., тем не менее совершенно бесспорно, что сложная сеть оросительных каналов, проведенная к стране Эрину и городу Менуахинили и охватившая всю территорию страны Аиду(ни)<sup>14</sup> (Айаду ассирийских источников) с городом Уиши(ни), должна была иметь определенное назначение. «Луврская табличка» ассирийского царя Саргона II красноречиво свидетельствует

<sup>9</sup> Там же, стр. 563—565.

<sup>10</sup> Г. А. Меликишвили, УКН, 277. Принадлежность этой надписи спорна. Имя царя утрачено почти полностью (кроме надежного окончания), а отчество—частично. Г. А. Меликишвили приводит ее в числе надписей Аргишти II, сына Руса I. Однако не исключена возможность, что она принадлежала какому-нибудь другому урартскому царю с отчеством Руса, скажем, Сардури III (?), сыну Руса II и т. д.

<sup>11</sup> Там же, 341.

<sup>12</sup> Г. А. Меликишвили, УКН, 311, стк. 2, Ср. УКН, 79, стк. 4—5. См. также Г. А. Меликишвили, Некоторые вопросы социально-экономической истории Напри-Урарту. ВДИ, 1951, № 4, стр. 26.

<sup>13</sup> Об этом ирригационном сооружении подробнее см. выше, главу «Ирригация», раздел «Каналы для городов Тушпа-Русахинили и Улху».

<sup>14</sup> Г. А. Меликишвили, УКН, 62, обор. стор., стк. 5—9.

о том, что позже, в 714 г. до н. э., страна Анду(ни)-Айаду была уже одним из высокоразвитых садоводческих и виноградарских центров государства Урарту. В этой обширной урартской области с ее 29 городами-крепостями и 87 окрестными их поселениями ассирийцы уничтожили сады, вырубали рощи, собрали и спалили в огне виноградные лозы<sup>15</sup>.

Садоводство и виноградарство были высоко развиты также в соседней с областью Андуни стране Уайане (Уаси, Уэси), включавшей в себя пять сильных укреплений с 40 окрестными поселениями. Здесь, как и в Айаду, ассирийские войска вырубали сады, посекали рощи, все лозы собрали и спалили огнем<sup>16</sup>.

Среди других садоводческих и виноградарских центров бассейна Ванского озера отличались некоторые районы северо-восточного и северного побережий. Здесь урартийцы создают новые города и культовые объекты, проводят оросительные каналы, разводят фруктовые сады и виноградники, организуют культовые обряды по поводу этих мероприятий и т. д.

Здесь привлекает внимание также надпись царя Менуа, обнаруженная в сел. Гюзак (на восточном побережье Ванского озера, недалеко от северо-восточного его угла). По данным этой надписи, Менуа, вслед за ссружением «ворот» (храма) и величественной крепости бога Халди, разбивает на этом месте виноградник и фруктовый сад.

Надпись из Гюзака, как будто, косвенным образом указывает на то, что среди предприятий царя особое место занимало разведение виноградников. Уже то обстоятельство, что в продолжении надписи отмечается, что только виноградник царь называет своим именем («виноградник Менуа») и что жертвоприношение должно происходить лишь в честь виноградника, несколько не является случайным. При этом устанавливается жертвоприношение у ворот бога Халди и перед самой надписью в связи с разведением виноградника. В строках 23—36 «Менуа говорит: когда виноградник *tešule*<sup>17</sup>, бык и 3 овцы пусть будут принесены в жертву богу Халди (и) церемония(?) пусть будет выполнена и у ворот Халди и перед надписью. Когда новый виноградник *'aḫule*<sup>18</sup>— праздник(?) богу

<sup>15</sup> HCS, стк. 281—296; ARAB, II, § 166; АВВНУ, § 49 (280).

<sup>16</sup> HCS, стк. 298, 303—305; ARAB, II, § 167; АВВНУ, § 49 (297). Некоторые восточные (северо-восточные) районы или поселения этой области ко времени VIII похода Саргона II против Урарту были включены, по-видимому, в состав Айаду-Анду(ни). Во всяком случае, Старый Уайане оказывается в числе укрепленных городов Айаду—HCS, стк. 285; ARAB, II, § 166.

<sup>17</sup> Глагол 3-го лица, ед. числа, будущего времени с возможным значением «расти(?)» и т. д. По Н. М. Дьяконову—«созреть(?)»; ср. хурр. *teza-ḫe* «старший, главный(?)». См. УПД, стр. 91.

<sup>18</sup> Глагол 3-го лица, ед. числа, будущего времени с возможным значением «расцвётать?», «плодоносить?», «поспевать(?)». По Н. М. Дьяконову—«собрать». См. УПД, стр. 87. Между прочим, такой же перевод он предлагает и для глагола *šeš-* (УПД, стр. 89).

Халди пусть будет устроен (?) у ворот Халди, праздник (?) —богине 'Ару-  
бани (= Уарубани)<sup>19</sup>, праздник—богу Халди перед надписью»<sup>20</sup>.

Урартские письменные источники свидетельствуют, что северо-во-  
сточное побережье Ванского озера, в смысле развития здесь садоводства  
и виноградарства, служило предметом особой заботы не только при ца-  
ре Менуа, как на это указывает надпись из Гюзака, но и при его внуке—  
царе Сардури II. С этой точки зрения привлекает внимание исследовате-  
ля надпись этого последнего царя, обнаруженная к северо-востоку от Ар-  
чеша, на скале Караташ (или Иланташ), примерно в трех верстах к во-  
стоку от Аканца<sup>21</sup>. В ней повествуется, что Сардури, сын Аргишти, раз-  
вел виноградник. В продолжении надписи, которое содержит довольно  
много неясных слов и выражений, Сардури II, в общей сложности, выра-  
жает пожелание, чтобы цари, его преемники (в тексте в ед. числе), ни-  
когда «не похитили» имени Сардури с надписи и чтобы созданный им ви-  
ноградник всегда был назван его именем (Sardurini tini)<sup>22</sup>. Караташ  
известен также другой интересующей нас надписью, в которой упомина-  
ется кладовая для вина.

К северо-востоку от Ванского озера некоторые мероприятия прово-  
дил также Менуа—дед вышеупомянутого Сардури II. Известна, напри-  
мер, его надпись, происходящая из Беркри и повествующая о сооруже-  
нии оросительного канала. Трудно сомневаться в том, что на базе вод-  
ных ресурсов этого канала в районе местонахождения надписи должны  
были быть разведены фруктовые сады и виноградники. Однако началь-  
ной части надписи, к сожалению, недостает; сохранились лишь титула-  
тура царя и формула проклятия разрушителям надписи. При этом о про-  
веденном царем Менуа канале мы имеем общее представление лишь по  
формуле проклятия<sup>24</sup>.

Урартские письменные источники доказывают, что северное побере-  
жье Ванского озера с точки зрения развития садоводства и виноградар-  
ства стало объектом постоянной заботы и в дальнейшем—в VII веке до  
н. э. Известны, например, исключительные усилия Аргишти II в районе  
Арчеша. Об этом повествуют его надписи, происходящие из Челеби-ба-  
ги и Хаги.

Надпись из Челеби-баги, как известно, нигде еще не опубликована.  
О ней мы располагаем лишь информационным материалом, согласно ко-  
торому Аргишти II на данной территории создал искусственное озеро  
(zadubi ini şue asuaḥina)<sup>25</sup>, виноградник и фруктовый сад (uldi şari—  
лиц. стор., стк. 29). В надписи упоминается также идеограмма GEŠ-

<sup>19</sup> Быть может, божество урожая. Любопытно, что оно здесь предшествует вер-  
ховному богу Халди.

<sup>20</sup> УКН, 65. Приведенный отрывок надписи ср. со строками 27—31 и 85—94 Мхер-  
капусинской надписи царей Ишлуини и Менуа (УКН, 27).

<sup>21</sup> Х. Ф. Б. Л и н и ч, Армения, II, Тифлис, 1910, стр. 36—37.

<sup>22</sup> Г. А. М е л я к и ш в и л и, УКН, 167, стк. 2—7.

<sup>23</sup> Там же, 311а—с, стк. 2.

<sup>24</sup> СІСн, 47, стк. 15—18.

<sup>25</sup> Лиц. стор., стк. 33. Быть может, слово asuaḥina означает «искусственное». Это  
слово Лемаш-Гаупт ошибочно читает a-ba-a-ḥi-na. Bericht, № 130—131 (стр. 6).

ТIN „вино“, перед которой стоит дробная мера жидких тел—VI ĩrusi (оборот. стор., стк. 23).

Приведенные отрывочные сведения показывают, что в данном случае речь идет об ирригационных предприятиях царя, на базе которых были разведены фруктовые сады и виноградники, получено некоторое количество винодельческих продуктов.

Более подробные сведения о проведении ирригационной сети и разведении фруктовых садов и виноградников содержит пространная надпись того же Аргишти II, обнаруженная в сел. Хаги<sup>26</sup>. Она повествует о том, что земли страны Курнака и города Тактумниа(?) были необработанными: здесь не было ранее ни поля с посевами, ни виноградника, ни фруктового сада, ни канала. По велению бога Халди урартский царь создал здесь искусственное озеро (šue asuařina), используя, по-видимому, воды реки Калиала<sup>27</sup>. Затем указывается, что он поселил ново-созданные города и назначил в городе Аргиштихинили LU<sup>U</sup>diguni (быть может, фонетическое раскрытие идеограммы LU<sup>U</sup>EN.NAM „правитель области“, «наместник»). Далее надпись отмечает, что земли упомянутых городов и какой-то долины были орошены водами искусственного озера и реки Калиала<sup>28</sup>.

Не весь текст пространной Хагинской надписи одинаково улавливается, тем не менее понятно одно, что благодаря значительным усилиям Аргишти II на северном побережье Ванского озера появились развитые садоводческие и виноградарские центры государства Урарту.

Урартские письменные источники свидетельствуют, что другие садоводческие и виноградарские центры были расположены в бассейне реки Арацани. С этой точки зрения представляет определенный интерес район Маназкерта, где еще в IX—VIII вв. до н. э. Менуа сооружает ряд оросительных каналов, о чем повествуют надписи этого царя, происходящие из Ада, Хотанлу и Мармоса<sup>29</sup>. Кроме того, нам известны оросительные каналы, проведенные царями Менуа и Аргишти I на базе водных ресурсов реки Даниала или Даниали. Об этих фактах повествуют Арцвабердская надпись<sup>30</sup> и знаменитая Хорхорская летопись<sup>31</sup>.

<sup>26</sup> Надпись из Хаги состоит из 85 строк, причем 46 строк на лицевой стороне стелы и 39—на оборотной.

<sup>27</sup> M. de Tsereteli, *Études ourartéennes* (VI. L'inscription de la stèle de Haği), RA, 1958, LI vol., № 1, стр. 32, лиц. стор., стк. 36—46. М. Перетели вместо Тактумниа читает ABNU-IMÉRU-ni-a. Курнака воспринимает в смысле горы, а не страны и т. д.

<sup>28</sup> М. Перетели название этой реки читает <sup>ГД</sup> Kalialami. Однако мы считаем целесообразным вместо последнего знака <sup>ГД</sup> предложить его идеографическое значение ŠUM „вмя“ (=урартск. ĩni). Ср. <sup>(ГД)</sup> Dainala/i ĩni в УКН, 58, стк. 26 и 127, V стк. 17.

<sup>29</sup> Г. А. Меликишивили. УКН, 59, 60, 61. Из надписи, обнаруженной в Мармосе, остались лишь титулатура царя и формула проклятия.

<sup>30</sup> СICh, 48; УКН, 58.

<sup>31</sup> Н. В. Арутюнян. ХЛА, ЭВ, VII, 1953, стр. 108—111 (V, стк. 11—18); он же. Даниала-тшир, «Известия АН АрмССР (общ. науки)», 1957, № 4, стр. 99—100.

Упомянутые надписи содержат также данные о масштабах ирригационных работ. В одном случае, например, отмечается, что канал был доведен до долины Менуа, до города Улиш[...].ни, до города... (надпись из Ада); в другом—канал облагодетельствовал области городов Укуа(ни), Зугухе, Ирну(ни) и Абаси(ни) (надпись из Хотанлу); в третьем—канал со стороны городов Алина и Куеранили был доведен до реки Даннали (Арцвабердская надпись) и т. д. и т. п. Что касается ирригационного сооружения Аргишти I, проведенного от той же реки Даннала, на территории, по-видимому, страны Туарацийской долины, то факт упоминания о нем в Хорхорской летописи сам по себе говорит о значении этого предприятия.

Вполне понятно, что эта широкая и сложная сеть оросительных каналов была предназначена для развития садоводства, виноградарства и разведения зерновых культур. И хотя упомянутые выше надписи ни слова не говорят о разведении виноградников, фруктовых садов и т. д., зато надпись Менуа, происходящая из Бостанкайа (к северу от Маназкерта), в известной степени восполняет этот пробел. В ней повествуется о сооружении крупной кладовой для вина (gie)<sup>32</sup>, общей емкостью в 900 «акарки»<sup>33</sup> (около 220 тысяч литров), которая по своим запасам, согласно известным по сей день урартским материалам, уступала лишь винодельческим запасам Тейшебани<sup>34</sup>. Следовательно, можно не сомневаться в том, что громадные запасы винодельческих продуктов, хранившиеся в кладовой Бостанкайа, были изготовлены на базе обширных виноградников, орошавшихся изобилующими водными ресурсами многочисленных каналов бассейна Арацани.

О развитии виноделия в Урарту содержатся интересные сведения также в одном из отрывков Сардуровской летописи. Хотя в настоящее время невозможно установить, к какой именно урартской территории относятся эти сведения, тем не менее, исходя из некоторых соображений<sup>35</sup>, мы склонны думать, что их, по-видимому, следует отнести к центральным областям Урарту. В Сардуровской летописи в числе других сельскохозяйственных продуктов упоминается III «акарки» вина (около 27 тысяч литров), которые, по-видимому, захватил (или должен был получить в качестве дани?) Сардур II после подавления мятежа, поднятого против центральной урартской власти некими слоями местного населения, т. е. людьми урудани<sup>36</sup>.

Бассейн реки Арацани продолжал оставаться высокоразвитым виноградарски-винодельческим и садоводческим центром и позднее, после падения государства Урарту. Следует отметить, что достойными продол-

<sup>32</sup> О значении gie см. Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наирн-Урарту. ВДИ, 1951, № 4, стр. 26.

<sup>33</sup> Г. А. Меликишвили. УЖН, 79.

<sup>34</sup> О винодельческих запасах Тейшебани см. ниже, в разделе «Садоводство и виноградарство на Араратской равнине».

<sup>35</sup> Наши соображения по этому поводу см. на стр. 148—149 настоящей работы.

<sup>36</sup> М. Tsegetheli. NHJ, стр. 24—25, С. стк. 10—11. Г. А. Меликишвили. УЖН, 155G, стк. 10—11.

жателями замечательных традиций урартийцев явились армяне. Об этом красноречиво свидетельствуют античные и древнеармянские письменные источники. Ксенофонт, например, среди множества продовольствия и всяких благ, которые он застал у жителей бассейна реки Телебой, упоминает старые душистые вина, изюм и всевозможные овощи<sup>37</sup>. Что касается армянских источников, то историки V века Моисей Хоренаци и Фаветос Бузанд свидетельствуют о развитии виноградарства в области Гарон<sup>38</sup> и «в жаркой стране Ког» (Коговит)<sup>39</sup>.

О виноградарстве и виноделии Армянского нагорья приводятся не менее интересные сведения в «Истории» Геродота (V век до н. э.), согласно которым ассирийцы (ассирийцы), в целях торговли, систематически организовывали увоз вина из Армении в Вавилон по реке Евфрат в кожаных судах, наибольшие из которых поднимали пять тысяч талантов груза<sup>40</sup>. Нам кажется, что одними из основных поставщиков этих громадных запасов винодельческих продуктов могли быть богатые виноградарски-винодельческие районы бассейнов Ванского озера и реки Арацани.

Таким образом, урартские письменные источники, отчасти археологический материал из Русахинли и ассирийские источники (только для южного побережья Ванского озера) показывают, что благодаря постоянной заботе Урартского государства бассейны озера Ван (кроме западного побережья) и верхнего и среднего течений реки Арацани в IX—VII веках до н. э. стали богатыми садоводческими и виноградарски-винодельческими центрами. В этой области приложили особые усилия урартские правители Ишпуни, Менуа, Аргишти I, Сардури II, Руса I и Аргишти II. Некоторое подтверждение этого мы находим также в античных и раннеармянских письменных источниках.

## 2. САДОВОДСТВО И ВИНОГРАДАРСТВО В БАССЕЙНАХ ОЗЕРА УРМИЯ И ВЕРХНЕГО ТИГРА

Выше мы показали, что садоводство и виноградарство в центральных областях государства Урарту представлены почти исключительно урартскими письменными источниками. Однако, в отличие от центральных областей, в бассейнах Урмийского озера и верхнего Тигра эти отрасли хозяйства засвидетельствованы лишь ассирийскими клинописными источниками.

С другой стороны, если относительно центральных областей мы имеем прямые указания о сооружении урартскими правителями ирригацион-

<sup>37</sup> Ксенофонт. Анабасис. IV (IV, 9).

<sup>38</sup> Фаветос Бузанд. История Армении (перевод М. А. Геворгиян). Ереван, 1953, стр. 40, 206.

<sup>39</sup> Моисей Хоренский (перевод Н. О. Эмина). М., 1893, стр. 55 (II, 6).

<sup>40</sup> Геродот. История в девяти книгах. Том I, М., 1885, стр. 101 (I, 194). См. также Հ. Մանանդյան, Քննարան տեսութուն հարձակորդի պատմության, I, Ереван, 1944, стр. 58—60; Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, стр. 10—12.

ных каналов, искусственных озер и т. д., о разбивке на этой основе фруктовых садов и виноградников и постройке винных кладовых, то в отношении садоводства и виноградарства в бассейнах озера Урмия и верхнего Тигра располагаем лишь данными косвенного порядка. Согласно надписям, при покорении тех или иных областей и стран ассирийские захватчики, наряду с другими продуктами и скотом, в качестве дани принимают вино или же разрушают и сжигают фруктовые деревья и виноградные лозы. Здесь единственным исключением, пожалуй, является область Сангибуту с городом Улху, о садоводстве и виноградарстве которой мы имеем сравнительно подробные сведения. К тому же, хотя это засвидетельствовано в ассирийских источниках, однако данные предприятия также являются делом рук урартских правителей, в особенности Руса I.

Итак, бассейн Урмийского озера являлся одним из наиболее развитых садоводческих и виноградарских центров государства Урарту. На северном его побережье выгодно стлчалась область Сангибуту с городом Улху, которая ко времени VIII похода ассирийского царя Саргона II против Урарту (714 г. до н. э.) уже была весьма богатым экономическим районом с пышными и обширными виноградниками и фруктовыми садами, с изобилующими запасами продуктов виноделия и т. д. Все это, по сведениям «Луврской таблички», было создано в результате громадных усилий урартского царя Руса I, построившего на этой территории оросительный канал. От русла канала были выведены бесчисленные арыки, благодаря которым орошались нивы. На основе этого грандиозного ирригационного сооружения, воды которого Саргон II сравнивал с изобилующими ресурсами реки Евфрат, на издревле пустынных землях города Улху и окружавших его районов, по образному выражению «Луврской таблички», были пролиты, как дождь, плоды и виноград<sup>41</sup>.

Не менее интересен другой отрывок «Луврской таблички», где Саргон II повествует: «В его (царя Урса.— Н. А.) прекрасные сады, украшение его города, полные плодовых деревьев и лоз, ...ворвались мои сильные воины и дали греметь железным топорам, как Ададу<sup>42</sup>. Многочисленные их плодовые деревья они порубили, чтобы в битве никогда жители не оставляли сердечного страха, есвеки веков чтоб томилась неисполнимым желаньем. Его большие стволы, украшение дворца его, я рассыпал, как полюву (?), город славы его я предал позору, испроверг его область. Эти стволы и деревья, сколько я нарубил, я собрал, насыпал кучей и сжег огнем. Его прекрасную землю, имевшую цветом вид лазурного камня, ибо в окрестностях были насажены цветы и растения, я затопил, как Адад...»<sup>43</sup>.

«Луврская табличка» одновременно свидетельствует, что население области Сангибуту, вообще, и города Улху, в частности, интенсивно за-

<sup>41</sup> HCS, стк. 205; АВНИУ, § 49 (199); ARAB, II, § 160.

<sup>42</sup> Бог войны, грома и молнии. Соответствует урартскому Тейшеба.

<sup>43</sup> Приводим по переводу И. М. Дьяконова—АВНИУ, § 49 (213). Ср. ARAB, II, § 161 и HCS, стк. 223—230.

нималось не только виноградарством, но и виноделением. Вступив в сокровищные подвалы царя Урса, многочисленные воинства Ашшура черпали из больших и малых мехов душистое вино, как речную воду<sup>44</sup>.

Высоким развитием садоводства и виноградарства славился не только район города Улху, но и некоторые другие территории обширной области Сангибуту. В западной (юго-западной) ее части, где имелся 21 укрепленный город с 146 окрестными их поселениями<sup>45</sup>, по приказу Саргона II ассирийцы посекали пышные сады и лозы во множестве: большие рощи, которые густо росли, как тростниковые заросли, — их деревья они порубили, опустошили окрестность. Затем срубленные стволы как солому, гонимую бурей, ассирийские войска собрали и сжигали огнем<sup>46</sup>.

Садоводство и виноградарство, по сведениям ассирийских источников, были излюбленными занятиями также населения области Армарилли, территория которой простиралась к западу и юго-западу от Сангибуту. Здесь, в 7 укрепленных городах с 30 окрестными их поселениями, ассирийское войско, по данным «Луврской таблички», порубило и посекало сады и рощи, все стволы их свалило в кучу и сжигало в огне<sup>47</sup>.

Среди садоводческих и виноградарских областей Урмийского бассейна выгодно отличается Гилзан, на территории которой ассирийские правители не раз принимали в качестве дани вино. В анналах Ашшур-насирапала II (884—859 гг. до н. э.), например, указывается, что когда этот ассирийский царь находился в области Замуа (у истоков реки Малый Заб, притока Тигра), то гилзанцы, вместе с хубушкойцами, худунцами и хартишейцами, доставили к нему дань. Здесь, наряду с золотом, серебром, пестрыми тканями и т. д., упоминается также вино<sup>48</sup>. И если на основании приведенного текста трудно судить о том, являлись ли виноградарство и виноделие отраслями хозяйства области Гилзан или же они относились только к другим областям, упоминаемым вместе с ней, то некоторые ассирийские источники полностью рассеивают подобные сомнения. В этом отношении примечательна надпись Салманасара III (859—824 гг. до н. э.) на монолите из Тушхана (совр. Карх), где в двух местах область Гилзан выступает одинокой и дважды платит дань ассирийскому царю, причем в обоих случаях упоминается и вино. Любопытно, что в одном случае вино упоминается вместе с лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом и двумя двугорбыми верблюдами<sup>49</sup>, а в другом — с упряжными лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом и 7 двугор-

<sup>44</sup> АВИНУ, § 49 (213). Ср. ARAB, II, § 161 и HCS, стк. 320.

<sup>45</sup> Theil and-Dangin, HCS, стк. 235—239, 268.

<sup>46</sup> HCS, стк. 265—267; АВИНУ, § 49 (233); ARAB, II, § 164.

<sup>47</sup> HCS, стк. 270—276; ARAB, II, § 165; АВИНУ, § 49 (269).

<sup>48</sup> АКА, I, стр. 323—324, стб. II, стк. 80—81; ARAB, I, § 457; АВИНУ, § 23 (II, 80). Гилзан, как и другие упомянутые выше названия, в данном тексте снабжен детерминативом города, а не страны.

<sup>49</sup> SALT, I, стр. 156, стб. I, стк. 28; ARAB, I, § 598; АВИНУ, § 27 (I, 27). Здесь вместо Gilzani по описке написано Guzana, т. е. Асу, царь Гузана. Ср. Асау, царь Гилзану — ARAB, I, § 607. См. также E. Fougere, PAR, стр. 23.

быми верблюдами<sup>50</sup>. К тому же вино упоминается после лошадей и скота и до верблюдов. Подобный порядок перечисления, видимо, намекает на место виноградарства и виноделия в экономике области Гилзан, тем более, что ничтожное количество верблюдов в перечислении дани всегда приводится в конце.

Следующей страной бассейна Урмийского озера, некоторые районы которой в то время были известны развитием виноградарства и виноделия, являлась Манна (Мана(ни) урартеских источников). В области Мисси<sup>51</sup>, входившей в состав этой страны, Уллусуну<sup>52</sup>, дожидаясь подхода саргоновских войск, в своей крепости Сирдакка в 714 г. до н. э. устраивал склады муки и вина для их прокорма<sup>53</sup>.

О виноградарстве и виноделии страны Манна имеются некоторые сведения косвенного порядка и в другом отрывке «Луврской таблички». В нем отмечается, что манейцы, по приказу Саргона II, наряду с ячменем и маслом, должны были доставить ему вино в большую крепость Панзиш<sup>54</sup>, заложенную для охраны против Зикерту и Андиа<sup>55</sup>.

Наряду с материалами, касающимися садоводческих и виноградарских областей бассейна Урмийского озера, немалый интерес представляют сведения, освещающие состояние тех же отраслей хозяйства в странах и поселениях, расположенных в бассейнах реки Тигр и ее притоков.

Остановимся прежде всего на странах и поселениях, лежавших у среднего и верхнего течений Большого Заба. Здесь, по сведениям ассирийских источников, отличались страны Киррури и Мусасир, а также поселение Улмания. В числе дани, полученной Ашшурнасирапалом II (884—859 гг. до н. э.) в стране Киррури и поселении Улмания, упоминается вино, которое, кстати, в перечислении занимает второе место<sup>56</sup>. Аналогичные сведения о поселении Улмания приводятся также в надписи Салманасара III на монолите из Тушхана (совр. Карх на верхнем Тигре). Согласно надписи, находясь в Ариду<sup>57</sup>, ассирийский царь принимает дань с Улмания<sup>58</sup> и некоторых других поселений. При этом упомина-

<sup>50</sup> SAVT, I, стр. 166—168, стб. II, стк. 60—62; ARAB, I, § 607; АВИНУ, § 27 (II, 60).

<sup>51</sup> По-видимому, одна из окраинных южных областей обширного Манейского царства. Это первая Манейская область, где оказывается Саргон II после отправления из Парсуа (у истоков Дияла, притока Тигра).

<sup>52</sup> Царь страны Манна—WKS, ашшала, стк. 57, 61, 62, 75, 76, 111 и т. д.; HCS, стк. 32, 52, 62, 80, 115.

<sup>53</sup> HCS, стк. 51—53; ARAB, II, § 148; АВИНУ, § 49 (51 сл.).

<sup>54</sup> По-видимому, одна из окраинных юго-восточных (восточных) крепостей Манейского царства.

<sup>55</sup> HCS, стк. 76—78; АВИНУ, § 49 (74); ARAB, II, § 150.

<sup>56</sup> ARAB, I, § 440; АВИНУ, § 23 (I, 54).

<sup>57</sup> И. М. Дьяконов склонен локализовать Ариду где-то к юго-западу от Ассирии (АВИНУ, § 34, прим. 4), однако следует иметь в виду, что Салманасар III, выходя из Ариду и расчистив трудный путь в крутых горах, оказывается уже у пределов Хубушкна (в долине реки Бохтап)—АВИНУ, § 27 (I, 18).

<sup>58</sup> Известно, например, что Эламуния являлась названием Верхнего Заба (HCS, стк. 323). Об этом подробнее см. Г. А. Мелкишивили, ВДИ, 1947, № 4, стр. 28.

вается разнообразный скот и вино, причем вино, как и выше, в перечислении дани занимает второе место<sup>59</sup>. Это обстоятельство, видимо, намекает и на то, что виноградарство-виноделие, наряду со скотоводством, являлось одной из основных отраслей поселения Улманиа, а также страны Киррури.

Что касается области Мусасир (урартск. Ардини), то о ней содержит интересующие нас сведения «Луврская табличка» Саргона II, согласно которой этот культовый центр Урартского государства славился «всякими желанными плодовыми деревьями и лозами, как тростником»<sup>60</sup>, растущим в изобилии в низовьях Евфрата и Тигра<sup>61</sup>.

«Луврская табличка» располагает также некоторыми другими сведениями косвенного порядка о виноградарстве и виноделии области Мусасир-Ардини. В перечне добычи, захваченной здесь Саргоном II, упоминается большая медная цистерна на 80 мер воды и с большим медным ковшом к ней, которую цари Урарту при жертвоприношении перед Халдией, верховным богом, наполняли жертвенным вином<sup>62</sup>. Аналогичные сведения мы находим и в другой надписи Саргона II, где в перечне всяких драгоценностей, захваченных ассирийцами в сокровищницах Мусасира, упоминаются также «винные ковши (?) слоновой кости, черного дерева (?), чьи оправы выделаны из бронзы и серебра»<sup>63</sup>.

Садоводством и виноградарством отличались также другие области и поселения, расположенные у верховьев Тигра. Здесь привлекает внимание район гор Кашийари и некоторые территории, лежащие к северу от них.

В районе гор Кашийари (совр. Тур-Абдин), по сведениям ассирийских источников, виноградарскими и винодельческими центрами были Нирбу, Кобаку, Шура (Сура) и Нирдун, а к западу (юго-западу) от тех же гор—Ицалла.

В своих анналах Ашшурнасиранал II, например, отмечает, что на жителей страны Нирбу<sup>64</sup> сам наложил подать и дань, в перечне которых, наряду со скотом и бронзовыми сосудами, числится также вино<sup>65</sup>. По данным тех же annalov, виноградарством и виноделием интенсивно занимались также жители поселения Кобаку<sup>66</sup>, где ассирийский царь в качестве дани принимает вино<sup>67</sup>. Дубликат указанного отрывка летописи Ашшурнасиранала II, т. е. надпись на каменном монолите из Тушхана, где

<sup>59</sup> АВНИУ, § 27 (I, 14 сл.).

<sup>60</sup> HCS, стк. 327; ARAB, II, § 170; АВНИУ, § 49 (309).

<sup>61</sup> И. М. Дьяконов, АВНИУ, § 49, прим. 56.

<sup>62</sup> HCS, стк. 397—398; ARAB, II, § 173; АВНИУ, § 49 (367).

<sup>63</sup> АВНИУ, § 51 (Из «призмы В» Саргона II). Ср. ARAB, II, § 213; HCS, стр. 79, стк. 23—25.

<sup>64</sup> niḡ(a) bi—букв. «перевал»; однако в некоторых ассирийских надписях выступает также в качестве страны и даже фиксируется ее местоположение, как, например: «...страна Нирбу, что в горах Кашийари...» (АВНИУ, § 23, II, 15).

<sup>65</sup> АКА, I, стр. 298, стб. II, стк. 9—10; ARAB, I, § 446; АВНИУ, § 23 (II, 2).

<sup>66</sup> Совр. деревня Кивах, западнее Джебзирет-ибн-Омара—Е. Fоггег, PAR, стр. 18.

<sup>67</sup> АКА, I, стр. 327, стб. II, стк. 88; ARAB, I, § 446; АВНИУ, § 23 (II, 86).

описывается тот же поход в эпонимат Ша-илиа-мадамку (879 г. до н. э.)<sup>68</sup>, повторно указывает на развитие виноградарства и виноделия в поселении Кибаку<sup>69</sup>.

В надписях Ашшурнасирапала II поселение Шура (Сура) также выступает одним из виноградарски-винодельческих центров в районе гор Кашийари. Упомянутый ассирийский царь дважды, в своей летописи и в надписи на монолите из Тушхана (дубликат соответствующего отрывка той же летописи), констатирует, что в Ирсини он принял дань поселения Сура или Шура<sup>70</sup>, среди которой числилось также вино<sup>71</sup>.

Ашшурнасирапал II рассказывает, что 6 дней подряд он сражался на недоступных горах Кашийари и повсюду у жителей многочисленных поселений в качестве дани принимал вино<sup>72</sup>. Затем он продолжает свой поход к северу от гор Кашийари, где в Тушхе (совр. Карх) принимает вино области Нирдун страны Напри<sup>73</sup>. То же самое рассказывается и в анналах того же Ашшурнасирапала II<sup>74</sup>.

Своими винодельческими запасами в первой четверти IX века была известна также область Ицалла<sup>75</sup>, территория которой, вероятно, находилась к западу (юго-западу) от гор Кашийари. Во время похода 882 г. до н. э. Ашшурнасирапал II принимает дань страны Ицал(л)а, в перечне которой, наряду с крупным и мелким рогатым скотом, упоминается также вино<sup>76</sup>.

Некоторые другие виноградарские и винодельческие центры Напри-Урарту были расположены к северу и северо-западу от гор Кашийари, преимущественно вдоль правобережной полосы верхнего Тигра. Здесь следует упомянуть области Катмухи (Кутмухи), Мушку (Муску) и Биг-Замани, о которых содержат интересующие нас сведения анналы Ашшурнасирапала II. Согласно этим источникам, ассирийский царь во время своего похода 882 г. до н. э. принимает дань стран Катмухи и Мушки<sup>77</sup>. Наряду с бронзовыми сосудами и крупным и мелким рогатым скотом

---

<sup>68</sup> E. Forger, PAR, стр. 21.

<sup>69</sup> АКА, I, стр. 226, лиц. стор., стк. 39—41; ARAB, I, § 498; АВИИУ, § 26 (лиц., 25).

<sup>70</sup> Чтение Сура — налицо в анналах, а Шура — в надписи на монолите. Совр. Шор (Сор), к западу от Мидият (ассир. Mitiati — PAR, стр. 18, 21), у подножия гор Тур-Абди (ассир. Кашийари); Izauga византийских авторов. N. Adontz. Histoire d'Arménie. Paris, 1946, стр. 45, 67.

<sup>71</sup> АКА, стр. 329, стб. II, стк. 93 и стр. 229, обор. стор., стк. 8—9; ARAB, I, § 460, 498; АВИИУ, § 23 (II, 86) и § 26 (лиц., 25).

<sup>72</sup> АВИИУ, § 26 (лиц. стор., стк. 25 сл.).

<sup>73</sup> АКА, I, стр. 231, обор. стор., стк. 19; ARAB, I, § 499; АВИИУ, § 26, (лиц., 25).

<sup>74</sup> АКА, I, стр. 299 (II, 12—14); ARAB, I, § 446; АВИИУ, § 23 (II, 2).

<sup>75</sup> Işalla; возможно также чтение Izalla.

<sup>76</sup> АКА, стр. 291 (I, 106); ARAB, I, § 445; АВИИУ, § 23 (I, 101).

<sup>77</sup> Основная территория Мушки, конечно, соответствует совр. Фригии (E. Forger, PAR, стр. 71). Однако для установления территории данных мушкийцев (отчасти и Катмухи) следует иметь в виду сведения анналов Тиглатпаласара I (1115—1077 гг.

том, здесь он получил также вино<sup>78</sup>. Что касается страны Бит-Замани, то она, вероятно, была известна как виноградарством, так и садоводством. о чем приводятся соответствующие сведения в анналах Ашшурнасирапала II. В одном случае он принял в качестве дани вино страны Бит-Замани<sup>79</sup>, а в другом—срубил сады Илану, царя Бит-Замани<sup>80</sup>.

Ассирийские письменные источники располагают также одним-единственным фактом, касающимся развития виноградарства и виноделия на территории у верховьев Евфрата, юго-западнее Бит-Замани. Речь идет об области Куммух (урартск. Кумаха, античная Коммагена), где Салманасар III принимает дань царя Катазилу, состоящую из золота, серебра, крупного и мелкого рогатого скота и вина<sup>81</sup>.

Касаясь снова садоводческих и виноградарских областей бассейна верхнего Тигра, следует отметить важную роль областей Шуприа и Урумму (к юго-западу от Ванского озера), с одной стороны, и Хубушкна и Хабхи (к югу и юго-востоку от того же озера)—с другой.

Некоторые отрывочные сведения об области Шуприа имеются в разведывательных донесениях ассирийских лазутчиков. Здесь особо важными кажутся сведения письма Ашшурдурпанини, адресованного Саргону II (?) и содержащего недовольство по поводу того, что беглым от царской работы ассирийцам в Шуприи, наряду с полями и домами, предоставляют сады<sup>82</sup>. Более поздние сведения, касающиеся виноградарства страны Шуприа, обнаруживаются в письме Асархаддона, содержащем реляцию о походе 673 г. до н. э. против этой страны. В одном из отрывков письма Асархаддон указывает, что он прибавил к обширным войскам бога Ашшура большое количество виноградарей-шуприйцев<sup>83</sup>. Это подтверждается сведениями анналов Ашшурнасирапала II, согласно которым ассирийский царь принимает в качестве дани вино у Анхите, царя Шуприа<sup>84</sup>. Здесь же среди стран, доставивших вино Ашшурнаси-

---

до н. э.), согласно которым 20 тысяч мушкийцев с 5 царями, которые вот уже 50 лет как захватили страны Алзи (урартск. Алзини, древнеарм. Алзник, в верховьях Тигра) и Пурулумзи, спустились с гор и захватили страну Катмухи (АКА, I, стр. 35—36, стб. I, стк. 62—70). См. также Г. А. Меликишивили, Наирн-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 315—316, 420—421; *Р. Թ. Չ յ ա հ ո ՚ ն ո զ Խ հ թ ի ռ ը, փ ո յ ա զ Գ ի ա ղ հ ն ի ռ ը և հ ա չ ի ռ ը*, „Известия АН АрмССР (общ. науки)“, 1956, № 11, стр. 71—73. Ср. PAR, стр. 17 сл., 70 сл., 75 сл.

<sup>78</sup> АКА, I, стр. 279 (I, 73—74); ARAB, I, § 442; АВНИУ, § 23 (I, 69).

<sup>79</sup> АКА, I, стр. 299 (II, 12—14). Этот поход был совершен в эпоху Шамашури, согласно чему и устанавливается время похода (866 г. до н. э.)— PAR, стр. 28.

<sup>80</sup> АКА, I, стр. 378—379 (III, 104—107); АВНИУ, § 23 (III, 92).

<sup>81</sup> Надпись на монолите из Тушхана (совр. Карх)— SABB, I, стр. 156, (I, 37).

<sup>82</sup> W a t e r m a n, RCAE, I, № 252, обор. стор., стк. 5.

<sup>83</sup> В a n e r, стр. 246, стк. 16—19; АВНИУ, § 67 (к1).

<sup>84</sup> АКА, I, стр. 299 (II, 12—14); ARAB, I, § 446; АВНИУ, § 23 (II, 2). Кегати, в некоторых участках горной области Шуприа (Сасуникские горы) и в наши времена население интенсивно занимается садоводством и виноградарством. В то время как целый ряд верхних ущелий этих гор круглый год покрыт снегом, в некоторых второстепенных, низко расположенных ущельях, например в Талворике (Талори), в изобилии растут виноград, инжир и другие фрукты. К тому же, в частности Сасуникские райо-



Известно, что еще в V году правления Аргишти I (782 г. до н. э.) урартийцы прочно обосновались на территории Араратской равнины. К этому времени относится постройка военно-административного центра Эребуни-Арни-берд. Вслед за ним возникли другие административно-хозяйственные центры: Аргиштихинили-Армавир (776 г. до н. э.) и Тейшебани-Кармир-блур (VII в. до н. э.). Все это создавало определенные предпосылки для развития на этой плодороднейшей территории садоводства и виноградарства. С этой целью урартийцы выбрали бассейн среднего течения реки Аракс, а позже бассейн нижнего течения Илдаруни-Раздана.

Для развития садоводства и виноградарства в районе Аргиштихинили особые усилия приложили цари эпохи наибольшего могущества Урарту—Аргишти I и Сардури II. С этой целью ими была создана сложная сеть оросительных каналов. Надписи намекают на то, что ранее, до проведения каналов, «земля была необитаемой, никто здесь не находился»<sup>91</sup> или же: «земля была пустынной, ничего здесь не было построено»<sup>92</sup>. О большой заботе, проявленной здесь Аргишти I для интенсивного развития садоводства и виноградарства, говорит тот факт, что одна лишь Сардарабадская надпись повествует об отведении от реки (Аракса) сразу четырех оросительных каналов, после чего, естественно, последовала разбивка фруктовых садов и виноградников<sup>93</sup>. Все это царь считает достойными мужа делами или подвигами (*arnišinili*)<sup>94</sup>. Повествование об ирригационных предприятиях в районе Аргиштихинили (без упоминания о разбивке садов и виноградников) занимает определенное место также в знаменитой Хорхорской летописи и в одном из ее дубликатов. В них отмечается, что Аргишти I отвел канал от реки для страны Аза<sup>95</sup>, на основании чего мы осведомляемся, что мероприятия по сооружению Аргиштихинили, разбивке садов и виноградников и т. д. происходили на территории урартской страны Аза в 776 г. (?) до н. э.

Имеется еще одна надпись Аргишти I, происходящая из района Аргиштихинили и повествующая о сооружении ирригационного канала<sup>96</sup>. Хотя она, как и Хорхорская летопись, не содержит ни слова о разбивке садов и виноградников, однако это, конечно, подразумевается.

Урартские письменные источники свидетельствуют о том, что развитие садоводства и виноградарства на территории страны Аза было в центре внимания также преемника Аргишти I—царя Сардури II. Не случайно, что фрагмент его надписи, происходящий из Армавирского холма, повествует о разбивке нового сада и виноградника<sup>97</sup>.

<sup>91</sup> Г. А. Меликишвили, УКН, 136, стк. 4—5.

<sup>92</sup> Там же, 137, стк. 6—7.

<sup>93</sup> Там же, стк. 1—9; ср. КНЗ, IX, стк. 1—9.

<sup>94</sup> Там же, стк. 16. По поводу интерпретации слова *arni(u)šinili* см. Н. В. Арутюнян, Заметки по урартской клинописи, «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1956, № 7, стр. 89—94.

<sup>95</sup> Г. А. Меликишвили, УКН, 127, IV, стк. 73; 128 B2, стк. 42.

<sup>96</sup> М. В. Никольский, КНЗ, XXIV, стк. 2—3; Г. А. Меликишвили, УКН, 136, стк. 2—3.

<sup>97</sup> Г. А. Меликишвили, УКН, 172, стк. 1. Ср. КНЗ, XIV, стк. 1.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные сведения о садоводстве и виноградарстве в среднем течении реки Аракс (район Аргиштихинили), к сожалению, крайне ограничены. Однако следует надеяться, что дальнейшие изыскания в этой области, особенно раскопки Аргиштихинили, дадут много нового для возможно полного выяснения картины садоводства и виноградарства в бассейне реки Аракс. С другой стороны, создание сложной сети оросительных каналов (в количестве 6, из которых 5 Аргишти I и I Сардури II) само по себе говорит об интенсивном развитии садоводства и виноградарства в некоторых районах плодородной Араратской равнины. К тому же археологический материал, добытый при раскопках Тейшебаини (о чем ниже), до некоторой степени восполняет, но уже для более поздней эпохи (VII—VI вв. до н. э.), тот пробел, который мы ощущаем при изучении вопросов садоводства и виноградарства в стране Аза вообще и в районе Аргиштихинили в частности.

Примечателен тот факт, что садоводство и виноградарство продолжали оставаться основными отраслями хозяйства населения Араратской равнины и после падения Урарту. Об этом красноречиво свидетельствуют некоторые античные и древнеармянские источники.

Античный географ Страбон (I в. до н. э.), например, отмечает, что «Араксена Армянская, как и Гиркания<sup>98</sup>, обширна и плодородна». О богатстве Араксены он судит по тому, что «...виноградная лоза дает метрит вина, фиговое дерево — шестьдесят медимнов плодов...<sup>99</sup>. В другом отрывке своей «Географии» Страбон обращает внимание на то обстоятельство, что долина Араксенская отличается замечательным плодородием; вся эта страна изобилует плодами, домашними вечно цветущими деревьями и производит даже оливу<sup>100</sup>.

Что касается древнеармянских источников, то Казар Парпеци (V век), приводя красочное описание Араратской равнины, утверждает, что она издревле являлась одной из наиболее надежных житниц Армянского нагорья с широким возделыванием виноградников, фруктовых садов и т. д.<sup>101</sup>. То же самое свидетельствует Мовсес Хоренаци о Еруандакерт (пригород Еруандашата), расположенном в то время западнее Аргиштихинили-Армавира, недалеко от места слияния реки Ахураи с Араксом.

«Мне приятно рассказать и о прекрасном дастакерте Еруандакерт, который сам же Еруанд украсил красивыми и дивными постройками. Он заполнил средину большой долины населением и блестящими зданиями, светлыми, как зеница ока. А вокруг населенной части он устроил

<sup>98</sup> Страбон отмечает, что Гиркания находится там, «...где море становится широким, пока не соприкасается с медийскими и армянскими горами». Речь идет о Гирканском (Каспийском) море. См. Страбон, География в семнадцати книгах (перевод с греческого Ф. Г. Мищенко), М., 1879, стр. 518.

<sup>99</sup> Там же, стр. 519.

<sup>100</sup> Там же, стр. 538.

<sup>101</sup> Վ ա զ ա Ր Փ ա Ր Պ ե Յ ի, Պատմություն Հայոց և Թուրք առ Վաճառ Խամբլեհեան, Տփլիս, 1904, стр. 9, 11.

благоухающие цветники, подобно тому, как круг глаза окружает зрачок. Многочисленные виноградники представляют как бы густые, красивые ресницы, причем кругообразное положение северной стороны совершенно походило на брови прелестных дев. С южной же стороны ровные поля напоминали красивую гладкость ланит, а река своими двумя высокими берегами изображала как будто две губы. И это прекрасное расположение мест как будто глядело неподвижно—прямо на царскую резиденцию на возвышенности. Это был поистине плодородный и царский дастакерт»<sup>102</sup>.

В бассейне Аракса, по свидетельству М. Хоренаци, высоким развитием виноградарства и виноделия отличалась также область Гохти, которую он считает «изобилующей вином»<sup>103</sup>.

Вернемся, однако, к урартским клинописным источникам. Важным садоводческим и виноградарским центром Араратской равнины, по сведениям Звартноцкой надписи Руса II, был также бассейн реки Илдаруниа-Раздан. Здесь урартский царь в VII веке до н. э. проводит канал Умешини, на основе чего разводятся новые<sup>104</sup> фруктовые сады, виноградники и т. д. на территории долины Куарлини (или «Русавской долины»). Надпись повествует также об установлении царем порядка жертвоприношений верховной триаде урартских божеств Халди, Тейшебе и Шивини в случае орошения каналом виноградников, фруктовых садов и т. д. долины Куарлини<sup>105</sup>.

И если сведения письменных источников о садоводстве и виноградарстве Араратской равнины в эпоху Урарту пока что являются весьма ограниченными, зато археологический материал, добытый при раскопках Тейшебани, открывает перед нами сравнительно большие горизонты для выяснения объемов работ, развернутых урартцами для развития садоводства и виноградарства-виноделия, а также для определения некоторых сортов винограда и фруктов, возделывавшихся в то время на этой территории.

Среди археологического материала Кармир-блур, характеризующего уровень урартского садоводства, несравненно богато представлен материал, освещающий вопросы виноградарства и виноделия. Был раскопан ряд помещений с многочисленными винными карасами, наполовину

---

<sup>102</sup> Мовсес Хоренаци. История Армении, II, 42. Перевод Я. А. Манандяна (Проблема общественного строя доаршакидской Армении, «Исторические записки», 1945, № 15, стр. 5). Ср. перевод Н. О. Эмина (История Армении Моисея Хоренского, М., 1893, стр. 92).

<sup>103</sup> Мовсес Хоренаци, I, 30.

<sup>104</sup> В отличие от ранее предложенного перевода „устройство(?)“ (Г. А. Меликишвили, УКН, стр. 345 и др.), слову *šuhī* с уверенностью мы придаем значение „новый“. Ср. GĀN <sup>GIŠ</sup>·ŠAMŠE <sup>GIŠ</sup> *šar[i] s[u]hīte istini terub[i] URU šuhī istini šatul[i]..* (УКН, 281, стк. 11—13) и ... URU <sup>GIŠ</sup> *uldi* <sup>GIŠ</sup> *šarte [G]IBIL terub[i]..* (УКН, 172, стк. 1). Следовательно, вполне очевидно, что *šuhī* является урартским раскрытием идеограммы GIBIL „новый“. Для слова *šuhī* за последнее время точно такой же перевод предлагает и Н. М. Дьяконов на основе косвенного доказательства — МПД, стр. 53.

<sup>105</sup> Г. А. Меликишвили. УКН, 281, стк. 5—17.

врытыми в земляной пол (рис. 17). Одна такая кладовая, раскопанная в 1949 г., представляла собой большое помещение площадью около 300 кв. м, в котором было установлено 82 караса<sup>106</sup>. Каждый карас имел обозначение емкости клинописью или же иероглифами. Емкость указанных карасов была различной, примерно от 250 до 1500 литров, т. е. от одного до шести «акарки»<sup>107</sup>. По мнению Б. Б. Пиотровского, крепость на Кармир-блуре погибла в первой половине августа, чем и объясняется то обстоятельство, что карасы этой кладовой, как и некоторых других винных кладовых, оказались порожними, без всякого следа вина; вино, хранившееся в карасах, по-видимому, было уже израсходовано, и карасы были подготовлены для нового урожая. Раскопки показывают, что порожние винные карасы во время осады крепости были использованы для хранения разных предметов. Этим следует объяснить тот факт, что в одном из карасов вышеупомянутой кладовой (помещение № 25) было сложено 97 металлических чаш прекрасной сохранности, с именами ряда урартских царей. В некоторых же других карасах этой кладовой были обнаружены остатки пшеницы, ячменя, проса и кунжута<sup>108</sup>. Несмотря на то, что некоторые карасы были использованы для хранения бронзовых чаш, земледельческих продуктов и т. д., тем не менее можно с уверенностью утверждать, что они были предназначены для хранения жидких тел, в частности для вина, на что указывают следующие обстоятельства. Прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что на дне карасов отсутствуют отверстия, обычные для сосудов, предназначенных для хранения зерна. Очень важно отметить, что емкость карасов обозначена не мерой сыпучих тел «капи»<sup>109</sup>, а мерой жидких тел «акарки» и «теруси» (рис. 18). Если к сказанному добавить и находку крупной глиняной воронки (рис. 19) на полу кладовой, между карасами № 69 и 70, то станет вполне понятно, что кладовая № 25 (рис. 20), как и другие подобные кладовые с крупными карасами, была предназначена для хранения жидких тел, главным образом для вина<sup>110</sup>.

В 1950 г. раскопками была открыта вторая кладовая для вина, аналогичная вышеупомянутой кладовой № 25, но несколько уступающая ей по размерам (27×10,3 м). Здесь экспедицией было обнаружено 70 карасов, установленных в четыре ряда (рис. 21—22). Все карасы этой кладовой (№ 28) имели обозначения емкости, выполненные иероглифическими знаками. Кроме того, были обнаружены и другие глиняные сосуды, ко-

<sup>106</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, Ереван, 1950, табл. 5 и Кармир-блур. III, Ереван, 1952, табл. 2.

<sup>107</sup> Емкость карасов была обозначена в урартских мерах «акарки» и «теруси» (или «тируси»). «Акарки»—около 240—250 л., а «тируси»—24—25 л.

<sup>108</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, Ереван, 1950, стр. 31, 59—60; Кармир-блур. II, Ереван, 1952, стр. 16 сл.

<sup>109</sup> См. надписи, повествующие о сооружении зернохранилищ (‘arī). УКН. 135, стк. 6; 139, стк. 4; 155 G, стк. 10; 162, стк. 7 и др.

<sup>110</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, стр. 19 и рис. 4, 5, а также табл. 3. См. также соответствующий текст Сардуровской летописи, где урартские меры жидких тел «акарки» и «тируси» применяются как к GĒSTIN «вино», так и к maṅkalī 𐎠𐎢𐎽𐎢𐎡𐎴 «масло» (слово maṅkalī, судя по тексту, является, по-видимому, названием какого-то вида масла). УКН, 155G, стк. 10 и прим. 7.

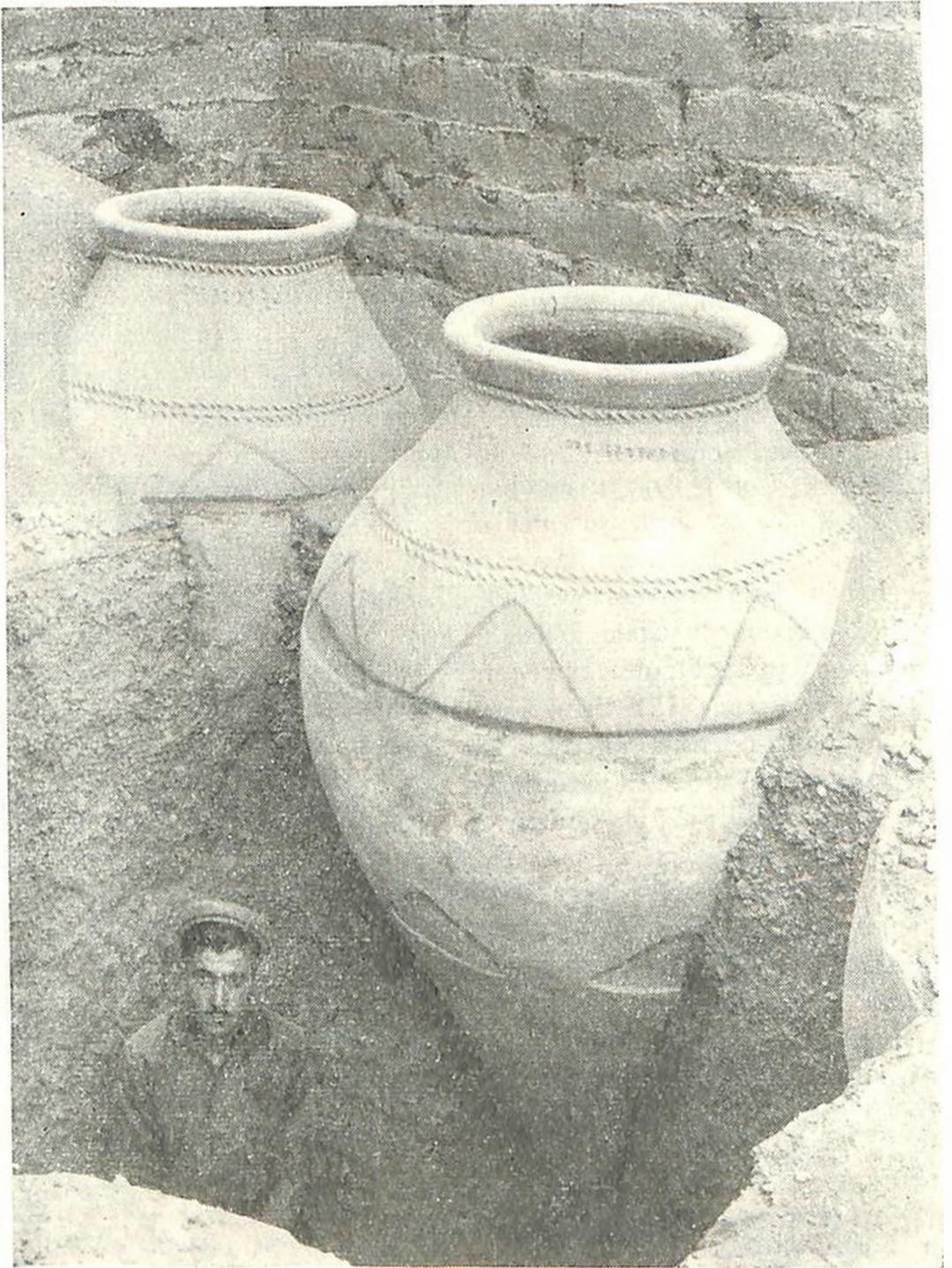


Рис. 17. Карасы для вина с клинописными обозначениями емкости после раскопки земляного пола. Кармир-блур.

торые оказались в северо-западной части кладовой, где карасы были расположены значительно реже. В западном углу кладовой, около ее северной стены, находилось много обломков глиняных сосудов, среди которых хорошо сохранились два глиняных светильника (рис. 23). Подобные светильники были найдены и в винной кладовой № 25<sup>111</sup>.

Глиняные сосуды были обнаружены также в северо-восточном углу

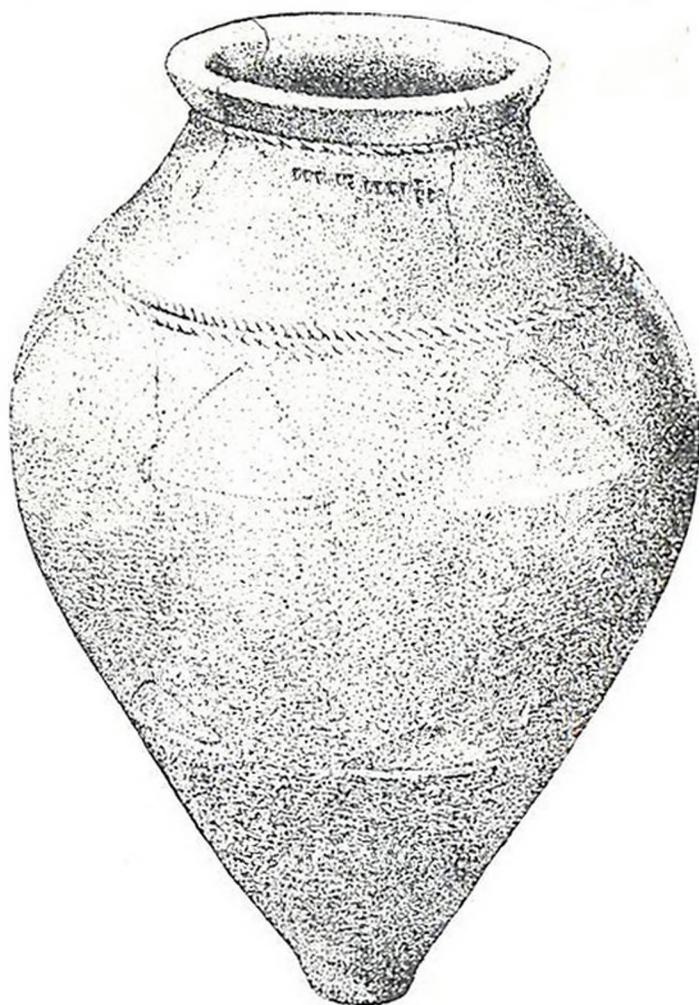


Рис. 18. Винный карас с клиновидным обозначением емкости — 3 а(qarqi) 4 (i(rusi). Кладовая для вина № 25. Кармир-блур.

кладовой. Среди них оказались два кувшина красного цвета с ручками, на которых имелись углубления. Подобный же сосуд с углублениями был найден и в восточном проеме кладовой<sup>112</sup>.

Вышеупомянутые кладовые для вина общались между собою через помещение № 27. Это помещение имело и другую, небольшую дверь, ведущую в кладовую № 29, вся восточная половина которой была занята большим количеством кувшинов, сложенных на боку в пять рядов. Общее число кувшинов составляло 1036, причем более сотни из них извлечены в прекрасной сохранности (рис. 24). Кроме того, здесь оказалось

<sup>111</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, стр. 28—31.

<sup>112</sup> Там же, стр. 33.

40 светильников, 55 плоских мисок и 16 сосудов других типов<sup>113</sup>. Все они, несомненно, составляли необходимый инвентарь кладовых, предназначенных для накопления и хранения винодельческих продуктов.

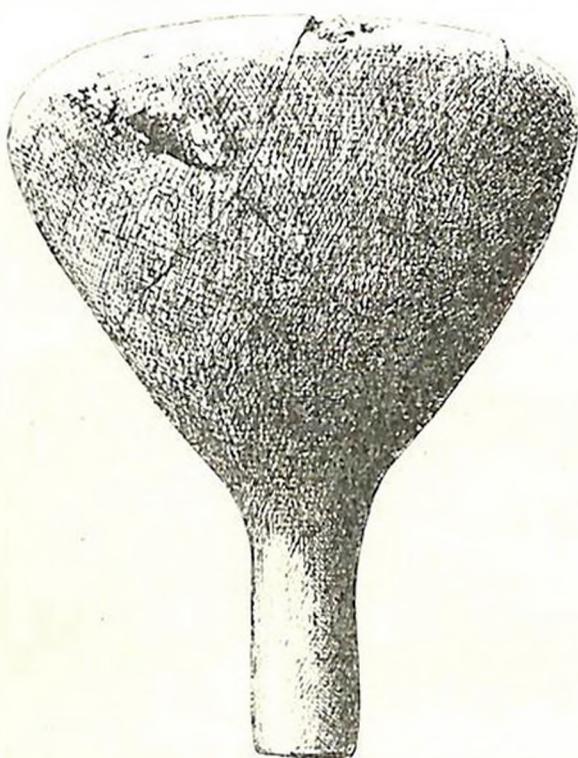


Рис. 19. Глиняная воронка для вина. Кладовая № 25, Кармир-блур.

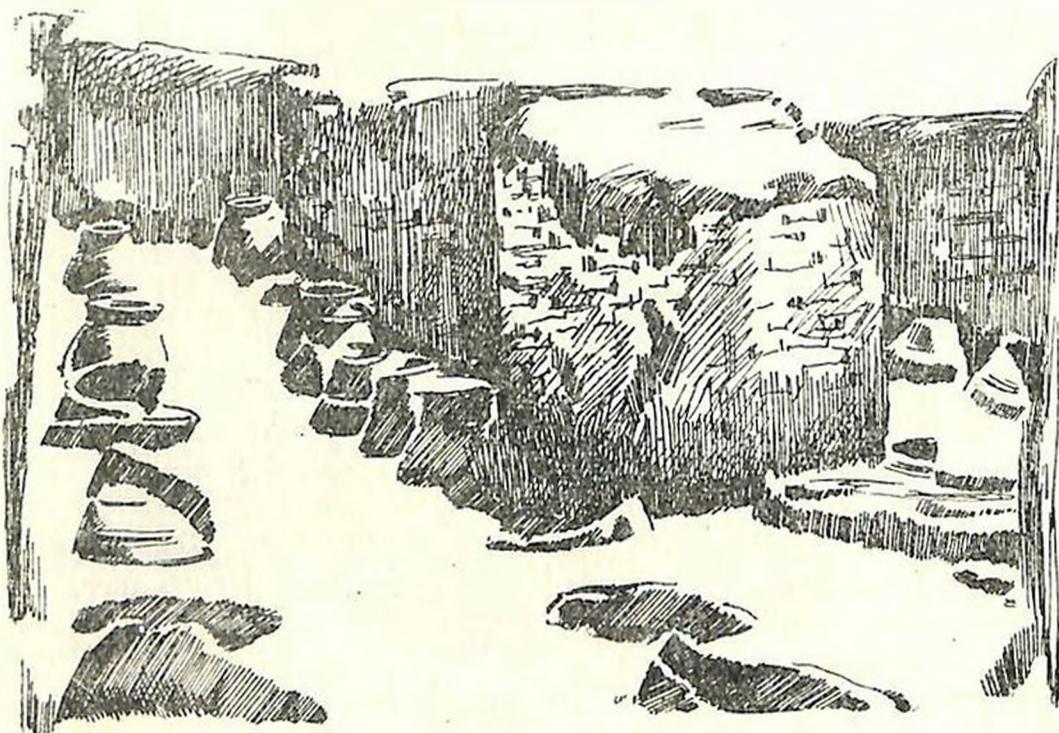


Рис. 20. Кладовая для вина № 25. Кармир-блур.

Светильники, как уже сказано, были обнаружены также в винных кладовых № 25 и 28 и являлись необходимой их принадлежностью в

<sup>113</sup> Там же, стр. 39—40; Кармир-блур, III, стр. 11—12 и табл. VI—IX.

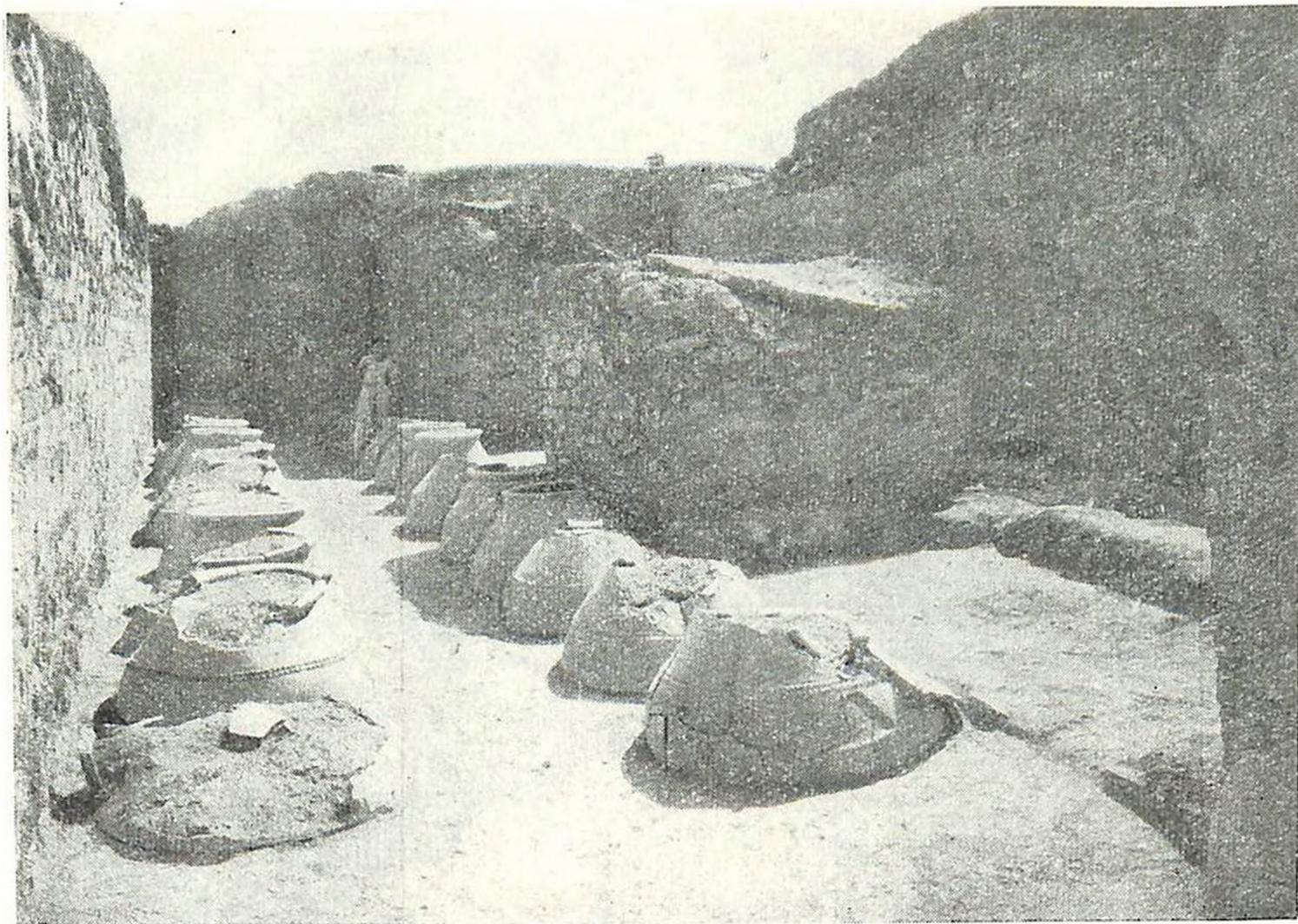
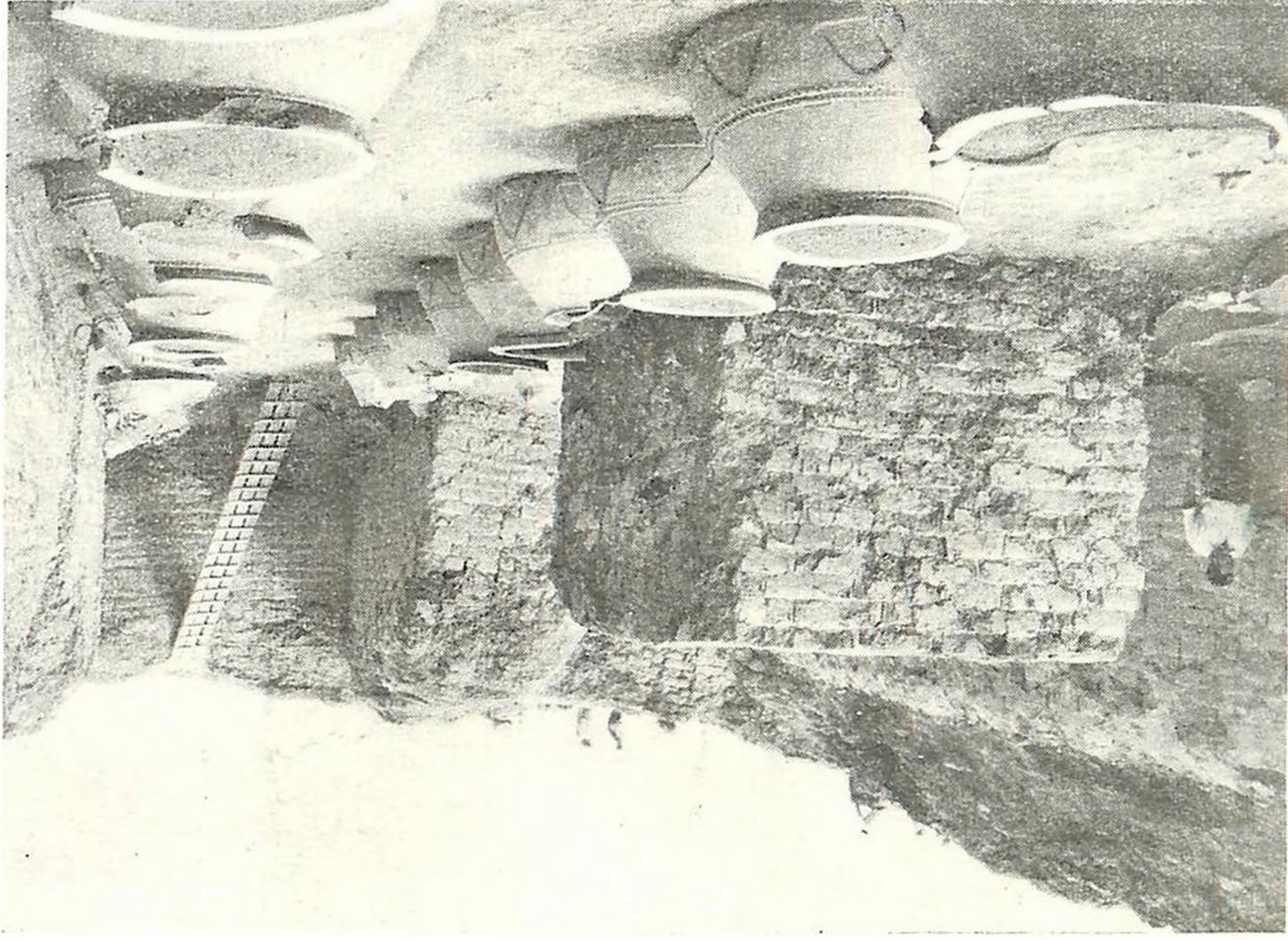


Рис. 21. Кладовая для вина № 28 (вид с запада). Кармир-баур.

Рис. 22. Кладовая для вина № 28 (вид с востока). Кармир-Гыр.



условиях полутемных помещений. Б. Б. Пиотровский полагает, что громадное количество кувшинов (1036) кладовой № 29 соответствовало тому количеству вина, которое хранилось в 152 карасах кладовых № 25 и 28<sup>114</sup>. Что касается количества вина, хранившегося в обеих

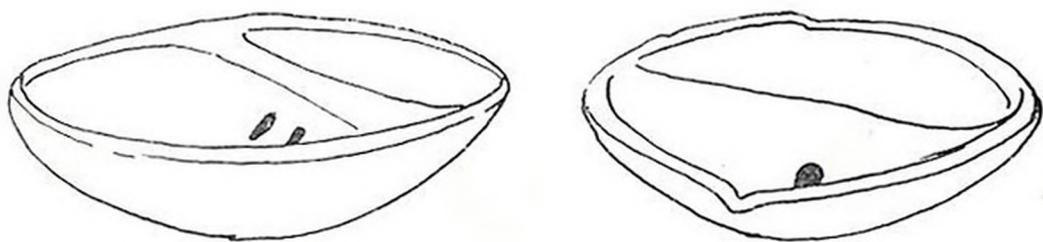


Рис. 23. Глиняные светильники. Кладовая для вина № 28. Кармир-блур.

кладовых, то, по подсчетам Б. Б. Пиотровского, оно составляло около 610 «акарки», т. е. примерно 150 тысяч литров<sup>115</sup>. И если такое громадное количество вина сопоставить с вином, хранившимся в одной из кладовых, построенной царем Менуа в районе Маназкерта (в верхнем течении реки Арацани) и содержавшей 900 «акарки вина»<sup>116</sup>, то станет вполне ясно, что эти две кармир-блурские кладовые по количеству вина лишь несколько уступали винной кладовой, построенной в IX веке до н. э. в одной из центральных областей государства Урарту. Однако археологический материал, происходящий из Кармир-блур, показывает, что и ряд других помещений был предназначен для хранения вина. Следовательно, Тейшебаани по своим винным запасам, как мы это увидим ниже, не только не уступал таковым кладовой Бостан-кайа, но и гораздо превышал их.

Следует также отметить, что размеры карасов в кладовой № 25 колеблются между 1 «акарки» 6 «теруси» и 5 «акарки» 6 «теруси» (рис. 25—26), тогда как в кладовой № 28 (рис. 27)—между 3 «акарки» и 5 «акарки» 5 «теруси»<sup>117</sup>.

Раскопками 1953 г. была открыта еще одна небольшая кладовая для вина с 20 карасами, вкопанными в земляной пол тремя рядами. Большинство карасов этой кладовой имело нероглифические обозначения емкости—от 3 «акарки» 5 «теруси» до 5 «акарки» 1 «теруси». В момент гибели крепости в некоторых карасах, очевидно, еще находилось вино, на что указывает темный цвет стенок нижних частей карасов и характерная окраска грунта, исследованного в Институте виноделия и виноградарства Министерства пищевой промышленности Армянской ССР. В этой кладовой около карасов было найдено также несколько глиняных сосудов-кувшинов с ручками, бокал, плоская чашка и т. д.,

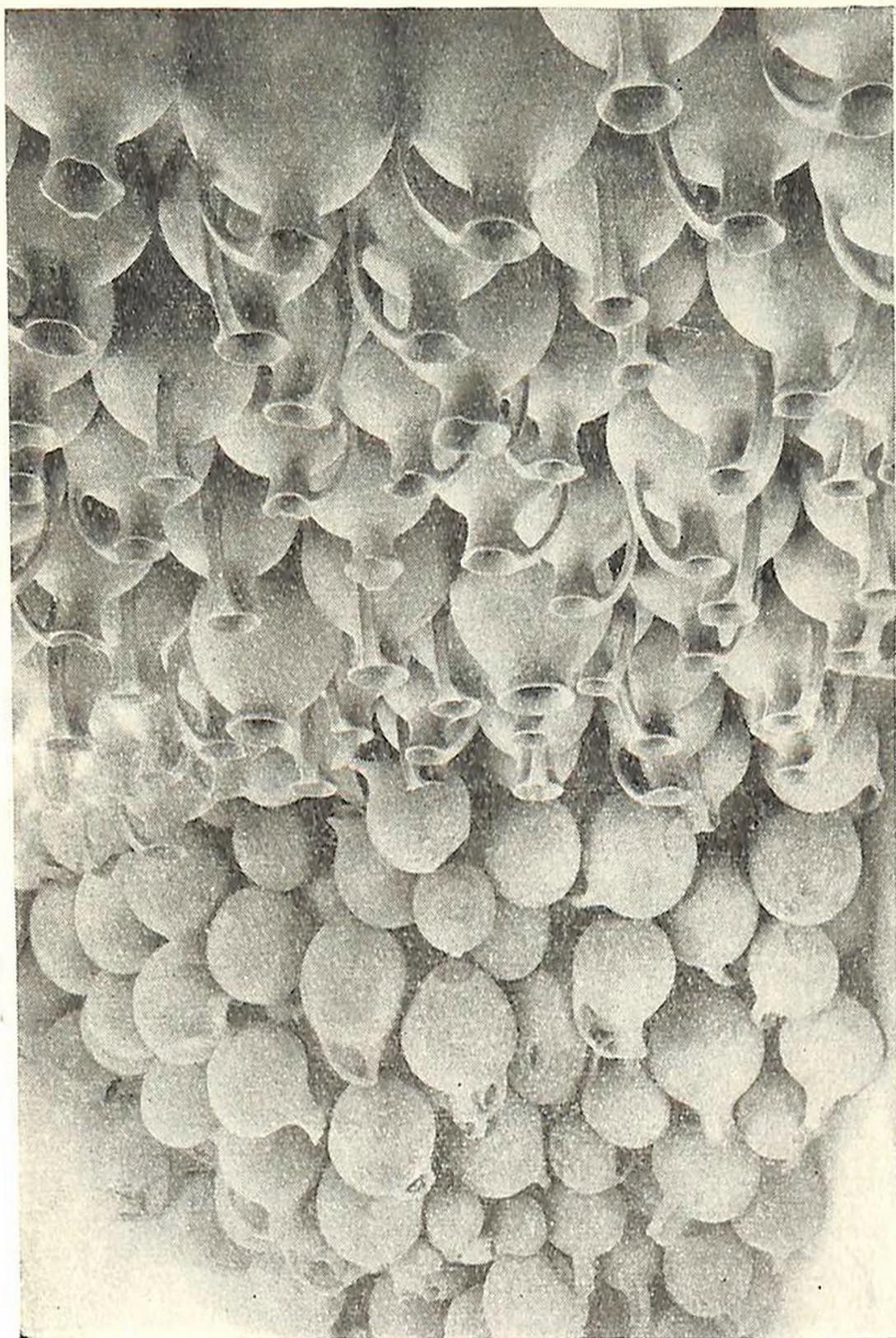
<sup>114</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, стр. 40.

<sup>115</sup> Там же, стр. 7, 14.

<sup>116</sup> Г. А. Меликишвили. УЖН, 79, стк. 2—5.

<sup>117</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, стр. 67 (и рис. 36), 71, а также рис. 37—42 на стр. 68—73.

Рис. 21. Кувшины для вина из керамики № 29. Каппадокия.



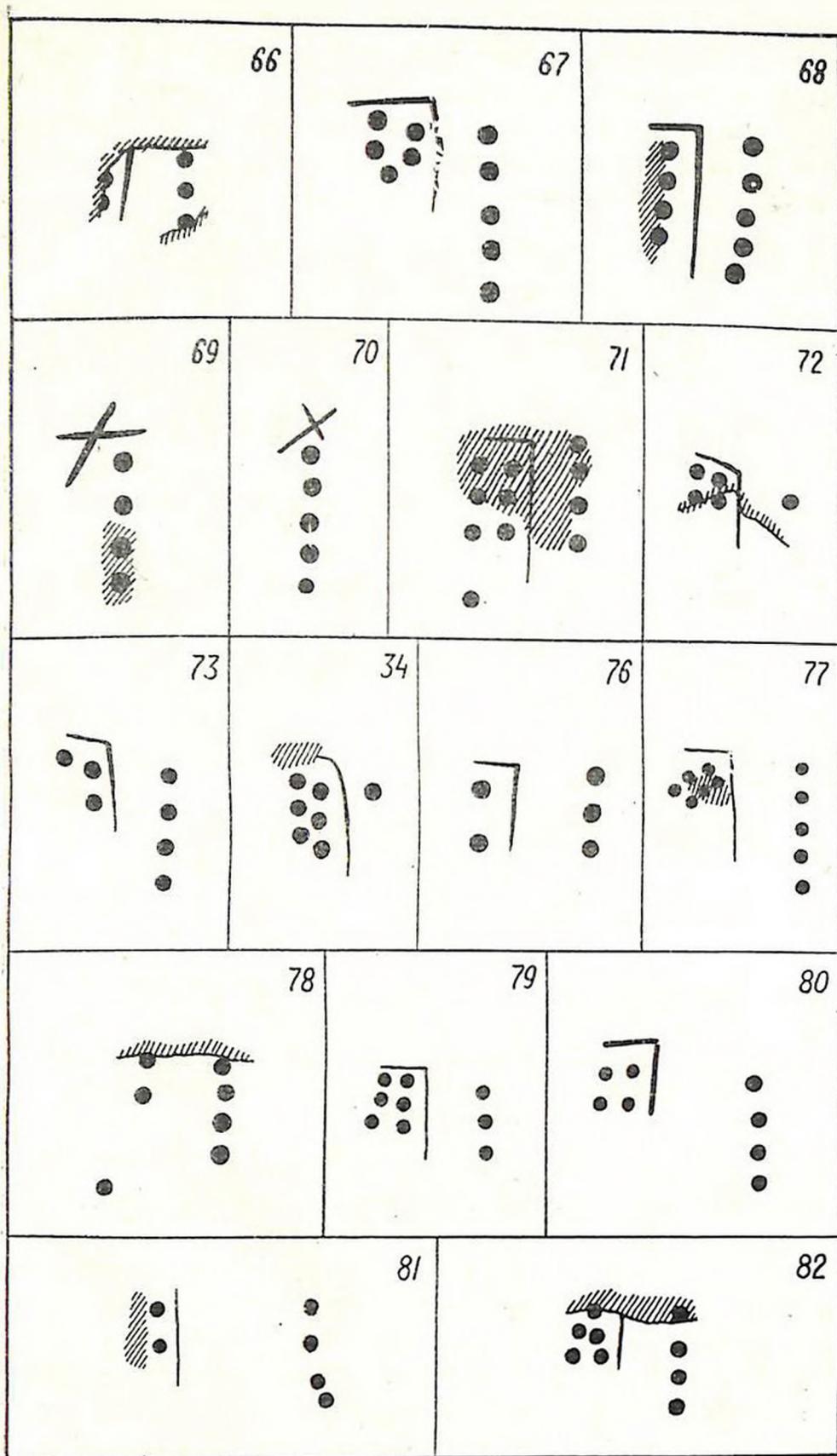


Рис. 25. Некоторые иероглифические обозначения емкости на карасах кладовой для вина № 25. Кармир-блур.

а также обломки светильника<sup>118</sup>. Подобные предметы, как мы видели выше, были обнаружены также в других винных кладовых и являются составной частью инвентаря помещений, предназначенных для хранения винодельческих запасов крепости. По подсчетам Б. Б. Пиотровского, в кладовой № 40 хранилось около 20 тысяч литров вина<sup>119</sup>.

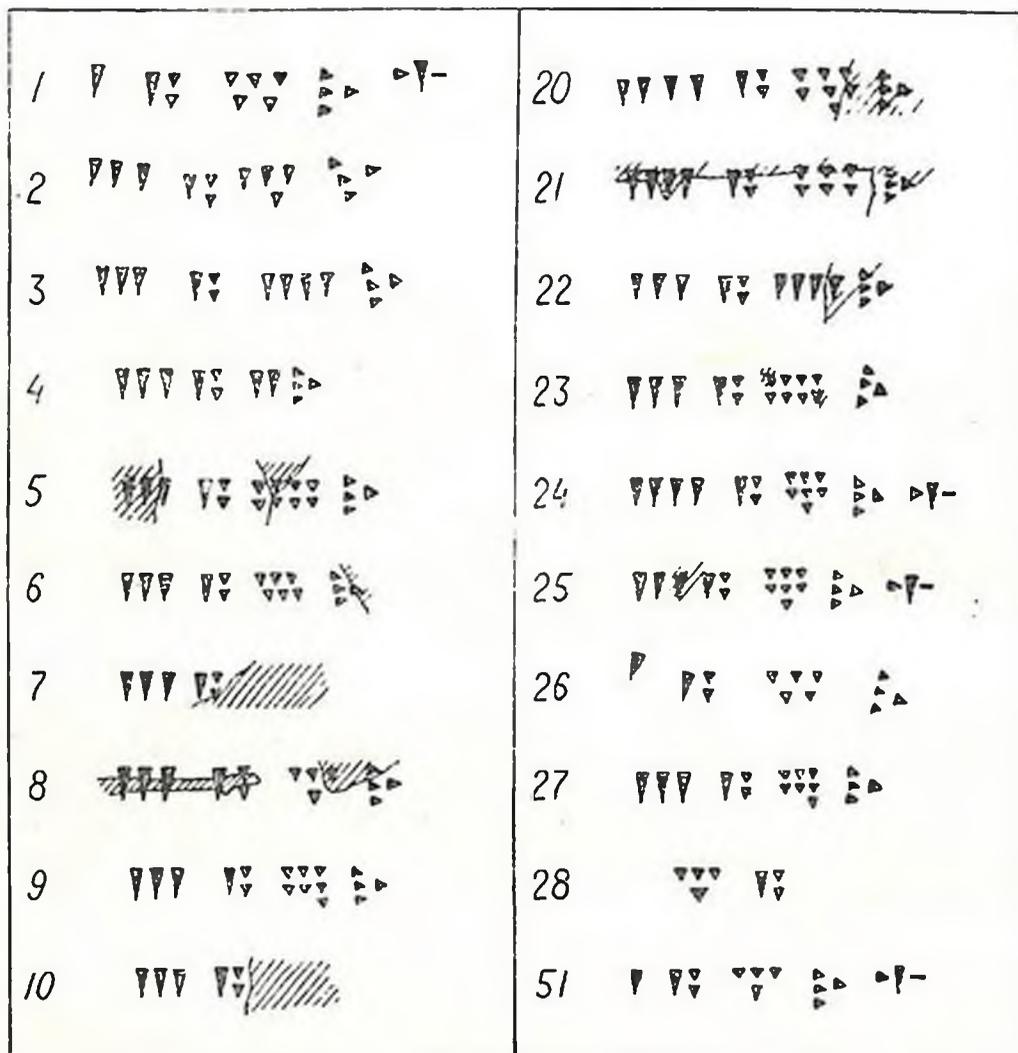


Рис. 26. Клинописные обозначения емкости на карасах кладовой № 25. Кармир-блур.

Однако винные запасы, хранившиеся в кладовых Тейшебани, не ограничиваются приведенными данными. Раскопками 1954 г. в центральной части цитадели были выявлены еще три кладовые для вина, примыкавшие к кладовой № 40 и имевшие доступ в нее. В одной из них (№ 41) было обнаружено 45 карасов, в другой (№ 43)—32. Что касается третьей кладовой, то она была разрушена и перерыта еще в средние века. Однако судя по тому, что по размерам она совпадала с кладовой № 43, в которой были установлены 32 караса, Б. Б. Пиотровский считает возможным предположить, что в ней также могло быть не меньше 30 карасов<sup>120</sup>.

<sup>118</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III, стр. 22.

<sup>119</sup> Там же, стр. 22—23.

<sup>120</sup> Там же, стр. 23.

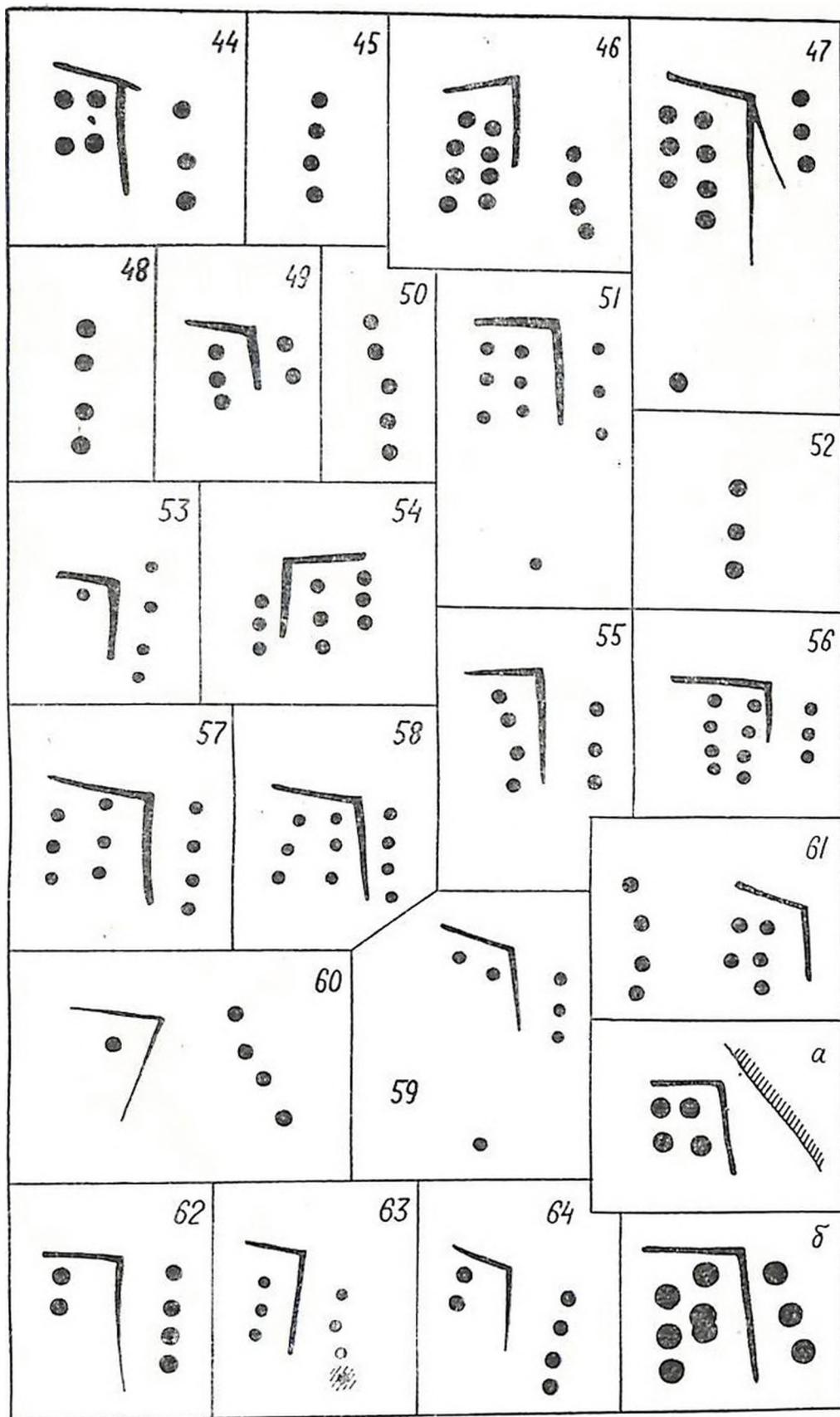


Рис. 27. Некоторые неоглифические обозначения емкости на карсах кладовой для вина № 28. Кармир-блур.

При осмотре кладовых для вина № 41 и 43 бросается в глаза тот характерный момент, что в отличие от кладовых № 25 и 28, где на сосудах имелось лишь по одной отметке, в них на некоторых карасах встречается сразу по три различных обозначения. На основании этого Б. Б. Пиотровский полагает, «...что обозначения на карасах отмечали количество залитого в них вина, что до некоторой степени соответствовало их емкости»<sup>121</sup>. Следует иметь в виду, что в некоторых случаях клинописные обозначения нанесены прямо на иероглифические, поэтому последние до некоторой степени утратились. Весьма вероятно, что иероглифические обозначения являются ранними, а клинописные добавлены позже. С другой стороны, факт нанесения клинописных обозначений на иероглифические, быть может, указывает на то, что последние уже потеряли свое значение в смысле точного обозначения емкости сосудов. Надо отметить еще, что клинописные обозначения, по сравнению с иероглифическими, варьируются как в большую, так и в меньшую сторону. Так, например, в кладовой № 43 на карасе № 2 имеется иероглифическое обозначение 4 «акарки» 4 «тируси» и клинописное обозначение 4 «акарки» 3 «тируси», а на карасе № 3 этой же кладовой — иероглифическое обозначение 4 «акарки» 4 «тируси» и клинописное обозначение 4 «акарки». Ту же самую картину мы наблюдаем на карасах № 6 (иероглифом — 4 «акарки» 2 «тируси», клинописью — 4 «акарки» 1 «тируси»), № 7 (иероглифом — 3 «акарки» 4 «тируси», клинописью — 3 «акарки» 3 «тируси»), № 15 (иероглифом — 4 «акарки» 7 «тируси», клинописью — 3 «акарки» 7 «тируси»), № 21 (иероглифом — 4 «акарки» 7 «тируси», клинописью — 3 «акарки» 6 «тируси») и т. д.

Приведенные факты показывают, что иероглифические обозначения на карасах отличаются от клинописных обозначений в основном в мелких мерах «тируси» (ср. выше обозначения на карасах № 2, 3, 6, 7): лишь в двух случаях (см. обозначения на карасах № 15, 21) они друг от друга отличаются в крупных мерах «акарки». При этом важно отметить, что в приведенных примерах в конце клинописных обозначений, как правило, налицо знак  $\text{NAP\check{C}AR}$  «всего», «итого», «в целом». Этот последний, а также факт нанесения клинописных обозначений прямо на иероглифические, приводит нас к той мысли, что в данном случае, видимо, мы имеем дело не с количеством залитого в карасах вина, как полагает Б. Б. Пиотровский, а скорее всего с уточнением емкости карасов. Ведь подобных случаев не наблюдается на карасах других винных кладовых; спрашивается, почему только здесь понадобилось зафиксировать количество залитого вина? Такое исключительное явление, на наш взгляд, можно объяснить лишь уточнением или исправлением ранее нанесенных неправильных обозначений емкости.

Раскопками 1955 и 1957 гг. в Тейшебани были открыты еще две винные кладовые. Таким образом, общее количество вина, хранившегося во всех раскопанных 8 кладовых Тейшебани, составляло примерно 400

---

<sup>121</sup> Там же.

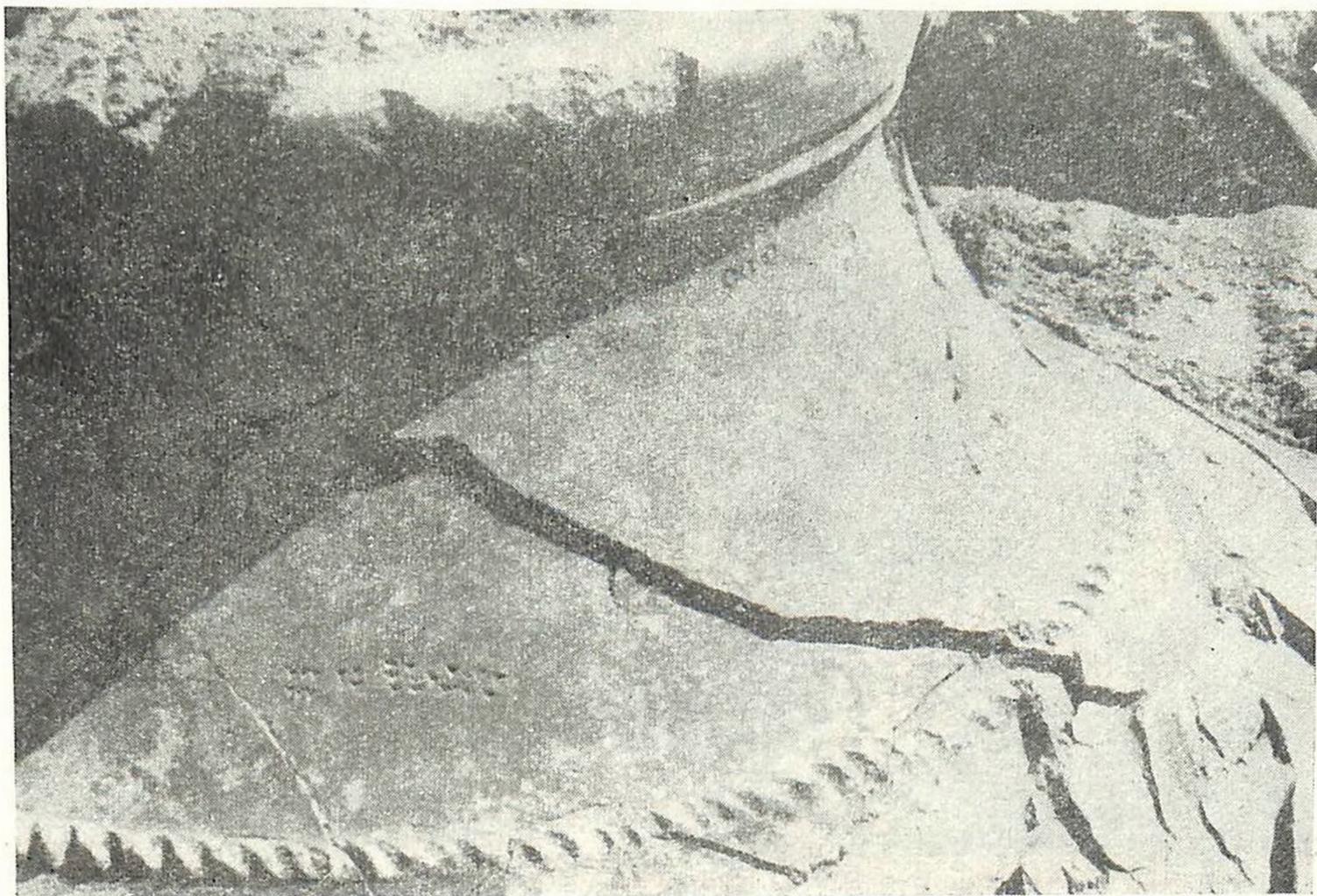


Рис. 28. Қарас для вина с клиновидным обозначением емкости — 6 а-қар-қі. Ариш-Берд.

тысяч литров<sup>122</sup>, что свидетельствует о высоком уровне виноделия в данном административно-хозяйственном центре.

В городских кварталах Тейшебани, в «доме знатного урарта» и других зданиях также были обнаружены винные кладовые с крупными карасами. Это означает, что значительное количество вина, очевидно, хранилось также в самом городе<sup>123</sup>.

Винные кладовые были обнаружены также при раскопках Эребуни; и здесь на карасах была обозначена их емкость в мерах «акарки» и «тируси». К сожалению, эти материалы (рис. 28—29) полностью не опубликованы<sup>124</sup>.

Кармир-блурский археологический материал свидетельствует не только о громадных запасах вина, хранившихся в кладовых цитадели, но и дает некоторое представление о сортах винограда, возделывавшихся в то время на территории страны Аза, о способах обработки винограда и т. д. При раскопках 1948 г. в двух местах—в жилище, расположенном около северо-западных ворот крепости и в одном дворцовом помещении, находящемся около северо-западного угла крепости, было найдено незначительное количество виноградных косточек. Виноград, по-видимому, был несозревший и найденные косточки, вероятно, принадлежали или изюму, или же случайно попавшим туда еще не совсем зрелым гроздям. По определению С. А. Погосяна, обнаруженные косточки принадлежали к культурному винограду *Vitis vinifera*, т. е. к чрезвычайно распространенному ныне в Армении сорту Воскеат (Харджи) или же близкому к нему сорту Гаран-дмак (рис. 30). Раскопки 1948 г. дали также большое количество углей от виноградной лозы<sup>125</sup>.

Косточки винограда были найдены и в 1945 г. в одном временно устроенном жилище, находящемся непосредственно около северо-западных ворот цитадели. Здесь в большой чаше была обнаружена кучка косточек винограда, по-видимому, от одной грозди<sup>126</sup>. Интересные результаты дали раскопки 1951—1952 гг. в помещении № 34, расположенном в центральной части цитадели. На полу этого помещения, наряду с сухими плодами других фруктов, были обнаружены косточки винограда. Изучая найденные остатки фруктов, А. М. Вермишян пришла к выводу, что в упомянутом помещении хранились сухие фрукты<sup>127</sup>. Следует обратить внимание также на тот факт, что при исследовании останца кладовой № 15 на деревянном блюде С. А. Погосян обнаружил остатки пресованного изюма-кишмиша<sup>128</sup>. Результаты изучения показали, что обна-

122 Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, стр. 40.

123 А. А. Мартиросян. Город Тейшебани, стр. 115.

124 Об этом см. К. Л. Оганесян. Раскопки урартского города Эребуни. СА, 1960, № 3, стр. 291, рис. 5 и стр. 294; он же, Арип-берд, I (Архитектура Эребуни), Ереван, 1961, рис. 18 на стр. 39 и рис. 21—22 на стр. 43.

125 Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, стр. 31.

126 Там же, стр. 22—24.

127 Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III, Е., 1955, стр. 15—16.

128 Там же, стр. 16 и Кармир-блур. I, стр. 54—56.

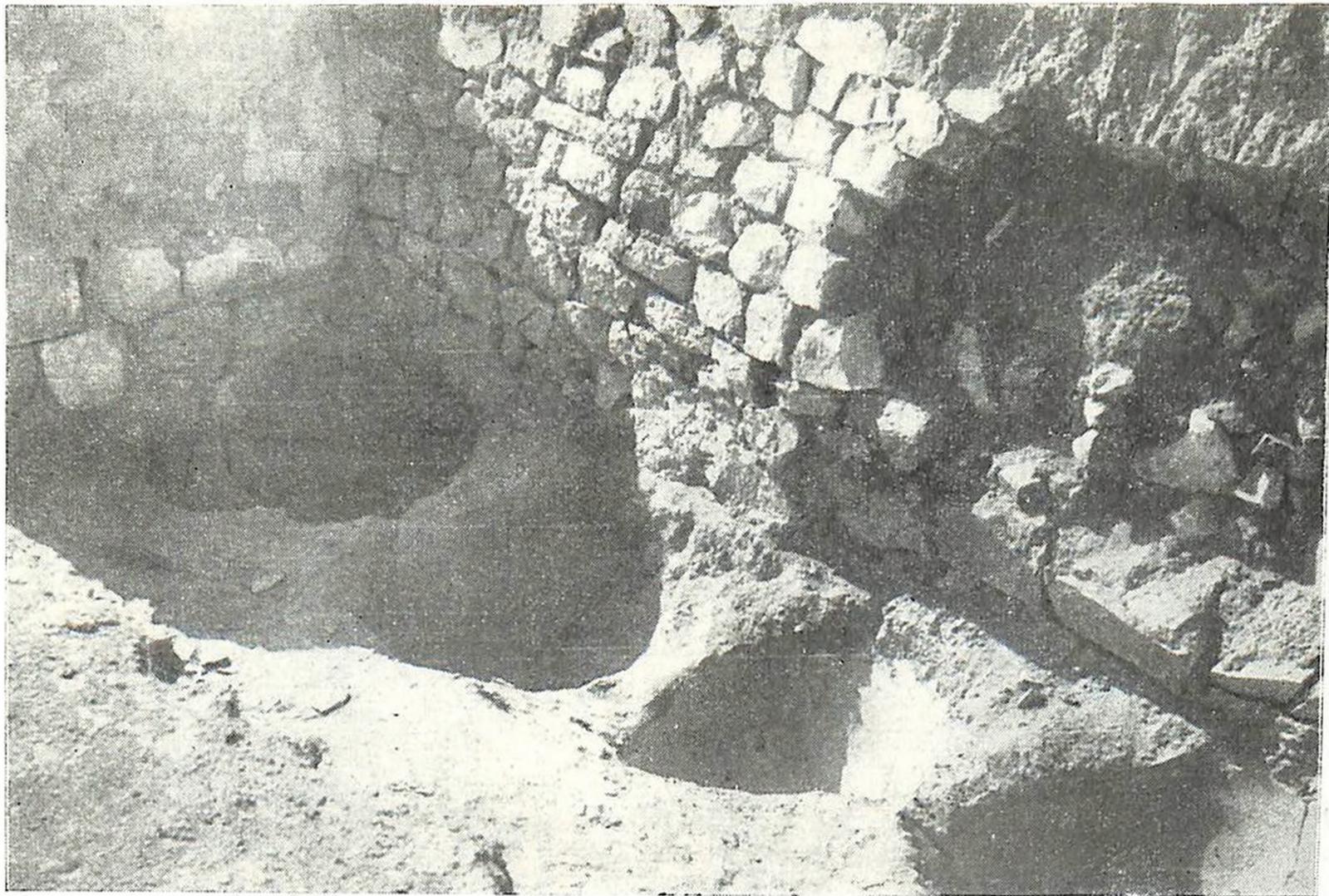


Рис. 29. Кладовая для вина. Арни-берд.

руженные косточки винограда относятся не только к сорту Воскеат (Харджи), как об этом сказано выше, но и к сортам Мехали, Арарати (Ачабаш) и к некоторым сортам черного винограда<sup>129</sup>.

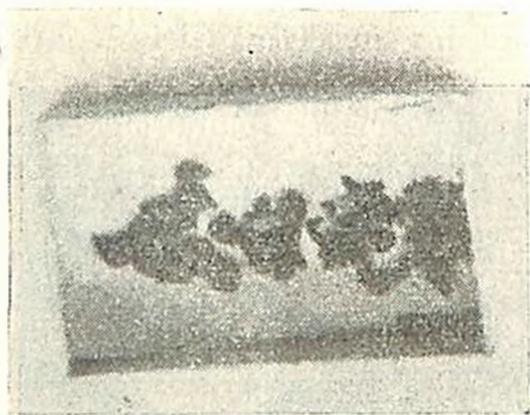


Рис. 30. Косточки винограда.  
Кармир-блур.

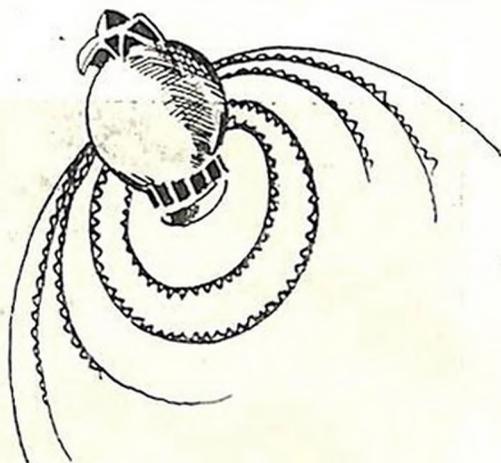


Рис. 31. Серебряная крышка сосуда  
с золотым навершием в виде яблока  
граната. Кармир-блур.

Археологический материал, освещающий вопросы урартского садоводства, по сравнению с виноградарскими материалами представлен несравненно скудно. Однако мы все же можем составить некоторое представление о видах фруктов, которые выращивались в то время в районе Тейшебани и вообще на Араратской равнине. При раскопках 1948 г., например, в кладовой № 14 была обнаружена втоптанная в пол косточка сливы-альчи, а в сосуде из помещения, расположенного около северо-западного угла крепости, оказались остатки плодов граната. По определению А. М. Вермишян, здесь оказались куски корки плода с ячейками и прилегающими к ним косточками. Особенно любопытен кусок верхушечной части граната, на котором ясно видно место прикрепления столбика и чашелистиков (рис. 31)<sup>130</sup>. Подобные находки оказались также при раскопках 1951—1952 и 1958 гг. Следует упомянуть кучу сухих плодов слив-альчи (рис. 32), найденную на полу помещения № 34<sup>131</sup>, и косточку перенка, обнаруженную в одном из помещений, расположенных на северо-западном склоне холма<sup>132</sup>. Редкой находкой был высохший цветок граната, обнаруженный при раскопках 1958 г. Любопытно, что несмотря на многовековую давность цветок полностью сохранил свою первоначальную форму<sup>133</sup>. Следует отметить также находку дольки яблока в кучке сухих плодов слив-альчи и косточек винограда<sup>134</sup>.

<sup>129</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, Е., 1952, стр. 40.

<sup>130</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, стр. 31.

<sup>131</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III, стр. 15.

<sup>132</sup> Результаты раскопок 1958 г. еще не опубликованы.

<sup>133</sup> «Новые археологические находки». Газета «Коммунист», Ереван, 1958, № 179 (7346), стр. 4.

<sup>134</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III, стр. 15—16.

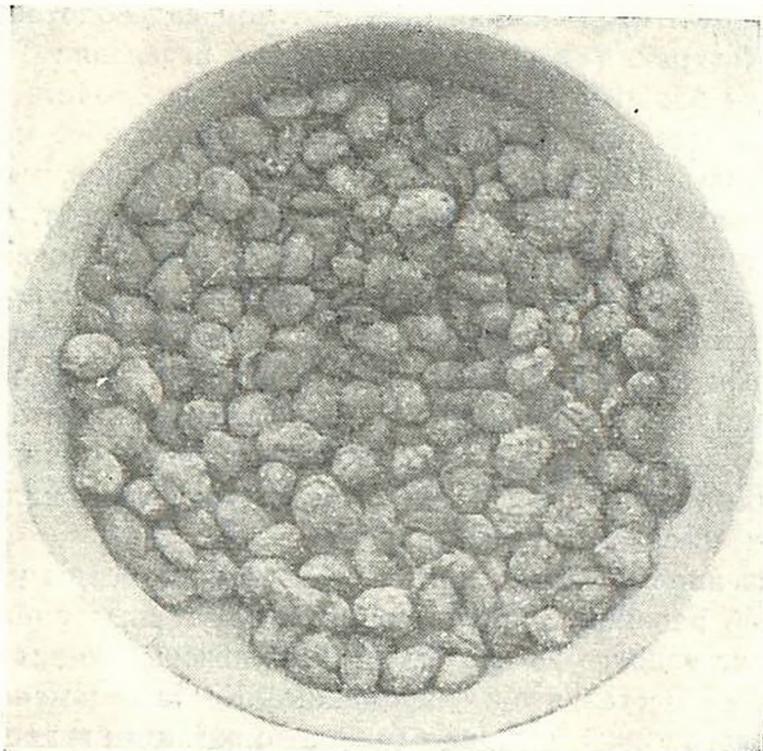


Рис. 32. Плоды сливы-альчи. Кармир-блур.



Рис. 33. Остатки нута. Кармир-блур.

Кармир-блурский археологический материал свидетельствует также о том, что жители области Аза занимались не только виноградарством и садоводством, но и выращиванием огородно-бахчевых культур. На это указывает находка семян арбуза, нута (рис. 33) и чечевицы<sup>135</sup>.

Вышеприведенные материалы, конечно, не в состоянии дать полную картину садоводства, огородничества и бахчеводства Араратской равнины и, в частности, Тейшебани. Следует надеяться, что дальнейшие раскопки обогатят наши знания об урартском садоводстве и огородно-бахчевых культурах. Тем не менее ясно, что население Тейшебани и вообще страны Аза интенсивно занималось как садоводством, так и огородничеством. Здесь в их фруктовых садах нашли особое место деревья, дававшие богатые запасы слив-алычи, яблок, перенков, мелких вишен, гранат и орехов<sup>136</sup>, а в огородах выращивались арбуз, нут, чечевица<sup>137</sup>.

По материалам письменных памятников и археологических материалов пока невозможно выяснить способы обработки почвы при виноградарских и садоводческих работах, а также при выращивании огородно-бахчевых культур. Однако весьма вероятно, что эти способы в основном совпадали с современными. Надо также полагать, что найденные при раскопках Кармир-блур железные лопаты, ножи, серпы, пилы и другие орудия труда применялись как в земледельческих, так и в виноградарских и садоводческих работах.

В заключение следует добавить, что фруктовые сады и виноградники Араратской равнины и прилегающих к ней горных районов в эпоху Урарту и даже задолго до нее были расположены, по-видимому, в основном в тех же местах, что и современные. Когда письменные источники или археологический материал говорят о развитии в древности садоводства и виноградарства в тех или иных районах, то тем самым они в какой-то мере рисуют картину наших дней. Такой вывод оправдывается, например, в отношении бассейнов рек Аракс и Раздан. То же самое можно сказать и о горном поселении Гарни, где в энеолитическом слое древней крепости была обнаружена косточка абрикоса (*Prunus Armeniaca*)<sup>138</sup>.

---

<sup>135</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, стр. 31; он же, История и культура Урарту, стр. 177.

<sup>136</sup> Б. Б. Пиотровский, Л. М. Джанполадян. Виноделие в Урарту. «Виноделие и виноградарство СССР», 1956, № 1, стр. 24.

<sup>137</sup> По свидетельству Ксенофонта, на некоторых территориях Армянского нагорья эллины у местного населения видели также «всевозможные овощи». См. Ксенофонт. Анабасис. IV (IV, 9), IV (V, 26).

<sup>138</sup> Б. Н. Аракелян. Гарни. I, Ереван, 1951, стр. 25. В этом отношении не представляет исключения также город Хацлар, который в древности, как и в настоящее время, славился своими пышными виноградниками и фруктовыми садами. Здесь, в древнем поселении, при раскопках были обнаружены косточки винограда (*Vitis vinifera*) и персика (*Prunus persica*) — Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 71.





## ГЛАВА IV

### СКОТОВОДСТВО

Скотоводство Армянского нагорья в эпоху Урарту представлено в основном урартскими и ассирийскими письменными источниками, отчасти и археологическим материалом из раскопок Тейшебани и Эребуни.

Более подробные сведения о скотоводстве мы находим в урартских клинописных памятниках, особенно в летописных текстах. В этих последних, в заключительной части описания событий того или другого года всегда приводится общее количество крупного и мелкого рогатого скота, коней и верблюдов, угнанных с территории покоренных урартийцами стран. Однако эти сведения относятся ко многим странам и областям, вместе взятым. Поэтому исследователь нередко оказывается в крайне затруднительном положении при установлении поголовья скота, угнанного урартскими правителями с территории той или иной отдельной географической единицы.

Во всех подобных случаях по мере возможности мы прибегали к сравнительному материалу, пытаясь тем самым установить поголовье скота той или другой области. К счастью, в некоторых случаях эти наши попытки увенчались успехом и мы пришли к более или менее удовлетворительным выводам. Однако все это относить нельзя считать достаточным для выяснения уровня развития скотоводства целого ряда областей обширного Армянского нагорья.

С другой стороны, разные урартские источники имеют далеко не одинаковое значение для изучения вопросов скотоводства. Хорхорская летопись Аргишти I, например, содержит довольно общие сведения о скотоводстве ряда областей и стран: в ней, без единого исключения, количество разнообразного скота, угнанного из целого ряда стран, приводится в суммарном виде в конце данного года и, следовательно, оно относится к многочисленным странам, покоренным урартским царем в течение двух или трех походов, притом эти страны нередко оказываются в совершенно противоположных концах обширного Ванского царства.

В отличие от Хорхорской летописи, несколько иной характер имеют сведения о скотоводстве в летописи Сардури II. Здесь в отдельных случаях мы сталкиваемся с фактами, где сведения о скотоводстве при-

водятся не в конце описания событий данного года, а после завершения того или другого похода. Это, несомненно, во многом облегчает положение исследователя, так как в данном случае мы имеем несравненно меньшее количество стран; к тому же, они лежат на одном и том же маршруте и, естественно, очень часто выступают в качестве соседних территорий.

Что касается ассирийских письменных источников, то они в этом вопросе совершенно своеобразны. Во-первых, в отличие от урартских летописных и других текстов, в ассирийских источниках в отдельных случаях приводится количество скота, угнанного с территории тех или других стран после победоносного завершения походов. Характерным является то, что в них в общей сложности упоминается об угоне из покоренных областей коней, крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов, мулов и ослов без указания их количества. С этой точки зрения ассирийские источники, конечно, заметно уступают урартским. Во-вторых, сведения об угоне скота в ассирийских источниках приводятся после покорения в данном походе стран, иногда даже той или другой отдельной страны. В таких случаях, несомненно, эти сведения оказываются более полноценными для установления ряда скотоводческих областей и районов Армянского нагорья, а также для определения основных видов (или вида) скота, выращивавшегося на данных территориях. С этой точки зрения ассирийские источники нередко берут верх над урартскими письменными памятниками.

Как бы то ни было, урартские и ассирийские письменные памятники в данном случае (как и во многих других случаях) выгодно дополняют друг друга и нередко создают определенные предпосылки для воссоздания в общей сложности картины скотоводческих районов и областей Армянского нагорья.

Что касается археологического материала, то он отчасти дополняет и уточняет наши знания о скотоводстве древневосточного государства Урарту и подвластных ему территорий.

Отметим также, что несравненно хуже обстоит дело с вопросами скотоводства в центральных областях государства Урарту. Это объясняется прежде всего характером урартских письменных источников, которые приводят соответствующие сведения о скотоводстве лишь в текстах военно-политического содержания. При этом походы, разумеется, совершались не на центральные области, а на окраинные территории. Этот пробел до некоторой степени восполняют лишь ассирийские источники. Что касается незначительных раскопок Топрах-кале, то они, можно сказать, ничего существенного не дали для освещения вопросов скотоводства.

Следует иметь в виду также то обстоятельство, что разнообразные географические и природные условия Армянского нагорья позволяли заниматься разными отраслями хозяйства в одних и тех же областях. Этим следует объяснить тот факт, что многие известные нам земледель-

ческие и садоводчески-виноградарские области одновременно выступают как области с развитым скотоводством.

Заканчивая некоторые наши замечания общего характера относительно памятников, освещающих вопросы скотоводства Армянского нагорья в эпоху Урарту, рассмотрим конкретный материал по отдельным областям и районам.

## 1. СКОТОВОДСТВО ВОСТОЧНЫХ И ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Среди восточных территорий Урарту, по сведениям урартских и ассирийских письменных источников, развитием скотоводства отличались район Зымзым-дага и области Армарили и Сангибуту.

О скотоводстве района Зымзым-дага (к востоку от Тушпы-Вана) содержит интересующие нас сведения знаменитая Мхер-капусинская культовая надпись царей Ишпунии и Менуа. Здесь повествуется о порядке жертвоприношения в честь нововоздвигнутого храма (KÁ(MEŠ)— букв. «ворота»): жертвы должны были преподноситься верховной триаде урартских богов (Халди, Тейшеба и Шивини), другим, второстепенным, богам урартского пантеона, богам разных городов государства Урарту, а также величию и могуществу бога Халди и Тейшебы, богам стран, гор, озер, и т. п. Урартские цари Ишпунии и Менуа обязуются преподнести (по-видимому, ежемесячно?) этому храму в общей сложности 97 быков<sup>1</sup>, 305 овец, 6 коров и 6 козлят<sup>2</sup>. К приведенному следует добавить сведения заключительной части Мхер-капусинской надписи, где в неясном контексте упоминаются еще 3 быка и 30 овец, а также 18 овец в связи с разбивкой виноградника и фруктового сада<sup>3</sup>.

Итак, в Мхер-капусинской надписи в общей сложности упоминается о 100 быках, 353 овцах, 6 коровах и 6 козлятах, которые урартские цари должны были преподнести вновь основанному храму. Прав Г. А. Меликишвили, когда полагает, что такое большое количество скота вряд ли могло быть предназначено лишь для жертвоприношения. Вполне вероятно, что этот храм, как и вообще другие храмы и культовые объекты (ср. поголовье скота Ардини-Мусасира, согласно Кеяшинской билингве), обладали весьма крупными стадами разнообразного скота, являвшимся одним из основных видов их богатства<sup>4</sup>.

Таким образом, Мхер-капусинская культовая надпись, по-видимому, косвенным образом намекает на то, что некоторые окружавшие столицу Тушпа с востока районы начиная еще с конца IX в. до н. э. благоприятствовали развитию скотоводства. Это подтверждается, быть может, также сведениями двух аналогичных надписей Менуа, высеченных на северной стороне Ванской скалы и во внутренней стене цитадели

<sup>1</sup> По подсчетам Г. А. Меликишвили, количество жертвенных быков составляет 96—ВДИ, 1951, № 4, стр. 34; Нанри-Урарту, стр. 355.

<sup>2</sup> УКН, 27, стк. 1—23, ср. стк. 35—75.

<sup>3</sup> УКН, 27, стк. 29—31.

<sup>4</sup> Г. А. Меликишвили. Нанри-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 354—355.

Ванской крепости, согласно которым Менуа «это место сделал *siršīnie*»<sup>5</sup>. К тому же, надпись УКН. 63 (стк. 3—7) указывает, что подготовленное место *siršīnie* было предназначено для быков или скота вообще. О каких-то быках, коровах, овцах и т. д. повествует также глиняная табличка, происходящая из Топрах-кале<sup>6</sup>. Возможно, и здесь имеется в виду скот, преподнесенный какому-то храму, основанному в Тушпа-Русхишли или в его районе.

По сведениям ассирийских источников, в IX—VIII вв. до н. э. скотоводством интенсивно занималось также население некоторых других районов и поселений, лежавших к востоку от Тушпы. Здесь следует упомянуть страну Армарили, где ассирийцы, по сведениям «Луврской таблички» Саргона II, в 714 г. до н. э. сожгли на кострах «солому—жизнь скота»<sup>7</sup>. Более конкретные сведения о скотоводстве этой территории мы находим в надписи Салманасара III (859—824 гг. до н. э.) на монолите из Тушхана (совр. Карх), согласно которой ассирийский царь принимает в качестве дани крупный и мелкий рогатый скот и упряжных лошадей поселения Занзун (в Армарили?) (рис. 34)<sup>8</sup>.

К востоку от Армарили высоким развитием скотоводства отличалась область Сангибуту. Из предыдущих глав нам уже известно, что Руса I в районе города Улаху области Сангибуту соорудил великолепный ирригационный канал, обеспечивавший широкое развитие земледелия, садоводства и виноградарства. Однако этот канал, как сообщает «Луврская табличка», создавал необходимые предпосылки и для развития здесь скотоводства. Именно поэтому ранее пустынные земли города Улаху Руса I превратил в луга, которые особенно зеленели в начале года; трава и пастбище не прекращались ни зимой, ни летом. Эти луга урартский царь превратил в загон для коней и стада, сделал всей своей стране известными верблюдов, которые были использованы при насыпке плотин<sup>9</sup>. Другой отрывок той же «Луврской таблички» «луг города Улаху» считает «надеждой коней» царя Руса<sup>10</sup>.

Далее, страну Бари области Сангибуту Саргон II называет «упоюванием скота» урартского царя Руса I<sup>11</sup>.

В нашем распоряжении имеются также некоторые сведения косвенного порядка о скотоводстве области Сангибуту. На это, видимо, указы-

<sup>5</sup> УКН, 63, стк. 1—2; 64, стк. 1—4. Для слова *siršīni* И. М. Дьяконов предлагает перевод «пастбище». УПД, стр. 61, 90.

<sup>6</sup> УКН, 326, лиц. стор., стк. 3—14, обор. стор., стк. 2—13.

<sup>7</sup> HCS, стк. 275; АВВИУ, § 49 (269). Ср. ARAB, II, § 165.

<sup>8</sup> ARAB, I, § 606; АВВИУ, § 27 (II, 51). Среди археологического материала, обнаруженного к северу от Армарили, на правом берегу реки Аракс (у пограничного поста Алинар), привлекают внимание бронзовые принадлежности конского убора, на одном из колокольчиков которого оказалась клинопись с именем урартского царя Аргишти (отчество отсутствует)—Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, стр. 3—7.

<sup>9</sup> АВВИУ, § 49 (199); ARAB, II, § 160.

<sup>10</sup> АВВИУ, § 49 (213); ARAB, II, § 161.

<sup>11</sup> АВВИУ, § 49 (188); HCS, стк. 188.

ваает тот факт, что большие запасы ячменя и пшеницы этой области, которые урартский царь «засыпал в амбары для поддержания жизни страны и людей», Саргон II все свое войско заставил возить на конях, мулах, верблюдах и ослах<sup>12</sup>. Имея в виду, что город Улху области Сангибуту отличался богатыми пастбищами для коней, стад, верблюдов и лугами—«надеждой коней» Руса I, вряд ли можно сомневаться в том, что для вывоза этих больших запасов зерновых культур могли быть использованы в основном животные указанной области.

К востоку от Сангибуту высоким развитием животноводства отличалась страна Пулуади (в области Арасбаран или Карайя-даг Иранского Азербайджана)<sup>13</sup>. Согласно летописи Сардури II, из территории



Рис. 34. Бронзовые принадлежности конского убора с надписью Аргишти. Из гробницы у поста Алишар (район Маку).

этой страны, а также из Эриахи (район Лениакана) в течение одного похода урартийцами было угнано: 1613 коней, 115 верблюдов, 16 529 голов крупного и 37 685 голов мелкого рогатого скота<sup>14</sup>. Трудно, конечно, распределить это количество скота между Пулуади и Эриахи. Однако в нашем распоряжении имеются факты, позволяющие сделать некоторые предварительные выводы об уровне развития скотоводства в стране Пулуади. Известно, например, что Сардури II из Эриахи и Мана за один поход угнал 412 коней, 6665 голов крупного и 25 735 голов мелкого рогатого скота<sup>15</sup>, в то время как количество угнанного Аргишти I лишь из Мана животных составляет 170 коней, 2411 голов крупного и 6140 голов

<sup>12</sup> HCS, стк. 263; АВНУ, § 49 (233); ARAB, II, § 164.

<sup>13</sup> Mohammad Javād Maschkur, The history of Urartu nation..., Tehran, 1953. Г. А. Меликишвили. ВДИ, 1960, № 3, стр. 3—11; он же, УКН, стр. 453—459 (№ 13).

<sup>14</sup> НИ, стр. 17—19 (Е. 9—32); УКН, 155Е, стк. 9—33.

<sup>15</sup> НИ, стр. 6—9 (В. 14—49); УКН, 155В, стк. 14—49.

мелкого рогатого скота<sup>16</sup>. Исходя из этого можно допустить, что на долю Эриахи падает примерно 200 коней, 4000 голов крупного и 19 000 голов мелкого рогатого скота. И если это количество скота, относящееся лишь к Эриахи, сопоставить со скотом, отнесенным выше к Пулуади и Эриахи, то станет как будто очевидным, что на долю страны Пулуади приходится примерно 1400 коней, более 12 000 голов крупного и свыше 18 тысяч голов мелкого рогатого скота. Что касается верблюдов, то они, по нашему глубокому убеждению, относятся лишь к стране Пулуади, так как северные страны, в том числе Эриахи, в то время (да и теперь) не занимались выращиванием данного вида скота<sup>17</sup>.

Приведенные данные, полученные путем повторного сопоставления, нельзя считать, конечно, достаточными для установления поголовья скота страны Пулуади. Однако эти сведения все же наглядно показывают, что уровень развития скотоводства в Пулуади был довольно высок. Эта страна занимала, по всей вероятности, вполне обособленное место среди высокоразвитых скотоводческих областей государства Урарту в целом.

В бассейне озера Урмия, на западном его побережье, высоким развитием скотоводства отличалась область Гилзан(у). В анналах Тукульти-Нинурты II (889—884 гг. до н. э.) указывается, что, покорив некоторые территории от страны Шубару до стран Гилзану и Наири, ассирийский царь захватил в общей сложности 2720 коней<sup>18</sup>. Несколько позднее, в то же время гораздо более конкретные сведения о скотоводстве Гилзан(у) мы находим в надписях Салманасара III (859—824 гг. до н. э.). С этой точки зрения привлекает внимание надпись из Тушхана (совр. Карх), согласно которой упомянутый ассирийский царь во время одного из походов принимает многочисленную дань Асу гузанского<sup>19</sup>—крупный и мелкий рогатый скот, двух двугорбых верблюдов, лошадей (рис. 35) и вино<sup>20</sup>.

Аналогичные сведения о скотоводстве страны Гилзан приводятся и в другом отрывке той же надписи Салманасара III, согласно чему он принимает от Асу, царя Гилзана, подать и дань своей царственности—крупный и мелкий рогатый скот, 7 двугорбых верблюдов, упряжных лошадей и вино<sup>21</sup>. Что скотоводство занимало довольно значительное место в хозяйстве населения области Гилзан, об этом свидетельствуют также анналы Салманасара III, по данным которых, в 32-м году правления этого царя (826 г. до н. э.)<sup>22</sup> ассирийцы принимают дань от Упу гилзанского и царей некоторых других стран—крупный и мелкий рогатый скот

<sup>16</sup> Сведения XI(?) года Хорхорской летописи.

<sup>17</sup> Трудно согласиться с мнением Б. Б. Пиотровского об отнесении этих верблюдов к стране Эриахи—Археология Закавказья, стр. 78; Ванское царство, стр. 157.

<sup>18</sup> Scheil, стр. 24 сл., стк. 46—49; ARAB, I, § 414; АВНИУ, § 22.

<sup>19</sup> В тексте Guzana; описка вместо Gilzanu — E. Forrer, PAR, стр. 23.

<sup>20</sup> SABB, I, стр. 154—156 (I, 27—28); ARAB, I, § 598; АВНИУ, § 27 (I, 27).

<sup>21</sup> SABB, I, стр. 166—169 (II, 61—62); ARAB, I, § 607; АВНИУ, § 27 (II, 60).

<sup>22</sup> E. Forrer, PAR, стр. 32.



Рис. 35. Взятие урартской крепости Арзашку и угон коней из страны Гилзан. Бронзовая обивка ворот. Балават. Британский музей.

и упряжных лошадей<sup>23</sup>. О получении коней и двугорбых верблюдов от Суа, царя Гилзана, упоминается также в «надписи над изображением»<sup>24</sup>.

Исходя из всего сказанного, мы склонны думать, что скотоводство и коневодство в экономике области Гилзан занимали центральное место. Этим именно следует объяснить тот факт, что во всех известных нам случаях ассирийские цари в качестве дани забирают из этой области коней, крупный и мелкий рогатый скот, двугорбых верблюдов и лишь однажды вино. Следует учесть и то обстоятельство, что в перечислении дани вино упоминается в самом конце.

Среди юго-восточных стран и областей своими богатыми стадами особое место занимало Манейское царство, территория которого простиралась, по-видимому, южнее и вдоль восточного побережья Урмийского озера. Это могучее царство, его области и поселения в связи с захватом здесь многочисленного скота в урартских и ассирийских письменных источниках выступают неоднократно. Самые ранние сведения о скотоводстве Манейского царства относятся еще ко второй половине IX в. до н. э., ко времени правления ассирийского царя Салманасара III. В анналах этого царя, под XXX годом (830 г. до н. э.), повествуется о получении дани в стране Мана—крупного и мелкого рогатого скота в «несметном количестве»<sup>25</sup>.

О коневодстве и скотоводстве Мана некоторые сведения сообщает преемник Салманасара III—царь Шамшиадад V (823—810 гг. до н. э.). В одной из его надписей говорится о получении в качестве дани упряжных лошадей от Мана, а также от ряда других стран, простиравшихся южнее Ванского и Урмийского озер. В продолжении данного текста упоминается о покорении Мессии<sup>26</sup> и о захвате здесь «без числа» крупного и мелкого рогатого скота, мулов<sup>27</sup>, двугорбых верблюдов, упряжных лошадей<sup>28</sup>.

Несколько более поздние сведения о скотоводстве Мана и соседних стран мы находим в урартских письменных источниках—в основном в Хорхорской летописи Аргишти I, отчасти и в летописи Сардури II. Начиная с VI года (781 г. до н. э.) правления Аргишти I урартийцы несколько лет подряд совершают победоносные походы в области юго-восточной окраины, среди которых неоднократно упоминаются Мана, Буш-

<sup>23</sup> SABT, I, стр. 148—149, стк. 180—182; ARAB, I, § 538, АВИНУ, § 28 (174).

<sup>24</sup> SABT, I, стр. 150 (1); АВИНУ, § 28.

<sup>25</sup> SABT, I, стр. 146, стк. 164—167.

<sup>26</sup> Неизвестно, однако, являлась ли в это время Мессия (Миссия) самостоятельной областью или же входила в состав, например, Мана или Парсуа, которые также упоминаются здесь непосредственно перед событиями в Мессии, в то время как позже, в «Луерской табличке» Саргона II, она выступает в качестве области Страны манези—HCS, стк. 51; ARAB, II, § 148; АВИНУ, § 49 (51).

<sup>27</sup> У Лукенбияля „ослов“ (?) — ARAB, I, § 718.

<sup>28</sup> SABT, I, стр. 178—179, стк. 34—41; АВИНУ, § 34; ARAB, I, § 718.

ту и т. д. Отсюда Аргишти I не раз угонял в Бианили-Урарту стада многочисленного скота. В VI году Хорхорской летописи, например, захватывается крупный и мелкий рогатый скот<sup>29</sup> в поселении Шарара страны Бушту<sup>30</sup>, в странах Баруата, Паршуа, Бабила(ни) и т. д.<sup>31</sup>. То же самое, по-видимому, следует сказать о сведениях VII года (780 г. до н. э.) Хорхорской летописи, где в описании II похода упоминаются страны Архайцев, Бушту, Шатирарага(ни) и т. д. Раз Аргишти I покорил страну Бушту, то весьма вероятно, что он побывал также на территории страны Мана<sup>32</sup>, поэтому мы склонны часть захваченной в этом году добычи—6257 голов крупного, 33 203 головы мелкого рогатого скота, 184 двугорбых верблюда и 606 лошадей<sup>33</sup>—отнести к странам как Бушту, так и Мана.

Для установления поголовья скота в странах Мана и Бушту еще более ценные сведения мы находим под VIII годом (779 г. до н. э.) Хорхорской летописи. Здесь, наряду с Мана и Бушту, выступает также страна Ийа(ни)<sup>34</sup> северной окраины. С территории упомянутых трех стран Аргишти I угнал 22 529 голов крупного и 36 830 голов мелкого рогатого скота, а также 100 верблюдов и свыше 790 лошадей<sup>35</sup>.

Не менее интересные сведения о скотоводстве страны Мана и соседней с ней Иркиуни<sup>36</sup> приводятся под IX годом (778 г. до н. э.) Хорхорской летописи. За один лишь поход Аргишти I из этих стран угнал 2251 голову крупного и 8205 голов мелкого рогатого скота, а также 286 лошадей<sup>37</sup>. Те же сведения приводятся и в дубликate этого места Хорхорской летописи<sup>38</sup>.

О скотоводстве Иркиуни интересующие нас сведения приводятся также под III годом (784 г. до н. э.) Хорхорской летописи. Здесь упоми-

<sup>29</sup> Цифры, указывающие на количество угнанного скота, повреждены частично.

<sup>30</sup> В тексте имеется множество повреждений; быть может, повреждено также название Мана, так как Бушту в урартских источниках очень часто выступает вместе со страной Мана (см. сведения VIII, X и XII годов Хорхорской летописи). Бушту (Бусуту) в одной надписи Ашшурбанапала позже выступает даже в качестве поселения Страны манеев — SNA, I, стр. 90, стк. 32—34; SALT, II, стр. 240—241, стк. 32—34.

<sup>31</sup> Н. В. А р у т ю н я н. ХЛА, ЭВ, VII, стр. 98 (III, 8—17); Г. А. М е л и к ш в и л и. УКН, 127, III, 8—17.

<sup>32</sup> Быть может, к этому времени страна Бушту уже находилась под влиянием Манейского царства.

<sup>33</sup> Хорхорская летопись, III, 42—43.

<sup>34</sup> Ийа(ни) = ? Ига(ни), у южного побережья озера Чалдыр—Н. В. А р у т ю н я н. Заметки по урартской эпиграфике. «Известия АН АрмССР (общ. науки)», 1957, № 12, стр. 74—76.

<sup>35</sup> Хорхорская летопись, IV, 5—8. Цифры, указывающие на единицы лошадей, не сохранились. Угнанные верблюды, несомненно, относятся исключительно к странам приурмийского района, т. е. к Мана и Бушту.

<sup>36</sup> Страна Иркиуни, по-видимому, граничила с Мана с юго-запада, так как данный поход совершился вплоть до границы(?) (alğani) Ассиини.

<sup>37</sup> ХЛА, ЭВ, VII, стр. 104 (IV, 16—18, 35—36); УКН, 127, IV, стк. 16—18, 35—36.

<sup>38</sup> УКН, 128B2, стк. 7—11.

нается более 1280 лошадей<sup>39</sup>, 120 600 голов мелкого рогатого скота и т. д.<sup>40</sup>, угнанных Аргишти I с территории многочисленных стран юго-восточной и северной окраин<sup>41</sup>. Невольно привлекает внимание тот факт, что когда юго-восточные страны выступают вместе с северными, то количество угнанного скота сильно возрастает. Это является прекрасным доказательством того, что такие высокоразвитые скотоводческие области юго-восточной периферии, как Мана, Бушту, Иркиуни и др., по количеству скота уступали северным странам—Абилиани(хи), Этиуни и т. д.

Хорхорская летопись содержит также другие ценные сведения о скотоводстве юго-восточных областей Мана и Бушту. Так, по данным X года (777 г. до н. э.), с территории Манейского царства и некоторых его областей (Ашкайа-долины, Угишти и др.), а также из Бушту и Шатирарагани Аргишти I угнал 290 коней, 101 верблюда, 4909 голов крупного и 19 550 голов мелкого рогатого скота<sup>42</sup>. Те же сведения повторяются в дубликате этого места летописи<sup>43</sup>.

Вопрос о захвате богатой скотоводческой страны Мана и в дальнейшем находился в центре внимания Аргишти I. Новый поход на эту страну он совершает в XI году (776 г. до н. э.) своего правления и угоняет оттуда 2411 голов крупного и свыше 6140 голов мелкого<sup>44</sup> рогатого скота, а также 170 коней и 62 верблюда<sup>45</sup>. Правда, под этим годом Хорхорской летописи упоминается также страна Аза, расположенная на Араратской равнине, к северу от среднего течения реки Араке, однако последняя выступает в связи с сооружением на ее территории города-крепости Аргиштихинили и ирригационного канала. С другой стороны, из предыдущих глав мы уже осведомлены, что на территории Аза нашли высокое развитие земледелие, садоводство и виноградарство. Поэтому мы склонны думать, что угнанное в данном году поголовье разного скота приходится преимущественно на долю страны Мана.

Мана в связи с угоном с ее территории большого количества скота выступает также под XII годом (775 г. до н. э.) Хорхорской летописи. Здесь упоминается о завоевании страны Туарацини-хуби до горы (страны?) Гурку, а также о достижении до города Унхика (Унгика?) страны Бушту в связи с покорением Мана. Вызывает недоумение упоминание о покорении страны Туарацини-хуби<sup>46</sup>, так как она давным-давно явля-

<sup>39</sup> Цифры, указывающие на единицы угнанных лошадей, не сохранились.

<sup>40</sup> ЭВ, VII, стр. 88—91 (I, 17—43, II, 1—2). Цифры, указывающие на количество крупного рогатого скота, уничтожены полностью.

<sup>41</sup> В числе северных стран выступают также крупные племенные объединения Абилиани(хи), Этиуни и Удурн-Этиуни.

<sup>42</sup> УКН, 127, IV, стк. 62—64.

<sup>43</sup> УКН, 128B2, стк. 33—34.

<sup>44</sup> Цифры, указывающие на количество единиц мелкого рогатого скота, не сохранились.

<sup>45</sup> ЭВ, VII, стр. 108—109 (V, 7—8); УКН, 127, V, стк. 7—8.

<sup>46</sup> Туарацини-хуби приурочивается к средневековой армянской области Туарацатац, расположенной у верхнего течения Арапани—ICU, стр. 42<sup>o</sup>.

лась коренной урартской территорией. Однако как бы то ни было, вполне понятно, что в данном случае фигурируют страны Мана и Туарацни-хуби, а также некоторые районы страны Бушту. Следовательно, угнанный Аргишти I в 775 г. до н. э. скот придется отнести к упомянутым географическим единицам. Нам уже известно, что о скотоводстве Мана и Бушту в урартских (отчасти и в ассирийских) письменных источниках упоминается сплошь и рядом. Что касается страны Туарацни-хуби, то о ней имеется лишь одно единственное упоминание. И если сопоставление названия этой урартской области с названием средневековой армянской области Туарацатап (букв. «Пастушье поле») так или иначе может быть правдоподобным, то даже само название этой области намекает на интенсивное развитие в ней скотоводства. Итак, угнанный в указанном году скот составляет: 8221 (?)<sup>47</sup> голову крупного, 32 538 голов мелкого рогатого скота и 308 коней<sup>48</sup>. Если сопоставить это количество скота со скотом, угнанным Аргишти I лишь из Мана в предыдущем, XI, году (2411 голов крупного, 6140 голов мелкого рогатого скота, 170 коней), то станет вполне очевидным, что страна Туарацни-хуби (б. м. также Гурку?), несомненно, имела свою (причем довольно заметную) долю в угнанном в 775 г. до н. э. скоте.

О скотоводстве страны Мана приводятся соответствующие сведения также под XIII годом (774 г. до н. э.) Хорхорской летописи, однако здесь Мана выступает со множеством стран северной периферии (Этиуни, Эриахи, Катарза, Уитерухи, Ишкигулу), что создает определенные препятствия для установления поголовья скота Мана, захваченного Аргишти I в данном году. Здесь упоминается об угоне свыше 1200 коней<sup>49</sup>, 29 504 голов крупного и свыше 60 тысяч голов мелкого<sup>50</sup> рогатого скота<sup>51</sup>. Судя хотя бы по данным XI года Хорхорской летописи (см. выше), приходится предположить, что из приведенного количества скота на долю страны Мана падает, по-видимому, около двух тысяч голов крупного, 5—6 тысяч голов мелкого рогатого скота и примерно 150—200 коней.

Мана дважды выступает в качестве богатой скотоводческой области также впоследствии—в летописи Сардури II, преемника Аргишти I. В событиях 751 или 750 г. до н. э.<sup>52</sup> Сардуrowsкой летописи, например, Мана упоминается вместе со странами Бабилу(ни)<sup>53</sup> и Баруата<sup>54</sup>. С тер-

<sup>47</sup> Количество сотен восстановлено нами—ЭВ, VII, стр. 110 (V, 29).

<sup>48</sup> ЭВ, VII, стр. 110—111 (V, 29—30). Ср. УКН, 127, V, 29—30.

<sup>49</sup> Количество десятков (единиц?) не сохранилось.

<sup>50</sup> Количество мелкого рогатого скота сохранилось неполностью.

<sup>51</sup> ЭВ, VII, стр. 114—115 (V, 66—67); УКН, 127, V, 66—67.

<sup>52</sup> Г. А. Мелликишвили. *Нагри-Урарту*, стр. 225 сл.

<sup>53</sup> По мнению И. М. Дьяконова то же, что страна Намру ассирийских источников, в долине реки Дияла (притока Тигра); к концу IX века до н. э. уже сильно вавилонизированная—АВНИУ, § 28, прим. 20; § 38, прим. 6.

<sup>54</sup> То же, что Бит-Барру, Барруа ассирийских источников (ARAB, I, § 784, 795 и др.). Конечное «-та» в урартском названии этой страны, очевидно, является топонимическим суффиксом (ср. также урартск. 'Арента и асир. Харен)—Н. В. Арутюнян. *Хорхорская летопись Аргишти I, царя Урарту* (автореферат диссертации). Л., 1951, стр. 16.

ритории этих стран Сардур II угоняет 2500 коней, 12 300 голов крупного и 32 100 голов мелкого рогатого скота<sup>55</sup>. К тому же летопись рассказывает не о покорении страны Баруата, а лишь отмечает, что урартские войска достигли ее после завоевания Бабилу(ни). Поэтому трудно определить, имела ли Баруата некоторую долю из захваченного скота или же весь скот принадлежал страцам Мана и Бабилу(ни). Но что бы то ни было, бросается в глаза огромное количество захваченного скота, когда с Мана выступают Бабилу(ни) и Баруата, в то время как в других случаях, когда Мана упоминается вместе с Бушту и т. д., угнанный с их территории скот составляет гораздо меньшее количество. С другой стороны, известно, что в Бабилу(ни) и Баруата захватил скот также Аргишти I<sup>56</sup>. Все это приводит нас к выводу, что не только Мана, но и Бабилу(ни) и Баруата<sup>57</sup> еще в VIII в. до н. э. были высокоразвитыми скотоводческими областями на юго-востоке.

О развитии скотоводства в стране Мана свидетельствует также другой отрывок Сардуровской летописи, согласно которому с ее территории, а также из Эрнахи, урартийцы угнали 412 коней, 6665 голов крупного и 25 735 голов мелкого рогатого скота<sup>58</sup>.

О скотоводстве страны Мана поздние урартские источники не располагают никакими данными, в то время как ассирийские письменные источники в известной степени восполняют этот пробел. С этой точки зрения особый интерес представляют надписи Саргона II и Ашшурбанапала. Саргон II, например, два года подряд (714 и 713 гг. до н. э.) принимает дань из Страны манеев и некоторых соседних с ней областей, в связи с чем упоминаются как лошади и мулы, так и крупный и мелкий рогатый скот. В 714 г. до н. э. («Луврская табличка») он принимает то упряжных коней с их снаряжением, крупный и мелкий скот<sup>59</sup>, то больших упряжных коней, крупный и мелкий скот от Улусуну, царя манеев<sup>60</sup>, а в 713 г. до н. э. (анналы) — 4609 лошадей и мулов, крупный и мелкий рогатый скот в несметном количестве от Улусуну, царя манеев, Далти, царя Элани, Беланалиддина, царя Алабра и 45 начальников поселений страны сильных мидян<sup>61</sup>. От Беланалиддина алабрийского Саргон II принимает коней, крупный и мелкий рогатый скот также в 714 г. до н. э.<sup>62</sup>

<sup>55</sup> NH, стр. 2—3, А, стк. 1—11; УКН, 155А, стк. 1—11.

<sup>56</sup> ЭВ, VII, стр. 98—99 (III, 11—17); УКН, 127, III, 11—17.

<sup>57</sup> Об угоне коней, крупного и мелкого рогатого скота с территории Баруата (Бит-Барруа) и некоторых других стран юго-восточной окраины (Паршуа, Бушту и т. д.) имеются сведения также у Тиглатпаласара III (745—727 гг. до н. э.) — РКТР, I, стр. 50, стк. 18—29.

<sup>58</sup> NH, стр. 6—9 (В, 14—19); УКН, 155В, 14—19. События этого года происходили не раньше 745 и не позднее 743—742 гг. до н. э. — Г. А. Меликишивили. Напри-Урарту, стр. 228—229.

<sup>59</sup> HCS, стк. 36; ARAB, II, § 144; АВНИУ, § 49 (6).

<sup>60</sup> HCS, стк. 55; ARAB, II, § 148; АВНИУ, § 49 (51).

<sup>61</sup> АВНИУ, § 46 (165); ARAB, II, § 24.

<sup>62</sup> HCS, стк. 37—39; АВНИУ, § 49 (6). Алабра в «Луврской табличке» считается соседней с областью Сурикаш Страны манеев — HCS, стк. 31.

«Луврская табличка» также свидетельствует о том, что область Суби с пограничной крепостью Ушкайа<sup>63</sup> Страны манеев<sup>64</sup> особенно отличалась высоким развитием коневодства. Вот что пишет Саргон II об этом:

«Люди, живущие в этой области, во всем Урарту не имеют равных в умении обучать лошадей для конницы—малые жеребята порождение страны его (Руса I—Н. А.) обширной, которых он взращивает для своего царского полка и ежегодно берет как подать,—пока они не будут взяты в область Суби, которую люди Урарту называют Страной манеев, и стать их не будет рассмотрена, на них не ездят верхом, выходам, вольтам и поворотам, всему, что нужно для битвы, их не учат, они ходят расседланные»<sup>65</sup>.

Несколько ниже Саргон II повествует о разрушении им крепости Аннаштаниа, «дома табунов» (*bít su-gul-la-te-šú*) Руса I, расположенного на границе Сангибуту, между Ушкайа и Тармакиса<sup>66</sup>, а также о том, что на луга области Суби он пустил скот своего стана, как полчища саранчи, и они вырвали траву, опустошили пивы<sup>67</sup>.

Что касается Ашшурбанапала (668—633 гг. до н. э.), то он также, в надписи на так называемом «Цилиндре Рассама», свидетельствует о том, что Мана являлась весьма богатой скотоводческой областью. В обширной территории Страны манеев, растянутой на протяжении 15 дней пути, укрепленным городам и малым поселениям которой «нет числа», Ашшурбанапал захватил крупный и мелкий рогатый скот, ослов и лошадей<sup>68</sup>. Надпись одновременно сообщает, что манейцы, кроме вышеуказанного, увезли в Ниневию—столицу Ассирийской державы также прежнюю дань, которую прекратили они во времена предков Ашшурбанапала. К тому же ассирийский царь в знак отомщения прибавил и установил царю Ахшери Страны манеев сверх прежней дани еще 30 лошадей<sup>69</sup>.

Ассирийские и урартские письменные источники свидетельствуют о том, что скотоводство занимало достойное место также в хозяйстве некоторых других областей юго-восточной окраины: в Парсуа, Гизилбунда, Андиа и т. д.

---

<sup>63</sup> Тождественна с Ашкайа урартских источников — N. A d o n t z, *Histoire d'Arménie*, Paris, 1946, стр. 212.

<sup>64</sup> Урартскую Ашкайа Г. А. Меликишвили считает областью страны Бушту—УКН, стр. 421, однако нам кажется, что она скорее относится к стране Мана заглавной декларации этого года, тем более, что и ассирийская Ушкайа выступает, в конечном счете, в составе Страны манеев—АВНИУ, § 49 (167).

<sup>65</sup> Приводим по переводу И. М. Дьяконова—АВНИУ, § 49 (167). Ср. HCS, стк. 170—173.

<sup>66</sup> HCS, стк. 184; АВНИУ, § 49 (167).

<sup>67</sup> АВНИУ, § 49 (167); HCS, стк. 187.

<sup>68</sup> Lau and Langdon, *The Annals Ashurbanapal*, Leiden, 1903, стр. 8—9, стк. 126—133; SHA, стр. 84—85, стк. 44—53; SKA, I, стр. 20 (II, 126—133); АВНИУ, § 72 (II, 95—III, 26); ARAB, II, § 786.

<sup>69</sup> Lau and Langdon, *Ук. соч.*, стр. 9, стк. 23—26; SKA, I, стр. 22 (II, 23—26).

Южнее Страны манеев развитием скотоводства особенно отличалась Парсуа (урартек. Паршуа). Еще в конце IX века до н. э. ассирийский царь Шамшиадад V (823—810) упоминает о получении дани лошадами от парсуайцев<sup>70</sup>. Примерно к этому же времени относятся сведения одной совместной надписи урартских царей Ишпуини и Менуа о скотоводстве страны Парсуа-Паршуа<sup>71</sup>, откуда, по неполным данным<sup>72</sup>, урартийцы угнали 12 тысяч голов крупного и свыше 15 тысяч<sup>73</sup> голов мелкого рогатого скота, а также 1065(?) верблюдов и 1120 коней<sup>74</sup>. Здесь обращает на себя внимание то, что в данном тексте в качестве городов Паршуа выступают Меншта, Куа(ни), Шариту(ни) и Нигиб(ни). При этом Меншта в одной надписи Менуа (УКН, 29, стк. 4—5) упоминается в связи со страной Мана, по-видимому, в качестве ее царского города (столицы). Это обстоятельство дает нам основание думать, что часть территории Мана несколько раньше находилась в составе Паршуа. Поэтому мы склонны полагать, что угнанный царями Ишпуини и Менуа скот, возможно, относился не только к Паршуа, но и к некоторым территориям Мана (с городом Меншта). В самом деле, нам неизвестно ни одного случая, чтобы какая-либо отдельная страна юго-восточной периферии (к югу от Урмийского озера), иногда даже группа стран, предоставила урартским или ассирийским захватчикам в течение лишь одного похода такое громадное количество крупного и мелкого рогатого скота или коней и верблюдов. Не является, по-видимому, случайным тот факт, что в надписи УКН, 24, в заглавной декларации, город Меншта выступает в качестве вполне самостоятельного объекта и даже предшествует стране Паршуа.

Но как бы то ни было, вполне ясно, что Паршуа являлась одной из наиболее развитых скотоводческих стран юго-восточной периферии, притом своими многочисленными стадами она не только не уступала, например, стране Мана, но и, очевидно, превосходила ее. Чтобы окончательно убедиться в этом, можно здесь вспомнить сведения XI года (776 г. до н. э.) Хорхорской летописи, согласно которым Аргишти I угнал с территории Мана всего 170 коней, 62 верблюда, 2411 голов крупного и примерно 6140 голов мелкого рогатого скота. Сопоставление этих данных с данными относительно скота, угнанного из Меншта (Мана?) и Паршуа (1120 коней, 1065 верблюдов, 12 тысяч голов крупного и 15 (25?) тысяч голов мелкого рогатого скота)<sup>75</sup>, как будто не оставляет никакого

<sup>70</sup> ARAB. I, § 718; АВНИУ, § 31.

<sup>71</sup> В указанной выше надписи Шамшиадада V как раз упоминается имя урартского царя Ишпуини (в форме Уишина).

<sup>72</sup> Цифры, указывающие на количество мелкого рогатого скота и верблюдов, частично повреждены.

<sup>73</sup> Количество *atib* (10 тысяч) не сохранилось. По сравнению с количеством крупного рогатого скота, весьма возможно, что имелось здесь несколько *atibi* и тогда не 15 тысяч, а, скажем, 25 тысяч и т. д.

<sup>74</sup> УКН, 24, лиц. стор., стк. 22—24 = обор. стор., стк. 28—30.

<sup>75</sup> ЭВ, VII, стр. 108—109 (V, 7—8); УКН, 127, V, 7—8.

сомнения в том, что последняя в то время занимала вполне обособленное место среди скотоводческих стран и областей, простиравшихся к югу от Урмийского озера.

Об интенсивном развитии скотоводства в стране Паршуа свидетельствует также Хорхорская летопись, под VI годом (781 г. до н. э.) которой повествуется об угоне с ее территории (а также с территории некоторых других соседних стран—Баруата, Бушту и т. д.) большого количества коней, крупного и мелкого рогатого скота<sup>76</sup>.

Выше, в связи с рассмотрением уровня развития скотоводства страны Мана, мы уже констатировали тот факт, что высоким развитием скотоводства отличались также Бабилу(ни) (ассир. Намру?)—к югу от Паршуа и Мидия—к северо-востоку от Паршуа<sup>77</sup>. Здесь следует лишь добавить, что «Луврская табличка» приводит некоторые другие сведения о скотоводстве Намру, областей Эллин, Речки, 24 поселений «страны сильных мидян» и т. д.<sup>78</sup>, тяжкую дань с которых Саргон II принимает в Парсуа. В качестве дани перечисляются беговые кони, буйные мулы, двугорбые верблюды, а также крупный и мелкий рогатый скот, причем кони, мулы и верблюды считаются порождением упомянутых выше стран и поселений<sup>79</sup>.

О скотоводстве в Бит-Барруа, Парсуа, Бушту, у сильных мидян и в ряде других стран и поселений мы находим весьма ценные сведения также у Тиглатпаласара, который сообщает, что в эпонимат Ашшурданинани, т. е. в 733 г. до н. э.<sup>80</sup>, он получил дань от этих стран: 5000 лошадей, а крупный и мелкий рогатый скот—в «несметном количестве»<sup>81</sup>. От страны мидян ранее получал упряжных лошадей также Шамшиадад V<sup>82</sup>.

К северу от Мидии и к юго-востоку от Манейского царства интенсивно занималась выращиванием разных видов скота область Гизилбунда. По сведениям надписи Шамшиадада V (823—810 гг. до н. э.) на монолите из Калху (совр. Нимруд), опустошив Гизилбунду, ассирійцы полонили, наряду с имуществом и богатством, крупный и мелкий рогатый скот и лошадей этой области<sup>83</sup>. Более поздние сведения о скотоводстве Гизилбунда содержит «Луврская табличка», согласно которой Зизи апшатарский и Залай китпатский—начальники поселений области Гизилбунда, которые жили в отдаленных горах, вдоль стран манеев и мидян, доставляют в 714 г. до н. э. Саргону II в Манейскую крепость Зир-

<sup>76</sup> К сожалению, цифры, указывающие на количество крупного и мелкого рогатого скота, частично повреждены, а количество коней вовсе не сохранилось—ЭВ, VII, стр. 98 (III, 8—17); УКН, 127, III, 8—17.

<sup>77</sup> См. стр. 139—140 настоящей работы.

<sup>78</sup> Здесь упоминаются также страны Сангибугу и Бит-Абдадани. Кстати, этот Сангибугу, как заметил И. М. Дьяконов, ни в коей мере нельзя отождествлять с одноименной областью урартийцев к северу от Урмийского озера—АВШНУ, § 49, прим. 15.

<sup>79</sup> HCS, стк. 42—50; ARAB, II, § 147. Ср. АВШНУ, § 49 (6).

<sup>80</sup> E. Forger, PAR, стр. 94.

<sup>81</sup> РКТР, I, стр. 50, стк. 18—29.

<sup>82</sup> SABT, I, стр. 182 (II, 64—66).

<sup>83</sup> SABT, I, стр. 174 сл., стк. 42 сл.; ARAB, I, § 718; АВШНУ, § 34.

диакка крупный и мелкий рогатый скот в неслетном количестве и упряжных коней<sup>84</sup>.

Ассирийские письменные источники свидетельствуют о том, что имеется еще одна скотоводческая область под названием Андиа, территория которой была расположена к северу от вышеупомянутой области Гизилбунда и к востоку от Урмийского озера, за областью Зикирту<sup>85</sup>. Салманасар III, например, в своих анналах повествует о получении дани страны Андиа и некоторых других областей и племен, в связи с чем упоминаются упряжные лошади, крупный и мелкий рогатый скот<sup>86</sup>. О скотоводстве Андиа содержит некоторые сведения также одна из надписей Саргона II, согласно которой ассирийский царь полонил 4200 жителей Телуены андийского с их скотом<sup>87</sup>.

В конце настоящего раздела нам остается рассмотреть еще вопросы скотоводства некоторых других областей и районов, расположенных к юго-западу и западу от Урмийского озера, у среднего и верхнего течений Большого Заба, притока Тигра. Такими скотоводческими центрами здесь являлись Киррури, Улманна и Мусасир-Ардини.

О скотоводстве Киррури и Улманна мы располагаем незначительными данными. В анналах Ашшурнасиранала II, например, страна Киррури и поселение Улманна<sup>88</sup> выступают в числе объектов, платящих дань ассирийскому царю лошадьми, мулами, крупным и мелким рогатым скотом<sup>89</sup>. От улманнийцев принимает, в качестве дани, упряжных лошадей, крупный и мелкий рогатый скот также Салманасар III<sup>90</sup>—преемник вышеупомянутого Ашшурнасиранала II.

Что касается религиозно-культурного центра урартских царей на юго-востоке Мусасира-Ардини, то о скотоводстве его приводятся довольно подробные сведения как в урартских, так и в ассирийских письменных источниках.

Известно, что определенная часть богатства урартских храмов, в том числе Мусасирского, была приобретена путем царских пожертвований. Урартские тексты культового характера неоднократно упоминают о таких жертвоприношениях урартскими царями тем или другим храмам. Среди подобных жертвоприношений, как правило, занимает определенное место скот. По сведениям, например, Келяшинской билингвы Ишунни

<sup>84</sup> HCS. стк. 64—70; ARAB, II, § 149; АВНИУ, § 49 (51).

<sup>85</sup> О локализации Андиа см. N. Adontz, Histoire d'Arménie, Paris, 1946, стр. 99—100; Н. М. Дьяконов, АВНИУ, § 28, прим. 17.

<sup>86</sup> SABT, I, стр. 148—149, стк. 179—182; ARAB, I, § 588; АВНИУ, § 28 (174).

<sup>87</sup> WKS, I, стр. 104, стк. 45; SABT, II, стр. 58—59, стк. 45; ARAB, II, § 56; АВНИУ, § 54 (28).

<sup>88</sup> Г. А. Меликишвили и Н. М. Дьяконов полагают, что Улманна, возможно, то же самое, что и Эламуна—Эламуи—Аламуи, т. е. часто встречающееся местное название верхнего течения реки Большой Заб, а также горы и поселения в этом районе—ВДН, 1947, № 4, стр. 28; АВНИУ, § 10, прим. 41 и § 23, прим. 9. См. также «Наири-Урарту», стр. 23.

<sup>89</sup> АКА, I, стр. 272—273 (I. 54—56); ARAB, I, § 440; АВНИУ, § 23 (I, 54).

<sup>90</sup> SABT, I, стр. 154, стк. 18; ARAB, I, § 598; АВНИУ, § 27 (I, 14).

и Менуа, храму бога Халди в Мусасире преподносится 1112 быков, 9120 коз и ягнят, «свободных» в отношении использования, а также 12 480 больших коз для жертвоприношения<sup>91</sup>. Если обратить внимание на приведенные цифры, что составляет 1112 голов крупного и 21 600 голов мелкого рогатого скота, а в общей сложности 22 712 голов разного вида скота, то станет вполне понятным, что Мусасирский храм, благодаря систематическим царским пожертвованиям, несомненно должен был стать одним из наиболее богатых скотоводческих центров Урарту. Здесь следует иметь в виду также то весьма важное обстоятельство, что такое громадное количество скота преподносится Мусасирскому храму во время лишь одного посещения урартских царей. Следовательно, вполне вероятно, что Мусасирский храм владел сотнями тысяч голов разного вида скота, особенно мелкого рогатого скота. В самом деле, ассирийские письменные источники полностью подтверждают подобное мнение. Известно, например, что Саргон II, по сведениям его анналов, лишь в течение одного похода, совершенного им в 714 г. до н. э., захватил в Мусасире 100 тысяч 225 овец, 920 голов крупного рогатого скота, 692 мула и осла<sup>92</sup>.

«Луврская табличка» приводит несколько другого рода сведения о захвате скота Саргоном II в Мусасире в течение того же VIII похода против Урарту. Здесь указывается 1235 овец, 525 быков, 380 ослов и 12 мулов<sup>93</sup>. Те же сведения повторяются и в другом отрывке «Луврской таблички», за исключением того, что количество овец, вместо 1235, здесь почему-то выражается цифрой 1285<sup>94</sup>.

Примечательно, что Келяшинская билингва различает «жертвенный скот»<sup>95</sup> от «свободного»<sup>96</sup>, причем там содержится призыв к богам для уничтожения тех, кто уведет или похитит жертвенный скот, тогда как допускается возможность увода «свободного» скота, если взамен дадут что-нибудь другое. На основании всего этого Г. А. Меликишвили склонен предположить, что урартские храмы, в том числе Мусасирский храм бога Халди, занимались, по-видимому, также торговлей скота, что являлось одним из источников их богатства. Он также полагает, что громадное количество скота, посвященное Мусасирскому храму во время одного посещения урартских царей, вряд ли могло быть предназначено лишь только для культового жертвоприношения, а передавалось в хозяйство храма, который, очевидно, вообще владел крупными стадами разного скота<sup>97</sup>. В самом деле, сведения анналов Саргона II, когда с одного раза захватывается в Мусасире более 100 тысяч овец, а также

<sup>91</sup> УКН, 19, урартск. текст, стк. 14—16 — ассир. текст, стк. 12—14. Ср. СICh, 12 те же строки.

<sup>92</sup> HCS, анналы, стк. 128—129; ARAB, II, § 22; АВНИУ, § 45 (121).

<sup>93</sup> HCS, стк. 348—349; ARAB, II, § 172; АВНИУ, § 49 (346).

<sup>94</sup> HCS, стк. 424; ARAB, II, § 176; АВНИУ, § 49 (415).

<sup>95</sup> Урартск. atqanani = ассир. eqâte. СICh, 12; УКН, 19, стк. 16/14.

<sup>96</sup> Урартск. egurithe = ассир. pašru. СICh, 12; УКН, 19, стк. 15/13.

<sup>97</sup> Г. А. Меликишвили. Напри-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 354—355.

большое количество крупного рогатого скота, мулов и ослов, могут служить прекрасным доказательством этому.

Наконец, в нашем распоряжении имеется еще один факт, свидетельствующий о высоком уровне развития скотоводства в области Мусасир<sup>98</sup>. На это указывает опять-таки одна из надписей Саргона II, согласно которой вместе с многочисленным богатством ассирийцы полонили здесь 20 170 людей с их скотом<sup>99</sup>.

Таким образом, по сведениям урартских и ассирийских письменных источников, целый ряд областей восточного и юго-восточного направления отличался весьма высоким развитием скотоводства. Среди них занимали особое место Сангибуту, Пулуади, Армарили и т. д. (к северу, северо-востоку и северо-западу от Урмийского озера), Манейское царство (южнее и вдоль восточного побережья Урмии), Бушту, Иркиуни, Аллабриа, Баруата, Паршуа, Бабилуни (к югу от озера Урмия вплоть до среднего течения Дияла), Мидия, Гизилбунда и Андиа (к юго-востоку и востоку от Урмии), Киррури (в среднем течении Большого Заба), Гилзан (вдоль западного побережья Урмийского озера), Мусасир и Улманна (у верховьев Большого Заба). В хозяйстве жителей этих областей основное место занимало разведение крупного и мелкого рогатого скота, отчасти также лошадей, мулов, ослов и верблюдов.

## 2. СКОТОВОДСТВО ЮЖНЫХ И ЮГО-ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ

В настоящем разделе мы намерены рассмотреть состояние скотоводства в ряде стран и областей, простиравшихся к югу и юго-западу от Ванского озера.

Среди стран южного направления привлекает наше внимание прежде всего Хубушкина (в долине реки Бохтан), о скотоводстве которой ассирийские письменные источники упоминают неоднократно. Самые ранние сведения о занятии населения области Хубушкина скотоводством содержат анналы Ашшурнасирапала II, согласно которым, когда ассирийский царь находился в Замуа<sup>100</sup>, хубушкинцы вместе с хулушцами, хартшейцами и гилзанцами доставили к нему дань. При этом упоминаются лошади, крупный и мелкий рогатый скот<sup>101</sup>. Приведенный текст, разумеется, не дает полного представления о скотоводстве Хубушкина, так как здесь выступают также другие области. С другой стороны, среди полученной дани упоминается не только скот, но и вино, пестрые ткани, золото и серебро. Следовательно, остается не совсем понятным вид дани, доставленной Ашшурнасирапалу хубушкинцами, тем более, что с предыдущего раздела нам уже известно о развитии скотоводства и коне-

---

<sup>98</sup> Мусасир в урартских источниках выступает лишь в качестве города, тогда как в ассирийских источниках — как в качестве города, так и области.

<sup>99</sup> АВНИУ, § 54 (72); ср. АРАВ, II, § 59.

<sup>100</sup> Иначе Лулдуме; область у истоков Малого Заба. PAR, стр. 41; АВНИУ, § 1, прим. 5, § 18, прим. 19, § 23, прим. 51 и т. д.

<sup>101</sup> АКА, I, стр. 323—324 (II, 80—81); АРАВ, I, § 457; АВНИУ, § 23 (II, 80).

волства в области Гилзан. Однако надпись Салманасара III на монолите из Тушхана полностью рассеивает подобные сомнения. В данном случае Хубушкна выступает отдельно, и здесь ассирийский царь захватывает исключительно скот—крупный и мелкий рогатый, лошадей, мулов и лошаков, притом все это «в несметном количестве»<sup>102</sup>. Следовательно, становится вполне очевидным, что Хубушкна являлась одной из наиболее развитых скотоводческих областей Урарту.

Подобная точка зрения находит свое подтверждение и в других ассирийских источниках. В данном случае определенным интерес представляют надписи Саргона II. В одном из отрывков анналов этого царя сообщается о получении в 715 г. до н. э. дани крупным и мелким рогатым скотом от Янзу, царя Наири, в его городе Хубушкна<sup>103</sup>. От того же царя Наири и в том же городе Хубушкна Саргон II в следующем году своего правления (714 г. до н. э.) принимает в качестве дани не только крупный и мелкий рогатый скот, но и лошадей<sup>104</sup>. Те же сведения повторяются в «Луврской табличке»<sup>105</sup> и в так называемой «Торжественной надписи»<sup>106</sup> Саргона II.

Что касается урартских источников, то хотя в них название страны Хубушкна вовсе не упоминается, зато фигурирует имя ее правителя—Дади<sup>107</sup>. На этом основании мы склонны думать, что часть скота, захваченного Аргишти I в VI году (781 г. до н. э.) своего правления, следует отнести также к стране Хубушкна во главе с правителем Дади<sup>108</sup>.

Из соседних с Хубушкней скотоводческих областей следует упомянуть Хабхи, территория которой, вероятно, простиралась к югу и юго-востоку от Хубушкна, вплоть до реки Эламуна (название верхнего течения Большого Заба)<sup>109</sup>. Об этом содержат интересующие нас сведения надписи Ашшурнасирапала II. В анналах этого царя, например, упоминается о получении дани в 879 г. до н. э.<sup>110</sup> от страны Хабху—крупного и мелкого рогатого скота<sup>111</sup>. Подобные же сведения о скотоводстве Хабхи приводятся в дубликате этого места анналов Ашшурнасирапала II, в

<sup>102</sup> SABT, I, стр. 168—169 (II, 63—65); ARAB, I, § 607; АВНИУ, § 27 (II, 63).

<sup>103</sup> WKS, I, стк. 78—80; ARAB, II, § 13; АВНИУ, § 46 (75). Под этим названием в ассирийских источниках выступают как область Хубушкна, так и ее царский город.

<sup>104</sup> WKS, I, стк. 121—122; ARAB, II, § 22; АВНИУ, § 46 (121).

<sup>105</sup> HCS, стк. 306—308; ARAB, II, § 168; АВНИУ, § 49 (306).

<sup>106</sup> WKS, I, стр. 106, стк. 54; SABT, II, стр. 58—59, стк. 54; ARAB, II, § 56; АВНИУ, § 54 (28).

<sup>107</sup> Н. В. А р у т ю н я н. ЭВ, VII, стр. 97, прим. 20.

<sup>108</sup> ЭВ, VII, стр. 96—99 (III, 5—17); УКН, 127, III, 5—17. Цифры, указывающие на количество крупного рогатого скота, сохранились частично, а количество мелкого рогатого скота почти не сохранилось (осталась лишь последняя цифра 5). О количестве лошадей также мы ничего не знаем.

<sup>109</sup> Саргон II в 714 г. до н. э. «перешел Верхний Заб, который люди Наири и Хабхи называли Эламуна» — T h u g e a u-D a n g i n, HCS, стк. 323.

<sup>110</sup> Данный поход совершается в эпонимат Ša-ilima-damqa, на основании чего устанавливается указанное выше время — PAR, стр. 21; RLA, II, стр. 418.

<sup>111</sup> АКА, I, стр. 329 (II, 92); ARAB, I, § 460; АВНИУ, § 23 (II, 86).

надписи на каменном монолите, происходящем из Тушхана (совр. Карх)<sup>112</sup>. Здесь, несколько ниже, повествуется также о захвате Ашшурнасирапалом II крупного и мелкого рогатого скота, «без счета», в стране Внутренний Хабху<sup>113</sup>.

Как видно из вышеприведенного, Ашшурнасирапал II свидетельствует, что страна Хабхи обладала большими стадами крупного и мелкого рогатого скота. Однако в ассирийских источниках имеются некоторые ранние сведения, указывающие на то, что в этой стране интенсивно развивалась и другая отрасль животноводства—козоводство. С этой точки зрения примечательны надписи Тиглатпаласара I, согласно которым Хабхи, а также некоторые другие страны, платят дань ассирийскому царю упряжными лошадьми<sup>114</sup>. Это полностью подтверждается сведениями одной надписи Аладнерари II, в которой указывается, что Саткури, Иасабду, Кунну, Тапена—поселения области Хабху—обязаны были регулярно платить ассирийскому царю дань упряжными лошадьми<sup>115</sup>.

В нашем распоряжении имеются ценные сведения о скотоводстве государства Урарту, приведенные в летописи Сардури II. В ней сообщается о громадном количестве скота—крупного и мелкого рогатого, коней, мулов, поэтому данный текст занимает особое место среди всех урартских и ассирийских текстов, свидетельствующих о развитии скотоводства в различных урартских областях. Однако неизвестно, к каким именно областям относятся эти сведения. Известно лишь о захвате Сардури II громадного количества скота у «урурдани» (ср. термин «Урарту»?)<sup>116</sup>. Нам кажется, что здесь речь идет о захвате урартским царем скота в каких-то центральных областях Урарту после подавления мятежа, вспыхнувшего против центральной власти.

Сардуровская летопись в данном случае упоминает о захвате у урурдайцев 21 357 голов крупного рогатого скота (в том числе 12 321 коровы и 9036 быков), 35 467 голов мелкого рогатого скота, а также 10 408 коней и 132 мулов<sup>117</sup>. Особенно бросается в глаза невероятное количество коней—10 тысяч 408, если иметь в виду, что урартийцы, правда по неполным данным<sup>118</sup>, за все походы захватили в разных областях всего 23 405 коней. С другой стороны, известно, что лошади, крупный и мел-

---

<sup>112</sup> АКА, I, стр. 228 (оборот стор., стк. 6—7); ARAB, I, § 498; АВНИУ, § 26 (лиц., 25).

<sup>113</sup> АКА, I, стр. 235—236 (оборот стор., стк. 30—31); ARAB, I, § 500; АВНИУ, § 26 (об., 30). Поселение Арбакки этой страны Э. Форрер отождествляет с совр. Арвах (Аврах), в долине реки Бохтан— PAR, стр. 27. Арбакки в ассирийских источниках выступает как в качестве поселения, так и области.

<sup>114</sup> ARAB, I, § 275, 301, 305; АВНИУ, § 11, 12.

<sup>115</sup> ARAB, I, § 372; АВНИУ, § 21.

<sup>116</sup> И. И. Мещанинов. Шураа и урурдан в клинописных памятниках Ванского бассейна. ДАН-В, 1924, стр. 21—22; Г. А. Мелликшивили. Наирн-Урарту, стр. 21.

<sup>117</sup> НН, стр. 24—25 (G, 6—8); УКН, 155G, 6—8.

<sup>118</sup> В текстах, указывающих на количество захваченных коней, имеется множество повреждений.

кий рогатый скот занимали важное место в хозяйстве многих областей и поселений обширного Ванского царства, следовательно, на основании данных приведенного отрывка Сардуровской летописи невозможно прийти к каким-либо удовлетворительным выводам по затронутому нами вопросу. Что касается мулов, то они в урартских надписях, как правило, не упоминаются<sup>119</sup>. Правда, ассирийские источники о них упоминают несколько чаще, однако, по сравнению с крупным и мелким рогатым скотом и даже с лошадьми, мулы все же и здесь выступают довольно редко. Согласно этим источникам, своими мулами были известны области Хубушкна, Бит-Замани, Шуприа, Внутренний Уруму, Сангибуту. Мулы упоминаются также в связи с некоторыми поселениями Наири, расположенными на Армянском Тавре, и областями Мусасир, Киррури, Мана, Мидия и т. д. К тому же примечательно, что ассирийские источники, как правило, о мулах упоминают в общей сложности, без указания их количества. В этом отношении отличаются лишь некоторые поселения Наири, находившиеся на Армянском Тавре, а также Мусасир, Мана, Аллабрия, Мидия, о которых мы имеем некоторые сведения, касающиеся поголовья мулов. Например, в поселениях Наири захватил 300 мулов Тиглатпаласар III, в Мусасире—то 692 мула и осла, то 12 мулов—Саргон II, в Мана, Эллипи, Аллабрия и в 45 поселениях «сильных мидян»—4609 лошадей и мулов тот же Саргон II.

На основании сказанного мы склонны думать, что скот и в первую очередь мулы, захваченные Сардури II в начале своего правления, принадлежали областям Хубушкна, Мусасир, Шуприа, Внутренний Уруму, Сангибуту и т. д. Однако все это является гипотезой. Дальнейшая интерпретация этого весьма интересного текста Сардуровской летописи остается одной из первоочередных задач урартоведения, так как он имеет весьма важное значение в освещении не только вопросов скотоводства, но и политической истории, земледелия и виноградарства-виноделия Урарту<sup>120</sup>. Отметим, что текст упоминает также о каком-то виде (шанкали) масла в 86 «акарки» и 7 «тирусии»<sup>121</sup>, что составляет около 21 500 литров. Возможно, что это также имеет отношение к скотоводству, если, конечно, речь идет не о растительном масле.

Вернемся, однако, к конкретным данным, освещающим вопросы ско-

---

<sup>119</sup> В этом отношении приведенный отрывок Сардуровской летописи среди урартских источников занимает вполне обособленное место. Нам известно еще другое упоминание мула в одной большой табличке, обнаруженной в 1957 г. на Кармир-блуре. (УПД, № 7, лиц. стор., стк. 9).

<sup>120</sup> Быть может, Сардури II выдержал натиск 92 боевых колесниц, 3600 верховых лошадей 352 011 воинов—«верховых или пеших» и, одержав победу над урурдани, захватил у них 10 408 коней, 132 мула, 21 357 голов крупного и 35 467 голов мелкого рогатого скота, 2114 боевых оружия, 1332 лука, 47 970 стрел, 1 022 133 капи ячменя, 111 акарки вина, 86 акарки и 7 тирусии шанкали масла, 7079 мин меди. Что касается 121 человека и 336 рабов, также упоминаемых в тексте, то первые из них, возможно, являлись организаторами (военачальниками или областеначальниками) мятежа, а вторые—членами их семей, взятыми в плен Сардури II (см. УКН, 155 G, стк. 1—8).

<sup>121</sup> УКН, 155 G, 10; ср. NIII, стр. 24—25 (G, 10 и стр. 61).

товодства некоторых территорий, расположенных к югу от Хабхи, в районе гор Нибур (совр. Джуди-даг на восточном берегу Тигра)<sup>122</sup>. В этом отношении привлекают внимание анналы Тиглатпаласара III (745—727 гг. до н. э.) и Синаххериба (705—681 гг. до н. э.). В первых из них повествуется о захвате лошадей<sup>123</sup>, 660 ослов, 300 мулов, 1350 голов крупного и 19 000 голов мелкого рогатого скота в поселениях Никку, Хвста, Харабисина, Барбас и Таса. А в некоторых других поселениях — Данканша, Сакка, Ниша, Элизаншу, Лукаданша, Куда, Элугна, Данна, Данзиун, Улай, Лукна, Абраина, Эуса — ассирийцами было захвачено 150 голов крупного и 1000 голов мелкого рогатого скота, а также некоторое количество коней, мулов и ослов<sup>124</sup>. В продолжении текста следуют сильно разрушенные строки, где в связи со страной Мукавва и поселением Ура (по-видимому, на горе Мусурну?)<sup>125</sup> упоминаются мулы и лошади<sup>126</sup>.

Что касается анналов Синаххериба, то они свидетельствуют о развитии скотоводства в стране Дайнаэ с поселением Укку, расположенной, очевидно, на склонах и вершинах труднодоступных гор Анара и Уша. Здесь ассирийский царь покорил Укку<sup>127</sup>, а также 33 (вариант 35) других поселения этой области и захватил там крупный и мелкий рогатый скот, ослов<sup>128</sup>.

В районе гор Нибур (по-видимому, к юго-востоку от них) находилась скотоводческая область Кумани<sup>129</sup>, откуда Ададнерари II (911—890 гг. до н. э.) после ее покорения доставляет в свой город Аншур крупный и мелкий рогатый скот<sup>130</sup>.

Развитие скотоводства в древности в районе гор Нибур и сопредельных территорий подтверждается также античными источниками. Например, греческие наемники персидского царевича Кира на рубеже V—IV вв. до н. э. в некоторых районах и поселениях у Тигра, южнее антич-

<sup>122</sup> E. Forrer, PAR, стр. 18.

<sup>123</sup> Количество лошадей не сохранилось.

<sup>124</sup> Количество этих последних не указано.

<sup>125</sup> О локализации вышеперечисленных поселений см. Н. М. Дьяконов, АВНИУ, § 41, прим. 11—16. Э. Форрер (PAR, стр. 86), например, Абраина отождествляет с византийским Аварне (совр. Tsermik).

<sup>126</sup> РКТР, I, стр. 31 (= РКТР, II, стр. 3, табл. VIIIa, стр. 4, табл. VIIIb), стк. 176—178, 180—182, 183—187. Ср. ARAB, I, § 775, 776; АВНИУ, § 41 (176).

<sup>127</sup> Укку в ассирийских источниках выступает в качестве племени, поселения и области. Э. Форрер склонен расположить ее в долине реки Хезиль-су, притока Тигра, восточнее гор Нибур (Джуди-даг) — PAR, стр. 116. Другие упоминания Укку см. в R SAE, № 101, 145, 197, 198, 380, 409, 444 и т. д.

<sup>128</sup> SABT, II, стр. 98—101 (III, 66—IV, 19); АВНИУ, § 57.

<sup>129</sup> Царским городом Кумани являлся Kibšuna (см. анналы Тиглатпаласара I, стб. VI, стк. 22 сл.), совр. деревня Гейше в 14 км к северо-востоку от Захо (на берегу Восточного Хабура) — PAR, стр. 37. Ср. N. Adontz, Histoire d'Arménie, стр. 58. Ср. Кумени урартских источников — Г. А. Меланишвили, ВДИ, 1947, № 4, стр. 23—26; он же, ВДИ, 1948, № 2, стр. 47; он же, Наирн-Урарту, стр. 167—168. Кумени, в качестве города, выступает в надписях Нишунни-Меуа и Меуа (УКН, 27, стк. 14—15 и 28, верх. стор., стк. 13).

<sup>130</sup> КАН, II, № 83, лиц. стор., стк. 10—15; ARAB, I, § 380—381; АВНИУ, § 20.

ных кардухов<sup>131</sup>, захватывали большое количество скота и вместе с тем были осведомлены, что в этих местностях много мелкого скота, коз, волов и ослов<sup>132</sup>.

Другие скотоводческие центры эпохи Урарту располагались уже по ту (западную) сторону Тигра—в горах Кашийари (совр. Тур-Абдин) и окружающих районах. Об этом свидетельствуют как ассирийские, так и урартские письменные источники. Ашшурнасирапал II, по сведениям его надписи из Тушхана (совр. Карх), преодолев в течение шести дней множество препятствий в горах Кашийари, принимает здесь в качестве дани крупный и мелкий рогатый скот<sup>133</sup>. Аналогичные сведения содержат также анналы этого царя относительно страны Нирбу (урартск. *Nirba-i ḫubi*), расположенной в тех же горах Кашийари<sup>134</sup>. В 882 г. до н. э. Ашшурнасирапал II захватывает в Нирбу крупный и мелкий рогатый скот<sup>135</sup>. Здесь же, несколько ниже, упоминается о захвате скота у жителей укрепленного города Тела этой страны. Кроме того, Ашшурнасирапал обязал жителей Нирбу платить дань и подать крупным и мелким рогатым скотом, лошадьми и мулами<sup>136</sup>.

Примерно через один век мы снова сталкиваемся со скотоводческой областью Нирбу-Нириба, на этот раз уже в урартских письменных источниках. Хорхорская летопись под IV годом (783 г. до н. э.) сообщает, что Аргишти I угнал с территории Нирибы долины (а также из Хате, Мармуани и т. д.) 17 тысяч 962 головы крупного рогатого скота, большое количество коней и мелкого рогатого скота<sup>137</sup>.

В районе гор Кашийари высоким развитием скотоводства отличалось также поселение Шура (Сура)<sup>138</sup>, которое в 879 г. до н. э.<sup>139</sup> платило дань Ашшурнасирапалу II крупным и мелким рогатым скотом<sup>140</sup>.

<sup>131</sup> Арм. *Կարդուք* (*Кардух*):

<sup>132</sup> Ксенофонт. Анабасис, III (V, 2, 9).

<sup>133</sup> АКА, I, стр. 229—230 (оборот стор., стк. 9—13); ARAB, I, § 498; АВНИУ, § 26 (лиц., 25).

<sup>134</sup> *nir(a)bu* в ассирийских источниках нередко выступает в нарицательном значении „перевал“. Один из них Э. Форрер отождествляет с совр. Нераб, в 5 км к северо-востоку от Аленно — PAR, стр. 56. Однако в анналах Ашшурнасирапала II вполне ясно указывается, что упоминаемая у него страна Нирбу находилась в горах Кашийари (... *mā<sup>1</sup>Ni-ir-bu šā libbi<sup>2</sup> Kaš-ia-ri...* АКА, I, стр. 300, стб. II, стк. 15).

<sup>135</sup> АКА, I, стр. 293 (I, 112); ARAB, I, § 445; АВНИУ, § 23 (I, 101).

<sup>136</sup> АКА, I, стр. 293—294 (II, 13—16); ARAB, I, § 446; АВНИУ, § 23 (II, 2).

<sup>137</sup> Цифры, указывающие на количество захваченного мелкого рогатого скота, сохранились частично, а количество коней повреждено полностью.—ЭВ, VII, стр. 92—93 (II, 22); УКН, 127, II, 22.

<sup>138</sup> Н. Адонтз отождествляет с Izauga византийских авторов и совр. Шор (Соп), у подножия Тур-Абдин (Кашийари) — N. Adontz, Histoire d'Arménie, Paris, 1946, стр. 45, 67.

<sup>139</sup> Данный поход был совершен в эпонимат Ša-ilima-damqa, на основании чего и устанавливается время похода — PAR, стр. 21.

<sup>140</sup> АКА, I, стр. 329 (II, 93) = стр. 229 (оборот стор., 8—9); ARAB, I, § 460 = § 498; АВНИУ, § 23 (II, 86) = § 26 (лиц., 25).

Нам известны также некоторые другие скотоводческие области и поселения к югу и юго-западу, к северу и северо-западу от тех же гор Кашийари. Среди южных и юго-западных областей следует упомянуть Бит-Яхири, Бит-Бахнани, Ицалла, Хатти и т. д., о скотоводстве которых содержат интересующие нас сведения анналы Ашшурнасирапала II. В этих анналах повествуется, что ассирийский царь в 879 г. до н. э. принимает в качестве дани крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей от Ахираму из Бит-Яхири, (и)цаллайцев, бит-бахнанцев, хеттов и царей Хангалбата<sup>141</sup>. От Ицалла<sup>142</sup> Ашшурнасирапал принимает крупный и мелкий рогатый скот также во время походов 882<sup>143</sup> и 866 гг.<sup>144</sup> до н. э. А страна хеттов<sup>145</sup> выступает в качестве богатой скотоводческой области и в Хорхорской летописи Аргишти I. Отсюда, а также из некоторых других стран урартский царь в 783 г. до н. э. угнал 17 тысяч 962 головы крупного рогатого скота, а также большое количество коней и мелкого рогатого скота<sup>146</sup>.

Известно, что от правителя Гаргамиша<sup>147</sup> (гесп. страна хеттов) принимает в качестве дани 500 голов крупного и 5000 голов мелкого рогатого скота Салманасар III<sup>148</sup>. Этот ассирийский царь свидетельствует о развитии скотоводства также в некоторых областях и поселениях, соседних с Хатте. Здесь упоминаются страна Бит-Адини, поселения Тил-Барсиб или Кар-Шуаману-ашаред, Ана-Ашур-утирацбат («люди Хатте называли его Питру»), которые платят дань Салманасару III крупным и мелким рогатым скотом. Текст одновременно добавляет, что эту дань платят вообще цари, которые на берегах моря<sup>149</sup> и Пуратту (Евфрат)<sup>150</sup>.

Самые дальние юго-западные скотоводческие области и поселения были расположены у северо-восточного и северного побережий Среди-

<sup>141</sup> АВНИУ, § 23 (II, 21); ARAB, I, § 447. Под Хангалбатом в это время подразумевалась центральная часть Северной Месопотамии—И. М. Дьяконов, АВНИУ, § 23, прим. 50, § 26, прим. 55.

<sup>142</sup> Iṣal(l)a или Izal(l)a. Ср. город Ишала урартских (УКН, 28) и горы Изала поздних источников между Фумом и Амидом (Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, С.-Пб., 1908, стр. 11).

<sup>143</sup> АКА, I, стр. 291 (I, 106); ARAB, I, § 445; АВНИУ, § 23 (I, 101).

<sup>144</sup> АКА, I, стр. 375 (III, 94—95); ARAB, I, § 450; АВНИУ, § 23 (III, 92).

<sup>145</sup> К вопросу о локализации страны Hat(t)e см. Г. А. Меликишивили, Наирн-Урарту, стр. 54—55.

<sup>146</sup> Количество мелкого рогатого скота сохранилось неполностью, а количество коней совсем не дошло до нас—ЭВ, VII, стр. 90—93 (II, 5—24); УКН, 127, II, 5—24. Под страной хеттов здесь и выше (у Ашшурнасирапала II) следует подразумевать, по-видимому, Малую Азию, район Каркемша (совр. Джераблус, на западном берегу Евфрата).

<sup>147</sup> Совр. Джераблус, на правом берегу Евфрата.

<sup>148</sup> Надпись на монолите из Тушхана (совр. Карх)—SABT, I, стр. 162 (II, 27—29).

<sup>149</sup> Салманасар III здесь, несомненно, имеет в виду Средиземное море, притом поселения, расположенные у его северо-восточного угла.

<sup>150</sup> SABT, I, стр. 162—164 (II, 31—40).

земного моря. Таковыми, по сведениям ассирийских источников, являлись области Куэ<sup>151</sup>, Хилакку<sup>152</sup> и поселение Иллубру<sup>153</sup>.

Царь Урика области Куэ, например, в одной из надписей Тиглатпаласара III выступает среди правителей ряда других областей (Кумух, Гургум, Мелид, Табал и т. д.), платящих ассирийскому царю дань лошаадьми, подъяремными мулами и т. д.<sup>154</sup>.

Что касается Хилакку и Иллубру, то о них мы находим соответствующие сведения у Синаххериба, который сообщает, что после одного из походов в эпонимат Шулмубелу<sup>155</sup> ассирийские войска доставили ему в Ниневню крупный и мелкий рогатый скот, ослов<sup>156</sup>.

Таковы в основном сведения ассирийских и урартских письменных источников о скотоводстве некоторых стран и поселений, лежавших в горах Кашийари и к юго-западу от них, вплоть до северного побережья Средиземного моря.

В настоящем разделе остается рассмотреть еще состояние скотоводства в некоторых других областях и поселениях, территории которых были расположены уже к северу и северо-западу от указанных выше гор Кашийари (совр. Тур-Абдин). Здесь следует упомянуть области Нирдун, Катмухи (или Кутмухи), Бит-Замани, Ашша (Алзи?) и т. д. в бассейне Тигра и Куммух в бассейне Евфрата.

О развитии скотоводства в области Нирдун свидетельствуют анналы Ашшурнасирапала II и надпись того же царя, происходящая из Тушха(н) (совр. Карх, на западном берегу Тигра). Анналы указывают, что когда Ашшурнасирапал находился в Тушхе, наряду с некоторыми другими областями, платила ему дань и страна Нирдун. При этом упоминаются кони, колесницы, мулы, крупный и мелкий рогатый скот<sup>157</sup>. Что касается надписи на монолите из Тушха(н), то она приводит более полноценные сведения о скотоводстве страны Нирдун. Дело в том, что Нирдун выступает здесь не в числе других скотоводческих областей (Бит-Замани, Шуприа, Внутренний Уруму, Наири), как в анналах, а совершенно изолированно. И несмотря на это, Нирдун все же выступает перед нами в качестве богатой скотоводческой области. Ашшурнасирапал принимает здесь в качестве дани опять-таки коней, мулов, крупный и мелкий

---

<sup>151</sup> Равнинная Киликия у устьев рек Сара и Пирама (Сейхуна и Джейхана) — И. М. Дьяконов. АВИИУ, § 41, прим. 10; ср. § 39, прим. 3.

<sup>152</sup> По мнению Э. Форрера, в Киликии — античная Мазака, позднее Кессария Кападокийская, совр. Кайсери (PAR, стр. 76). Н. Адонц отождествляет с самой Киликией древнеармянских источников — Н. Adontz, Histoire d'Arménie, стр. 314.

<sup>153</sup> Византийский Ламирон, совр. Немрун, в 43 км к северу от Мерсина — E. Fohg, PAR, стр. 79.

<sup>154</sup> RKTP, I, стр. 72 (= RKTP, II, стр. 24, табл. XXXVII), обор. стор., стк. 9—13; ARAB, I, § 80; АВИИУ, § 44 (об., 7).

<sup>155</sup> Šulmu-bêlu, наместник Rimusi, эпоним 696 г. до н. э. — PAR, стр. 115; RLA, II, стр. 426. По мнению И. М. Дьяконова, 689 г. до н. э. — АВИИУ, § 59, прим. 1.

<sup>156</sup> АВИИУ, § 5 (IV, 61); ARAB, II, § 286—288.

<sup>157</sup> АКА, I, стр. 299 (II, 12—14); ARAB, I, § 447; АВИИУ, § 23 (II, 2).

рогатый скот<sup>158</sup>. Все это наглядно показывает, что в стране Нирдун, территория которой, вероятно, прилегала к горам Кашийари с севера, население интенсивно занималось выращиванием коз, мулов, крупного и мелкого рогатого скота.

Продвигаясь к северу от гор Кашийари, вдоль западного побережья Тигра (Diglat), ассирийцы сталкиваются с новыми скотоводческими областями и поселениями. Ашшурнасирапал II, например, в эпонимат Шанлимадамку, т. е. в 879 г. до н. э.<sup>159</sup>, принимает дань поселения Кибаку<sup>160</sup>, в связи с чем упоминается также крупный и мелкий рогатый скот<sup>161</sup>. Те же сведения о скотоводстве Кибаку повторяются и в дубликате этого места анналов Ашшурнасирапала — в надписи, происходящей из Тушхана (совр. Карх)<sup>162</sup>.

Привлекает к себе внимание также одна из надписей Ададнерари II (911—890 гг. до н. э.), согласно которой в город Ашшур доставляется крупный и мелкий рогатый скот какой-то страны<sup>163</sup> с 40 поселениями после покорения страны Кумани<sup>164</sup> и переправы через Тигр<sup>165</sup>. Нам кажется, что эти сведения относятся к вышеупомянутому поселению Кибаку, стране Катмухи (о чем ниже) и т. д., которые были богатыми скотоводческими центрами на западном побережье Тигра<sup>166</sup>.

Нам известны также некоторые другие скотоводческие центры, расположенные опять-таки у верховьев Тигра. Здесь следует упомянуть страны Катмухи, Мушков, Бит-Замани, Ашна и др.

О скотоводстве Катмухи и Мушки сообщают анналы Ашшурнасирапала II, согласно которым крупный и мелкий рогатый скот занимал определенное место в хозяйстве этих стран. Здесь следует иметь в виду, что в данном случае мы имеем дело не с первоначальной территорией мушков, расположенной у среднего течения реки Гаис, а с теми муш-

---

<sup>158</sup> АКА, I, стр. 231 (оборот стор., стк. 18—19); ARAB, I, § 499; АВНИУ, § 26 (лиц., 25).

<sup>159</sup> E. F o g g e t, PAR, стр. 21.

<sup>160</sup> Совр. деревня Кивах, на правом берегу Тигра — PAR, стр. 18.

<sup>161</sup> АКА, I, стр. 326—327 (II, 86—88); ARAB, I, § 459; АВНИУ, § 23 (II, 86).

<sup>162</sup> АКА, I, стр. 226 (лиц. стор., стк. 34—41); ARAB, I, § 498; АВНИУ, § 26 (лиц., 25).

<sup>163</sup> Название страны повреждено.

<sup>164</sup> Царский город этой страны Кибуна Э. Форрер отождествляет с совр. Гейфе, в 14 км к северо-востоку от Захо (на берегу Восточного Хабуре, притока Тигра) — PAR, стр. 37.

<sup>165</sup> КАН, II, № 83, лиц. стор., стк. 10—15; ARAB, I, § 380—381; АВНИУ, § 20.

<sup>166</sup> Ашшурнасирапал II оказывается в Катмухи после отправления из поселений у подножия гор Нибур (Джуди-даг) и Пацате и переправы через Тигр. АКА, I, стр. 279 (I, 73—74); ARAB, I, § 442; АВНИУ, § 23 (I, 69).

кийцами, которые еще в конце XII в. до н. э. обосновались в Алзи<sup>167</sup> и Пурулумзи<sup>168</sup>, а несколько позднее и в Катмухи<sup>169</sup>.

В связи со скотоводческими центрами у верховьев Тигра любопытен также один из отрывков Сардуровской летописи, в котором повествуется о захвате большого количества скота в стране Рихиша, в городе Хура и т. д.<sup>170</sup>. Примечательно, что Хура летописи Сардури II, по мнению Г. А. Меликишвили, тождественна, видимо, с названием крепости Хурра ассирийских источников<sup>171</sup>, локализуемой Э. Феррером недалеко от гор Кашийари (Тур-Абдин), около Элухата<sup>172</sup>. Если можно согласиться с подобной локализацией города Хура урартских источников, то следует подразумевать, что громадное количество скота—352 коня, 5747 голов крупного и 19 062 головы мелкого рогатого, которое Сардури II угнал из страны Рихиша<sup>173</sup>, города Хура и т. д.<sup>174</sup>, следует отнести к некоторым территориям, лежащим у верховьев Тигра. Приведенный текст одновременно указывает на то, что это количество скота досталось лишь урартскому царю, в то время как в упомянутых вражеских странах и поселениях скот достался и вошмам<sup>175</sup>. Следовательно, вполне очевидно, что захваченный во время данного похода урартийцами скот составлял гораздо большее количество, чем это выражено в вышеприведенных цифрах.

У верховьев Тигра особым развитием скотоводства отличалась также страна Бит-Замани, о чем содержат соответствующие сведения надписи Ашшурнасирапала II. Аммеба'ла, правитель Бит-Замани<sup>176</sup>, в анналах Ашшурнасирапала II выступает в числе царей Шуприни, Нирдун, Внутренней Уруму и Наири, доставлявших ассирийскому царю в Тушху разнообразную дань, в том числе коней, мулов, крупный и мелкий рогатый скот<sup>177</sup>. Вполне понятно, что мы не можем с полным основанием опираться на эти данные для выяснения уровня развития скотоводства в области Бит-Замани, ибо вместе с последней в анналах Ашшурнасирапала II выступают еще четыре другие страны, в том числе Наири. С

<sup>167</sup> То же, что и урартск. Alzini и древнеармянск. Աղձնի-ք Alzini-kh (у верховьев Тигра).

<sup>168</sup> Местоположение неизвестно; возможно, граничила с Алзи. Эти сведения о мушкийцах см. в анналах Тиглатпаласара I—АКА, I, стр. 35 (I, 62—65); АРАВ, I, § 221; АВНИУ, § 10 (I, 62).

<sup>169</sup> О захвате мушкийцами Катмухи см. в продолжении приведенного выше текста.

<sup>170</sup> Здесь упоминаются также другие географические названия: страна (сохранился лишь детерминатив—УКН, 156С, 7) и город (сохранились детерминатив и первый слог bi—УКН, 156С, 10).

<sup>171</sup> Г. А. Меликишвили. УКН, стр. 429; он же, Наири-Урарту, стр. 248.

<sup>172</sup> E. F o r r e r, PAR, стр. 19.

<sup>173</sup> Ср. с именем правителя Рахисшарру (6. м., царь Рахис-Рахисш?), союзника Ассирии при правлении Асархаддона— 𐎲𐎠𐎫𐎠𐎥, II, № 1026, лиц. стор., стк. 3.

<sup>174</sup> УКН, 156С, 7—27.

<sup>175</sup> УКН, 156С, 28—30.

<sup>176</sup> Бит-Замани локализуется в районе Амида (Диярбекира) — N. A d o n t z, Histoire d'Arménie, стр. 65.

<sup>177</sup> АКА, I, стр. 299 (II, 12—14); АРАВ, I, § 447; АВНИУ, § 23 (II, 2).

другой стороны, наряду с разнообразным скотом в них упоминаются также колесницы, серебро, золото, бронзовые сосуды и вино. Однако надпись того же царя на каменном монолите, происходящем из Тушхана, полностью рассеивает всякие сомнения на этот счет. Дело в том, что в этой надписи Бит-Замани выступает совершенно изолированно от других стран и поселений, причем среди его разнообразного богатства скот занимает довольно определенное место. Мало того, если в анналах Ашшурнасирапала II скот упоминается в общей сложности, без каких-либо конкретных данных, то на монолите из Тушхана приводятся вполне конкретные цифры, указывающие на количество поголовья скота, захваченного ассирийским царем в Бит-Замани: 2000 голов крупного и 5000 голов мелкого рогатого скота, 460 упряжных лошадей. Кроме того, Ашшурнасирапал II Илану, нового правителя Бит-Замани, обязывает, по-видимому в качестве ежегодной дани, отдавать еще 1000 голов мелкого рогатого скота<sup>178</sup>.

Скотоводство занимало некоторое место также в хозяйстве страны Ашша (=Алше, Алзи?)<sup>179</sup>, расположенной, по-видимому, в верхнем течении реки Тигра, недалеко от ее истоков. Об этом сообщают анналы Ашшурнасирапала II, согласно которым ассирийский царь в эпонимат Шамашури, т. е. в 866 г. до н. э.<sup>180</sup>, принимает дань Гиридади, царя Ашша (а также дань Итти, царя Ицалла), причем в данном случае, наряду с золотом и серебром, упоминается крупный и мелкий рогатый скот<sup>181</sup>.

К юго-западу от Алзи, по ту сторону Евфрата, занималась скотоводством страна Кум(м)ух<sup>182</sup>. Об этом нам сообщает Салманасар III в своей надписи, происходящей из Тушхана (Карх). Царь Катазилу страны Кумух Салманасару III платил дань крупным и мелким рогатым скотом<sup>183</sup>.

Таковы в основном наши сведения о скотоводстве некоторых южных и юго-западных областей Армянского нагорья в эпоху Урарту. При этом, как мы видели выше, высоким развитием скотоводства отличались Хубушкина, Хабхи и некоторые поселения района гор Нибур (Джудидлаг) к югу от Ванского озера, области и поселения гор Кашийари (Тур-Абди), Нирдун, Катмухи, Бит-Замани, Ашша (Алзи?) и т. д. в долине верхнего Тигра, Ицалла к юго-западу от гор Кашийари, Кумух и Хатте в бассейне Евфрата, Куэ, Хилакку и т. д. на северо-восточном и северном побережьях Средиземного моря.

<sup>178</sup> АКА, I, стр. 237—239 (обор. стор., стк. 36—43); ARAB, I, § 501; АВИИУ, § 26 (об., 36).

<sup>179</sup> И. М. Дьяконов, АВИИУ, § 23, прим. 61. Ср. E. Fougier, RLA, I, стр. 88—90, 170; N. A. F. de N. Histoire d'Arménie, стр. 43, 69.

<sup>180</sup> E. Fougier, PAR, стр. 28; он же, RLA, II, стр. 418.

<sup>181</sup> АКА, I, стр. 375 (III, 94—95); ARAB, I, § 480; АВИИУ, § 23 (III, 92).

<sup>182</sup> Урартск. Qushaça, ангичи. Комягана.

<sup>183</sup> SABT, I, стр. 156 (I, 37). Кроме того, здесь упоминается золото, серебро и вино. Кстати, благородные металлы и т. д. от царя Куштанниди той же страны позже принимаются также урартским царем Сардури II—III, стр. 18—19 (E, 48—56).

### 3. СКОТОВОДСТВО ЗАПАДНЫХ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Скотоводство западных и северо-западных областей представлено как урартскими, так и, равным образом, ассирийскими письменными источниками.

Среди скотоводческих областей, простиравшихся к юго-западу и западу от оз. Ван, особенно отличались Шуприа, Урме, Мелитеа, Камана(?), Табал и др.

С запада и юго-запада к озеру Ван непосредственно примыкала горная скотоводческая область Шуприа<sup>184</sup>. Еще в начале IX в. до н. э. ассирийский царь Тукульти-Нинурта II захватил здесь (а также в странах Напри и Гилзану) в общей сложности 2720 коней, угнав их в Ниневию—столицу Ассирии<sup>185</sup>. Через небольшой промежуток времени (в 882 г. до н. э.) от Анхите, царя Шуприа (а также от царей Нирдун, Внутренний Уруму, Напри и т. д.) получает в качестве дани колесницы, коней, мулов, крупный и мелкий рогатый скот также Ашшурнасирапал II<sup>186</sup>—преемник вышеупомянутого Тукульти-Нинурты II. В отличие от анналов Ашшурнасирапала II, более конкретные сведения о скотоводстве области Шуприа мы находим в его надписи, происходящей из Тушхана (совр. Карх). Хотя Шуприа выступает в ней совершенно изолированно от других стран и областей, однако в принятой от нее в 879 г. до н. э.<sup>187</sup> дань все же лошади, а также крупный и мелкий рогатый скот занимают определенное место<sup>188</sup>.

Относительно последующего, довольно большого промежутка времени, мы не располагаем никакими сведениями о скотоводстве в области Шуприа. Это объясняется тем, что усилия ассирийских царей овладеть богатствами Шуприа в течение почти двух столетий оказались тщетными. Лишь Асархаддону в конце концов удается в 673 г. до н. э. разгромить Шуприю и захватить здесь многочисленные стада крупного и мелкого рогатого скота. Этих «быков и баранов», предназначенных для «жертвоприношения и царственного стола», Асархаддон «выпустил в Ассирии на добрые пастбища»<sup>189</sup>. Описание данного похода содержит также некоторые сведения косвенного порядка о скотоводстве Шуприи. Среди полоненных здесь Асархаддоном войска, ремесленников, земледельцев и т. д. особое место отводилось шуприйским пастухам<sup>190</sup>.

<sup>184</sup> Город Уррими (Рими) области Шуприа идентичен с византийским Афумон, совр. Фум, в 3 км к югу от Паладжа в Сасунских горах (PAR, стр. 87). Имеется арм. деревня *Օրիմ* (Орим) или *Օրիմ* (Орпим) около Паладжа (N. Adontz, *Histoire d'Arménie*, стр. 134, прим. 2). А город Kullimmeri (урартск. Qulmeri) той же области тождественен с византийским Хломарон, арм. *Քլմար* Khîmar, иранск. Kutemran в Арзанене, против Неферкерга (Маяфаркина), по ту сторону реки Батман — Marquardt, *Eransahr nach Moses Chorenac'i*, стр. 141 и прим. 60 на стр. 158—160.

<sup>185</sup> Scheil, стр. 24 сл., стк. 46—59; ARAB, I, 414; АВНИУ, § 22.

<sup>186</sup> АКА, I, стр. 299 (II, 12—14); ARAB, I, § 447; АВНИУ, § 23 (II, 2).

<sup>187</sup> Этот поход был совершен в эпонимат Ša-ilīma-damqa — PAR, стр. 21.

<sup>188</sup> АВНИУ, § 26 (об., 36); ARAB, I, § 502.

<sup>189</sup> И. М. Дьяконов. АВНИУ, § 67 (м).

<sup>190</sup> Bauer, стр. 246—247, стк. 16—20; АВНИУ, § 67 (к).

По сведениям урартских источников, высоким развитием скотоводства отличалась страна Урме<sup>191</sup>, соседняя, очевидно, с упомянутой горной областью Шуприа. С этой точки зрения представляют интерес летописи царей Аргишти I (786—764 гг. до н. э.) и Сардури II (764—735 гг. до н. э.). По сведениям XIV(?) года (773 г. до н. э.) Хорхорской летописи, урартійцы с территории страны Урме<sup>192</sup> (а также из Тарнуни) угоняют в Бианили-Урарту несколько тысяч и 744<sup>193</sup> головы крупного и 48 525 голов мелкого рогатого скота, а также 25 коней<sup>194</sup>. Более полноценные сведения о скотоводстве Урме содержит Сардуровская летопись, согласно которой здесь было захвачено 2538 голов крупного и 8000 голов мелкого рогатого скота<sup>195</sup>.

Скотоводческие территории государства Урарту, лежавшие к западу от озера Ван, не ограничиваются областями Шуприа и Урме: они простирались далеко на запад—по ту сторону Евфрата. В этой связи привлекает наше внимание страна города Мелитеа<sup>196</sup> (resp. «страна царя Хиларуада»). Хорхорская летопись свидетельствует, что в IV(?) году правления Аргишти I, т. е. в 783 г.(?) до н. э. с территории упомянутой страны (а также из Мармуани, Камана(?) и т. д.) урартійцы угнали 17 тысяч 962 головы крупного рогатого скота, большое количество коней и мелкого рогатого скота<sup>197</sup>. Подобные же сведения о скотоводстве Мелитеа мы находим в надписи преемника Аргишти I—царя Сардури II, обнаруженной у сел. Изоглу (на левом берегу Евфрата). В ней повествуется, что урартский царь увел в свою страну Бианили скот(?) (piribi) или стадо(?) скота (BI·BU didguši) страны Мелитеа<sup>198</sup>.

Надо полагать, что к западу от Евфрата скотоводством занимались не только в Мелитеа, но и в некоторых других странах и областях: в Мармуани, Камана(?)<sup>199</sup>, Туате(хи) Хорхорской летописи<sup>200</sup> и в Калани, Мушани и т. д. Изоглинской надписи<sup>201</sup>. И действительно, эта группа

---

<sup>191</sup> Эта страна локализуется согласно двум надписям Менуа, обнаруженным в районе гор. Муша (западнее оз. Ван)—УКН, 40, лиц. стор., А, стк. 3, 9; 41, обор. стор. стк. 3, 5. При этом город Кулмери (ассир. Куллиммери) области Шуприа в урартских источниках выступает в связи со страной Урме. Ср. ARAB, II, § 553, 608, 854 и УКН, 40, лиц. стор., В, 5; 41, прав. стор., 5.

<sup>192</sup> Ср. ассир. Уруму, урумейцы. Об этом см. *U. S. bṛhēdjan, šajjērb gēqawjēn d'brēš jōnēr Urdē-šēšarēw bṛhēdjan*, ИФЖ, 1958, № 3, стр. 59—74.

<sup>193</sup> Количество тысяч не сохранилось.

<sup>194</sup> ЭВ, VII, стр. 115—117 (V, 70—VI, 9).

<sup>195</sup> АЭВ, стб. А, стк. 22—25; НИ, стр. 4—5 (А, 22—25); УКН, 155А, 22—25.

<sup>196</sup> Ассир. Мелид, Миллида; антич. Мелитена; арм. Малатия.

<sup>197</sup> ЭВ, VII, стр. 90—93 (II, 5—22). Количество мелкого рогатого скота повреждено частично, а количество коней—полностью.

<sup>198</sup> УКН, 158, стк. 1—25.

<sup>199</sup> Ассир. Камману (мнение Н. М. Дьяконова)—ЭВ, VII, стр. 92—93 (стк. 18) и прим. 8. Ср. АВНИУ, § 46 (178); 47; 51; 55. Антич. Комана, область между Галисом и Мелитеной — N. A d o n t z. Histoire d'Arménie, стр. 314.

<sup>200</sup> ЭВ, VII, стр. 92—93 (II, 16, 18).

<sup>201</sup> УКН, 158, стк. 13—15.

стран в вышеупомянутых надписях, в связи с угоном скота, выступает в неразрывной связи с Мелитеа.

Несколько позже в одной из надписей Тиглатпаласара III Сулумал, царь Мелиду (урартск. Мелитеа), выступает в числе правителей некоторых других стран, плативших ассирийцам дань лошадьми, подъяремными мулами и т. д.<sup>202</sup>.

Ассирийские источники VIII—VII вв. до н. э. содержат ценные сведения о скотоводстве некоторых областей, лежавших западнее и северо-западнее Мелитеа. Здесь следует упомянуть город-государство Шинухту и область Табал<sup>203</sup>. Саргон II в своей «Торжественной надписи» рассказывает, что сам одержал победу над Киакки шинухтским и, отдав Шинухту, его царский город, Матти Тунискому<sup>204</sup>, назначил ему в качестве дани лошадей и мулов<sup>205</sup>.

Что касается области Табал, то известно, что Тиглатпаласар III получал от ее царя лошадей и подъяремных мулов<sup>206</sup>, то назначал, вероятно в качестве ежегодной дани, 200 лошадей<sup>207</sup>. О развитии коневодства в области Табал указывают также две надписи Ашшурбаналы. В обоих случаях ассирийский царь констатирует тот факт, что сам установил для Мугаллу, царя области Табал, «ежегодную дань большими лошадьми»<sup>208</sup>.

Среди центральных урартских областей северо-западного направления интенсивным развитием отличалась, по-видимому, страна *Tuaga-šinie-i-ḫubi* (арм. *Tuaratsaph*)<sup>209</sup>, расположенная у верхнего течения реки Арацани, севернее ее<sup>210</sup>. Об этом содержит интересующие нас сведения Хорхорская летопись Аргишти I. В ней под XII (?) годом (775 г. до н. э.) повествуется о покорении Туарацанской долины<sup>211</sup> (до горы

<sup>202</sup> RKTP, I, стр. 72 (=RKTP, II, стр. 24, табл. XXXVII), обор. стор., стк. 9—13; АВНИУ, § 44, (об., 7)

<sup>203</sup> Поздняя Каппадокия — PAR, стр. 73. С Табалом Э. Форрер отождествляет *Bit-Burutas* (PAR, стр. 72).

<sup>204</sup> То же, что Тинна, Тиана античных авторов — PAR, стр. 72. Из приведенного отрывка видно, что Шинухту и (А)туна являлись соседними географическими единицами в Восточной Каппадокии. Шинухту с областью Табал выступает часто — ARAB, II, § 80, 92, 99, 118, 137.

<sup>205</sup> АВНИУ, § 54 (28); ARAB, II, § 7.

<sup>206</sup> RKTP, I, стр. 72 (=RKTP, II, стр. 24, табл. XXXVII), обор. стор., стк. 9—13; ARAB, I, § 801; АВНИУ, § 44 (об., 7). Мулы, возможно, здесь относятся к другим странам?

<sup>207</sup> RKTP, I, стр. 72 (=RKTP, II, стр. 24, табл. XXXVII), обор. стор., стк. 14—15; ARAB, I, § 802; АВНИУ, § 44 (об. 17).

<sup>208</sup> SKA, I, стр. 16—17 (II, 68—73); SHA, стр. 75, стк. 22—26, АВНИУ, § 72 (II, 68—80); § 74 (22—26). ARAB, II, § 781, 848, 911.

<sup>209</sup> J. Sandaljian, ICU, стр. 428.

<sup>210</sup> Туарацатап, по мнению Н. Адонца, соответствует равнине Караяз. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, стр. 314 и прим. 1.

<sup>211</sup> Речь, по-видимому, идет не о покорении Туарацанской долины в буквальном смысле этого слова, а скорее о подавлении какого-то мятежа, вспыхнувшего в силу каких-то пока неизвестных нам причин, так как эта область в то время была неотъемлемой частью Урарту.

или страны Гурку) и Мана, вследствие чего Аргишти I угнал с территории этих стран громадное количество скота: 308 коней, 8221 голову крупного и 32 538 голов мелкого рогатого скота<sup>212</sup>. И если сопоставить это количество скота с тем, что угнал тот же Аргишти I лишь с территории Мана в предыдущем XI(?) году (776 г. до н. э.) своего правления (176 коней, 62 верблюда, 2411 голов крупного и 6140 голов мелкого рогатого скота)<sup>213</sup>, то станет вполне очевидным, что Туарацийская долина поголовьем скота не только не уступала высокоразвитой скотоводческой области приурмийского района Мана, но и заметно превышала ее. Само название *Տարածադաշտի* Tuaratsataph (букв. „Поле для пастухов“ или „Пастушье поле“) древнеармянских и *Tuarašinie-i-hubi*<sup>214</sup> урартских источников, видимо, также говорит о занятии древних жителей этой области скотоводством.

Что территории, лежащие у верховьев Арацани, в древности отличались высоким развитием скотоводства, об этом свидетельствует также Ксенофонт. У реки Телебоя (resp. Арацани) эллины подошли к какому-то дворцу и расположенным вокруг него многочисленным деревням, где было много продовольствия и всяких благ, в том числе убойный скот<sup>215</sup>.

Другие скотоводческие области северо-западного направления простирались довольно далеко от коренной территории Урарту. Таковыми являлись Днаухи (в долине реки Чорох)<sup>216</sup>, Забаха и Тариуни (между Днаухи и озером Чалдыр)<sup>217</sup>, Кулха (у юго-восточного угла Черного моря)<sup>218</sup>.

Самые ранние сведения о скотоводстве Днаухи-Дайаэни относятся ко времени правления ассирийского царя Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.), который, одержав победу над 60 царями стран Наири, в том числе над царем Дайаэни, угнал из этих стран обширные табуны коней, мулов, лошаков(?) и скот(?) из лугов «без счета». Несколько позднее Тиглатпаласар I наложил на Дайаэни и другие страны Наири дань (по-видимому, ежегодную) — 2000 голов крупного рогатого скота и 1200 коней<sup>219</sup>.

<sup>212</sup> ЭВ, VII, стр. 108—111 (V, 11—30); УКН, 127, V, 11—30.

<sup>213</sup> ЭВ, VII, стр. 106—109 (IV, 67—V, 8); УКН, 127, IV, 67—V, 8.

<sup>214</sup> Ср. *D Araša* (бог Араца); быть может, является божеством пастбищ (ср. арм. глагол *արածել* arāš-eł „пастись“). Гр. Капанцяян. Общие элементы между урартским и хеттским языками. Э., 1936, стр. 53 и прим. 2; он же *Ստորագրություններ Գրեթե, Ե.*, 1940, стр. 39.

<sup>215</sup> Ксенофонт. Анабасис. IV (IV, 7—9).

<sup>216</sup> О Днаухи (ассир. Дайаэни, Таохи античных, Тай—к древнеармянских и Тао древнегрузинских источников) подробнее см. Г. А. Меликишвили. Днаухи. ВДИ, 1950, № 4, стр. 26—42.

<sup>217</sup> О Тариуни и Забаха (Джавах—к древнеармянских, Джавах—ети древнегрузинских источников) см. Н. В. Арутюнян. Заметки по урартской эниграфике. «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1957, № 12, стр. 65—70.

<sup>218</sup> О Кулха (грузинск. Колхида) см. Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту, стр. 59—63 и др.

<sup>219</sup> АКА, I, стр. 66—70 (IV, 71—V, 1—20); АВННУ, § 10 (IV, 43); ARAB, I, § 236.

О коневодстве Дайаэни содержит также надпись Тиглатпаласара I, повествующая о сооружении храма Ану и Адада в Ашшуре. Покорив страны Наири—от Тумме до Дайаэни—ассирийский царь принимает в качестве дани упряжных коней<sup>220</sup>. Аналогичные сведения приводятся и в другой надписи того же царя<sup>221</sup>.

В дальнейшем ассирийские источники ничего конкретного не приводят относительно скотоводства Дайаэни. Известно лишь, что Салманасар III от царя Асна страны Дайаэни то захватывает большое число пленных, имущества и богатства<sup>222</sup>, то получает подать и дань<sup>223</sup>. Имея в виду факт развития скотоводства в стране Дайаэни, следует предположить, что в захваченном в этой стране Салманасаром III богатстве, дани и т. д., вероятно, определенное место занимал и скот.

Более поздние сведения о скотоводстве Днаухи-Дайаэни мы находим уже в урартских источниках. Утупурши, царь страны Днаухи, согласно надписи Менуа из Язылыташа, приносит урартскому царю золото, серебро и дань. Под словом дань (*meše*), как нам кажется, следует подразумевать главным образом скот. На это как будто бы указывает сама надпись, где несколько ниже упоминаются кони (*ANŠU·KUR·RA<sup>MEŠ</sup>*), предоставленные, по-видимому, днаухийским царем для нужд урартских войск (*LU·A·SI<sup>MEŠ</sup>*)<sup>224</sup>.

Согласно урартским источникам, скотоводство в стране Днаухи нашло свое развитие также при преемнике Менуа—царе Аргишти I. По сведениям II (?) года Хорхорской летописи (785 г.? до н. э.), урартский царь с территории Днаухи (а также из Шернази, Тариуни, Забаха, Ига(ни), Эрнахи, Абуни, Уитерухи и т. д.)<sup>225</sup> угнал 35 016 голов крупного и сто одну (?)<sup>226</sup> тысячу 829 голов мелкого рогатого скота, а также 1104 коня<sup>227</sup>.

Вполне понятно, что на основании вышеприведенного текста невозможно судить о поголовье скота, угнанного из страны Днаухи, так как в данном случае она выступает в неразрывной связи с другими областями северо-западной и северной окраины Урарту. Однако в отличие от указанного текста о скотоводстве племенного объединения Днаухи вполне обособленными сведениями располагает один из дубликатов той же Хорхорской летописи. Здесь указывается, что Аргишти I на территории могучей и обширной страны Днаухи<sup>228</sup> захватил 4426 коней, 10 (?) тысяч

<sup>220</sup> КАН, II, № 71, стк. 3—6; ARAB, I, § 275; АВНИУ, § 11.

<sup>221</sup> АКА, I, стр. 111—112 (сбор. стерт. стк. 15—17); ARAB, I, § 301—305; АВНИУ, § 12.

<sup>222</sup> ARAB, I, § 604; АВНИУ, § 27 (II, 45).

<sup>223</sup> ARAB, I, § 662; АВНИУ, § 31.

<sup>224</sup> СICh, 27, стк. 1—21; УКН, 36, стк. 1—21 и прим. 6.

<sup>225</sup> Сведения I похода этого года не сохранились.

<sup>226</sup> Цифра, указывающая на количество тысяч мелкого рогатого скота, не сохранилась.

<sup>227</sup> ЭВ, VII, стр. 86—89 (I, 5—15); УКН, 127, I, 5—15.

<sup>228</sup> В составе Днаухи здесь выступают страны Биаш(?)<sup>229</sup>, Хуша(ни), Дидини(?), Анкалани, Када, Шашилу, племена Ардаракихи, Балтулхи, Кабилухи, город Зуа(ни) и 453 других города, 105 крепостей.

478 голов крупного и 73 770 голов мелкого рогатого скота<sup>229</sup>. Мало того, царь Днаухи, после испытания горечи поражения, дополнительно преподносит Аргишти I еще 1000 верховых лошадей, 300 голов крупного и 10 тысяч<sup>230</sup> голов мелкого рогатого скота<sup>231</sup>. После всего этого урартский царь устанавливает ежегодную дань от царя Днаухи: 100 коров, 500 овец, 300 верховых лошадей, некоторое количество быков<sup>232</sup> и т. д.<sup>233</sup>.

Таким образом, Аргишти I на территории племенного объединения Днаухи приобрел в общей сложности 5426 коней, 10 778 голов крупного и 83 770 голов мелкого рогатого скота. И все это в течение лишь одного похода. К тому же сюда не входят верховые лошади, крупный и мелкий рогатый скот, которые должен был ежегодно поставлять государству Урарту царь Днаухи.

В свете этих данных мы склонны думать, что преобладающая часть скота, угнанного Аргишти I во II году своего правления, приходится, очевидно, на долю Днаухи. Весьма интересно, что против скота, угнанного в 785 г. до н. э. Аргишти I из Днаухи, Шернази, Тарнуни, Забаха, Ига(ни), Эриахи, Абуни и т. д. (сведения II года Хорхорской летописи: 35 016 голов крупного и 101 829 голов мелкого рогатого скота, 1104 коня), в данном случае (по сведениям дубликата Хорхорской летописи) мы имеем дело с 10 778 головами крупного и 83 770 головами мелкого рогатого скота, а также с 5426 конями, захваченными тем же урартским царем на территории одного лишь Днаухи.

Таким образом, сопоставление приведенных выше данных приводит нас к тому выводу, что племенное объединение Днаухи по степени развития скотоводства занимало в то время вполне обособленное место среди стран северной и северо-западной окраины. Не исключено, что из общего количества скота, угнанного урартцами во II году правления Аргишти I, около 10 тысяч голов крупного и 80 тысяч голов мелкого рогатого скота относится лишь к племенному объединению Днаухи, и тогда на долю всех остальных многочисленных стран придется не более 25 тысяч голов крупного и 30 тысяч голов мелкого рогатого скота. Что же касается коней, то сопоставление цифр Хорхорской летописи (Днаухи и другие страны—1104 коня) и дубликата этой летописи (только Днаухи—5426 коней) показывает, что остальные страны, выступающие под II годом Хорхорской летописи, очевидно, не имели никакой или, во всяком случае, заметной доли в угнанных конях, ибо число захваченных коней в одном лишь Днаухи, как видно, примерно в пять раз больше, чем число коней, захваченных в 785 г. до н. э. в Днаухи и других странах вместе взятых. Поэтому можно полагать, что в хозяйстве других стран северо-западной и северной окраины государства Урарту (Тарнуни, Забаха, Ига(ни) и т. д.) коневодство не занимало особого места. В самом деле, нам известно, например, что Аргишти I в XIV(?) году своего прав-

<sup>229</sup> Г. А. Меликишивили. УКН, 128В1, стк. 1—16.

<sup>230</sup> Количество десятков тысяч (anbi) не сохранилось.

<sup>231</sup> УКН, 128В1, стк. 21—22.

<sup>232</sup> Количество быков не сохранилось.

<sup>233</sup> УКН, 128В1, стк. 23—25.

ления (773 г. до н. э.) угнал с территории Тариуни только 25 коней<sup>234</sup>. Все это может служить ярким доказательством того, что Днаухи являлась одним из прославленных центров коневодства на северо-западной периферии Ванского царства. Да и по количеству крупного и мелкого рогатого скота она занимала вполне обособленное место не только среди стран северо-западной окраины, но и на всей обширной территории государства Урарту<sup>235</sup>.

Данные ассирийских и урартских надписей о скотоводстве Дайаэни-Днаухи подтверждаются отчасти также античными источниками. Ксенофонт здесь сталкивался с потомками днаухийцев под сходным названием «таохи», у которых «...в домах находились козы, овцы, коровы и птицы со своими детенышами: весь скот питался в домах сеном»<sup>236</sup>. На этой территории выращивали также коней, чтобы поставлять их в качестве дани персидскому царю<sup>237</sup>. Ксенофонт одновременно свидетельствует, что у тахов греческими наемниками «...было захвачено очень мало людей, но много рогатого скота, ослов и овец»<sup>238</sup>.

Выше мы уже видели, что ассирийские источники сплошь и рядом свидетельствуют об интенсивном развитии коневодства в Наири-Урарту. При этом под названием Наири очень часто они подразумевают обширную территорию от Тумме до Дайаэни. В Днаухи-Дайаэни, как свидетельствует Ксенофонт, и позднее выращивались кони для персидского царя. К этому следует лишь добавить, что о развитии коневодства в древней Армении приводит некоторые сведения также античный географ Страбон (I в. до н. э.), который отмечает:

«Как эта страна (Мидия.—Н. А.), так и Армения имеют превосходные луга для лошадей. Лугом для лошадей называется и тот, через который переходят из Персиды и Вавилона до Каспийских ворот; на этом лугу во время персидского господства паслось, как говорят, пятьдесят тысяч кобылиц: это были царские стада. Кроме того, некоторые утверждают, что здесь родина несайских лошадей, самых лучших и самых

---

<sup>234</sup> УКН, 127, V, 71—VI, 9. Правда, в этом году покорилась также страна Урме (к западу от Ванского озера), однако вполне вероятно, что она в указанных копиях не имела никакой доли. Ср. стб. А, стк. 22—25 Сардуровской летописи, где в числе угнанного из Урме скота кони вовсе отсутствуют.

<sup>235</sup> Г. А. Меликишвили склонен думать, что рассмотренный выше отрывок Хорхорской летописи (УКН, 127, I, стк. 2—16) и дубликат той же летописи (УКН, 128В1) повествуют, по-видимому, об одних и тех же событиях (I или II года правления Аргишти I)—см. УКН, стр. 243. Однако нам кажется, что здесь мы имеем дело с разными походами. Иначе мы не стали бы очевидцами такого положения, чтобы количество коней, захваченных лишь в Днаухи (5426—УКН, 128В1, стк. 13, 21), явно преобладало над конями, захваченными не только в Днаухи, но и в целом ряде других стран (1101—УКН, 127, I, стк. 15). вполне понятно, что при наличии в упомянутых текстах описания одних и тех же событий, мы имели бы дело с обратным явлением.

<sup>236</sup> Ксенофонт. Анабасис. IV (V, 25—26).

<sup>237</sup> Ксенофонт. Анабасис. IV (V, 34).

<sup>238</sup> Там же, IV (VII, 14).

Несколько ниже Страбон добавляет: «В состав Армен Фавена, Комисена и Орхистена, доставляющая большую конницу»<sup>240</sup>. Или же: Армения «...имеет прекрасные пастбища для лошадей, в чем она не уступает Мидии, так что несайские лошади служили персидским царям, воспитываются и здесь, а армяне посылал Персу ежегодно до 20 тысяч жеребят для праздника». С другой стороны, Артавазда выставил перед Антонием, когда он был в Мидию, кроме конницы, еще 6000 лошадей в панцирях».

Нам кажется, что некоторая часть армянской конницы, свидетельствует Страбон, выращивалась на территории истмиса Днаухи (антич. Таохи), тем более что Ксенофонт прямо указывает на это (см. выше).

Другим развитым скотоводческим центром северо-западной Грузии была область Кулха (грузинск. Колхида). По сведениям грузинской летописи, урартийцы с территории Кулха (а также Абилинды)<sup>242</sup> угнали 6 (?)<sup>243</sup> тысяч 90 голов крупного и 10 897 голов мелкого рогатого скота, а также 65 коней<sup>244</sup>. Несколько позже (через Сардури II снова оказывается на территории Кулха (а также Абилинды) и захватывает здесь 1500 коней, 17 300 голов крупного и 10 897 голов мелкого рогатого скота<sup>245</sup>.

В связи с вышеприведенными сведениями бросается в глаза расхождение в поголовье скота, особенно в данных о количестве коней, угнанных из Кулха. В одном случае указывается, что было угнано 65 коней (когда Кулха выступает с Абилинды), а в другом — 17 300 коней (когда Кулха и Уитерухи). Поэтому возникает вопрос: уместно ли такое сильное увеличение количества коней за счет Уитерухи? Однако урартские письменные источники полностью не подтверждают такое предположение. Известно, например, что когда Кулха выступает вместе с многочисленными странами северной Грузии (Ига(ни), Эриуни, Луша, Катарза и т. д. и т. п.), то количество коней варьируется от 65 до 17 300.

<sup>239</sup> Страбон. География в семнадцати книгах (перевод Ф. Г. Милютина), М., 1879, стр. 535.

<sup>240</sup> Там же, стр. 538.

<sup>241</sup> Там же, стр. 540.

<sup>242</sup> Походы этого года произошли не раньше 750 г. и не позднее 748 г. А. Мельник и Швиц. Наир-Урарту, стр. 226.

<sup>243</sup> Н. Я. Марр восстанавливает VI (АЭВ, стр. 47, стб. С, стк. 16). М. [VI?] (НИИ, стр. 10, стк. 16). На фотоснимке надписи заметны лишь два вертикальных клина (один над другим) этого знака. Впрочем, восстановление VI, на наш взгляд, может быть правдоподобным.

<sup>244</sup> АЭВ, стб. С, стк. 1—16; НИИ, С, 1—16. Ср. УКН, 155С, 1—16. Здесь также страна Хуша(ни), однако в то время она была, по-видимому, частью Кулха.

<sup>245</sup> НИИ, стр. 12—15 (D, 3—40); УКН, 155D, стк. 3—40.

ду несколькими сотнями<sup>246</sup> и 1104<sup>247</sup>. Картина сильно изменяется, когда вместе с Уитерухи выступает приурмийская область Мана (около 1200 коней)<sup>248</sup>, которая, как известно, отличалась высоким развитием коневодства и скотоводства<sup>249</sup>. Следовательно, приведенное выше большое число коней не могло относиться к стране Уитерухи.

Но что же тогда могло быть? Как же объяснить приведенные цифры? Неужели за весьма короткий промежуток времени (около 6—7 лет) коневодство в Кулха могло пережить столь бурное развитие (ср. цифры 65 и 1500). В этой связи единственно возможным нам кажется предположение с том, что в первом случае Сардури II имел дело, по-видимому, с коренной (первоначальной) территорией Кулха, в то время как во втором—также с некоторыми другими соседними странами, включенными впоследствии, вероятно, в состав Кулха. К числу таких стран, на наш взгляд, прежде всего следует отнести Днаухи, так как известно, что ко времени правления Сардури II это некогда могучее племенное объединение больше не упоминается. Известно также, что в период правления отца Сардури II—царя Аргишти I Днаухи отличался весьма высоким развитием коневодства и вообще скотоводства. Ведь только во время одного своего похода этот урартский царь в Днаухи приобрел 5426 коней. Таким образом, на основании сказанного мы склонны думать, что угнанное Сардури II большое количество лошадей (1500) следует отнести к Кулха, а также к некоторым территориям исторического Днаухи, которые, вероятно, позже выступали в составе Кулха<sup>250</sup>.

В настоящем разделе остается еще рассмотреть состояние скотоводства некоторых других стран северо-западной периферии: Забаха и Тариуни. О стране Забаха урартская эпиграфика располагает лишь одним единственным фактом: во II году(?) Хорхорской летописи (785 г. до н. э.) она выступает с Тариуни и некоторыми другими странами северо-западной и северной окраин. С территориями Забаха и Тариуни, а также из ряда других стран<sup>251</sup> Аргишти I угнал 1104 коня, 35 016 голов крупного и свыше 101 тысячи<sup>252</sup> голов мелкого рогатого скота<sup>253</sup>.

<sup>246</sup> УКН, 20, лиц. стор., стк. 37, обор. стор., стк. 16. Количество сотен не сохранилось; следует поврежденный наполовину знак [М]Е «сто» и цифра 26.

<sup>247</sup> УКН, 127, I, стк. 5—15. Здесь фигурирует также племенное объединение Днаухи, которое, как известно, обладало весьма крупными табунами коней (об этом см. выше).

<sup>248</sup> ЭВ, VII, стр. 112—115 (V, 38—66). Количество десятков (единиц?) не сохранилось.

<sup>249</sup> Об этом подробно сказано выше—см. стр. 136—141.

<sup>250</sup> Некоторые северные области племенного объединения Днаухи ко времени правления Сардури II были включены, вероятно, в состав Кулха, а южные—в состав Урарту. Ср. Г. А. М е л и к ш в и л и. Днаухи. ВДИ, 1950, № 4, стр. 41.

<sup>251</sup> Здесь упоминаются также страны Днаухи, Шернази, Биа(ши), Хуша(ши), Ига(ни), Эрпахи, Абуни, Уитерухи и т. д. При этом сведения I(?) похода этого года не сохранились.

<sup>252</sup> Количество тысяч сохранилось неполностью—ЭВ, VII, стр. 88 и прим. 2.

<sup>253</sup> ЭВ, VII, стр. 86—88 (I, 5—15); УКН, 127, I, стк. 5—15. Большую часть скота, угнанного в этом году, на наш взгляд, следует отнести к племенному объединению Днаухи (об этом см. выше).

В дальнейшем страна Тариуни, в связи с угоном с ее территории скота, упоминается спустя пять лет — в VII(?) году Хорхорской летописи (780 г.? до н. э.). Отсюда, а также из некоторых приурмийских стран (Бушту, Арха, Шатирарагани(?) и т. д.) Аргинти I угнал 606 коней, 184 двугорбых верблюда<sup>254</sup>, 6257 голов крупного и 33 203 головы мелкого рогатого скота<sup>255</sup>.

Последние сведения о скотоводстве Тариуни относятся к XIV(?) году Хорхорской летописи (773 г.? до н. э.). С территории Тариуни, а также из Урме<sup>256</sup> в данном году Аргинти I угнал 25 коней, несколько тысяч<sup>257</sup> 744 головы крупного и 48 825 голов мелкого рогатого скота<sup>258</sup>. Если сопоставить эти цифры с количеством угнанного позже Сардури II из Урме скота (2538 голов крупного и 8000 голов мелкого рогатого скота)<sup>259</sup>, то станет вполне очевидным, что из указанного выше громадного количества скота (48 825) основная часть приходится на долю интересующей нас страны Тариуни. Что же касается коней, то, хотя и в ничтожном количестве (всего 25), все же они были захвачены, по всей вероятности, в Тариуни. Это подтверждается тем, что Сардури II, по сведениям его летописи (А, стк. 24—25), с территории Урме угнал лишь крупный и мелкий рогатый скот. Об обширности, по сравнению с Урме, территории Тариуни и, следовательно, о больших возможностях развития здесь скотоводства косвенным образом намекает также количество плененных людей: когда Урме выступает отдельно (Сардуровская летопись), то число пленных составляет 9600 человек<sup>260</sup>, а когда вместе с Тариуни — 34 813<sup>261</sup>. Еще большее расхождение мы отметили выше в поголовье угнанного мелкого рогатого скота с территории Урме (8000) и совместной территории Тариуни-Урме (48 825). Все это с достаточной убедительностью показывает, что Тариуни<sup>262</sup> в VIII веке до н. э. был одним из наиболее развитых скотоводческих центров на северо-западной периферии Урарту.

---

<sup>254</sup> В числе этих верблюдов Тариуни, очевидно, не имела никакой доли, так как урартские источники в целом подтверждают, что северные страны не занимались выращиванием данного вида скота. Тариуни, по всей вероятности, не имела сколько-нибудь ощутительной доли также в захваченных конях, ибо, как увидим ниже, позже Сардури II угнал оттуда всего 25 коней.

<sup>255</sup> ЭВ, VII, стр. 98—101 (III, 20—43); УКН, 127, III, стк. 20—43.

<sup>256</sup> К западу (пого-западу) от Ванского озера, рядом с Шуприей.

<sup>257</sup> Количество тысяч не сохранилось.

<sup>258</sup> ЭВ, VII, стр. 114—117 (V, 70—81 и VI, 1—9); УКН, 127, те же столбцы и строки.

<sup>259</sup> NH, стр. 4—5 (А, 22—25); УКН, 155, А, стк. 22—25.

<sup>260</sup> АЭВ, стр. 42—43 (А, стк. 23—24); УКН, 155, А, стк. 23—24.

<sup>261</sup> ЭВ, VII, стр. 116—117 (VI, 8). Цифра УС (500) в нашей публикации является опечаткой; должно быть — VIIIС (800). Ср. УКН, 127, VI, 8. С другой стороны, вместо восстановленного нами [XXX]М (30 000) Г. А. Меликшвили предлагает [XX]М (20 000).

<sup>262</sup> О возможной локализации Тариуни см. Н. В. Арутюнян, Заметки по урартской синграфике, «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1957, № 12, стр. 65—70.

Таким образом, к западу (и юго-западу) от Ванского озера развитыми скотоводческими центрами являлись: Шуприа, Урме, Мелитеа, Табал и т. д., у верховьев Арацани—Туарацийская долина, на крайнем северо-западе (от долины Чороха до юго-восточного угла Черного моря, с одной стороны, и до озера Чалдыр—с другой)—Диаухи, Кулха, Тариуни, Забаха и т. д. В этом отношении среди них отличались Шуприа, Табал, Туарацийская долина, Диаухи, Кулха и Тариуни.

#### 4. СКОТОВОДСТВО СЕВЕРНЫХ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ

В отличие от западных и северо-западных, скотоводство северных и северо-восточных областей представлено не только письменными источниками, но и археологическим материалом.

Урартские письменные источники свидетельствуют о том, что к северу от озера Ван скотоводством в то время занималось население областей Абилиани<sup>263</sup>, Этиуни<sup>264</sup>, Абуни<sup>265</sup>, Эриахи<sup>266</sup>, Уитерухи<sup>267</sup>, Ига(ни)<sup>268</sup> и т. д.

О скотоводстве Абилиани, Этиуни и т. д.<sup>269</sup> приводятся соответствующие сведения под III(?) годом Хорхорской летописи (784 г. до н. э.). С территорий этих стран и племен Аргишти I, по далеко не полным данным, угнал свыше 1280 коней, 126 тысяч голов мелкого рогатого скота и т. д.<sup>270</sup>. Следует иметь в виду, что эти сведения не дают конкретного представления о скотоводстве Абилиани, Этиуни и целого ряда других, отдельно взятых, стран, так как данные о скотоводстве приводятся в них в суммарном виде. Мало того, эти сведения, в силу имеющихся повреждений, дошли до нас неполностью.

Однако в связи, например, с Абилиани привлекает наше внимание один из отрывков Сардуровской летописи, где эта страна выступает отдельно и на ее территории урартский царь захватил 500 коней, 8560 голов крупного и 25 170 голов мелкого рогатого скота. При этом угнанный

<sup>263</sup> Древнеармянская область Абегаанк у верховьев Аракса—ИЛТДА, стр. 5.

<sup>264</sup> Племенное объединение, территория которого простиралась, по-видимому, с района Карса вплоть до северо-западного побережья оз. Севан.

<sup>265</sup> Древнеармянская область Навини-кх—Н. В. Арутюнян. «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1957, № 12, стр. 70—74.

<sup>266</sup> Район города Лениакана (древнеармянская область Ширак?).

<sup>267</sup> Между Эриахи и Абуни—Н. В. Арутюнян. «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1957, № 12, стр. 72—74.

<sup>268</sup> Или Ийа(ни)? в районе озера Чалдыр—Г. А. Меликишвили. УКН, стр. 430; Н. В. Арутюнян, «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1957, № 12, стр. 74—76.

<sup>269</sup> Здесь упоминаются также Аништирга, Куарза(ни), Ултуза(ни), Умеку(?), Урийани, Теиртуби(?), Курупира, Тарра(?), Артарму и т. д.

<sup>270</sup> Количество коней и мелкого рогатого скота повреждено частично, а количество крупного рогатого скота—полностью. УНК, 127, 1, стк. 17—11, стк. 2; ср. ЭВ. VII, стр. 88—91, те же столбцы и строки.

из Абилиани скот, как гласит текст летописи, не ограничивается приведенными данными. Это количество скота досталось лишь урартскому царю, в то время как забрали здесь скот также вонны, которые угнали его отдельно, когда Сардури II покидал Абилиани<sup>271</sup>.

О скотоводстве Абилиани и ряда других стран (Абуни, Ига(ни) и многочисленные племена Севанского бассейна) содержит весьма интересные сведения другой отрывок Сардуровской летописи, согласно которому на этой обширной территории урартийцы в течение лишь одного похода<sup>272</sup> захватили 3500 коней, 40 353 головы крупного и 214 700 голов мелкого рогатого скота<sup>273</sup>. Следует полагать, что среди этого громадного количества скота какая-то часть принадлежала стране Абилиани, если иметь в виду, что тот же Сардури II несколько раньше угнал отсюда 500 лошадей, свыше восьми с половиной тысячи голов крупного и более 25 тысяч голов мелкого рогатого скота (см. выше)<sup>274</sup>.

О скотоводстве Абуни мы только что говорили в связи с Абилиани. Здесь следует лишь добавить, что об этой стране мы располагаем также некоторыми сведениями раннего периода. Под II(?) годом Хорхорской летописи (785 г.? до н. э.) Абуни в связи с захватом скота выступает вместе с Днаухи, Тариуни, Ига(ни) и некоторыми другими странами северо-западной и северной периферии. С территорий этих стран Аргишти I угнал 1104 коня, 35 016 голов крупного и свыше 100 тысяч голов мелкого рогатого скота. Имея в виду, что Днаухи, Тариуни (о которых речь шла выше)<sup>275</sup> и Ига(ни) (=Ийа(ни) были высокоразвитыми скотоводческими центрами, следует полагать, что угнанный из Абуни скот составлял сравнительно небольшое количество.

Что касается Ийа(ни) (resp. Ига-ни?)<sup>276</sup>, то о скотоводстве этой страны приводятся соответствующие сведения также под VIII(?) годом Хорхорской летописи (779 г.? до н. э.). Здесь Ийа(ни) выступает вместе с приурмийскими странами Мана и Бушту, притом на территории всех этих трех стран Аргишти I захватил свыше 790 коней<sup>277</sup>, 22 529 голов

<sup>271</sup> АЭВ, XI, стб. II, стк. 35—41; NH1, стр. 10(С, 35, 41); УКН, 155С, стк. 35—44.

<sup>272</sup> Данный поход был совершен не раньше 743/742 и не позже 741/740 гг. до н. э.— Г. А. Меликишвили. Наирн-Урарту, стр. 229.

<sup>273</sup> АЭВ, XIII (F, стк. 4—31); NH1, стр. 20—22 (F, 4—31); УКН, 155F, 4—31.

<sup>274</sup> Быть может, с Абилиани следует отождествлять Абнани (с пропуском слога II— см. Н. В. Арутюнян. «Известия АН АрмССР (общ. науки)», 1957, № 12, стр. 67, прим. 5, и тогда часть скота (8525 голов крупного и 18 000 голов мелкого рогатого), угнанного в 751 или 750 гг. (?) до н. э., следует отнести к Абилиани (=? Абнани)—АЭВ, XIV (А, стк. 13—21); УКН, 155А, 13—21. Ср. NH1, стр. 4—5 (А, 13—21), где количество крупного рогатого скота (стк. 21) ошибочно расшифровано 8535. Абнани в данном случае выступает в связи с Этиуни, в то время как в других текстах Этиуни упоминается вместе с Эрнахи—УКН, 127, V, стк. 47—48; 155F, стк. 4—5.

<sup>275</sup> См. стр. 160—163, 165—167 настоящей работы.

<sup>276</sup> К вопросу о возможности отождествления этих названий см. Н. В. Арутюнян. Хорхорская летопись Аргишти I, царя Урарту (автореферат диссертации). Л., 1951, стр. 16—17; он же, Заметки по урартской эпиграфике, «Известия АН АрмССР (общ. науки)», 1957, № 12, стр. 74—76.

<sup>277</sup> Количество единиц не сохранилось.

крупного и 36 830 голов мелкого рогатого скота<sup>278</sup>. И если сопоставить эти сведения с данными X(?) года Хорхорской летописи (777 г.? до н. э.), согласно которым Аргишти I из Мана и Бушту (а также из некоторых других подвластных им стран) угнал 290 коней, 4909 голов крупного и 19 550 голов мелкого рогатого скота<sup>279</sup>, то получится, что в Ийа(ни), Мана и Бушту (VIII год Хорхорской летописи), по сравнению с данными X года той же летописи (здесь упоминаются Мана и Бушту), было захвачено больше: коней—примерно в три раза, крупного рогатого скота—около четырех с половиной раз, мелкого рогатого скота—почти в два раза. Поэтому мы склонны думать, что преобладающую часть скота, угнанного урартийцами в 779 г. (?) до н. э. (VIII год Хорхорской летописи), следует отнести к стране Ийа(ни). Все это с достаточной наглядностью показывает, что страна Ийа(ни) северной периферии поголовьем скота не только не уступала известным скотоводческим центрам приурмийского района Мана, Бушту и т. д.<sup>280</sup>, но и во многом превосходила их<sup>281</sup>.

Последние сведения о скотоводстве Ига(ни) (Ийа-ни?) относятся к третьей четверти VIII в. до н. э. Ига(ни) в данном случае выступает в числе многих стран бассейна реки Аракс (Пузунна, Эрпахи, Иштелуани, Каднани, Абуни, Абилиани) и озера Севан (Уелику(ни) или Уелику(хи), Аркукини, Адахуни, Луипруни, Эшумуа, Камни(у), Куалбани, Ухуни, Териани). С территорией перечисленных стран Сардури II за один год<sup>282</sup> угнал 3500 коней, 40 353 головы крупного и 214 700 голов мелкого рогатого скота<sup>283</sup>. Для выяснения места Ига(ни) среди названных выше стран, ее доли в общем количестве угнанного скота надо обратить внимание на следующие обстоятельства: из этих стран лишь Ига(ни) с царем Капури(ни) выступает в заглавной декларации данного года, притом в связи с ней упоминаются 35 крепостей и 200 городов, в то время как в связи с многочисленными высокоразвитыми скотоводческими странами Севанского бассейна упоминаются всего 25 крепостей и 120 городов. Мало того, соседние с Ига(ни) с юго-запада страны Тариуни и Забаха в период правления Сардури II больше не упоминаются в урартских источниках. Поэтому нам кажется, что они могли быть включены в

<sup>278</sup> ЭВ, VII, стр. 100—103 (III, 46—71—IV, 1—8); УКН, 127, те же столбцы и строки.

<sup>279</sup> УКН, 127, IV, стк. 42—62=128B2, стк. 14—34.

<sup>280</sup> Ср. также сведения IX(?) года Хорхорской летописи: из Мана и Иркиуни было угнано 286 коней, 2251 голова крупного и 8205 голов мелкого рогатого скота; или же сведения XI(?) года той же летописи: из Мана было угнано 170 коней, 2411 голов крупного и 6140 голов мелкого рогатого скота.

<sup>281</sup> Вообще известно, что юго-восточные области, в том числе Мана, Бушту и т. д. поголовьем скота уступали странам северной периферии. Следовательно, приведенный факт также косвенным образом подтверждает наше мнение об отождествлении Ийа(ни) с Ига(ни) и о локализации этой страны на северной периферии—в районе озера Чалдыр.

<sup>282</sup> Походы данного года совершались не раньше 742/741 и не позднее 740/739 гг. до н. э.—Г. А. Мелюкшивили. Наирн-Урарту, стр. 229.

<sup>283</sup> УКН, 155F, стк. 6—31; ср. НИИ, стр. 20—23 (F, 6—31).

состав Ига(ни)<sup>284</sup>. Все это приводит нас к тому выводу, что из упомянутого выше громадного количества скота некоторую часть следует отнести к стране Ига(ни) и подвластным ей территориям, тем более что она и в период правления Аргишти I была одной из развитых скотоводческих областей на северной периферии Урарту<sup>285</sup>.

Рассмотрим теперь сведения, относящиеся к скотоводству страны Эрнахи, племенного объединения Этнуни, а также некоторых второстепенных областей.

Эрнахи в связи с захватом на ее территории скота выступает в двух выдающихся памятниках урартской эпиграфики—в летописях Аргишти I и Сардури II. Самые ранние сведения о скотоводстве этой страны относятся ко II(?) году Хорхорской летописи (785 г.? до н. э.). Из Эрнахи и ряда других стран северной и северо-западной периферии (Днаухи, Шериази, Тариуни, Забаха, Ига(ни), Абуни и т. д.) Аргишти I в данном году угнал 1104 коня, 35 016 голов крупного и 101 тысячу 829 голов мелкого рогатого скота<sup>286</sup>. Затем через 11 лет (774 г.? до н. э.) Аргишти I снова появляется на территории Эрнахи и ряда других стран (Мана, Этнуни, Катарза и т. д.) и захватывает около 1200 коней, 29 504 головы крупного и свыше 60 тысяч голов мелкого рогатого скота<sup>287</sup>.

Более конкретные сведения о скотоводстве Эрнахи приводятся в летописи Сардури II. Здесь повествуется об угоне в Бианини(ли) стада скота (*niribi didguši*) этой страны<sup>288</sup>. Несколько ниже приводятся также сведения о захвате 1613 коней, 115 верблюдов, 16 529 голов крупного и 37 685 голов мелкого рогатого скота в Эрнахи и Пулуади<sup>289</sup>. Трудно разграничить эти данные между Эрнахи и Пулуади, однако мы уверены, например, в том, что Эрнахи не имела никакой доли в угнанных верблюдах, так как северные области, как нам удалось проследить в урартских источниках, вообще не занимались выращиванием данного вида скота.

В другой раз Сардури II угнал из Эрнахи и Мана 412 коней, 6665 голов крупного и 25 735 голов мелкого рогатого скота<sup>290</sup>. В данном случае мы располагаем, пожалуй, единственным фактом среди урартских источников, на основании которого можно получить более или менее конкретное представление об уровне развития скотоводства в Эрнахи.

---

<sup>284</sup> Н. В. Арутюнян. Заметки по урартской эпиграфике. «Известия АН АрмССР (общест. науки)», 1957, № 12, стр. 12, стр. 70 и прим. 3.

<sup>285</sup> См. стр. 168—169 настоящей работы.

<sup>286</sup> ЭВ, VII, стр. 86—89 (I, 5—15); УКН, 127, I, 5—15.

<sup>287</sup> ЭВ, VII, стр. 110—115 (V, 33—67); УКН, 127, V, 33—67. Количество коней и мелкого рогатого скота сохранилось неполностью.

<sup>288</sup> УКН, 155С, стк. 25—33; ср. НИИ, стр. 10—11 (С. 25—33).

<sup>289</sup> УКН, 155Е, стк. 9—33; НИИ, стр. 17—19 (Е, 9—33). Пулуади локализуется согласно надписи Сардури II, обнаруженной в Иранском Азербайджане — см. *Mohammad Javād Maschkur, The history of Urartu nation and discovery of an Urartu inscription in Iranian Azerbaijan, Tehran, 1953*. Расшифровку этой надписи дал Г. А. Меликишвили — ВДИ, 1960, № 3, стр. 3—11; УКН, стр. 453—454 (№ 13).

<sup>290</sup> НИИ, стр. 6—9 (В, 14—49); УКН, 155В, стк. 14—49.



голов мелкого рогатого скота<sup>298</sup>. Несколько позже в Этиу(ни) захватывает коней<sup>299</sup> и 7616 голов крупного рогатого скота царь Менуа<sup>300</sup>. Если эти последние сведения относятся лишь к Этиу(ни)<sup>301</sup>, то в данном случае мы располагаем единственным конкретным фактом о поголовье скота этой страны. Между прочим, судя хотя бы по количеству крупного рогатого скота, мы склонны думать, что здесь, по всей вероятности, речь шла об угоне скота лишь только с территории Этиу(ни).

Дальнейшие сведения о скотоводстве Этиу(ни) относятся уже ко времени правления сына Менуа—Аргишти I. Под V(?) годом летописи этого царя (782 г. до н. э.) повествуется о захвате скота в Этиу(ни), а также в Ки(е)хуни, Убурда, Уишуши(ни) и Хахи(а)<sup>302</sup>: 232 коня, несколько тысяч голов крупного<sup>303</sup> и 11 626 голов мелкого рогатого скота<sup>304</sup>.

Еще сложнее обстоит дело с XIII(?) годом Хорхорской летописи, где данные о скотоводстве Этиу(ни) выступают в неразрывной связи с Ардини-Мусасиром, Мана—юго-восточного и Эриахи, Катарза, Ишкигулу, Уитерухи—северного направления. С территории этих стран Аргишти I в 774 г. (?) до н. э. угнал свыше 1200 коней<sup>305</sup>, 29 504 головы крупного и более 60 тысяч голов мелкого рогатого скота<sup>306</sup>.

Последние сведения о скотоводстве Этиу(ни) относятся ко времени правления Сардури II. Согласно его летописи, урартийцами однажды<sup>307</sup> захватывается скот Этиуни, а также Лики(у) и некоторых других племен (Абиани, Иркуанин, Уеирданин)—8525 голов крупного и 18 000 голов мелкого рогатого скота<sup>308</sup>. Здесь, как видно, вместе с Этиуни упоминаются второстепенные племена, поэтому вполне вероятно, что это количество скота относилось в основном к могучему племенному объединению Этиу(ни). На это как будто намекает рассмотренная несколько выше надпись Менуа из Тарра, согласно которой только(?) с территории Этиу(ни) было угнано 7616 голов крупного рогатого скота.

Скотоводство Этиу(ни) представлено также некоторыми археологическими материалами, обнаруженными в районах Кировакана и Дилиджана<sup>309</sup>. Так, в некоторых погребениях местечка «Димаци тах» (в

<sup>298</sup> ССЧ, 13, лиц. стор., стк. 28—39, обор. стор., стк. 10—17; УКН, 20, те же строки.

<sup>299</sup> Количество коней уничтожено полностью.

<sup>300</sup> ССЧ, 30, стк. 2—4; УКН, 38, стк. 2—4.

<sup>301</sup> Данная надпись дошла до нас в сильно разрушенном виде.

<sup>302</sup> В заглавной декларации данного года фигурируют лишь Этиу(ни) и Ки(е)хуни, поэтому нам кажется, что основными объектами покорения здесь являлись упомянутые страны. Что касается других стран, то они, вероятно, относятся к Этиу(ни).

<sup>303</sup> Количество тысяч не сохранилось, следует цифра 803.

<sup>304</sup> УКН, 127, II, стк. 25—48. Ср. ЭВ, VII, стр. 94—97 (II, 25—48).

<sup>305</sup> Количество коней и мелкого рогатого скота сохранилось неполностью.

<sup>306</sup> ЭВ, VII, стр. 111—118 (V, 33—67); УКН, 127, V, 33—67.

<sup>307</sup> Походы данного года совершались в 751 или 750 гг. (?) до н. э.—Г. А. Мелник и Ш. И. И., Наирн-Урарту, стр. 225—226.

<sup>308</sup> УКН, 155А, стк. 13—21. Ср. НИИ, стр. 2—4 (А, 13—21).

<sup>309</sup> Нам кажется, что эти районы в то время были включены в состав Этиу(ни), так как урартийцы после покорения Этиу(ни) оказываются, обычно, на территории Удурн-Этиу(ни) (бассейн озера Севан).

1,5 км к востоку от Кировакана) были обнаружены скелеты и отдельные кости крупного рогатого скота, а также маслобойки<sup>310</sup>. Затем интересный материал по коневодству в раннеурартийский период истории Армении дали раскопки погребений недалеко от сел. Макарашен (у проселочной дороги Кировакан—Макарашен). В одном из них был найден лошадиный череп, а в другом—части конского убора, состоящего из бронзовых удила и нащечных блях. Они, как установил А. А. Мартиросян, принадлежат к известному на древнем Востоке типу удила, получивших широкое распространение в IX—VIII вв. до н. э. в материальном производстве ассирийцев и урартийцев. Аналогичные удила известны и по раскопкам Тейшебани<sup>311</sup>.

Некоторые материалы, связанные со скотоводством, были обнаружены также при раскопках в Головино (около Дилижана). Так, известны: глиняная маслобойка<sup>312</sup>, железный серп<sup>313</sup>, точильные камни с железными<sup>314</sup> и бронзовыми<sup>315</sup> кольцами, каменная головка веретена<sup>316</sup>, череп домашнего поросенка<sup>317</sup> и других животных<sup>318</sup>. Приведенные материалы А. А. Мартиросяном были датированы VII—VI вв. до н. э.<sup>319</sup>.

Скотоводство в эпоху Урарту нашло интенсивное развитие также на Араратской равнине и в бассейне озера Севан.

Скотоводство Араратской равнины представлено археологическими материалами, добытыми в урартских крепостях Эребуни и Тейшебани. В Эребуни были найдены костные остатки домашних животных—одногорбого верблюда<sup>320</sup>, баранов, коз, свиней, крупного рогатого скота, копытных, собаки, а также диких животных—дикого козла и зайца (определение С. К. Даля)<sup>321</sup>. Костные остатки последних свидетельствуют о том, что урартийцы занимались также охотой, некоторые сцены которой изумительно хорошо представлены на фрагментах бронзовых поя-

<sup>310</sup> Эти материалы не поддаются точной датировке. К. Г. Кафадарян полагает, что они, возможно, относятся к XII—X вв. до н. э.— *Կ. Գ. Կաֆադարյան, Գաֆարյանների պեղումներ Կիրովականում*, «Известия Армянского филиала АН СССР», 1941, № 3—4 (8—9), стр. 57—60, 63, 68.

<sup>311</sup> А. А. Мартиросян. Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода. «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1956, № 9, стр. 65, 73—74.

<sup>312</sup> Раскопки А. О. Мнацаканяна. Исторический музей АН АрмССР, инв. 1901/14.

<sup>313</sup> Там же, инв. 1901/54.

<sup>314</sup> Там же, инв. 1901/71.

<sup>315</sup> Раскопки А. А. Мартиросяна. Там же, инв. 1902/25.

<sup>316</sup> Там же, инв. 1902/35.

<sup>317</sup> А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Е., 1954, стр. 36.

<sup>318</sup> Остеологические остатки животных пока что полностью не исследованы.

<sup>319</sup> А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Е., 1954.

<sup>320</sup> Два скелета верблюдов были найдены также в кургане № 91, раскопанном около сел. Карабулак (Азерб. ССР), примерно в 10 км к юго-востоку от Кедабека—А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК—VI, М., 1911, стр. 158—164.

<sup>321</sup> И. М. Лосева. Раскопки цитадели урартского города Ирпуни. КСИИМК АН СССР, 1955, вып. 58, стр. 51—52.

сов (рис. 36), обнаруженных в Нор-Арешском колумбарии (у подножья Эребуни)<sup>322</sup>. Здесь были найдены также бронзовые удила<sup>323</sup>.

Несравненно обилён костный материал, обнаруженный при раскопках Тейшебани. Любопытно, что раскопки городских кварталов отчет-

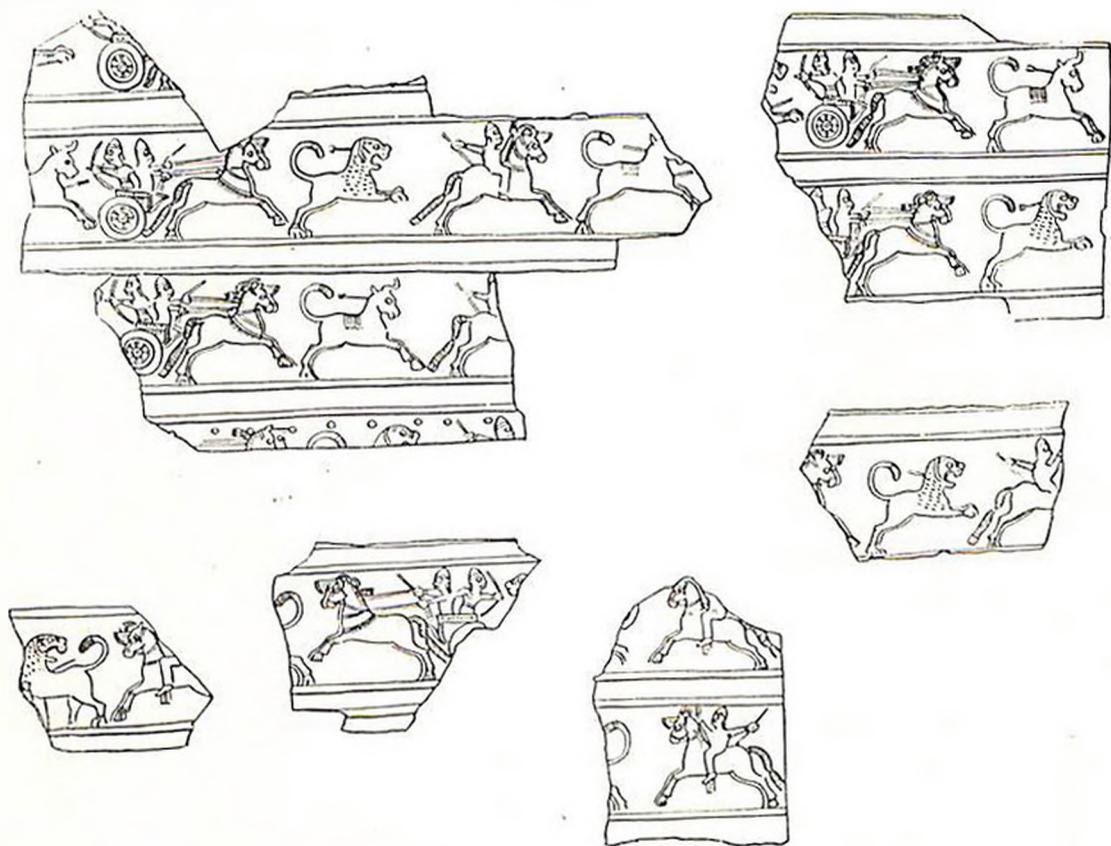


Рис. 36. Фрагменты бронзовых поясов со сценой охоты. Колумбарий из Нор-Ареша (около Ари-берда).

ливо указывают на скотоводческое занятие туземного населения еще до прихода урартийцев. В доурартском слое Тейшебани были найдены костные остатки ряда домашних животных: коровы (*Bos indicus*), вола (*Bos taurus*), козы (*Capra domestica*), свиньи (*Sus scrofa* L.), лошади (*Equus Caballus* L.), осла (*Equus Asinus* L.). Кроме того, обнаружены кости джейрана (*Gazella subgutturosa* Gueld), каменной куницы (*Martes foina*), собаки (*Canis familiaris pulustris*) и т. д.<sup>324</sup> О развитии скотоводства свидетельствуют также обломки маслобоек и сосудов для молочных продуктов<sup>325</sup>. Установлено, что абсолютное большинство костей принадлежало представителям крупного рогатого скота<sup>326</sup>.

<sup>322</sup> Հ. Մարտիրոսյան, «Մեծ Կաթնեղջյուրի և Նոր-Արեշի արտերտիանի հիմնաքարերը», «Известия АН АрмСР (обществ. науки)», 1958, № 10, стр. 69—84. Охота представлена также ассирийскими письменными источниками — АВШНХ, § 18.

<sup>323</sup> Там же, стр. 69 и табл. 3 на стр. 70.

<sup>324</sup> Определенные С. К. Даля и С. К. Межаумян—Б. Б. Плотровской. Кармир-блур. 1, стр. 18; А. А. Мартиросян. Город Тейшебани. Ереван, 1961, стр. 67—68.

<sup>325</sup> А. А. Мартиросян. Город Тейшебани, стр. 67.

<sup>326</sup> Там же, стр. 68.

Что касается цитадели Тейшебани, то костные остатки разных домашних, отчасти и диких животных прослеживаются здесь сплошь и рядом. Зоолог С. К. Даль этот материал делит на три основные группы: комплекты костяки животных, погибших при пожаре дворца (рис. 37); отдельные кости—остатки мясной пищи и сильно пережженные кости—остатки жертвоприношения.



Рис. 37. Скелет коровы из помещения № 11. Кармир-базур.

Изучение обнаруженного остеологического материала показало, что во время пожара, возникшего при штурме крепости неприятелем, на крыше цитадели находились животные—крупный рогатый скот, лошади и ослы, поднятые туда во время осады крепости. С. К. Даль, изучавший эти костяки в ходе раскопок, неоднократно устанавливал факт падения животных с большой высоты, на что указывали положение скелетов и сильные повреждения костей. Когда деревянные кровли дворцовых помещений были объаты пламенем пожара,—заключает Б. Б. Пиотровский,—обезумевшие животные, находившиеся в то время на крыше цитадели, отрывались от привязи и, метаясь среди огня, падали на перегоревшие перекрытия и вместе с ними обрушивались вниз. При раскопках были обнаружены не только костяки животных, но и ошкорованные остатки мяса и кожи, а также некоторые внутренности. В од-



Рис. 38. Изображение быков на бронзовом щите с надписью Сардури II. Кармир-блур.

ном случае из черепной коробки животного был извлечен высохший мозг, а в целом ряде других случаев сохранилось содержимое желудков.

Судя по обнаруженным костякам, крупный рогатый скот (рис. 38) по типу весьма близок к *Bos primigenius*<sup>327</sup>.

В проходе одного из южных помещений цитадели были найдены костяки лошадей. По определению С. К. Далья, их было, вероятно, четыре экземпляра. Среди них оказался также костяк жеребца.

Урартская лошадь, судя по обнаруженным материалам, была небольшого размера: высота холки 125,5 см, т. е. несколько ниже скифской лошади (высота 139,8 см) того времени, происходящей из курганных погребений юга СССР<sup>328</sup>. Она являлась представителем определенной выведенной породы или отродья. По большинству соотношений промеров черепа, по относительной длине зубных рядов, по ширине плюсны к теменной длине черепа урартская лошадь должна относиться к восточному типу. По соотношению ряда промеров она наиболее близка к современному типу араба. Однако,— заключает С. К. Даль,— лишь при накоплении археологического материала удастся окончательно установить породу или тип этой древнейшей лошади<sup>329</sup>.

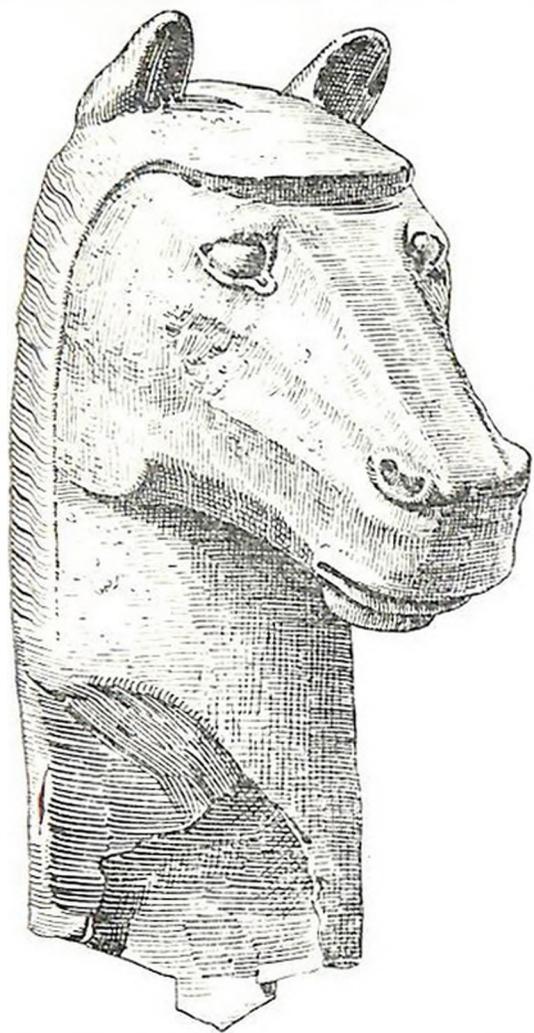


Рис. 39. Бронзовая голова лошади (навершие дышла колесницы).  
Кармир-блур.

Археологический материал Тейшебани, относящийся к коневодству, представлен не только остеологическими остатками, но и принадлежностями конского убора и т. д. (рис. 39). В 1946 г. в помещении № 12 были найдены бронзовые удила с колокольчиками<sup>330</sup>. Несколько позже, в 1948 г., в помещении № 18 был найден конский убор скифского типа, состоящий из железных удил, плоских костяных пса-

лий, четырех бронзовых пряжек для ремней в форме птичьего клюва и

<sup>327</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, стр. 31—32.

<sup>328</sup> С. К. Даль. Лошадь времен Урарту из раскопок Кармир-блур. «Известия АН АрмССР (естеств. науки)», 1947, № 10, стр. 42—58.

<sup>329</sup> Там же, стр. 59. Зоолог А. Байбуртян настаивает на том, что это, вне всякого сомнения, мул, а не лошадь.

<sup>330</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, стр. 53, 66.

одной бронзовой пряжки в форме барабанчика с двумя накрест помещенными продольными отверстиями<sup>331</sup>.

Богатые материалы, связанные с коневодством, дали раскопки помещения № 36 в 1952 г. Здесь отдельной кучей лежали бронзовые части двух комплектов конского убора с клинообразными надписями царя Менау (рис. 40—41). В наборе оказались: две налобные пластины, три

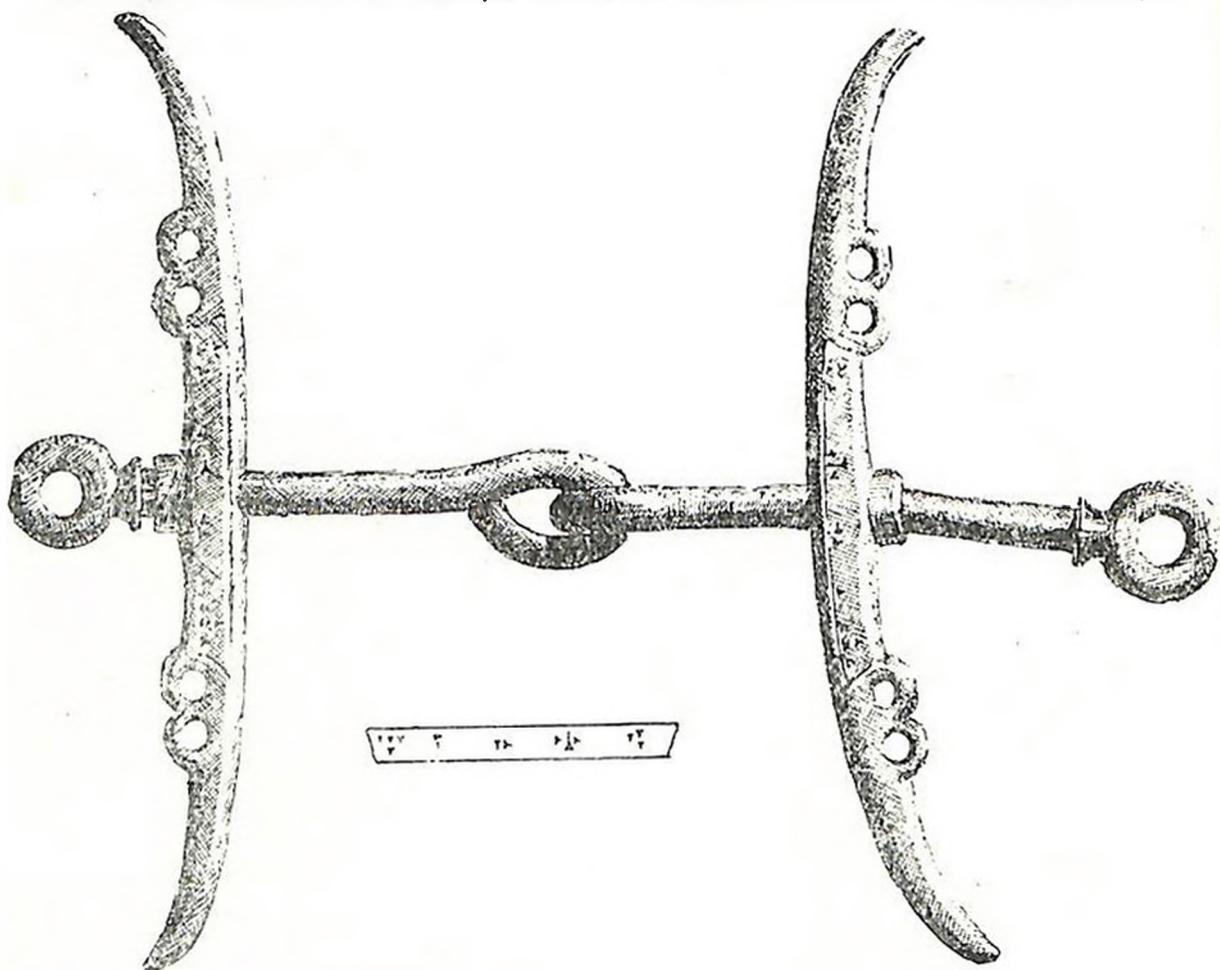


Рис. 40. Бронзовые удила с надписью Менау (помещение № 36). Кармир-блур.

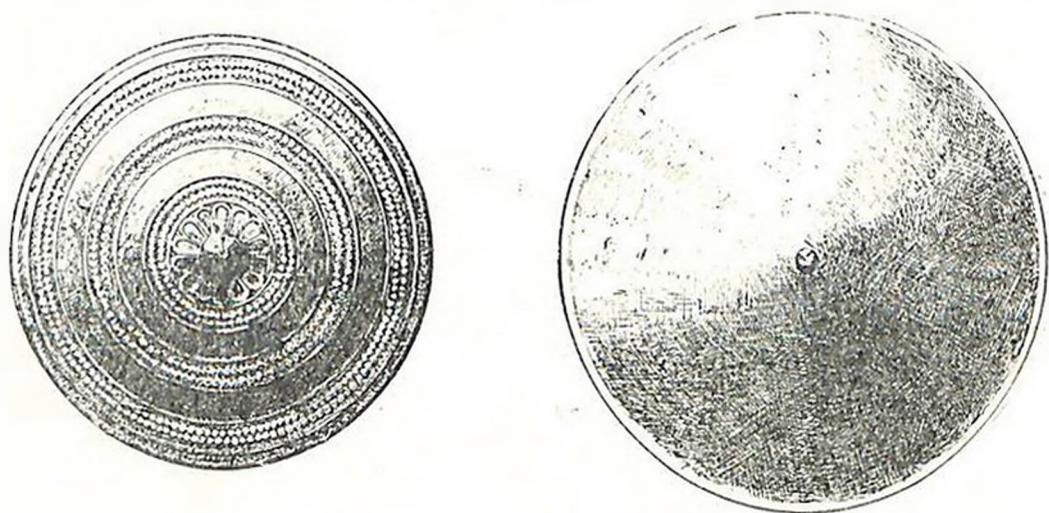


Рис. 41. Круглые бляхи конского убора. Кармир-блур.

<sup>331</sup> Там же, стр. 57. Ср. со скифским конским убором, обнаруженным в 1949 г. в винной кладовой № 25—Кармир-блур, I, стр. 95, рис. 62 и Кармир-блур, II, стр. 20, 37.

круглые бляхи без орнамента, пять круглых блях с тремя концентрическими полосами, украшенными точечным орнаментом (на оборотной их стороне сохранились остатки ниток с напизанными бусами из бисера), восемь средних бляшек с полушаровидной средней частью, шесть мелких бляшек и четыре бронзовых колокольчика<sup>332</sup>. Затем при раскопках 1954 г. в винной кладовой № 41 было обнаружено большое количество бронзовых частей конских уборов с надписями Аргишти I и Сардури II<sup>333</sup>. Принадлежности конского убора в плохой сохранности были найдены при раскопках 1957—1958 гг.: бронзовые удила с колокольчиком в 1957 г. и железные удила в 1958 г.<sup>334</sup>

Среди археологического материала Тейшебани, относящегося к коневодству, представляют определенный интерес письменные источники. В одной клинописной табличке, обнаруженной в 1949 г., повествуется, например, об отправке одной лошади, а также быков для использования, по-видимому, в садоводчески-виноградарских работах (рис. 42)<sup>335</sup>. Лошадь упоминается дважды также в другой большой табличке (в 32 строки текста), происходящей из раскопок 1957 г. в северо-западной части крепости. Здесь, в строках 8 и 17 налицо идеограмма «лошадь», а в строке 9 упоминается мул<sup>336</sup>.

Костные остатки осла были обнаружены при раскопках 1945 г. На всех костях скелета были заметны явные следы действия интенсивного огня. По определению Н. О. Бурчак-Абрамовича, домашний осел на раскопках Тейшебани представлен 11 отдельными костями скелета, 14 верхними и 11 нижними коренными зубами. Этот костный материал принадлежит, возможно, одному или двум индивидуумам—одному взрослому и одному полувзрослому. По строению зубов, форме и размерам костей эти остатки совершенно тождественны с современным закавказским ослом среднего размера<sup>337</sup>. С. К. Даль, на основании изучения зубов, пришел к выводу, что в образовании вида тейшебанского осла, по-видимому, принимал участие кулан (*Equus hemionus*)<sup>338</sup>.

Интересны сильно пережеванные кости разных животных, обнаруженные в заваленном виде в помещении № 26 (раскопки 1949 г.). С. К. Даль на основании детального изучения этого материала (было подвергнуто изучению свыше 35 000 штук костей) выяснил, что он принадлежал крупному и мелкому рогатому скоту. Обращает на себя внимание, что среди этого материала отсутствовали кости головы и нижних частей

<sup>332</sup> Б. Б. Потровский. Кармир-блур. III, стр. 17, 43—47 и рис. 37 на стр. 48.

<sup>333</sup> Там же, стр. 23.

<sup>334</sup> Результаты раскопок, начиная с 1954 г., еще не опубликованы.

<sup>335</sup> Б. Б. Потровский. Кармир-блур. II, стр. 76 и рис. 43, стк. 7—8. Эта табличка принадлежала, по-видимому, Сардури III. Следы царского имени сохранились на оттиске цилиндрической печати, ниже текста.

<sup>336</sup> И. М. Дьяконов, УПД, текст № 7.

<sup>337</sup> Н. О. Бурчак-Абрамович. Находка домашнего осла в культурных слоях государства Урарту (окр. г. Еревана). «Природа», 1948, № 2, стр. 69.

<sup>338</sup> «Кармир-блур», I, стр. 33.



Рис. 42. Распоряжение Сардури III(?) об использовании людей и скота в виноградарски-винодельческих(?) работах. Кармир-блур (1949 г.).

конечностей крупного рогатого скота. Что касается мелкого рогатого скота, то встречаются лишь единичные экземпляры костей верхней части головы с рогами. Значительное место занимают кости молодых ягнят и телят. Перечисленные выше обстоятельства привели Б. Б. Пиотровского к выводу, что в данном помещении были сложены кости, убравшиеся с жертвенников после жертвоприношения. На это указывает сильный обжиг костей, а также своеобразный отбор частей мяса, к которым относились эти кости. Известно, что при жертвоприношении, как правило, отделялись шкура, голова и конечности животных. Этот важный момент, как мы видели выше, вполне отчетливо наблюдается при изучении костного материала помещения № 26. На основании всего этого Б. Б. Пиотровский заключает, что это жертвоприношение происходило, по-видимому, на жертвеннике кладовой № 25, примыкавшей к упомянутому выше помещению № 26, где, как известно, было сложено громадное количество пережженных костей<sup>339</sup>.

Костный материал мелкого скота, по сравнению с крупным, на раскопках Тейшебани представлен в незначительном количестве. В одном помещении, расположенном у северо-западного угла крепости, в 1948 г. был обнаружен скелет козы, находившейся в момент гибели крепости внутри помещения. Около этого костяка был обнаружен также сильно разрушенный обвалившимся потолком скелет домашней свиньи. Большая часть остеологического материала, относящегося к мелкому скоту, происходит из пищевых остатков. Среди этого материала С. К. Даль различает овец (*Ovis aries*) двух типов—древних, тонкорунных (меринос) и овец крупных. Что касается коз, то они по структуре черепа не отличались от современной местной породы (*Capra domestica*)<sup>340</sup>.

Крупный и мелкий рогатый скот области Аза представлен не только археологическим материалом, но и письменными источниками. Клинописная табличка, обнаруженная в 1949 г., рассказывает об отправке шести быков и т. д. для использования, по-видимому, в виноградарских работах<sup>341</sup>. Согласно другой табличке, найденной в 1955 г. в Тейшебани, поставлялись продукты скотоводства городу бога 'А (=Уа, или описка вместо DUM, т. е. Тейшеба), находившемуся в стране племени 'Аза: 224 кожи телят, 172 кожи баранов и 18 кож коз<sup>342</sup>.

Выше мы уже видели, что костный материал мелкого рогатого скота при раскопках Тейшебани составляет незначительное количество. Это обстоятельство Б. Б. Пиотровский объясняет тем, что данный вид скота в момент гибели крепости находился на горных пастбищах<sup>343</sup>. Нам

<sup>339</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, стр. 21 и рис. 7 на стр. 22.

<sup>340</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, стр. 33.

<sup>341</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, стр. 76 и рис. 43, стк. 7—8; УКН, 333, стк. 7—8. И. М. Дьяконов, УПД, текст № 2.

<sup>342</sup> Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинописная табличка из раскопок Кармир-блур. ВДИ, 1957, № 3, стр. 144—149. И. М. Дьяконов, УПД, текст № 10.

<sup>343</sup> Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, стр. 33.

кажется, что такое объяснение не совсем полностью отражает картину экономики Араратской равнины в эпоху Урарту. Известно, например, что основным занятием населения этой территории в то время являлись земледелие и садоводство-виноградарство. Что касается скотоводства, то здесь, вероятно, в основном занимались выращиванием крупного скота: лошадей, мулов, ослов, быков и т. д., которые, по-видимому, использовались в земледельческих и садоводческих работах. Мелкий рогатый скот в хозяйстве жителей этой равнинной территории занимал, по всей вероятности, второстепенное место. Этим именно мы склонны объяснить в основном наличие небольшого количества костных остатков мелкого рогатого скота на раскопках городских кварталов и цитадели Тейшебани<sup>344</sup>. Данный вид скота, очевидно, в то время был получен из горных районов, притом незначительная часть была использована для нужд местных урартских гарнизонов и т. д., а основная часть была отправлена в столицу Урарту.

Урартийцы использовали овец не только в качестве мясной и молочной птицы, но и широко применяли их шерсть в ткацком ремесле для

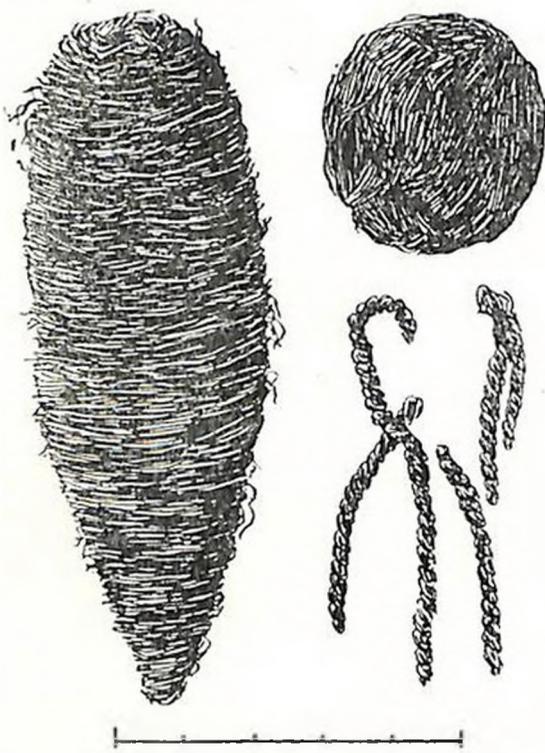


Рис. 43. Клубок шерстяных ниток, веретено и обрывки веревок из волокна травы. Кармир-блур.

изготовления разнообразных тканей и текстильных изделий. Изучая фрагменты ткани и клубки нитей, обнаруженные в 1949—1952 гг. в Тейшебани, А. С. Верховская пришла к выводу, что «среди найденных фрагментов имеются плотные грубошерстные ткани (без узора), вытканые из толстых нитей, ткани средней толщины и плотности, в том числе одна с узором, и тонкие прозрачные ткани. Плетеные изделия — ткань с ворсовым узором, тонкая сеть, фрагменты тесьмы, витого шнура и ткани, скатанные в рулоны, быть может, дорожки для застила пола... Сохранившиеся кармир-блурские текстильные изделия, по-видимому, все без исключения из-

готовлены из шерстяного волокна» (рис. 43)<sup>345</sup>.

Выше мы уже говорили о костных остатках диких животных, обнаруженных при раскопках Эребуни и городских кварталов Тейшебани, а

<sup>344</sup> Ср. мнение А. А. Мартirosяна—Город Тейшебани, стр. 68.

<sup>345</sup> А. С. Верховская. Текстильные изделия из раскопок Кармир-блур (в кн.: Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III), стр. 67.

также о картине царской охоты на фрагментах бронзовых поясов, найденных в урартском колумбарии из Нор-Ареша. Здесь следует лишь добавить, что в цитадели Тейшебани, в карасе № 60 помещения № 28, были сложены распиленные куски оленьих рогов, предназначенные, по-видимому, для изготовления каких-то изделий. Подобные заготовки встречались и в некоторых других помещениях<sup>346</sup>. Все это является прекрасным свидетельством того, что охота в ту древнюю эпоху была одним из любимых занятий населения Араратской равнины, следовательно, жители этой территории питались в то время мясом не только домашних, но и отчасти диких животных.

Высоким развитием скотоводства в эпоху Урарту особо отличались горные районы и области, расположенные в бассейне озера Севан. Это подтверждается как письменными источниками, так и археологическим материалом. Достаточно упомянуть, что сведения об уgone многочисленного скота с указанной территории нашли место сразу в двух выдающихся памятниках урартской письменности—в летописях Аргишти I и Сардури II. Что касается археологического материала, то остеологические остатки, относящиеся к скотоводству, при раскопках погребений Севанского бассейна прослеживаются сплошь и рядом.

Остановимся прежде всего на сведениях письменных памятников. Здесь обращают на себя внимание данные III(?) и V(?) годов Хорхорской летописи. Под III(?) годом этой летописи (784 г. ? до н. э.), например, где упоминается о завоевании территории племенного объединения Удури-Этиуни<sup>347</sup>, а также некоторых других стран (Абилиани, Этиуни и т. д.) указывается, что Аргишти II захватывает громадное количество скота—1280 коней<sup>348</sup>, более 126 000 голов мелкого рогатого скота<sup>349</sup> и т. д.<sup>350</sup>. Что касается V(?) года Хорхорской летописи (782 г. ? до н. э.), то под ним в связи с угоном скота выступает одна из стран присеванского бассейна—Ки(е)хуни, а также племенное объединение Этиу(ни), страны Убурда, Уишуши, Хахи(а). С территории этих стран Аргишти I угнал 11 626(?) голов мелкого рогатого скота, 232 коня и т. д.<sup>351</sup>.

Более ценные сведения о скотоводстве Удури-Этиуни мы находим в Сардуровской летописи, где в событиях одного из годов выступает целый ряд стран и племен этого объединения—страны Уелику(ни) или

<sup>346</sup> Б. Б. Петровский. Кармир-блур. II, стр. 36.

<sup>347</sup> Под Удури-Этиуни в урартских источниках подразумевается целый ряд стран и племенных территорий Севанского бассейна. В Сардуровской летописи, например, племена Аркукини, Камни и Луеруни выступают в составе Удури-Этиуни.

<sup>348</sup> Количество десятков(?) сохранилось неполностью или же отсутствуют цифры, указывающие на единицы.

<sup>349</sup> Количество мелкого рогатого скота повреждено частично, а крупного рогатого скота—полностью.

<sup>350</sup> УКН, 127, I, стк. 17—II, стк. 2; ср. ЭВ, VII, стр. 88—91 (I, 17—11, 2).

<sup>351</sup> Количество тысяч крупного рогатого скота повреждено полностью, а мелкого рогатого скота частично. В последнем случае вместо ХМ (10 тысяч) можно восстановить ХХМ и т. д. См. УКН, 127, II, 25—30, 47—48.

Уелику(хи) с 22 крепостями, Аркукини, Адахуни, Луируни<sup>352</sup>, Эшумуа, Камни, Ку'албани, Ухуни, Териани с 20 крепостями и 120 «городами» (поселениями)<sup>353</sup>. На территории перечисленных и других стран Сардур II захватил неизмеримо большое количество скота—3500 коней, 40 353 голов крупного и 214 700 голов мелкого рогатого скота<sup>354</sup>.

В связи с уровнем развития скотоводства племенного объединения Удури-Этиуни невольно привлекают наше внимание приведенные выше сведения Сардуровской и II года Хорхорской летописей. Количество скота, как мы видели, в одном случае достигает 1280 коней, свыше 126 тысяч голов мелкого рогатого скота и т. д., а в другом—3 тысяч 500 коней, 40 тысяч 353 голов крупного и 214 тысяч 700 голов мелкого рогатого скота. При этом такие крупные стада угнанного скота встречаются лишь в тех случаях, когда среди стран северной и северо-восточной периферии выступает племенное объединение Удури-Этиуни или же целый ряд стран и племен этого объединения. Оставляя в стороне сведения о конях, в которых также фигурируют весьма солидные цифры (1280 и 3500), обратим внимание на огромное количество захваченного крупного (40 тысяч 353) и мелкого (свыше 126 тысяч и 214 тысяч 700) рогатого скота, не имеющего прецедента во всей урартеской эпиграфике<sup>355</sup>. Это прекрасное доказательство того, что высокогорные области бассейна Севанского озера в то время отличались весьма высоким развитием скотоводства, причем эти области, очевидно, не имели полноценных конкурентов даже среди стран и племенных объединений северной периферии (Диаухи, Кулха, Этиуни, Ига(ни)-Ийа(ни), Абилиани, Эрнахи и т. д.), которые, как известно, также являлись высокоразвитыми скотоводческими территориями. Всем этим и следует объяснить громадные усилия урартеских царей, приложенные ими еще со времени правления Аргишти I для включения этой богатой скотоводческой территории в состав могучего государства Урарту<sup>356</sup>.

Кстати, данные урартеских письменных источников полностью подтверждаются археологическими материалами, добытыми при раскопках

---

<sup>352</sup> Строки 45—53 столбца D Сардуровской летописи, где выступает Удури-Этиуни с царями племен Аркуки(у)ни, Кам(а)ни и Луируни (Луируни), на наш взгляд, могли быть отнесены к событиям данного года, и тогда этот Луируни, по-видимому, совпадает с вышеупомянутым Луеруни (быть может, описка знаков e/ib или же, возможно, по произношению они совпадают—«Лверуни—Ливруни?»); ср. также Аркукиуни и Аркукини, Камани и Камни.

<sup>353</sup> В событиях данного года выступают также некоторые другие страны северной периферии.

<sup>354</sup> УКН, 155D, стк. 45—53, F, стк. 1—31.

<sup>355</sup> Кстати, подобные примеры не встречаются также в ассирийских надписях, повествующих о захвате скота в разных областях обширного государства Урарту или же в других областях, находившихся временно или постоянно под его надзором.

<sup>356</sup> В Хорхорской летописи, в не совсем ясном тексте (после событий XIV(?) года) в связи с горой Бамни и поселением Бихурани упоминается 7566 голов крупного и 51 878 голов мелкого рогатого скота, в то время как Бамни в Сардуровской летописи выступает вместе со странами Севанского бассейна (УКН, 155F, стк. 27). Исходя из этого, быть может, приведенное количество скота следует отнести к некоторым территориям бассейна озера Севан.

погребений Севанского бассейна. Датировка многих из этих материалов, к сожалению, до сих пор с точностью не установлена, однако нет сомнения в том, что часть их относится к доурартскому времени, другая часть—к урартскому, т. е. к периоду с конца II тысячелетия до первых столетий I тысячелетия до н. э.

В 516 погребениях, раскопанных Е. Лалаяном в южном и западном побережьях озера Севан еще в 1906—1908 гг., сплошь и рядом встречаются остеологические остатки домашних животных—коней, крупного и мелкого рогатого скота и т. д. Скелеты или отдельные кости крупного и мелкого рогатого скота были обнаружены в разных погребениях, раскопанных у сел. Нижний Аднаман и Загалу (недалеко от Нор-Баязета, ныне Камо)<sup>357</sup>, а остеологические остатки и бронзовые или железные удила коней—в погребениях Загалу, Алыкырых (ныне Астхадзор) и Кицлаг<sup>358</sup>. В Загалу, кроме того, были найдены скелет собаки и свирель из кости<sup>359</sup>, которые, несомненно, связаны со скотоводческим занятием туземного населения.

Далее, весьма ценные материалы по скотоводству дали раскопки, произведенные А. О. Мнацаканяном в 1951 г. в сел. Астхадзор Мартунинского района АрмССР. Здесь, в погребении № 2, были обнаружены два конских черепа и копыта, украшенные особыми бронзовыми пластинками<sup>360</sup>. Кроме того, здесь были найдены три бронзовые удила, имеющие напускные загнутые под углом трензеля с расширяющимися пластинками. Снаружи они имеют боковую кантовку и бортик вокруг центрального отверстия. Сбоку приделан трапецевидный выступ с отверстием для прикрепления ремня. Ближайшее сходство с описанными удилами А. А. Мартиросян находит в ассирийских удилах, изображенных на барельефе Ашшурнасирапала II (884/3—859 гг. до н. э.), где показана также система скрепления уздечки через пластинчатые продолговатые нащечники, аналогичные обнаруженным в Тейшебани образцам с клинообразной надписью Сардури II (VIII в. до н. э.)<sup>361</sup>. В астхадзорском погребении были найдены также остеологические остатки крупного рогатого скота.

Богатые материалы по скотоводству дали раскопки, произведенные за минувшее десятилетие на осушенной территории озера Севан. В одном из лчашенских погребений, раскопанных А. О. Мнацаканяном в

<sup>357</sup> *Երգ ա ն Գ Լ ա Լ ա յ ա ն, Ներ-Քաջաղետի գավառ կամ Գեղարքունիք, «Ազգագրական հանդես», XV, 1907, стр. 168, 173, 179; он же, Գամբանների պեղումներ Խորհրդային Հայաստանում, Е., 1931, стр. 74—81, 85—86, 91, 99, 112 и др.*

<sup>358</sup> *Ե. Լ ա Լ ա յ ա ն, Գամբանների պեղումներ...*, стр. 76, 81, 86, 94, 114, 116, 189, 192—194 и др.

<sup>359</sup> Ук. соч., стр. 86, 113; *«Ազգագրական հանդես», XV, стр. 173.*

<sup>360</sup> А. О. Мнацаканян. О двухцветной керамике Лчашена. «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1957, № 5, стр. 109. Эти материалы хранятся в Историческом музее АН АрмССР—инв. 1908/72.

<sup>361</sup> А. А. Мартиросян. Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода (IX—VIII вв. до н. э.). «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1956, № 9, стр. 79 и рис. 15 на стр. 80. Астхадзорские удила хранятся в Историческом музее АН АрмССР—инв. 1908/79.

1955 г., оказался скелет барана<sup>362</sup>. Во многих других погребениях были обнаружены скелеты быков и кости мелкого рогатого скота. Хорошие результаты дали также раскопки цамакабердских погребений<sup>363</sup>, открытых в 1952 и 1954 гг. В 30 погребениях, по определению С. К. Даля, находились, как правило, по 3—4 левосторонних ребра (четвертые—восьмые) и бедренная кость левой ноги крупного рогатого скота. Здесь же, в погребении № 3, был обнаружен череп собаки, которая, согласно определению С. К. Даля, могла быть отнесена к породе *Canis familiaris abasapensis*, близкой к закавказской овчарке, являющейся потомком местных волков<sup>364</sup>. А в погребении № 11, кроме бедренных костей крупного рогатого скота, были обнаружены скелеты козла и барана<sup>365</sup>. Обращает на себя внимание и тот факт, что во всех раскопанных погребениях, как правило, в одном-двух сосудах оказались бараньи ребра<sup>366</sup>. Аналогичные материалы о скотоводстве—два черепа овцы с костями конечностей и подошник с орнаментами—дали раскопки погребения у сел. Мухан района им. Камо (бывш. Нор-Баязет)<sup>367</sup>.

Таким образом, приведенный выше не совсем полный перечень остеологических и других материалов, обнаруженных при раскопках многочисленных погребений Севанского бассейна, красноречиво свидетельствует, что эти территории как в эпоху Урарту, так и до нее отличались высоким развитием скотоводства. Эти материалы полностью подтверждают сведения клинописных источников о скотоводстве племенного объединения Удур-Этиуни.

Таким образом, скотоводство нашло широкое развитие в целом ряде стран северной и северо-восточной периферии обширного государства Урарту, причем выращиванием разного вида скота выгодно отличались здесь племенные объединения Этиу(ни) и Удур-Этиу(ни), страны Аблиани, Абуни, Эриахи, Ига(ни) или Ийа(ни).

\* \* \*

Выше мы старались охарактеризовать уровень развития разных отраслей сельского хозяйства Армянского нагорья по отдельным областям и районам. Однако все это выглядело бы однобоко без рассмотрения вопросов социально-экономической истории. В этом отношении первостепенное значение имеют предложенные Г. А. Мелкишвили остроумные интерпретации и глубокий анализ ряда скудных и разрозненных фактов, почерпнутых им из урартских и ассирийских письменных источ-

<sup>362</sup> А. О. Мнацаканян. О двухцветной керамике Лчашена. «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1957, № 5, стр. 107—108.

<sup>363</sup> Цамакаберд и Лчашен расположены на северо-западном побережье озера Севан.

<sup>364</sup> А. О. Мнацаканян. Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан. СА, XXIII, 1955, стр. 196; ср. его же, О двухцветной керамике..., стр. 109.

<sup>365</sup> А. О. Мнацаканян. О двухцветной керамике..., стр. 111, 114.

<sup>366</sup> А. О. Мнацаканян, СА, XXIII, стр. 194.

<sup>367</sup> Հ. Հ. Մինասյանի, Հնագիտական պեղումներ Սևանա լճի ցամաքած տեղիումը քաղաքում, «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1952, № 8, стр. 101—102.

ников<sup>368</sup>. Этим, по справедливому заключению И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили по существу положил начало изучению социально-экономического строя Урарту<sup>369</sup>.

В первых трех главах настоящей работы, как известно, приведен разнообразный материал, касающийся урартской ирригации, земледелия и садоводства-виноградарства: о сооружении оросительных каналов и искусственных озер в районах вновь воздвигнутых крепостей, о разведении на этой основе виноградников, фруктовых садов, полей с посевами. Это создавало необходимые предпосылки для накопления огромных запасов зерновых культур, вина, фруктов и т. п., которые хранились в многочисленных зернохранилищах, винных кладовых и т. д. Кроме того, в IV главе мы видели, что в области Суби выращивались многочисленные табуны коней для царского полка Русы I, Аннаштанна являлась «домом табунов», страна Бари—«упованьем скота» того же урартского царя. К сказанному следует добавить также большие запасы зерна и других продуктов, огромные стада крупного и мелкого рогатого скота (число которых иногда достигает нескольких десятков или даже сотен тысяч), захваченные урартийцами в завоеванных областях в виде трофея или полученные в качестве дани и подати. Все это в основном составляло запасы царского или государственного хозяйства<sup>370</sup>.

Для изучения характера царских хозяйств в Урарту представляет исключительный интерес клинописная табличка, происходящая из Топрах-кале и расшифрованная недавно И. М. Дьяконовым. Она позволяет установить состав дворцового персонала Русахиннили, урартской царской резиденции VII в. до н. э. Он состоял из 5507 человек, в том числе около тысячи представителей высшей знати — LU<sup>U</sup>ma-gi, свыше 3,5 тысяч евнухов, в том числе «юношей», канцеляристов, царей и ремесленников, отряда в 300 человек LUKUR·KUR<sup>mes</sup> (šurili) и др.; низшие категории персонала, включающие виноделов (LU<sup>U</sup>É·TIN), погонщиков мулов и др., и которые можно считать за рабов, составляли ничтожный процент общего персонала. Это подтверждает мысль о том, что урартские дворцы не были центрами рабовладельческого производства, но лишь перерабатывающими и потребляющими центрами. Те же LU<sup>U</sup>É·TIN упоминаются и в одном из кармир-блурских писем в качестве рабов-держателей земли. Далее И. М. Дьяконов показал наличие в Урарту свободных общинников, которых он отождествляет с šurili. Общинники имели самоуправление<sup>371</sup>.

---

<sup>368</sup> Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наини-Урарту. ВДИ, 1951, № 4, стр. 22—40.

<sup>369</sup> И. М. Дьяконов. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту. ВДИ, 1952, № 1, стр. 90.

<sup>370</sup> Г. А. Меликишвили. ВДИ, 1951, № 4, стр. 23—32.

<sup>371</sup> ВДИ, 1963, № 1, стр. 167; УПД, стр. 25—26. Кстати, труд И. М. Дьяконова УПД («Урартские письма и документы») вышел в свет при издании нашей работы, поэтому мы не имели возможности, к сожалению, в полной мере использовать весьма ценные материалы и выводы, отраженные в указанном труде.

Известно, что в центральных и завоеванных периферийных областях урартийцы регулярно занимались созданием новой или расширением ранее существовавшей ирригационной сети для интенсивного развития сельского хозяйства. Вполне вероятно, что часть земель, попадавшая в сферу орошения вновь созданных или возобновленных ирригационных сооружений, стала ядром высокоразвитых царских хозяйств. Однако надо полагать, что царские хозяйства отнюдь не ограничивались районами вновь созданных ирригационных каналов, искусственных озер и т. д. С другой стороны, этими каналами орошались, по-видимому, не только царские, но и общинные, храмовые, частные и другие хозяйства, которые, конечно, носили определенные повинности перед царской властью: оплата натуральных налогов и т. д. Поэтому «земля была пустынной(?)», «земля была необработанной(?)» и некоторые другие подобные трафаретные выражения урартских надписей не дают, как нам кажется, основания полагать, что «...не случайно устранялись эти царские хозяйства на пустующих, необрабатываемых землях: царская власть, очевидно, избегала столкновения с сельскими общинами, не хотела отнимать у них земли и на них устраивать государственные хозяйства»<sup>372</sup>.

Нам кажется, что под стандартными выражениями *q(i)iganī quldini manū*, *q(i)iganī širabaē manū* и т. д. во многих случаях таится не столько справедливая констатация существующего положения земель, сколько самохвальство урартских правителей. По всей вероятности, в ряде случаев Урартское государство занималось скорее возобновлением или расширением ранее существовавшей ирригационной сети. Так обстояло дело, очевидно, в стране Аза и некоторых других областях, завоеванных урартийцами. Ведь местные племена, осевшие издревле на этих территориях, не могли ждать прихода неприятеля, чтобы он создал им необходимые условия для интенсивного развития сельского хозяйства. Раскопки доурартского поселения у подножья Кармир-блур, например, довольно основательно утверждают, что данный район, который урартийцы именовали «пустынным», был развитой земледельческой территорией еще задолго до их появления.

Далее, нам кажется, что при рассмотрении вопросов, связанных с накопленными государственными запасами зерновых продуктов и других богатств, трудно ставить ударение на доходы, полученные из царских хозяйств. С этой точки зрения интересно мнение И. М. Дьяконова о том, что созданная (а в некоторых случаях возобновленная или расширенная) урартийцами ирригационная сеть обслуживала, очевидно, не только государственные хозяйства. Кешиш-гельское озеро Русы было сооружено, по словам надписи, для жителей города Тушпа-Русакинли, которые имели, разумеется, собственные хозяйства. Следовательно, частновладельческие хозяйства также, вероятно, пользовались царскими каналами. На основании этого факта и глубокого анализа характера

<sup>372</sup> Г. А. Меликишвили ВДИ, 1951, № 4, стр. 29—30.

урартских хозяйств, описанных в «Луврской табличке», И. М. Дьяконов приходит к справедливому выводу о том, что «имевшиеся же в ряде крепостей государственные запасы следует скорее всего рассматривать как склады натурального налога»<sup>373</sup>.

Главным источником государственных богатств Урарту являлся, очевидно, регулярный сбор дани и подати. Поэтому мы склонны думать, что повторные военные походы урартийцев в одни и те же, ранее покоренные, области обусловлены были не столько захватом территорий, сколько насильственным сбором наложенной дани. Ведь не случайно урартские правители одолевали или щадили при походах поработанных племенных вождей «под условием выплаты дани» (*buga aštubi mešini ri 'aldubi*)<sup>374</sup>. В данном случае речь идет лишь о тех областях, правители которых оказывали сопротивление урартским властям в уплате дани, в то время как существовало также значительное количество областей, которые вынуждены были регулярно платить установленные для них дань и подать. Следовательно, можно полагать, что целью частых военных экспансий, предпринятых урартскими правителями, являлась, вероятно, своеобразная регулировка или нормализация нарушаемой время от времени экономики государства путем грабежа или сбора дани в виде разного рода богатств подвластных или вновь завоеванных областей.

К сожалению, пока что нам известно лишь незначительное количество урартских письменных источников хозяйственной отчетности. Одна из таких табличек, обнаруженных в Тейшебани, повествует, например, о поставке продуктов скотоводства и ремесла—кож и шерстяных тканей городу бога 'А(Уа) или Тейшеба(?) (рис. 44)<sup>375</sup>. Подобные факты, возможно, содержат и некоторые другие тейшебанские таблички<sup>376</sup>. По мере накопления в дальнейшем подобного рода документов все больше уяснятся нам разные стороны сложной социально-экономической жизни государства Урарту.

Таким образом, государственные доходы Урарту, надо полагать, получались не только с царских земель, но и, возможно еще больше, путем захватнических войн и сбора дани и подати с разных подвластных областей.

Следующей основной единицей в экономике государства Урарту, как это показал на основании глубокого анализа письменных источников Г. А. Меликишвили, являлось храмовое хозяйство. Мусасирский храм, например, владел виноградниками и фруктовыми садами, разбитыми в честь верховного бога Халди, огромными стадами крупного и мелкого рогатого скота и т. д.<sup>377</sup>. Развитие здесь скотоводства, как это

<sup>373</sup> И. М. Дьяконов. ВДИ, 1952, № 1, стр. 98—99.

<sup>374</sup> УКН, 155А, стк. 17—18, Е, стк. 20. См. также УКН, 30, стк. 13—14; 36, стк. 15—16; 39, стк. 16—17; 41в, стк. 2; 128 В1, стк. 18—20 и т. д. и т. п.

<sup>375</sup> Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинописная табличка из раскопок Кармир-блур. ВДИ, 1957, № 3, стр. 144—149.

<sup>376</sup> Здесь мы имеем в виду особенно большую табличку, обнаруженную в 1957 г. в Тейшебани. См. И. М. Дьяконов, УПД, текст № 7 на стр. 35—36.

<sup>377</sup> Г. А. Меликишвили. ВДИ, 1951, № 4, стр. 32—34.

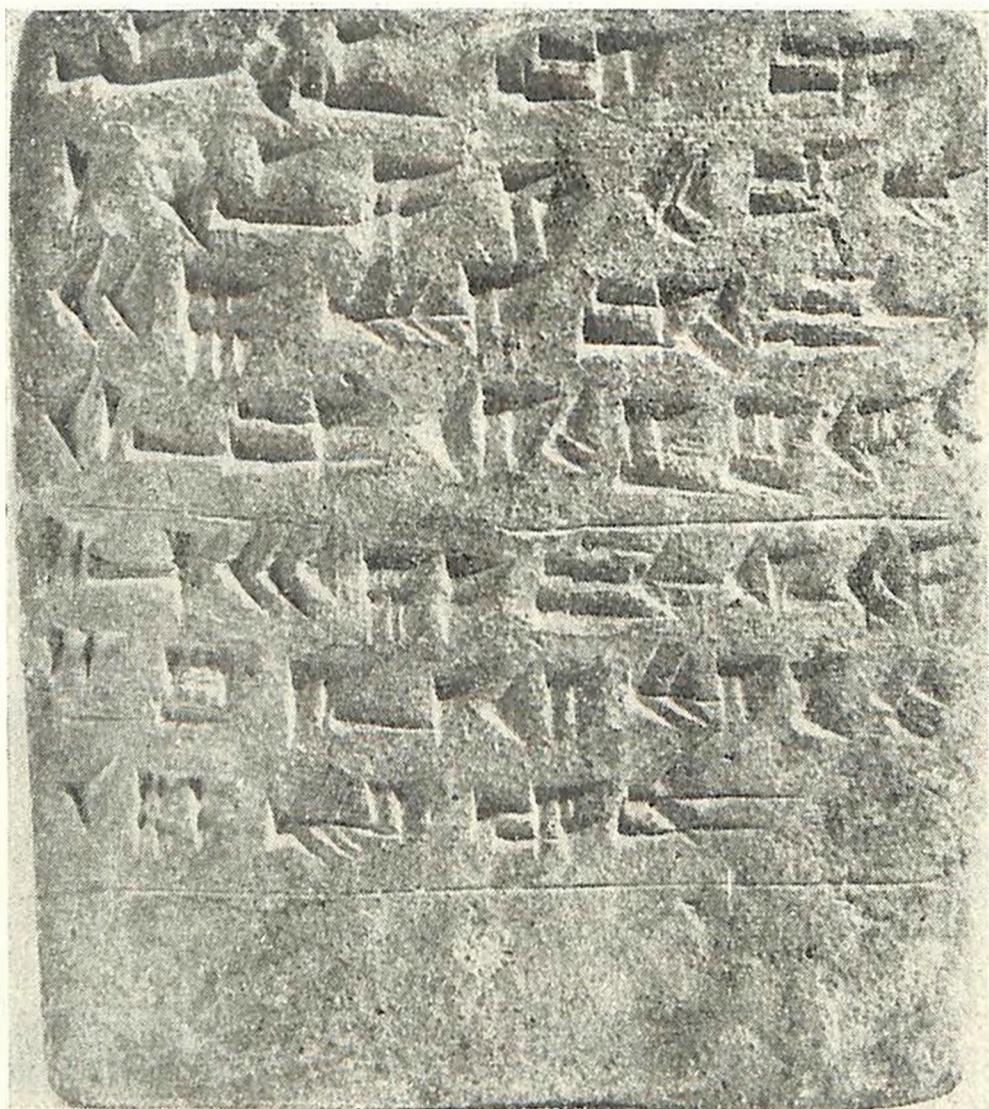


Рис. 44. Учетный документ о поставке продуктов скотоводства и ремесла—  
кож и шерстяных тканей. Кармир-блур (1955 г.).

мы видели в IV главе, было обусловлено не только естественным природом, но и царскими пожертвованиями храму во время регулярных посещений урартских правителей. Урартские храмы владели, вероятно, также большими поместьями с развитым зерновым хозяйством, о которых, однако, известный доселе эпиграфический материал не содержит никаких данных.

Келяшинская билингва, как заметил Г. А. Меликишвили, различает „свободный“ скот (egugine = ассир. раѓи) и „жертвенный“ (atqanani), при этом призывается гнев божий на похитителей скота, предназначенного для жертвоприношений, в то время как допускается возможность увода свободного скота, если взамен дадут храму „вещи“ (ассир. amâte). На основании этого Г. А. Меликишвили полагает, что урартские храмы, в частности Мусасирский, занимались также торговлей, что, вероятно, являлось одним из источников их богатства<sup>378</sup>.

Что касается общинных хозяйств, несомненно существовавших в Урартском государстве, то ни о величине и количестве подобных хозяйств, ни о способах обработки их земель, ни о числе свободных общинников и степени их эксплуатации мы почти ничего не знаем. И. М. Дьяконов, например, полагает, что, вполне возможно, в своих общих чертах они имели очень много сходного с сельской общиной соседней Ассирийской державы<sup>379</sup>. Общинные хозяйства в Урарту, по всей вероятности, являлись основными звеньями сельского хозяйства, наряду с царскими и храмовыми. В них, по-видимому, несли определенные повинности как свободные общинники, так и рабы, предоставленные им государством или же приобретенные путем купли-продажи. Созданной государством в разных областях и районах ирригационной сетью пользовались, вероятно, не только царские и храмовые, но и общинные хозяйства. В таком случае, конечно, царские, отчасти и храмовые, хозяйства должны были иметь определенные привилегии.

По своим размерам общинные хозяйства в Урарту (как и в Ассирии) были, вероятно, разные: крупные и мелкие. Быть может, о некоторых из таких хозяйств нам рассказывает административно-правовой документ, оформленный приказом урартского царя Сардури III, который был обнаружен в 1956 г. при раскопках Тейшебани. В нем Сардури, сын Русы, приказывает некоему Шани, чтобы какие-то земли, расположенные в пределах «города» (поселения) Кудунли, вместе с двумя рабами были отделены и предоставлены правителю(?) Хуэра(?) племени Кутубли и чтобы должностные лица (чиновник и резчик по камню) установили межевые камни<sup>380</sup>. Этот документ (рис. 45) намекает, быть

<sup>378</sup> Г. А. Меликишвили. *Наври-Урарту*, стр. 354—355.

<sup>379</sup> И. М. Дьяконов. ВДИ, 1952, №1, стр. 92. Социально-экономические вопросы Ассирийской державы подробно рассмотрены в работе И. М. Дьяконова «Развитие земельных отношений в Ассирии», Л., 1949 г.

<sup>380</sup> Н. В. Арутюнян. Новая клинописная таблетка из раскопок Кармир-блуря. *Festschrift Johannes Friedrich*, Heidelberg, 1959, стр. 35—51.

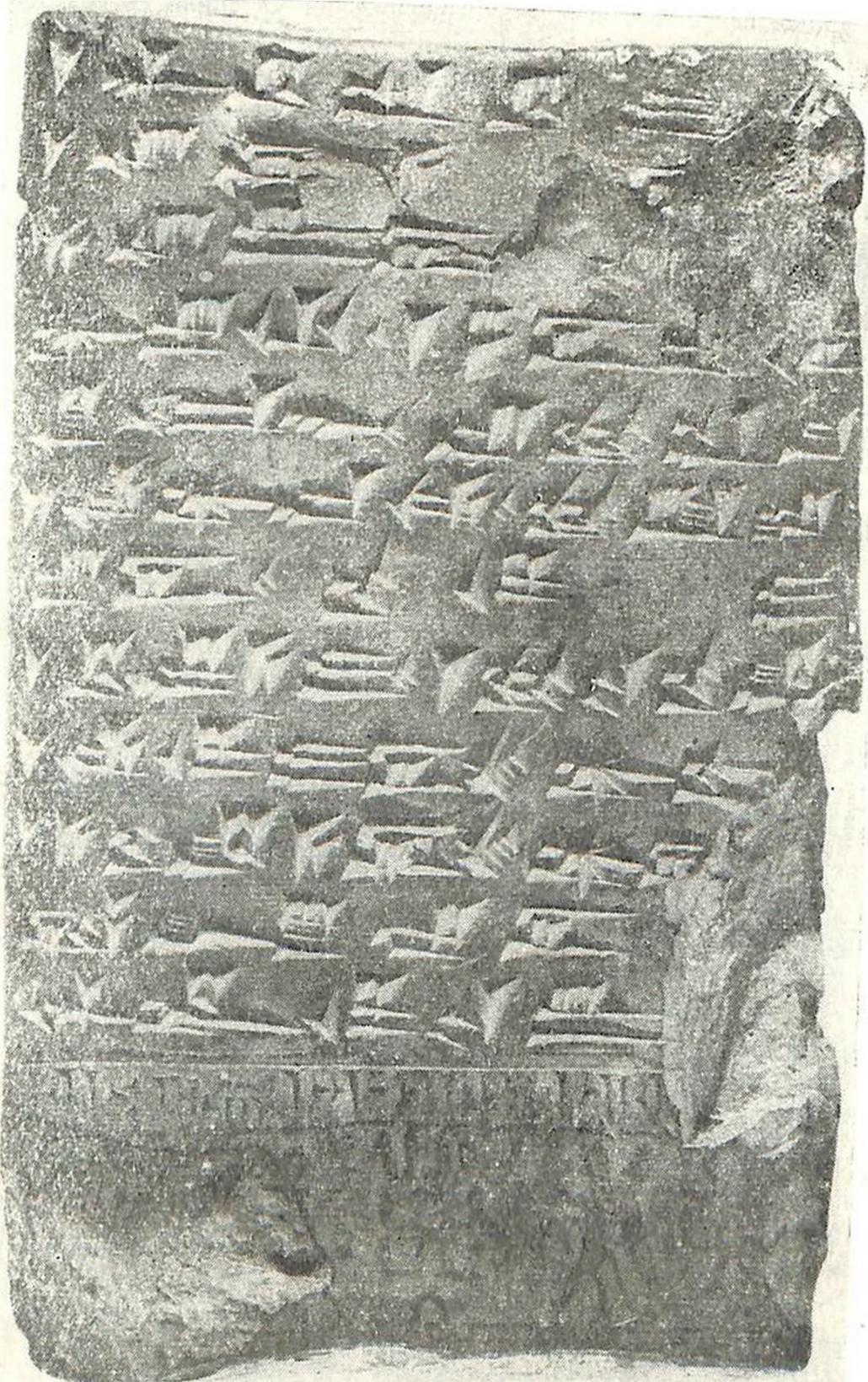


Рис. 45. Приказ царя Сардури III о переделе земель. Кармир-блур (1956 г.).

может, на то, что Урартское государство не только взимало часть прибылей общинных хозяйств в виде натурального налога, но и распоряжалось ими, ограничивая или расширяя земельные участки тех или иных хозяйств и т. д.<sup>381</sup>.

Наряду с царскими, храмовыми и общинными хозяйствами, как это заметил Г. А. Меликишвили, в Урарту существовали, очевидно, также крупные частные хозяйства представителей урартской знати: царского рода («вельмож», «старейшин», «советников»), военной и служилой знати («наместников» или «правителей областей», царских войск и т. д.)<sup>382</sup>.

Рабовладельческий характер общественного строя Урарту не вызывает никакого сомнения. Однако многие стороны применения рабского труда до сих пор остаются неясными. Кстати, источники приобретения рабов все же известны. Неоднократные военные походы урартийцев завершались, как известно, не только захватом огромного количества скота, но и уводом в плен из покоренных областей значительной части населения (мужчин, женщин, отроков), нередко нескольких десятков тысяч человек. Часть этих пленных, несомненно, использовалась в качестве рабов в разных мероприятиях общегосударственного значения (сооружение крепостей и храмов, создание ирригационной сети, обработка царских хозяйств, переработка продуктов земледелия, скотоводства и т. п.). Другая часть военнопленных, как полагает И. М. Дьяконов, включалась, вероятно, в гарнизоны урартских войск<sup>383</sup>, тем более, что были многочисленные войны или даже остатки целых войсковых частей, разгромленных урартийцами. При этом прав И. М. Дьяконов, когда думает, что хотя рабовладельческий характер войны урартских царей не подлежит никакому сомнению, тем не менее не все покоренные жители обращались в рабство. Часть их, конечно, использовалась в качестве рабов в царских ремесленных, садовых и полевых, а также в храмовых хозяйствах. Однако большая часть, вероятно, попала в частные руки путем дарения и распродажи или сажалась на землю в качестве самостоятельно хозяйствующих государственных рабов<sup>384</sup>.

С указанной выше точки зрения представляют интерес результаты раскопок последних лет, произведенных А. А. Мартиросяном в городских кварталах Тейшебани. Он приходит к любопытному выводу, что Тейшебани являлся крупным хозяйственным центром Урарту, основанным главным образом на эксплуатации местных общин, продолжавших сидеть на родной земле, оказавшейся государственной после установления здесь урартской власти. Поэтому нет никакого основания отрицать существование подобных общин в пределах самих же урартских городов<sup>385</sup>. Далее А. А. Мартиросян полагает, что открытые им в 1955 г. жи-

<sup>381</sup> По этому поводу см. также А. А. Мартиросян. Тейшебани, стр. 131.

<sup>382</sup> Г. А. Меликишвили. ВДИ, 1951, № 4, стр. 34—36.

<sup>383</sup> И. М. Дьяконов. ВДИ, 1952, № 1, стр. 100.

<sup>384</sup> Там же, стр. 99.

<sup>385</sup> Ср. Б. Б. Piotrovskiy. Кармир-блур. I, стр. 18; Г. А. Меликишвили. ВДИ, 1951, № 4, стр. 29.

лица, отличающиеся от других рядом существенных признаков, принадлежали именно общинникам, эксплуатация которых осуществлялась не только путем трудовой повинности, но и путем выплаты дани. Судя по масштабам хозяйства цитадели, в городе Тейшебани существовала довольно большая община. Это, конечно, не исключало возможности присвоения государством в виде натурального налога или трофея продуктов труда и других общин, располагавшихся вне пределов урартских городов.

Неоднородный этнический состав Тейшебани, а также наличие в нем урартского населения различных категорий,—заключает А. А. Мартиросян,—свидетельствует о сложной социальной структуре этого города. Открытые в 1956—1957 гг. большие здания, по мнению автора, принадлежали, несомненно, представителям той категории населения города, которая была призвана осуществлять урартскую власть над покоренными местными общинами<sup>386</sup>.

Пока что нам неясны размеры и характер использования рабского труда в царских, храмовых, общинных и других хозяйствах государства Урарту. Однако не приходится сомневаться в том, что эксплуатация рабов в Урарту, как и в Ассирии, принимала все более угрожающий характер. Этим именно объясняется факт появления беглых урартийцев и ассирийцев в VII в. до н. э. в горной области Шуприа<sup>387</sup>.

Таким образом, основным ядром сельского хозяйства Урарту являлись, вероятно, общинные хозяйства, отчасти также царские и храмовые. К тому же многие подробности социально-экономического строя этого рабовладельческого государства в настоящее время из-за скудости материала все же трудно установить. Можно надеяться, что по мере накопления в дальнейшем археологического материала, особенно письменных документов хозяйственной отчетности, создадутся все новые предпосылки для глубокого изучения вопросов социально-экономической истории Урарту, а также для подкрепления выводов, сделанных современными советскими урартоведами.

---

<sup>386</sup> А. А. Мартиросян. Тейшебани. Ереван, 1961, стр. 155.

<sup>387</sup> Г. А. Меликишвили. ВДИ. 1951, № 4, стр. 31—32.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение остается сделать лишь некоторые выводы общего порядка по вопросам земледелия, садоводства-виноградарства и скотоводства Армянского нагорья в эпоху Урарту.

На территории Армянского нагорья в древности интенсивное развитие земледелия и садоводства-виноградарства было неразрывно связано с ирригационными возможностями края. Этим следует объяснить неоднократно констатацию (кстати, порою с явным преувеличением!) урартскими письменными источниками того факта, что до проведения ирригационных работ в данных районах «земля была пустынной, ничего не было здесь построено», «земля была необитаемой, никто здесь не находился», «земля была необработанной, ничего здесь не было», «земля была пустынной, ничего не было здесь раньше(?)», (ни) посева, (ни) виноградника, (ни) сада, (и) канал (тоже) не был здесь проведен» и т. д. и т. п.

Земледельческие и садоводческо-виноградарские центры постепенно появляются на тех территориях, которые обладали богатыми водными ресурсами или же были расположены недалеко от водных артерий. В последнем случае орошение полей, фруктовых садов и виноградников обеспечивалось путем создания громадных искусственных водных бассейнов и разного рода ирригационных каналов в целом ряде областей и районов этой обширной территории. К тому же не исключено, что урартийцы в ряде случаев расширяли и улучшали ирригационную систему, созданную туземным населением еще до их прихода. Так было, возможно, с северными периферийными областями (страна Аза и др.), включенными позже в территориальный состав государства Урарту.

Всем вышеприведенным следует объяснить тот факт, что разбивка полей с посевами или же фруктовых садов и виноградников в урартских письменных источниках сопутствует, как правило, сооружению искусственных озер и оросительных каналов.

Ирригационная сеть создавалась урартийцами в различных областях государства—в центральных и окраинных. Особо нужно отметить гигантские каналы, проведенные для столицы Урарту Тушина-Русахишли и города Улху (к северу от оз. Урмия), а также каналы, отведенные от реки Даниала (Арацани?). Кроме того, ряд других оросительных каналов был проведен на северном побережье оз. Ван (в районах Арчеша.

Беркри и т. д.), у верхнего течения реки Арацани (в районе Маназкерта), на южном побережье Ванского озера (в урартской области Анду(ни)-Айаду) и т. д.

Среди ирригационных сооружений, созданных урартийцами в периферийных областях, следует упомянуть каналы, проведенные на территории страны Аза и долины Куарлини (возможно, эта долина также входила в состав Аза). Ряд каналов здесь был отведен от Аракса, а канал Умешини—от реки Раздан (урартск. Илдаруниа).

Этими ирригационными предприятиями успешно занимались урартские правители Менуа, Аргишти I, Сардури II, Руса I, Аргишти II и Руса II. Весьма возможно, что урартийцы создавали ирригационные сооружения и в других областях и районах обширного Армянского нагорья, о чем, однако, мы все еще не осведомлены. Быть может, в клинописных источниках запечатлены сведения лишь о тех искусственных озерах, ирригационных каналах и т. д., сооружение которых потребовало затрату особых усилий и громадного времени. Ведь известно, что земледельческие и садоводчески-виноградарские области и районы отнюдь не ограничивались территориями, на которых, по сведениям письменных источников, создавались оросительные каналы. Несомненно, имелись посевы, фруктовые сады и виноградники, расположенные непосредственно у берегов больших и малых водных артерий. В таких случаях, разумеется, не было необходимости в сооружении особых ирригационных каналов для их орошения.

Таким образом, в районах вновь созданных или возобновленных и расширенных оросительных каналов, искусственных озер и т. д., или же непосредственно у берегов водных артерий урартийцы постепенно культивировали поля с посевами, фруктовые сады и виноградники для обеспечения нужд государства в сельскохозяйственных и садоводчески-виноградарских продуктах.

Наиболее развитыми земледельческими центрами, по сведениям письменных источников, в то время становятся: Тушпа-Русахинили, а также районы каналов для этого города, прилегающие к озеру Ван с востока и юго-востока, район Арчеша и др.—на северном побережье оз. Ван, страны Анду(ни)-Айаду и Уайанс, прилегавшие к оз. Ван с юга, области Сангибуту (с городом Улху), Армарили, Мана, Бари, Ушкайа, Уишдиш, Месси и др., простиравшиеся к востоку и юго-востоку от оз. Ван, в бассейне оз. Урмия и к югу от него, Хабху (со «страной» Арбакку)—к югу и юго-востоку от оз. Ван, Шуприа—к западу (юго-западу) от оз. Ван, Бит-Замани и Нирбу—в верховьях Тигра, Маназкертская и Патноцкая равнины у верховьев Арацани, Аштухини—в бассейне Карс-чая (арм. Вананд), Эриахи (арм. Ширак)—в бассейне Ахурян-Арпачай, Аза (Араратская равнина)—в бассейнах Аракса и Раздана.

Основными зерновыми культурами, которые выращивались на территории Урарту, судя по раскопкам Тейшебаини, Эребуни и Русахинили, являлись пшеница, ячмень, просо и кунжут, среди огородно-бахчевых культур—арбуз, нут, чечевица.

Накапливаемые регулярно зерновые запасы содержались в огромных зернохранилищах, сооруженных на разных территориях государства Урарту. Так, по сведениям письменных источников, известны зернохранилища, сооруженные в Ване (вместимостью в 10 тысяч «капи»), Аствацашене (район Вана—более 15 тысяч 300 «капи»), в Патноце (вместимостью более 18 тысяч 400 «капи»), в Арни-берде (вместимостью в 10 тысяч сто «капи» и 5 тысяч сто «капи») и в Армавире (1432 «капи»). Следовательно, общая емкость известных нам урартских зернохранилищ составляет более 60 тысяч 332 «капи». В летописи Сардури II в не совсем ясном контексте упоминаются также громадные зерновые запасы в один миллион 22 тысячи 133 «капи». Таким образом, общее количество известных нам урартских зерновых запасов составляло более одного миллиона 82 тысяч 465 «капи».

Кроме того, нам известно 150 потаенных складов страны Эриахи (район Лениакана) и зернохранилище (или зернохранилища?) страны Аштүхнии (Карская область), о запасах которых, однако, мы не располагаем конкретными сведениями. Громадные зерновые запасы, обнаруженные при раскопках Тейшебани, свидетельствуют о наличии зернохранилищ также в этом административно-хозяйственном центре, однако известные письменные источники, к нашему удивлению, ни слова не говорят об этом.

Совершенно ясно, что зерновые запасы, которые накапливались ежегодно урартийцами с обрабатываемых посевов огромной территории Армянского нагорья, отнюдь не ограничиваются вышеприведенными цифрами. Приведенные данные составляют лишь незначительную часть общих урартских зерновых богатств.

Что касается ассирийских письменных источников, то они, как правило, умалчивают о площади посевов, количестве полученного урожая и т. д. Известно лишь, что Ашшурнасирапал II наложил на Илану, правителя Бит-Замани дань в 2000 имеров. ячменя, т. е. около 80 тонн.

Однако совокупность сведений урартских и ассирийских клинописных источников, а также зерновые остатки, обнаруженные при раскопках Тейшебани, Русахинили, Эребуни и т. д., с достаточной убедительностью свидетельствуют о высоком уровне земледелия Армянского нагорья в эпоху Урарту.

По темпам своего развития не отставали от земледелия также виноградарство и садоводство. Садоводчески-виноградарские центры Урарту, по сведениям письменных источников и археологического материала, были расположены: в бассейне озера Ван—районы каналов для Тушпа-Русахинили на востоке и юго-востоке, Арчеша, Беркри и т. д.—на севере, страны Аиду (ни)=Айаду, Уайаис, Хубушкина—на юге; в бассейне озера Урмия: Сангибуту (с городом Улху)—на северном побережье, Гилзан—на западе, Мана—на юге и востоке; между озерами Ван и Урмия—Армарили; в бассейне верхнего Тигра и его притоков—Киррури, Мусасир, Улманна, Хабхи, Нирбу, Кибаку, Шура (Сура), Нирдун, Катмухи (Кутмухи), Мушку, Бит-Замани; к западу (юго-западу) от оз. Ван—Шуприа, Уруму; в бассейне Евфрата—Куммух; между Евфра-

том и Тигром—Ицал(л)а; в бассейне Арацани—районы Маназкерта, Бостанкайа и т. д.; в бассейнах Аракса и Раздана—Аза с долиной Куарлини.

Судя по раскопкам Тейшебани, на Араратской равнине (и ряде других территорий Урарту) выращивались следующие фрукты: слива-алыча, персики, гранаты, яблоки, мелкая вишня, а также орех.

Гораздо более богато представлен материал по урартскому виноградарству и виноделню. Археологические раскопки обнаружили косточки Воскеата (Харджи), Мехали, Арарати (Ачабаш) и некоторых сортов черного винограда. Примерно 400 тысяч литров вина ежегодно хранилось в многочисленных кладовых Тейшебани, около 220 тысяч литров—в кладовой Бостанкайа (бассейн Арацани). Кроме того, Сардуровская летопись в неясном контексте упоминает примерно 27 тысяч литров вина. Таким образом, нам известны лишь незначительные запасы вина, хранившегося в некоторых урартских кладовых, которые, однако, составляют громадное количество—650 тысяч литров.

Приведенные данные свидетельствуют о весьма высоком уровне развития урартского виноградарства и виноделия, отчасти также садоводства.

Прежде чем перейти к некоторым общим выводам о скотоводстве, следует отметить, что разнообразные природные условия целого ряда областей Армянского нагорья обусловили интенсивное развитие разных отраслей хозяйства на одних и тех же территориях, причем земледелие, садоводство и виноградарство нашло место в долинах и низменностях, в то время как скотоводство—в горах. Следовательно, не может вызвать удивления тот факт, что некоторые из областей, которые выше отмечались в связи с развитием земледелия, садоводства и виноградарства, теперь уже выступают и как скотоводческие. Разумеется, в данном случае речь может идти лишь о преобладании тех или иных отраслей хозяйства в одних и тех же областях. Не исключено также, что в отдельных случаях не было и этого преобладания в зависимости от соотношения низменных и горных районов в одной и той же географической единице.

Таким образом, развитыми скотоводческими областями являлись: район Зым-зым дага, область Армарили—к востоку от оз. Ван, Сангибуту (с Бари) и Пулуади—к северу и северо-востоку от Урмийского озера, Гилзан, Ман(и)а (с Ашкайа долиной, Угишти и т. д.)—на западном и восточном побережьях Урмийского озера, Бушту, Аллабриа, Паршуа, Баруата, Бабилуни, Гизилбунда, Мидня и т. д.—к югу и юго-востоку от озера Урмия, Мусасир, Кирури, Улманна—в верхнем и среднем течениях Большого Заба (притока Тигра).

Далее, некоторые другие скотоводческие области были расположены к югу и юго-востоку от Ванского озера (Хубушкина, Хабхи) и вдоль побережий верхнего Тигра (район гор Нибур, области Кумани, Нирбу, Нирдун, Катмухи, Бит-Замани, Ашша-Алзи и т. д.), между бассейнами Тигра и Евфрата (Ицалла, Бит-Бахнани, Бит-Яхири), на западном по-

бережье Евфрата и вплоть до северного побережья Средиземного моря (Куммух, Хатти, Куэ, Хилакку, Иллубру), к юго-западу и западу от Ванского озера (Шуприа, Ур(у)ме, Мелитеа и т. д.), к северо-западу (Туарацини, Табал, Днаухи, Кулха, Забаха, Тариуни и т. д.) и, наконец, к северу и северо-востоку от Ванского озера (Абиллани, Абуни, Уитерухи, Эриахи, Игани-Ийани, Этиуни, Удури-Этиуни и т. д.).

В упомянутых выше областях нашел широкое развитие прежде всего основной вид животноводства— крупный и мелкий рогатый скот. Сведения о скотоводстве в разных областях извлекаются косвенным образом из победных надписей в тех случаях, когда в них повествуется о захвате скота или же о наложении дани скотом. Однако все это не дает полной картины развития скотоводства в различных областях Армянского нагорья. Это объясняется прежде всего тем, что подобные надписи констатируют не вообще скотоводческие богатства завоеванных областей, а лишь количество угнанного из их территории скота. С другой стороны, далеко не все данные относительно скотоводства полностью дошли до нас, ввиду наличия целого ряда повреждений цифровых обозначений в надписях. И, наконец, если урартские надписи, как правило, конкретно указывают количество угнанного скота, то ассирийские источники весьма часто удовлетворяются лишь констатацией фактов, в общей сложности, о захвате крупного и мелкого рогатого скота, коней, верблюдов, мулов и т. д., без указания их количества или же, в лучшем случае, с добавленным выражений «без счета», «в несметном количестве» и т. д. Этим именно следует объяснить тот факт, что хотя ассирийские письменные источники содержат немало сведений относительно животноводства, в том числе крупного и мелкого рогатого скота в целом ряде областей древнего Востока, тем не менее они не в состоянии дать конкретное представление об уровне развития скотоводства этих стран и областей. Известно лишь, что ассирийцы угнали из разных областей Урарту и других древневосточных стран незначительное количество скота, а именно: крупного рогатого скота всего 7 тысяч 945 и мелкого рогатого скота 126 тысяч 235. Кстати, из общего количества мелкого рогатого скота 100 тысяч 225 голов было угнано лишь из Мусасира ассирийским царем Саргоном II в 714 г. до н. э.

Что касается урартских письменных источников, то в них сплошь и рядом приводятся весьма конкретные цифры о количестве угнанного скота. Хотя в ряде случаев эти цифровые обозначения повреждены, тем не менее урартские надписи, особенно летописные тексты, гораздо больше способствуют выяснению уровня развития скотоводства завоеванных областей, чем ассирийские письменные источники. Итак, согласно этим надписям, но далеко не полным данным, общее количество крупного рогатого скота составляет 326 тысяч 58 голов, а мелкого рогатого скота—один миллион 134 тысячи 595 голов. Такое огромное количество крупного и мелкого рогатого скота урартскими правителями было приобретено в основном путем завоевательных походов. Сюда входит отчасти скот, полученный в качестве ежегодной дани от некоторых по-

коренных областей, а также скот, переданный урартскими правителями в хозяйство храмов, в частности в Мусасирский храм бога Халди.

Изучение уровня развития скотоводства на территории Армянского нагорья в эпоху Урарту показывает, что наиболее богатые скотоводческие области были расположены на севере, с одной стороны, и на юге и юго-востоке, с другой. При этом северные области брали верх над южными и юго-восточными. Достаточно сказать, что за один лишь поход Аргишти I из некоторых северных областей (Диаухи, Шернази, Тарнуни, Забаха, Игани, Эрнахи, Абуни, Унтеруки и т. д.) угнал 35 тысяч 16 голов крупного и более 101 тысячи (количество тысяч сохранилось не полностью) 829 голов мелкого рогатого скота. Затем, тот же урартский царь во время другого своего похода, совершенного против Абилиани, Этиуни, Удури-Этиуни и т. д., захватил более 126 тысяч голов мелкого рогатого скота (цифры относительно крупного рогатого скота вообще и количество сотен (единиц?) мелкого рогатого скота не сохранились). Далее, за один лишь поход Сардури II из некоторых северных (Игани, Эрнахи, Абуни и т. д.) и северо-восточных («страны» Севанского бассейна—Аркукини, Адахуни, Лунируни, Эшумуа, Камину и т. д.) областей угнал 40 тысяч 353 головы крупного и 214 тысяч 700 голов мелкого рогатого скота. Такое громадное количество скота не прослеживается даже в связи с такими юго-восточными высокоразвитыми скотоводческими областями, как Мана, Бушту, Паршуа (Парсуа), Бабилу(ни) и т. д. С северными областями так или иначе можно сопоставить лишь юго-восточный культовый центр Мусасир (область с одноименным центральным городом), с территории которого Саргон II однажды угнал 100 тысяч 225 голов мелкого рогатого скота. Однако здесь следует учесть, что такие крупные стада культового центра—Мусасира были приобретены в основном путем царских пожертвований. Достаточно упомянуть, что во время одного лишь посещения Мусасирского храма урартские цари Ишпуини и Менуа преподнесли ему 1112 голов крупного и 21 600 голов мелкого рогатого скота. В этой связи мы склонны думать, что многочисленные стада разного вида скота, принадлежавшие Мусасирскому храму, были созданы не только за счет естественного прироста, но и, в основном, путем регулярных дарений, которые делали урартские цари за счет огромного количества скота, захваченного в разных областях, в особенности в северных.

С другой стороны, приведенные факты наглядно показывают, что на территории Армянского нагорья в древневосточную эпоху количество мелкого рогатого скота, как правило, в несколько раз преобладало над количеством крупного рогатого скота.

Вслед за крупным и мелким рогатым скотом в экономике Урарту занимало особое место коневодство. Коня в то время использовались в земледельческих и садоводческо-виноградарских работах, а также в скотоводческом хозяйстве. Они регулярно использовались и в военном деле, особенно во время стремительных походов урартийцев, направленных против непокорных стран и племен. Поэтому коневодство стало из-

любленным занятием целого ряда стран и областей Армянского нагорья. К числу таких стран и областей следует отнести Хубушкина, Хабхи, Киррури, Улманна, Гилзан(у), Ман(н)а, Суби, Парсуа, Эллии, Аллабриа, Зикирту, Бабилу(ни) (Намру?), Мидию на юге и юго-востоке, Шуприа, Внутренний Уруму, Мелитеа, Табал, Бит-Замани, Нирбу, Нирдун, Бит-Яхири, Ицаллу, Бит-Бахиани, Хатти, Ханигалбат—на западе и юго-западе, Заизнуи (крепость в Армарии?), Пулуади, Сангибуту (с Бари), Далайя (с сильными укреплениями Тарун и Тармакиса)—на востоке, Туаранини, Днаухи, Кулха, Тариуни—на северо-западе и, наконец, Абилиани, Ига(ни) = Ийа(ни)?, Эриахи, Аза, Этиу(ни), Удури-Этиу(ни)—на севере и северо-востоке.

Урартские цари во время своих победоносных походов сплошь и рядом захватывали огромное количество коней в завоеванных областях. Среди этих областей были и такие, где количество захваченных коней исчислялось тысячами. Так, во время одного похода было захвачено 1104 коня в Днаухи, Шернази, Тариуни, Забаха, Ига(ни), Эриахи, Абуни, Уитерухи и т. д., 1120—в Паршуа, 1280—в Абилиани, Аништирга, Куарзани, Ултузани, Этиуни, Удури-Этиуни и т. д., 1200—в Мана, Этиуни, Эриахи, Катарза, Ишкигулу, Уитерухи, 4426 (кроме того, наложено в качестве ежегодной дани еще 1000)—в Днаухи (с подвластными ей странами и племенами Биа(ни), Хуша(ни), Диди(ни), Ашкалани, Када, Шашки, Ардарикхи и т. д.), 1500—в Кулха и Уитерухи, 1613—в Пулуади и Эриахи, 3500—в Ига(ни), Пузуниа, Эриахи, Иштелуани, Каданини, Абуни, Аркукни, Адахуни и т. д. и т. п. Кроме того, развитием коневодства особо отличалась приурмийская область Суби (на восточном побережье оз. Урмия), жители которой «во всем Урарту не имеют равных в умении обучать лошадей для конницы». Далее, страна Бари области Сангибуту являлась «упованием скота» урартского царя Руса I. Здесь «кони, запас его (Руса I—Н. А.) царского полка, были поставлены в конюшни...». Затем, город Аништанна, построенный на границе Сангибуту (между Ушкайа и Тармакиса), считался «домом табунов» Руса I. Вот в основном наиболее развитые коневодческие области и районы государства Урарту.

Согласно урартским источникам, но далеко не полным данным, общее количество коней, приобретенных в процессе военных походов, составляет 33 тысячи 813. Здесь следует учесть, что в силу своеобразного характера урартских надписей мы имеем представление не обо всех коневодческих запасах покоренных урартийцами областей, а лишь о количестве захваченных коней. С другой стороны, из-за множества повреждений в текстах мы имеем далеко не полное представление даже о количестве захваченных коней. Все это указывает на то, что вышеприведенные цифры составляют лишь часть общего количества коней многочисленных областей, входивших временно или постоянно в территориальный состав государства Урарту.

Что касается ассирийских источников, то сведения их об уровне развития коневодства сравнительно скудны. Правда, они сплошь и ря-

дом упоминают о захвате коней или упряжных лошадей в разных урартских областях. С этой точки зрения ассирийские надписи нередко выявляют нам коневодческие центры Урарту и других древневосточных стран. Однако далеко не во всех случаях они приводят конкретные цифры, позволяющие судить об уровне развития коневодства на тех или иных территориях. Нам известны лишь некоторые конкретные цифры: Тиглатпаласар I на 23 наирских царей (от Тумме до Дайаэни) наложил дань—1200 коней. Тукульти-Нинурта II, завоевав обширную территорию, начиная от Шубару (Шуприа) до Гилзану и Напри, угнал в Ниневию, столицу Ассирии, 2720 коней. Ашшурнасирапал II в Бит-Замани захватил 460 упряжных лошадей с 40 колесницами. Тиглатпаласар III от царя Табала принял 200 коней. Саргон II получил в качестве дани от Уллусуну манейского, Далти эллинского, Белапалиддина аллабрийского, 45 начальников поселений страны сильных мидян—4609 лошадей (и мулов) и, наконец, Ашшурбанапал на царя Уалли Страны манеев назначил сверх прежней дани еще 30 лошадей.

Таким образом, нам известна лишь незначительная часть коней (около 9 тысяч), захваченных ассирийцами на разных территориях государства Урарту и других древневосточных стран, ставших яблоком раздора между Урарту и Ассирией.

В животноводстве Урарту занимали некоторое место также мулы и ослы. К сожалению, урартские источники, как правило, умалчивают об этих видах животных. Мулы в количестве 132 голов упоминаются лишь в Сардуровской летописи, а также в одной большой клинописной табличке, обнаруженной при раскопках Кармир-блур. Что касается ослов, то хотя урартские надписи о них не говорят ни слова, раскопки Тейшебаини дали костные остатки двух экземпляров домашних ослов.

Сравнительно богатые сведения о мулах и ослах мы находим в ассирийских письменных источниках, согласно которым этими видами животных отличались Сангибуту, Киррури, Улманна, Мусасир, Манна, Парсуа, Аллабриа, Эллини, Мидия—на востоке и юго-востоке, Хубушкина, район гор Нибур, Нирбу, Нирдун, Бит-Замани, Хилакку—на юге и юго-западе и, наконец, Шуприа, Внутренний Уруму, Шинухту, Мелитеа, Диаухи—на западе и северо-западе. При этом цифровые обозначения о мулах и ослах встречаются лишь в некоторых случаях: один раз в анналах Тиглатпаласара III и четыре раза в анналах и в «Луврской табличке» Саргона II. Так, Тиглатпаласар III захватил 300 мулов и 660 ослов в наирских поселениях Армянского Тавра. Саргон II из Мусасира вывел то 692 мула и осла (анналы), то 12 мулов и 380 ослов (эти сведения в «Луврской табличке» упоминаются дважды). Тот же ассирийский царь принимает дань Уллусуну манейского, Далти эллинского, Белапалиддина аллабрийского, 45 начальников страны сильных мидян—4609 лошадей и мулов.

В хозяйстве Урарту и смежных стран занимали некоторое место также верблюды. Выращиванием верблюдов, как на это указывают урартские и ассирийские письменные источники, занималось небольшое

количество стран, расположенных на юге, востоке и юго-востоке: Ассирия, Пулуади, Сангибуту, Гилзан(у), Мана, Ашкайя-долина, Шатирарага(ни), Угишти(ни), Бушту, Паршуа и т. д. Ассирийские источники, как правило, лишь в исключительных случаях сообщают сведения об угонах верблюдов после завоевания тех или других стран, причем не приводят об этом конкретных цифр. Известно лишь, что Салманасар III захватил то двух, то семь двугорбых верблюдов в стране Гилзан(у). Что касается урартских источников, то в них приводятся сравнительно конкретные сведения о захваченных верблюдах с указанием их количества. Так, 1065(?) верблюдов захватили Ишпуини и Менуа в стране Паршуа, 184 верблюда—Аргишти I в Ассирии, Бушту и т. д., 101 верблюда—Аргишти I в Мана, Бушту, Ашкайя-долине, Шатирарага(ни), Угишти(ни), 100 верблюдов—Аргишти I в Мана и Бушту, 62 верблюда—Аргишти I в Мана и, наконец, 115 верблюдов—Сардури II в Пулуади. Таким образом, согласно урартским надписям, нам известно всего 1627 верблюдов, угнанных из перечисленных выше стран.

Урартийцы, очевидно, придавали особое значение верблюдам. Этим следует объяснить тот факт, что в перечислении захваченной дани верблюды, как правило, занимают второе место вслед за конями. Лишь раз в одной надписи Ишпуини и Менуа верблюды упоминаются вслед за крупным рогатым скотом. Выращиванием верблюдов, как это видно, занимались лишь некоторые страны бассейна озера Урмия, а также страны, расположенные к югу, юго-востоку и юго-западу от этого озера. Вопреки существующему мнению, мы считаем, что верблюды в то время не занимали абсолютно никакого места в хозяйстве северных стран, в том числе страны Эриахи (район Ленинакана). Подобный наш вывод основан на том, что верблюды совершенно не упоминаются в письменных источниках, когда речь идет лишь о северных странах. Зато они упоминаются в связи с походами против восточных, южных и юго-восточных стран. По этой причине, когда в связи с военными походами, направленными одновременно против как восточных и юго-восточных, так и северных стран, упоминаются верблюды, то их следует отнести исключительно к восточным и юго-восточным странам, но не к северным.

Кроме всего сказанного в Келяшинской билингве упоминаются 9120 коз и ягнят свободных (в отношении использования?), а также 12 480 больших коз для жертвоприношения, преподнесенных царями Ишпуини и Менуа Мусасирскому храму.

Раскопки Тейшебани и Эребуни дали костные остатки крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, ослов, свиней и других домашних животных. Подобные материалы были обнаружены также при раскопках некоторых других объектов, относящихся к эпохе Урарту.

Из-за скудости материала общественный строй государства Урарту изучен недостаточно. Тем не менее можно считать установленным, что основными звеньями его являлись: общинные, царские (государственные) и храмовые хозяйства, наряду с которыми имелись также хозяйства представителей царского рода, военной и служилой знати.

Государственные доходы поступали, вероятно, главным образом за счет общинных хозяйств. Кроме того, эти доходы в значительной степени обогащались путем насильственного сбора дани из подвластных государству Урарту областей, а также благодаря захвату огромного количества трофея при завоевательных походах. Частая военная экспансия, предпринимавшаяся урартийцами, вызывалась в известной степени стремлением восстановить или регулировать нарушенную нередко экономику государства. Что касается других хозяйств (царских и т. д.), то они за счет своих доходов в значительной мере дополняли и подкрепляли мощную и разнообразную экономику государства.

Рабовладельческий характер государства Урарту не подлежит сомнению. Однако многие стороны применения рабского труда в экономике до сих пор остаются невыясненными. Все же вполне вероятно, что рабы надлежащим образом использовались в крупных мероприятиях общегосударственного значения: сооружение крепостей и храмов, проведение ирригационных каналов, разбивка и обработка полей с посевами и садов-виноградников, переработка земледельческих продуктов в ремесленном производстве и т. д. и т. п. Здесь следует иметь в виду в основном царские, храмовые и общинные хозяйства.

Источниками приобретения рабов являлись главным образом захватнические войны. В период наивысшего могущества Урарту (середина VIII в. до н. э.) количество захваченных ежегодно военнопленных достигало нередко нескольких десятков тысяч человек. Эти военнопленные, несомненно, в качестве государственных или самостоятельно хозяйствующих рабов использовались в разных отраслях экономики. Таким образом, рабский труд, естественно, лег в основу интенсивного развития сложной и многогранной хозяйственной жизни Урарту.

## УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В указатель не вошли весьма часто встречающиеся названия, как «Армянское нагорье», «Арменния», «Наинри-Урарту-Бианили», «Ванское царство», «Ассирия», «древний Восток».

- 'А (=Уа) 199  
 Абарне 160  
 Абасини 43, 71, 109  
 Абегеанк 177  
 Абнани 178, 182  
 Аблшани 45, 77, 148, 174, 177—179, 181, 193, 194, 196, 209—211.  
 Абраина 160  
 Абуни 171, 172, 175, 177—181, 196, 209—211  
 Авцуник 177  
 Ада 43, 44, 71, 72, 108, 109  
 Адахуни 179, 194, 210, 211  
 Адиаман Нижний 100, 195.  
 Аждаха-юрт 50  
 'Аза 45—47, 78—82, 86, 91, 118, 119, 134, 138, 148, 191, 205, 206, 208, 211  
 Азат 12, 50  
 Азербайджан 90  
 Азербайджан Иранский 143, 180  
 Азиатское плоскогорье 15  
 Азия 15  
 Азия Малая 162  
 Анду(ни) (Айаду—см.) 32, 33, 39, 46, 51, 69—62, 69, 105, 106, 206, 207  
 Айаду (Анду(ни) — см.) 32, 33, 39, 51, 60, 62, 63, 105, 106, 117, 206, 207  
 Айкаберд 22, 104  
 Анкаванк 105  
 Айол-дзор 14, 18, 19, 21  
 Айриванк 100  
 Аканц 107  
 Алашии 56, 58, 104, 105  
 Алашкерт 14  
 Алзник 116, 165  
 Александрополь 12  
 Алеппо 67, 161  
 Алзи(ни) 116, 163, 165, 166, 208  
 Алина 38, 71, 109  
 Алишар 142, 143  
 Аллабрина 150, 156, 159, 208, 211, 212  
 Алше, Ашина (=Алзи?) 163, 164, 166, 208  
 Амид 69, 162, 165  
 Ана-Ашур-утирацбат (=Пигру—см.) 162  
 Анара 160  
 Анатолия 11  
 Андия 67, 113, 151, 154, 156  
 Аништанина 151, 197, 211  
 Аништирга 177, 211  
 Аниатар 153  
 Аравия 165  
 Арагац 49—51  
 Аракс 12, 13, 24, 31, 33, 40, 45—47, 49, 52, 58, 70, 74—76, 78, 79, 81, 102, 118—120, 138, 142, 148, 177, 179, 181, 206, 208  
 Араксена 119  
 Арарат 12  
 Араратская равнина 11, 12, 45—47, 49—52, 78, 79, 81, 86, 89—91, 93, 97, 99—101, 117—120, 136, 138, 148, 183, 192, 193, 206, 208  
 Арасбаран 143  
 Арацани (Арцаниа — см.) 12, 24, 34, 36, 39—41, 43—46, 52, 70—73, 81, 89, 102, 108—110, 127, 148, 169, 170, 177, 206, 208  
 Арбакку/и 68, 70, 158, 206  
 Арвах (Аврах) 68, 158  
 Аргастовит 43  
 Аргиштихинили 33, 35, 37, 39, 45—47, 55, 58, 73, 78—81, 99—101, 108, 118, 119, 148  
 Ардарикихи 171, 211  
 Ардини (Мусасир — см.) 42, 114, 154, 182  
 Арзанена 167  
 Ариду 113  
 Арин-берд (Эребуни — см.) 73, 79—81, 118, 184, 207  
 Аркуки(у)ни 179, 193, 194, 210, 211  
 Армавир (Аргиштихинили — см.) 33, 39, 46, 58, 73, 78, 79, 81, 118, 119, 207

- Армарили (Армарийали) 65, 70, 112, 117, 141, 142, 156, 206—208, 211  
 Арпа-чай 75, 76, 81, 206  
 'Арсита (Харси?—см.) 149  
 Артамед 21  
 Артанышский залив 51  
 Артараша 35, 58  
 Артарму 177  
 Артос 19  
 Арха 147, 176  
 Архашан-Анберд 50  
 Арцаниа (то же, что Арцани — см.) 41, 42  
 Ариваберд 36, 38, 39, 41, 43, 71, 72, 108, 109  
 Арчеш 34—36, 38, 54, 57—60, 62, 72, 107, 205—207  
 Аствацашен 54—56, 73, 80, 81, 104, 207  
 Астхадзор 100, 195  
 Атарбекян 101  
 Афумон 69, 167  
 Ахнуни 32  
 Ахлат 13  
 Ахтамар 32, 33, 39, 40, 60, 105  
 Ахурнани 74, 75, 77  
 Ахурян (р.) 12, 13, 75, 78, 81, 119, 206  
 Ашкайа 66, 148, 151, 208, 213  
 Ашкалаши 171, 211  
 Ашрут-дарга 22  
 Аштеанк 39  
 Аштишат 39  
 Аштухнии 74, 75, 77, 206, 207
- Бабилу(ни) (Намру?—см.) 147, 149, 150, 153, 156, 208, 210, 211  
 Багреванд 39  
 Байбурт 14  
 Балтулхи 171  
 Бамни 194  
 Барбас 160  
 Бари 66, 70, 142, 197, 206, 208, 211  
 Баруата (Бит-Барру(а) — см.) 147, 149, 150, 153, 156, 208  
 Баршуа (то же, что Парсуа, Паршуа—см.) 67, 152  
 Басен 14  
 Батман 69, 167  
 Бендимахн 13, 34  
 Беркри 33, 43, 46, 54, 59, 107, 206, 207  
 Биа(ни) 171, 175, 211  
 Бингэль (р.) 12  
 Бит-Абдадани 153  
 Бит-Адиши 162  
 (Бит)-Барру(а) (то же, что Баруата — см.) 149, 150, 153  
 Бит-Бахнани 162, 208, 211  
 Бит-Буруташ 169
- Бит-Замани 68—70, 115—117, 159, 163—166, 206—208, 211, 212  
 Бит-Нахири 162, 208, 211  
 Бихурани 194  
 Бол-даг 22  
 Бостан-кайа 41, 72, 109, 127, 208  
 Бохтан 12, 68, 70, 113, 117, 156, 158  
 Бушту (Бусуту) 146—151, 153, 156, 176, 178, 179, 208, 210, 213  
 Бюраки 12
- Вавилон 110, 173  
 Вавилония 94  
 Ван (оз.) 13, 20, 21—24, 31—34, 36—40, 43, 44, 46, 52—60, 63, 65, 67, 69, 102, 104—108, 110, 116, 146, 156, 158, 166—168, 173, 177, 181, 205—209  
 Ван (гор.) 13, 14, 17—20, 22—25, 27, 31, 35, 37, 54—56, 58, 73, 81, 104, 105, 141, 142, 181, 207  
 Вананд 74, 81, 206  
 Вараг 20, 105
- Гайл 12  
 Галис 164, 168  
 Гандза 51  
 Ганлиджа 75  
 Гаргамниш (Каркемниш—см.) 162  
 Гарни (сая.) 138  
 Гарни (р.) 50  
 Гель-юрт 50  
 Гефше 160, 164  
 Гехамские горы 49—51  
 Гиаршани (?) (ср. Гарни?) 51  
 Гизилбунда 151, 153, 154, 156, 208  
 Гилзан(у) 112, 113, 117, 144, 146, 156, 157, 167, 207, 208, 211—213  
 Гиркания 119  
 Головино 100, 183  
 Гохти 120  
 Грузия 90  
 Гунек 12  
 Гургум 163  
 Гурку 38, 39, 148, 149, 170  
 Гюзак 59, 106, 107  
 Гюзель-шехр 69
- Дапканша 160  
 Дапнала/и 35—44, 46, 71, 73, 108, 109, 205  
 Дайаэ 160  
 Дайаэни (Диаухи—см.) 170, 171, 173, 212  
 Далайа 211  
 Дали-чай 50  
 Дамдаммуса 69

- Данзун 160  
 Даша 160  
 Джавахети 170  
 Джавахк 170  
 Джебзирет-ибн-Омар 114, 117  
 Джейхана 163  
 Дженаб 69  
 Джераблус 162  
 Джуди-даг 160, 164, 165  
 Джульфа 12  
 Днадин 12  
 Днаухи (то же, что Дайаэни—см.) 89, 170—  
 178, 180, 194, 209—212  
 Диглат (Тшр—см.) 164  
 Дидини (?) 171, 211  
 Дилижан 182, 183  
 Дияла 113, 149, 156  
 Диярбекир (Амид—см.) 12, 69, 165  
 Дюмлю-даг 12  
  
 Евфрат (Шуратту—см.) 11, 12, 23, 29, 31, 64,  
 88, 89, 110, 111, 114, 116, 117, 162, 163,  
 166—168, 207—209  
 Египет 15  
 Енгусерчай 27, 56  
 Ерасх (Аракс—см.) 12  
 Ерасхадзор 12  
 Ереван 78, 101  
 Ерзика 14  
 Еруандакерт 119  
 Еруандашат 119  
  
 Заб Большой (Верхний) 42, 113, 117, 154,  
 156, 157, 208  
 Заб Малый (Нижний) 112, 117, 156  
 Забаха 170—172, 175, 177, 179, 180, 209—211  
 Загалу 100, 195  
 Зазабуха 117  
 Закавказье 22, 45, 97, 101  
 Замуа 112, 117, 156  
 Запзун 142, 211  
 Захо 160, 164  
 Звартиоц 14, 37, 47, 48, 99, 120  
 Зикирту 67, 113, 154, 211  
 Зирдиакка (Сирдиакка—см.) 153  
 Зуа(ни) 171  
 Зугухе 43, 71, 109  
 Зымзым-даг 103, 141, 208  
  
 Ига(ни) (то же, что Ийа(ни)?—см.) 171,  
 172, 174, 175, 177—181, 194, 209—211  
 Изала (ср. Изалла, Ицалла) 162  
 Изаура 115  
 Изоглу 168  
  
 Ийаба 68  
 Ийа(ни) (то же, что Ига(ни)?—см.) 147,  
 177—179, 194, 196, 209, 211  
 Илдаруша (Раздан—см.) 13, 46, 48, 99, 118,  
 206  
 Илдже 69, 167  
 Иллубру 163, 209  
 Имирзек 50  
 Индия 15  
 Инпа 160  
 Иран 93  
 Иркиуни 147, 148, 156, 179  
 Ир(е)куа(ни) (Эрикуа(хи)—см.) 182  
 Ирнуни 43, 71, 109  
 Ирсна 115  
 Ицал(л)а (Изал(л)а) 114, 115, 117, 162, 166,  
 208, 211  
 Ишала (ср. Ицал(л)а, Изал(л)а) 162  
 Ишкыгулу 149, 182, 211  
 Иштулуани 179, 211  
 Ишхангом 21  
  
 Иасабду 158  
  
 Кабилухи 171  
 Кагызванское ущелье 12  
 Када 171, 211  
 Каднани 179, 211  
 Кайсерн 163  
 Кала 37  
 Калани 168  
 Каллала 35, 37, 58, 108  
 Калху (Нимруд—см.) 41, 153  
 Камана (?) 167, 168  
 Камману 168  
 Кам(а)ну 179, 193, 194, 210  
 Каппадокния 169  
 Карабулак 183  
 Караташ (Иланташ) 107  
 Караяз 169  
 Карке 39  
 Каркемиш (Гаргамыш—см.) 162  
 Кармир (р.) 31  
 Кармир-блур (Тейшебанин—см.) 14, 46—48,  
 61, 84—86, 88, 89, 92, 97, 101, 105, 118,  
 120—131, 134—138, 159, 185, 188, 197, 212  
 Кармуч 13  
 Карс 177  
 Карская область 74, 75, 181, 207  
 Карс-чай 75, 81, 206  
 Карх (Тушхан—см.) 41, 68, 69, 112, 113,  
 115—117, 142, 144, 158, 161—164, 166, 167  
 Кар-Шулману-ашаред (Т.л.Барсиб—см.) 162  
 Касах 12

- Каспийские ворота 173  
 Каспийское море 119  
 Катарза 149, 174, 180—182, 211  
 Катепанц 21, 23, 103  
 Катмухи (Кутмухи) 115—117, 163—166, 207, 208  
 Кашияри (Тур-Абди—см.) 63, 67, 68, 114, 115, 117, 161—166  
 Кгмар 167  
 Кегн 12  
 Кедабек 183  
 Келяши 154, 155, 201, 213  
 Кентрит 70  
 Кессария Каппадокийская 163  
 Кешиш-гэль 24—27, 31, 35, 55, 56, 58, 104  
 Кибаку 114, 115, 117, 164, 207  
 Кибуна 160, 164  
 Кивах 114  
 Ки(е)хуни 182, 193  
 Киликия 163  
 Кировакан 182, 183  
 Киррури 113, 114, 117, 154, 156, 159, 207, 208, 211, 212  
 Кирхи (?) (Хабхи—см.) 117  
 Китлат 153  
 Кишлаг 195  
 Кишпал (?) 29  
 Ког 110  
 Колхида 170, 171  
 Комана 168  
 Комисена 174  
 Коммагена 116, 166  
 Котор 31  
 Кохнанц 26  
 Ку'албани 179, 194  
 Куа(ни) 152  
 Куарзани 177, 211  
 Куаряни 48, 78, 81, 82, 99, 120, 206, 208  
 Куда 160  
 Кудунци 201  
 Куераншли 38, 41, 71, 72, 109  
 Куллиммери (Кулмери) 167, 168  
 Кулха 170, 174, 175, 177, 194, 209, 211  
 Кумани 160, 164, 208  
 Кумаха см. Кум(м)ух  
 Кумену 160  
 Кум(м)ух (Кумаха—см.) 116, 117, 163, 166, 207, 209  
 Кунну 158  
 Кура 12  
 Курнака 35, 58, 108  
 Курушра 177  
 Кутемран 167  
 Кутубли 201  
 Куэ 163, 166, 209  
 Лампрон 163  
 Ленишакан 55, 75—78, 143, 177, 181, 207, 213  
 Лики(у) 182  
 Луеруни 193, 194  
 Луируни (Лунбруни) 179, 194, 210  
 Лукаданша 160  
 Лукна 160  
 Лулуме 156  
 Лухуни 78, 81  
 Луша 174, 181  
 Лчашен 100, 195, 196  
 Мазака 163  
 Мазгерд 37  
 Макарашен 183  
 Маку 143  
 Мазатия 168  
 Маи(н)а, Страна маи(н)еев, Мапейское царство 24, 38, 39, 45, 66, 67, 70, 113, 117, 143, 146—151, 153, 156, 159, 170, 175, 178—182, 206—208, 210—213  
 Маназкерт 41, 43, 44, 55, 71, 72, 108, 109, 127, 206, 208  
 Маназкертская равнина 11, 12, 73, 81, 206  
 Марди 117  
 Мармед 13  
 Мармос 44, 71, 72, 108  
 Мармуани 161, 168  
 Мартунинский район 100, 195  
 Матиату 115, 117  
 Маяфаркии (Неферкерт—см.) 167  
 Мешта 152  
 Мелнани 37  
 Мелид, Милидна (то же, что Мелитеа—см.) 163, 168, 169  
 Мелитеа (Мелид, Милидна—см.) 167—169, 177, 209, 211, 212  
 Мелитена 168  
 Мелуани 37  
 Менизани 43, 71  
 Менахшили 32, 33, 37, 45, 105  
 Мерси 163  
 Месопотамия 15, 162  
 Мессен (Мисси) 67, 70, 113, 145, 206  
 Менофай-ванк 72  
 Мжикерт Верхний 18, 19  
 Мжикерт Нижний 18, 20  
 Мидия (Медия) 150, 153, 156, 159, 173, 174, 208, 211, 212  
 Мидият 115, 117  
 Музур 12  
 Муканна 160  
 Мурджахети 51

- Мусасир (Ардини—см.) 42, 113, 114, 117, 154—156, 159, 182, 199, 201, 207—210, 212, 213  
 Мусурну (?) 160  
 Мухан 196  
 Муш, Мушская равнина 11, 12, 117, 168  
 Мушани (ср. Муш) 168  
 Мушку (Муску) 115, 164, 165, 207  
 Мхер-капуси 22, 103, 107, 141  
  
 Назик 13  
 Намру 149, 153, 211  
 Нахичеван 31  
 Немрун 163  
 Нераб 67, 161  
 Неферкерт (Маяфаркин—см.) 167  
 Нибур 160, 164, 166, 208, 212  
 Нигибл(ин) (ср. ассир. Никиппа) 152  
 Никку 160  
 Нимруд 13, 41, 153  
 Нивевия 151, 163, 167, 212  
 Нирбу, Нириба 67, 68, 70, 114, 117, 161, 206—208, 211, 212  
 Нирдун 114, 115, 117, 163—167, 207, 208, 211, 212  
 Нор-Ареш 184, 193  
 Нор-Баязет 98, 195, 196  
  
 Октемберян 12, 39  
 Опум (Офум) 167  
 Орхистена 174  
  
 Панзши 67, 113  
 Парсуа(ш), Паршуа (то же, что Баршуа — см.) 67, 113, 146, 147, 150—153, 156, 208, 210—213  
 Патноц (Бадноц) 55, 72, 73, 80, 81, 207  
 Патноцская равнина 73, 81, 206  
 Пацате 164  
 Передняя Азия 11, 89  
 Персида 173  
 Персидский залив 12  
 Персия 15  
 Пирама 163  
 Питру (то же, что Ана-Ашур-утираубат — см.) 162  
 Пузуниа 179, 211  
 Пулуади 143, 144, 156, 180, 208, 211, 213  
 Пуратту (Евфрат—см.) 31, 162  
 Пурулумзи 116, 165  
  
 Раздан (р.) 12, 13, 46—49, 52, 118, 120, 138, 206, 208  
 Разданский (бывш. Ахтинский) район 101  
  
 Речки 153  
 Ришар 65  
 Римуси 163  
 Рихиша 165  
 Русахшилли (Топрах-кале—см.) 16, 23, 24, 26—28, 30, 31, 54—57, 61, 62, 84, 99, 102, 104, 105, 110, 142, 197, 205—207  
  
 Сакка 160  
 Саланибу 68  
 Сангибуту 24, 28, 30, 31, 46, 63—66, 70, 111, 112, 117, 141—143, 151, 153, 156, 159, 206—208, 211—213  
 Сара 163  
 Сардарабад 12, 46, 47, 118  
 Сардурихурда 29, 65  
 Сарыкамыш 74, 77  
 Сары-пулак 19  
 Сасуенские горы 69, 116, 167  
 Саткури 158  
 Сахара 15  
 Севан (оз.) 13, 51, 82, 100, 101, 177—179, 181—183, 193—196, 210  
 Сейхуна 163  
 Синабу 69  
 Сипан-даг 55, 73  
 Сирдакка (Зирдакка—см.) 67, 113  
 Ситае 69  
 Средиземное море 162, 163, 166, 209  
 Суби 66, 70, 151, 197, 211  
 Субнат 69  
 Сурикаш 150  
 Схга 26, 37, 105  
  
 Табал 163, 167, 169, 209, 211, 212  
 Тавр Армянский 159, 212  
 Тайк 170  
 Тактумина (?) 35, 58, 108  
 Талворик (Талори) 116  
 Тао 170  
 Талсна 158  
 Тарирнахшилли 23, 37, 51, 103  
 Тарнуни 168, 170—180, 209—211  
 Тармакиса (Тармакису) 28, 66, 151, 211  
 Тарон 110  
 Тарр 182  
 Тарра (?) 177  
 Тарун 66, 211  
 Таса 160  
 Татария 15  
 Ташбурун 45  
 Теиртуби (?) 177

- Тейшебанин (Кармир-блур—см.) 14, 46, 47, 49, 61, 78—82, 84—86, 90—94, 97—102, 109, 118—120, 127, 130, 132, 134, 136, 138, 139, 183—187, 189, 191—193, 195, 199, 201, 203, 204, 206—208, 212, 213
- Тела 161
- Телебой 42, 73, 89, 110, 170
- Териани 179, 194
- Тигр (Диглат—см.) 11, 12, 29, 63, 64, 67—70, 88, 89, 102, 110—117, 149, 154, 160, 161, 163, 165, 166, 206—208
- Тиду 69
- Тил-Барсиб (то же, что Кар-Шулману-ашаред—см.) 162
- Тинна, Твана 169
- Тони 24
- Топрах-кале (Русахинили—см.) 26, 27, 55—57, 61, 84, 85, 99, 104, 105, 140, 142
- Тортум 14
- Тохмахан-гёль 50
- Туарацатап 39, 148, 149, 169, 170
- Туарацини-хуби («Туарацийская долина») 38, 39, 71, 109, 148, 149, 169, 170, 177, 209, 211
- Туатехи 168
- Тумме 171, 173, 212
- Тун(н)а, Атуна 169
- Тур-Абди (Кашийари—см.) 114, 115, 161, 163, 165, 166
- Турция 93
- Туша (Ван—см.) 13, 16—20, 22—28, 30, 31, 48, 52, 54, 55, 57, 62, 80, 103—105, 141, 142, 205—207
- Туха(н) (Карх—см.) 41, 68, 69, 112—117, 142, 144, 157, 158, 161—167
- Уайанс (Уаси, Уэси) 69, 70, 106, 206, 207
- Уайанс Старый 106
- Убурда 182, 193
- Угишти(ни) (Уишдиш—см.) 66, 70, 148, 208, 213
- Удурн-Этиу(ни) 148, 182, 193, 194, 196, 209—211
- Уеирда(ни) 182
- Уелику(ни/хи) 179, 181, 193, 194
- Унтеруки 149, 171, 174, 175, 177, 181, 182, 209—211
- Уихика (Уитика?) 148
- Уишдиш (Угишти(ни)?—см.) 66, 67, 70, 206
- Уиши(ни) 32, 33, 60, 61, 105
- Уишуши(ни) 182, 193
- Укку 160
- Укуани 43, 71, 109
- Улай 160
- Улиц[...](ни) 43, 71, 109
- Улманна (ср. Эламуна, Аламу?) 156, 207, 208, 211, 212
- Улгуза(ни) 177, 211
- Улаху 16, 24, 28—31, 46, 64, 105, 111, 112, 142, 143, 205—207
- Умеку (?) 177
- Умешни 14, 46, 48, 49, 99, 100, 120, 206
- Унна 160
- Уншуму (Шуму) 69, 167
- Ура 160
- Урийани 167
- Урме(ухи) (ср. Урум) 117, 167, 168, 173, 176, 177, 209
- Урмия 13, 23—25, 28, 30, 31, 63, 65—67, 70, 102, 110—113, 117, 141, 146, 152—154, 156, 205—208, 211, 213
- Урум (ср. Урме-ухи) 116, 168, 207
- Урум Внутренний 117, 159, 163, 165, 167, 211, 212
- Ухун 179, 194
- Ушкайа 66, 151, 206, 211
- Фавена 174
- Фригия 115
- Фум 69, 162, 167
- Хабур Восточный 160, 164
- Хабхи (Хабху) 42, 68, 70, 116, 117, 157, 158, 166, 206—208, 211
- Хабху Внутренний 158
- Хаги 34—36, 57, 58, 107, 108
- Хазнафар 50
- Хангалбат 162, 211
- Ханлар 138
- Харабисина 160
- Харк 39
- Харнурд 20
- Харси ('Арси-та?—см.) 149
- Хасан-Кейф 12
- Хат(т)е, Хатти 161, 162, 166, 209, 211
- Хахи(а) 182, 193
- Хезиль-су 160
- Хианк 116
- Хилакку 163, 166, 209, 212
- Хиста 160
- Хломарон 167
- Хотанлу 43, 44, 71, 72, 108, 109
- Хошаб 13, 14, 18—20, 22, 23, 23, 54, 104
- Хубушкина 112, 113, 116, 117, 156, 157, 159, 166, 207, 208, 211, 212
- Хули 117
- Хуркум 22, 32, 60
- Хур(р)а 165
- Хуша(ни) 171, 174, 175, 211

Цамакаберд 196  
Цвастан 22  
Цовинар 100

Чалдыр 170, 177, 179  
Челеби-баги 34, 35, 57, 107  
Чермук 160  
Черное море 12, 170, 177  
Чорох 12, 51, 170, 177

Шарара 147  
Шариту(ни) 152  
Шатирарага(ни) 147, 148, 176, 213  
Шашилу 171  
Шашки 211  
Шенгавит 89, 90, 101  
Шернази 171, 172, 175, 180, 210, 211  
Шинухту 169, 212  
Ширак 11, 13, 75, 76, 81, 177, 206  
Шор (Сор) 115  
Шубару (Шуприа—см.) 144, 212  
Шуприа (Шубару—см.) 69, 70, 116, 117, 159,  
163, 165, 167, 168, 176, 177, 206, 207, 209,  
211, 212

Шура (Сура) 114, 115, 117, 161, 207  
Шушанц 26, 105

Эламуниа (ср. Улманиа) 42, 117, 157  
Элизаншу 160  
Эллини 150, 153, 159, 211, 212  
'Элугна 160  
Элухат 165  
Эребуни (Арни-берд—см.) 45, 55, 73, 78—81,  
93, 100—102, 118, 134, 139, 183, 184, 192,  
206, 207, 213  
Эрзерумское плато 11, 14  
Эриахи 45, 55, 75—78, 143, 144, 149, 150, 171,  
172, 174, 175, 177—182, 194, 196, 206, 207,  
209—211, 213  
Эриккуа(хи) (Ир(е)куа—см.) 78, 81  
Эрину 32, 33, 105  
Эришат 13  
Этиу(ни/хи) 45, 75, 77, 148, 149, 174, 177,  
178, 180—182, 193, 194, 196, 209—211  
'Эуса 160  
Эчмнадзин 14, 47, 48  
Эшумуа 179, 194, 210  
Язылыташ 171

## СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Стены Тушинского канала царя Менуа. Клинопись у северо-западного угла оврага около сел. Катепанц.
2. Железные сошники. Топрах-кале.
3. Железные вилы. Топрах-кале.
4. Остатки зерен пшеницы. Кармир-блур.
5. Глиняная булла с надписью Руса IV, запечатывавшая дверь зернохранилища. Кармир-блур.
6. Сосуды для зерна. Справа — с иероглифическим обозначением емкости. Кладовая № 28. Кармир-блур.
7. Остатки зерен ячменя. Кармир-блур.
8. Глиняный сосуд для приготовления пива. Кармир-блур.
9. Остатки проса. Кармир-блур.
10. Остатки хлеба из просяной муки. Кармир-блур.
11. Мастерская для изготовления кунжутного масла; остатки кунжутных жмыхов (помещение № 2). Кармир-блур.
12. Мастерская для изготовления кунжутного масла; каменный чан для вымачивания кунжута (помещение № 3). Кармир-блур.
13. Железные предметы: вилы, тесло, часть запора, лопата. Кармир-блур.
14. Железные серпы. Кармир-блур.
15. Каменная зернотерка. Кармир-блур.
16. Каменная ступка. Кармир-блур.
17. Карасы для вина с клинописными обозначениями емкости после раскопки земляного поля. Кармир-блур.
18. Винный карас с клинописным обозначением емкости. Кладовая для вина № 25. Кармир-блур.
19. Глиняная воронка для вина. Кладовая № 25. Кармир-блур.
20. Кладовая для вина № 25. Кармир-блур.
21. Кладовая для вина № 28 (вид с запада). Кармир-блур.
22. Кладовая для вина № 28 (вид с востока). Кармир-блур.
23. Глиняные светильники. Кладовая для вина № 28. Кармир-блур.
24. Кувшины для вина из кладовой № 29. Кармир-блур.
25. Некоторые иероглифические обозначения емкости на карасах кладовой для вина № 25. Кармир-блур.
26. Клинописные обозначения емкости на карасах кладовой № 25. Кармир-блур.
27. Некоторые иероглифические обозначения емкости на карасах кладовой для вина № 28. Кармир-блур.
28. Карас для вина с клинописным обозначением емкости. Арин-берд.
29. Кладовая для вина. Арин-берд.
30. Косточки винограда. Кармир-блур.
31. Серебряная крышка сосуда с золотым навершием в виде яблока граната. Кармир-блур.
32. Плоды сливы-алычи. Кармир-блур.

33. Остатки пути. Кармир-блур.
34. Бронзовые принадлежности конского убора с надписью Аргишти. Из гробницы у поста Алишар (район Маку).
35. Взятие урартской крепости Арзашку и угои коней из страны Гилзан. Бронзовая обивка ворот. Балават. Британский музей.
36. Фрагменты бронзовых поясов со сценой охоты. Колдумбарий из Нор-Ареша (около Арин-берда).
37. Скелет коровы из помещения № 11. Кармир-блур.
38. Изображение быков на бронзовом щите с надписью Сардури II. Кармир-блур.
39. Бронзовая голова лошади (навершие дышла колесницы). Кармир-блур.
40. Бронзовые удила с надписью Менуа (помещение № 36). Кармир-блур.
41. Круглые бляхи конского убора. Кармир-блур.
42. Распоряжение Сардури III (?) об использовании людей и скота в виноградарски-винодельческих(?) работах. Кармир-блур (1949 г.).
43. Клубок шерстяных ниток, веретено и обрывки веревок из волокна травы. Кармир-блур.
44. Учетный документ о поставке продуктов скотоводства и ремесла—кож и шерстяных тканей. Кармир-блур. (1955 г.).
45. Приказ царя Сардури III о переделе земель. Кармир-блур (1956 г.).

### КАРТЫ

1. Схематическая карта. Земледельческие и садоводчески-виноградарские области Бианили-Урарту.
2. Схематическая карта. Бианили-Урарту и сопредельные страны. Скотоводческие области.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВИНХ — И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДН, 1951, № 2, 3, 4.
- АЭВ — Н. Я. Марр и Н. А. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, Петербург, 1922.
- ВДН — «Вестник древней истории».
- ГЛИМК (Труды) — «Труды Государственной Академии истории материальной культуры».
- ДАН-В — «Доклады Академии наук СССР», серия общественных наук.
- ЗВО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества».
- ИЛТДА — Г. А. Капанян. Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении, Ереван, 1940.
- ИФЖ — «Историко-филологический журнал Академии наук АрмССР».
- КНЗ — М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья, МАК-У, 1896.
- КСИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры».
- МАК — «Материалы по археологии Кавказа».
- СА — «Советская археология».
- УКН — Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи, Москва, 1960 (сер. ВДН, 1953, № 1—4, 1954, № 1).
- УПД — И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы, Москва—Ленинград, 1963.
- УПМГ — Г. В. Церетели. Урартские памятники музея Грузии, Тбилиси, 1939.
- ХЛА, ЭВ, VII — Н. В. Арутюнян. Хорхорская летопись Аргинги I (транскрипция и перевод), ЭВ, VII, 1953.
- ЭВ — «Эпиграфика Востока».
- АКА — E. A. Wallis Budge, L. W. King. Annals of the Kings of Assyria, vol. I, London, 1902.
- ARAB — D. D. Luckenbill, Ancient Records of Assyria and Babylonia, I—II, Chicago, 1926—1927.
- Armenien — C. F. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, I (Berlin, 1910), II, I (Berlin und Leipzig, 1926), II, 2 (Berlin und Leipzig, 1931).
- AS — „Anatolian Studies“.
- Bauer — Theo Bauer-München, Ein Ortsbericht Asarhaddons, „Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete“, N. F., VI (XL) Band, 3/4 Heft, Berlin und Leipzig, 1931.
- Bericht — C. F. Lehmann, Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belek und Dr. C. F. Lehmann 1898/99 ausgeführten Forschungsreise in Armenien, „Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin“, XXIX, 1900.
- CICl — Corpus Inscriptionum Chaldicarum, Berlin und Leipzig, I (1928), II (1935).
- HCS — F. Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon, Paris, 1912.
- ICU — J. Sandaljian, Les inscriptions cunéiformes urartiques, Venise, 1900.

- KAH — O. Schroeder, Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Band II, Leipzig, 1922.
- JRAS — „Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland“, vol. XIV, part 3, London, 1882.
- NHI — M. Tseretheli, Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu, Heidelberg, 1928.
- PAR — E. Forrer, Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, Leipzig, 1920.
- RA — „Revue der Assyriologie“.
- RCAE — L. Waterman, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, Ann Arbor, I—II (1930), III (1931), IV (1936).
- RKTP — P. Rost, Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III, Band I—II, Leipzig, 1893.
- RLA — Reallexikon der Assyriologie, I—II, Berlin und Leipzig, 1928—1938.
- SABT — E. Schrader, Sammlung von assyrischen und babylonischen Texten, „Keilschriftliche Bibliothek“, Berlin, I—II, 1889—1890.
- Scheil — V. Scheil, Annales de Tukulti Ninip II, roi d'Assyrie 889—884, „Bibliothèque de l'école des hautes études, Sciences philologiques et historiques“, CLXXVIII fascicule, Paris (VIe), 1909.
- SHA — G. Smith, History of Assurbanipal, London, 1871.
- SKA — S. A. Smith, Die Keilschrifttexte Asurbanipals, König von Assyrien, Leipzig, I—II (1887), III (1889).
- VBGA — „Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte“.
- WKS — H. Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, I, Leipzig, 1889.
- ZE — „Zeitschrift für Ethnologie“.

## О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ . . . . .	5
Глава I. ИРРИГАЦИЯ . . . . .	11
Природные условия . . . . .	—
1. Каналы для городов Тушиа-Русакхивил и Улаху . . . . .	16
2. Ирригация на южном и северном побережьях оз. Ван . . . . .	31
3. Ирригация в верхнем течении реки Арацани . . . . .	36
4. Ирригация Араратской равнины . . . . .	45
Глава II. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ . . . . .	53
1. Земледелие в бассейне озера Ван . . . . .	—
2. Земледелие в бассейнах озера Урмия и верхнего Тигра . . . . .	63
3. Земледелие в бассейнах Арацани и Аракса . . . . .	70
4. Земледелие Араратской равнины по материалам Тейшебани . . . . .	81
Глава III. САДОВОДСТВО И ВИНОГРАДАРСТВО . . . . .	102
1. Садоводство и виноградарство в бассейнах озера Ван и реки Арацани . . . . .	—
2. Садоводство и виноградарство в бассейнах озера Урмия и верхнего Тигра . . . . .	110
3. Садоводство и виноградарство на Араратской равнине . . . . .	117
Глава IV. СКОТОВОДСТВО . . . . .	139
1. Скотоводство восточных и юго-восточных областей . . . . .	141
2. Скотоводство южных и юго-западных областей . . . . .	156
3. Скотоводство западных и северо-западных областей . . . . .	167
4. Скотоводство северных и северо-восточных областей . . . . .	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ . . . . .	205
Указатель географических и этнических названий . . . . .	215
Список иллюстраций . . . . .	222
Список сокращений . . . . .	224



НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АРУТЮНЯН  
 ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО УРАРТУ

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
37	1 сн.	tni	tni
56	22 св.	DAN.NU <sup>MFS</sup>	DAN.NU <sup>MES</sup>
67	8—9 сн.	SADÜ Kaš-ia-ri	SADÜ Kaš-ia-ri
76	12 сн.	здест слово	здесь слова
107	17 св.	вина	вина <sup>23</sup>
110	8 св.	...Kog* (Коговит)	...Kog* (Կող Կոց)
152	5 сн.	atib	atibi
212	6 сн.	Далти эллинского	Далти эллинского
225	5 св.	fon Urartu	von Urartu

корректор Г. М. Аветисян

ВФ 06696. РИСО 861. Изд. № 2332. Заказ 158

Слано в набор 26.IV 1964 г. Подписано к печати

8/IX 1964 г. Формат бумаги 70 × 108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.

Печ. л. 11,25+2 вкл., уч.-изд. л. 17.2. Тираж 1000.

Цена с переплетом 1 р. 20 к.

Типография Издательства Академии наук АрмССР,  
 Ереван, ул. Барекамутян, 24.







ԳԱԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.



FL0480287

D. III  
16621